

Центральная Азия
на перекрестке
европейских и азиатских
политических интересов:
XVIII–XIX вв.

Сборник научных трудов
международного семинара

Алма-Ата,
19–23 августа 2019 г.

Москва

ОНТО
 ПРИНТ
СДЕЛАНО - СНАЗАНО

2019

Издание подготовлено и опубликовано за счет гранта
Российского научного фонда (проект №19-18-00162),
реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого

Рецензент:

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических
наук, профессор, заведующий кафедрой истории России
Оренбургского государственного педагогического университета

Ц38 **Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских
политических интересов: XVIII–XIX вв.** : Сборник научных
трудов международного семинара. Алма-Ата, 19–23 августа
2019 г. / [Под науч. ред. Д. В. Васильева]. – М. : Издательство
«ОнтоПринт», 2019. – 328 с.

ISBN 978-5-00121-213-3

В сборник научных трудов вошли материалы участников
международного семинара в рамках проекта РНФ «Центральная
Азия в международных отношениях XVIII–XIX вв.». В трудах
сборника освещаются планы Российской империи по освоению
Степи, их содержательная и практическая составляющие;
анализируются геополитические планы восточных и западных
стран в отношении Центральной Азии; рассматривается
взаимодействие и одновременно противостояние России, Китая,
Ирана в Центрально-Азиатском регионе.

Сборник адресован научным и педагогическим работникам,
аспирантам, студентам, а также всем интересующимся вопросами
международных отношений в Центральной Азии.

УДК 94(5) (063)
ББК 63.3(54)я43

ISBN 978-5-00121-213-3

© Васильев Д. В., сост., ред., 2019
© Авторы статей, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Российская империя в Центральной Азии: смыслы, планы и способы освоения Степи	7
<i>Массака И. (Торунь, Польша)</i> Между Европой и Азией: идея России-Евразии	7
<i>Shlapentokh D. V. (South Bend, USA)</i> Russian Expansion and Control in Central Asia: the Myth of Aryanism and Bartol'd Lagacy	15
<i>Дарбаев А. Д. (Нур-Султан, Казахстан)</i> Поход Перовского и его влияние на формирование восточной политики Российской империи	37
<i>Лысенко Ю. А. (Барнаул, Россия)</i> Актеры социально-экономической модернизации Центрально-Азиатского региона Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.)	40
<i>Удербаетва С. К., Сагатов А. М. (Алма-Ата, Казахстан)</i> Переосмысление роли ойратов в истории Центральной Азии нового времени в новейшей историографии	57
<i>Сулайманов Ж. М. (Ош, Киргизия)</i> Киргизские племена в XIX веке: между Россией и Кокандским ханством	64
<i>Котюкова Т. В. (Москва, Россия)</i> Политика «двойного игнорирования» в имперском дискурсе России в отношении кочевого населения Туркестана в конце XIX в. (специфика «мусульманского вопроса» и «православного ответа»)	78
<i>Избасарова Г. Б. (Актобе, Казахстан)</i> Институт аманатства (заложенчества) в дипломатической практике Российской империи, Джунгарского ханства и Цинского Китая в XVIII веке	98
<i>Почкаев Р. Ю. (Санкт-Петербург, Россия)</i> Правовые аспекты международных отношений в Центральной Азии XVIII–XIX вв.: проблемы и перспективы изучения	100

<i>Назаров Р. Р. (Ташкент, Узбекистан)</i> Казачи-мусульмане – евразийство на практике	108
Центральная Азия в геополитических планах Запада и Востока XIX столетия	125
<i>Храпунов Н. И. (Симферополь, Россия)</i> Через Крым – в Азию: проекты европейских интеллектуалов конца XVIII – начала XIX в.	125
<i>Бегалиев М. М. (Бишкек, Киргизия)</i> Туркестан в Российских геополитических теориях конца XIX – начала XX вв.	139
<i>Фофанова А. Р. (Москва, Россия)</i> США и русско-английское соперничество в Центральной Азии во второй половине XIX века	143
<i>Некрасов А. А. (Ярославль, Россия)</i> Англо-американская историография политики Российской империи в Центральной Азии	158
<i>Васильев А. Д. (Москва, Россия)</i> Османская империя и ее интересы в Центральной Азии: эволюция подходов и периодизация истории отношений с государствами Центрально-Азиатского региона	175
<i>Лисенков О. О. (Санкт-Петербург, Россия)</i> Политика Германской империи в Центральной Азии в XIX в.: к истории вопроса	189
<i>Ковальская С. И. (Нур-Султан, Казахстан)</i> Дипломатические институты в Центрально-Азиатском регионе в XVIII–XIX веках: к историографии вопроса	197
<i>Мухамедов Ш. Б. (Ташкент, Узбекистан)</i> Особенности дипломатических отношений Бухарского эмирата и Хивинского ханства с Российской империей (вторая половина XIX – начало XX в.)	212

**Китай, Россия, Иран: взаимодействие и противостояние
в Центральной Азии 229**

Данков А. Г. (Томск, Россия)

Большая игра в Центральной Азии в XIX в.
в контексте большой азиатской политики: место и роль Цинской
империи (историографический аспект) 229

Байдаров Е. У. (Алма-Ата, Казахстан)

Казахско-китайские отношения во второй половине
XVIII – первой половине XIX в.: исторический обзор 237

Тутаев И. В. (Санкт-Петербург, Россия)

Казус с признанием Губайдуллы Уалиханова в достоинстве хана:
историко-правовой анализ 252

Васильев А. Д. (Москва, Россия)

Джетишаар в системе международных отношений во второй
половине XIX в. 262

Асанова С. А. (Ташкент, Узбекистан)

Отдавать или не отдавать Кульджу? Общественно-политический
дискурс 70–80-х гг. XIX в. 274

Васильев Д. В. (Москва, Россия)

Цели и задачи Российской империи в Закаспийском крае при
создании новой системы управления 282

Васильев С. Д. (Санкт-Петербург, Россия)

Британское влияние на политику шахского правительства
в отношении туркменских племен. Превращение Ирана в театр
политического противостояния России и Великобритании 290

Гезалова Н. Р. (Баку, Азербайджан)

Англо-российское противостояние и планы Надир шаха Афшара
по созданию военно-морского флота на Каспийском море 300

Муллоджонов С. К. (Душанбе, Таджикистан)

Религиозный фактор и его влияние на ирано-среднеазиатские
отношения (XVIII–XIX вв.) 315

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СМЫСЛЫ, ПЛАНЫ И СПОСОБЫ ОСВОЕНИЯ СТЕПИ

И. Массака

(Университет Никола Коперника, Торунь)

МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И АЗИЕЙ. ИДЕЯ РОССИИ-ЕВРАЗИИ

Аннотация: В статье анализируется (в исторической ретроспективе и проблемном контексте) идеология евразийства как географического, культурного и геополитического концепта, а также как идеология, которая, в процессе эволюции с 1921 года, пережила свое возрождение после распада СССР, и ее основные идеи звучат в программах российских правых политических движений. Обращается внимание на идейный и политический потенциал классического евразийства, который используется в современных националистических теориях (как историсофского, так геополитического характера) об идентичности России и российского народа и направлении вектора развития Российской Федерации в сторону укрепления традиционных ценностей (азиатских, внесенных в русскую культуру степными народами) в общественной и политической сфере. Неоевразийский подход, в более или менее измененном виде, наблюдается в стратегии отношений РФ и ЕС, в поисках надежных союзников России на востоке или в поисках «третьей дороги» между западом и востоком, а также в попытках осуществления реинтеграции в рамках ЕврАзЭС.

Ключевые слова: евразийство, Россия-Евразия, Азия, национализм, антиокцидентализм

Во многих российских интеллектуальных и идеологических движениях наблюдается восприятие российской нации, государства, общества и культуры как отдельного, самобытного субъекта, противопоставленного остальному миру, с которым Россия вступала в те или иные контакты. Этим миром, чаще всего, является Европа, поскольку у нею с Россией общие цивилизационные корни, так как основы русской и европейской культуры – христианские. Среди наиболее ярких русских националистических концепций XIX века: славянофильской (А. Хомяков, И. Киреевский, И. и К. Аксаковы), почвеннической (А. Григорьев, Н. Страхов, Ф. Достоевский) и панславистической (Н. Данилевский) выделяется идеология евразийцев.

Евразийство как культурологическая, географическо-историческая концепция и идеология сформировалось в 1921 году в Софии, в среде русских эмигрантов. После гражданской войны вопрос дальнейшей судьбы России, как один из самых волнующих, вызывал в эмиграции бесконечные споры. Его участники разделились на два больших лагеря – монархистов и либеральных демократов – и один поменьше, который, как вскоре оказалось, дал начало мощному движению. В нем объединились евразийцы.

Монархисты мечтали о том, что революция 1917 г. – лишь страшный сон, который вскоре закончится. Демократы и либералы виновными в революционных событиях считали консервативную монархическую элиту. Немногочисленные в то время евразийцы пытались понять исторические

причины революции¹. Они пришли к новым, «парадоксальным», по мнению Н. Гумилева², выводам насчет геополитики, экономики и культуры России, в чем совсем разошлись с монархистами и либеральными демократами. Евразийцы заново поставили «национальный вопрос», в рамках которого не только определялись важнейшие идентификационные маркеры, но и перспективы развития России. Тем самым они создали новую школу в теории русской культуры и новое направление российской политической мысли.

Основателями и наиболее активными участниками евразийского движения были лингвист, этнограф и философ М. Трубецкой (1890–1938), географ и экономист П. Савицкий (1895–1968), православный теолог Г. Флоровский (1893–1979), философ и музыковед П. Сувчинский (1882–1985), философ и медиевист Л. Карсавин (1882–1952), историк Г. Вернадский (1887–1973), бывший министр внутренних дел Российской империи Д. Святополк-Мирский (1880–1939), философ и богослов В. Ильин (1890–1974), философ и юрист Николай Алексеев (1879–1964), а также публицист и литератор, офицер Белой армии С. Эфрон (1893–1941). Этот список далеко не полный – в дискуссиях и работах евразийцев эмиграционного периода принимали участие многие другие ученые и деятели³. Евразийские идеи, несмотря на их спорный характер, быстро находили своих сторонников. С 1921 по 1924 г. центрами евразийства были уже не только София, но и Прага, Берлин, Париж. После 1925 года евразийские теории стали известными также в Белграде, Брукселе, Варшаве и Харбине. Их эхо достигло даже Великобритании и США.

Периодизация – от классического евразийства к неоевразийству

Первые пять лет существования евразийства С. Ключников определил как «набор мысли»⁴. В то время каждый, у кого было желание, мог дополнить евразийские утверждения своими взглядами – главное, чтоб они были патриотическими и антизападными. Статьи, публиковавшиеся в сборниках «Исход к востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (1921), «На путях» (1922), «Россия и латинство» (1923), «Евразийский временник» (1923), а также в «Евразийской хронике» (с 1925 по 1939 г в Праге и Париже вышло 13 томов), свидетельствуют об огромном интеллектуальном и политическом потенциале евразийской программы⁵.

В 1925 году начался период внутренних конфликтов и политизация движения. Непосредственной причиной его дезинтеграции стало установ-

¹ Paradowski R. Idea Rosji-Eurazji i naukowy nacjonalizm Lwa Gumilowa. Próba rekonstrukcji ideologii eurazjatyizmu. Warszawa: Szkoła Główna Handlowa, 1996. С. 31.

² Гумилев Л. Н. Заметки последнего евразийца // Наше наследие. 1991. № 3. С. 20.

³ Полный список авторов, публикующихся в евразийских издательствах, предлагают Троянов А. и Вильданова П, Библиография евразийства // Начала. 1992. № 4. С. 103–112.

⁴ Ключников С. Русский узел евразийства // Наш современник. 1992. № 3. С. 177.

⁵ Хоружий С. Карсавин, Евразийство и ВКП // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 78.

ление советской властью контроля над деятельностью евразийцев при помощи агентов ГПУ и организации «Трест»¹. В 1928 году, по инициативе Карсавина, Сувчинского, Святополк-Мирского и Эфрона в Париже вышел в свет первый номер газеты «Евразия», идейно нацеленной на сближение с большевиками. Это было апогеем «конфликтного» периода. Трубецкой – лидер евразийского движения – отказался от дальнейшего сотрудничества с евразийцами, а вместе с ним – Алексеев, Савицкий, Сувчинский и Ильин. Окончательный распад классического евразийства произошел недалеко Парижа, в городке Клармар, поэтому носит название клармарского раскола, в результате которого впоследствии евразийство разъединилось на левое, пробольшевистское, и «чистое», категорично отказывающее в какой-либо поддержке большевикам. Благодаря стараниям Савицкого евразийцы публиковали свои статьи до 1938 года, потом их теории стали малоизвестными, или просто о них в СССР умалчивали. Они ушли в идейный запас, в котором пребывали до 1991 года. После распада СССР теорию евразийства стали использовать российские националисты, для многих из них евразийская идеология стала альтернативой коммунизму. В 90-е годы наиболее активными популяризаторами евразийства (а точнее неоевразийства, поскольку высказывания современных сторонников евразийства выходят далеко за рамки классической доктрины) были историк и этнограф Лев Гумилев и экстравагантный геополитик и философ Александр Дугин.

Евразийство является своего рода концептуальным набором для тех российских политических движений, которые провозглашают возвращение к традиции, понимаемое либо в категориях религиозных (православный фундаментализм), либо в коммунитарных (национал-большевизм). Неоевразийская историософия и «географософия»² сохраняют свой идейный потенциал и до сих пор занимают важное место в попытках определения идентичности России и ее места в отношении к Европе и к Азии. Идеи, являющиеся ядром классического евразийства, которые в более или менее измененном виде четко звучат в высказываниях неоевразийцев, могут способствовать преодолению российских комплексов и повышению эффективности интеграционных процессов в рамках ЕврАзЭС.

Евразийская историософия 20–30 годов, даже после 1928 года, когда в ней появились разногласия и она превратилась в нечто вроде политической программы, была относительно однородная и единая как в мериторическом, так и формальном плане (стиль высказываний, используемые понятия). Враг Евразии был четко определен, в текстах классических евразийцев он один и тот же: Запад, романо-германская цивилизация, ла-

¹ Соболев А. Своя своих не познаша. Евразийство: Л. П. Карсавин и другие // Начала. 1992. № 4. С. 51; Bäcker R. Dzieje eurazjatyizmu, Ewolucja eurazjatyizmu, od futurystycznego postsłowianofilstwa do «nacjonalistycznego» totalitaryzmu // Grzybowski S (ред.). Między Europą a Azją. Idea Rosji-Eurazji. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1998. С. 37.

² Lazari A. O dobrym samopoczuciu eurazjaty // Res Publica Nowa. 1997. № 5. С. 66.

тинизм. Неоевразийцы не говорят одним голосом, хотя – как наследникам классических евразийцев – всем им присущи антиокцидентализм, империализм и мечта о благополучных условиях для развития и распространения евразийской культуры. У каждого из неоевразийцев уже не одна, а несколько теорий, в которых евразийские тезисы иногда трудно узнать из-за постмодернистической стилистики. Названный в 20-е годы враг не поменялся, но, по мнению неоевразийцев, угрожает уже не только со стороны Европы, и не придерживается больше одной идеологической программы. Врагом назван не только Запад с его латинизмом и гиперрационализмом, но и США, при поддержке Запада активно распространяющие мондиализм.

От мировоззрения к идеологии

Классическое евразийство формировалось как мировоззрение, что подчеркивали Савицкий¹ и Трубецкой². Мировоззрение, как правило, складывается из убеждений, нередко противоречивых, нелогичных и неустойчивых. Когда их можно определить и связать какой-либо общей мыслью, мы имеем дело с мировоззренческой системой. Если все ее элементы достаточно тесно связаны друг с другом, а в качестве предпосылки выступает догматическое понимание прав природы и исторического процесса, причем объявлена безальтернативная политическая программа³, мировоззренческая система превращается в идеологию. Мировоззрение евразийцев с момента возникновения до сих пор эволюционирует, стремясь укрепиться в форме мировоззренческой системы. Можно в нем выделить три основных вопроса: 1) идею евразийской империи; 2) концепцию евразийской культуры; 2) отношение к Западу и западной культуре.

Поскольку евразийцы определили экономические, социальные и политические цели, выражая желание поменять общественный и политический строй в России-Евразии, их взгляды могут рассматриваться как идеология, а точнее как один из видов национализма, на что обращал внимание Трубецкой⁴. Евразийцы, провозглашая свойственный миссионизм⁵, ставят перед собой две основных цели: 1) образовать на территории Евразии сверхэтническое православное общество с его уникальным культурным миром; 2) распространить православие и другие евразийские ценности на Западе (понимаемом в геополитических категориях).

Нетипичность евразийства как националистической идеологии заключается в том, что оно выходит за пределы свойственного старому рус-

¹ Савицкий П. Евразийство // Евразийский временник, 1992. т. 4. Берлин. С. 5.

² Соболев А. Там же. С. 51.

³ Arendt H. Korzenie totalitaryzmu. Warszawa: Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne, 2008. Т. 2. С. 233–235.

⁴ Трубецкой Н. Общеевразийский национализм // Мир России- Евразия. Антология. М.: Высшая школа, 1995. С. 197.

⁵ Massaka I. Z historii rosyjskiego misjonizmu. Eurazjatyzm. Wrocław: Funna, 2001. С. 13; Назаров М. Миссия русской эмиграции. Т. 1. М.: Родник, 1994. С. 7.

скому национализму, русского, а в лучшем случае, славянского горизонта. Характерно, что некоторая неоднозначность этой доктрины (именно как националистической), связанная с широтой интеллектуальных интересов ее создателей, свидетельствует, скорее, о его силе, чем о слабости. Именно эта особенность обуславливает то, что оно может стать общим идеологическим знаменем для российских правых политических движений¹.

Идея России-Евразии

В центре евразийских убеждений заложена мысль, что Россия не принадлежит ни Европе, ни Азии, образуя отдельный континент – Евразию. Об интегральности территории Евразии свидетельствуют, по их мнению, географические, археологические, исторические, культурные, антропологические и экономические факты. Карсавин на фундаменте метафизики пытался доказывать, что в Евразии реализуется особая мистическая соборность². Евразийцы, вопреки В. Татищеву³, подчеркивают целостный характер Евразии, отсутствие в ней внутренних границ. Для них вся территория Евразии разделяет Запад и Восток. Одновременно можно ее считать мостом, по которому азиатские и евразийские ценности должны переходить на Запад и там усваиваться. Концепция евразийцев весьма противоречивая: миссионерские лозунги декларируются вместе с изоляционистическими.

П. Савицкий писал, что элементы культуры европейской и азиатской соединились в ней до той степени, что невозможно их разделить в «самобытной и оригинальной евразийской культуре»⁴. Доказывал, что она формировалась под влиянием трех культур: восточной (прежде всего татарско-монгольской в XIII–XIV веке), западной (XIV–XVIII) и южной-византийской (особенно с X по XIII век). Прежде чем евразийская культура укрепилась в России, она впитала в себя культурные достижения Палестины, Сирии, Армении, Персии и некоторых районов Африки⁵.

Когда евразийцы говорят о Европе, они имеют в виду только ее западную часть. Азия для них – это, прежде всего, юг и восток Азии: Индия, Китай, Восточная Сибирь, Иран и Кавказ. Евразией называют территорию, расположенную на трех равнинах: восточноевропейской (иначе: «беломорско-кавказской»), западносибирской и туркменской степи. Главным среди равноправных, как подчеркивают, народов Евразии, считают русский

¹ Paradowski R. Указ. соч. С. 223.

² Карсавин Л. Церковь, личность и государство // Малые сочинения. СПб.: Алетейя, 1994. С. 424.

³ Евразийцы не разделяли мнения Татищева о натуральной границы между Европой и Азией проходящей на Урале. См: Татищев В. Русский лексикон географическо-историческо-политический // Избранные произведения. Л.: Наука – ленинградское отделение, 1979. С. 271.

⁴ Савицкий П. Р. Евразийство // Евразийский временник. «Евразийское книгоиздательство». Кн 4. Берлин 1925. С. 167.

⁵ Савицкий П. Там же. С. 87.

народ. Ему отводят ведущую роль в Евразии. В. Ильин назвал Россию ее «солнцем», вокруг которого концентрируются Европа, передняя Азия, Иран, Индия, Индокитай, Китай и Япония. Россия – «осевой цилиндр» – функционирует, не без трений, в качестве объединяющего начала¹.

Россия и Азия. Концепция евразийской культуры

Обоснования для тезиса о самобытности русского пути евразийцы искали в монгольских корнях русского государства и русской культуры. В противоположность прежним экспонентам «русской идеи», которые, при всех различиях между левыми и правыми, разделяли убеждение о европейском положении России, евразийцы считали, что Россия – прежде всего Азия. Наиболее сильные аргументы в пользу своей точки зрения на характер российского народа и российского государства находили в этнолингвистических и этнопсихологических данных. Эти аргументы концентрируются вокруг туранского элемента, содержащегося в русской культуре.

Н. Трубецкой в программном труде «О туранском элементе в русской культуре»² к туранским причислил угро-финские народы (эстонцев, карелов, финнов, мордвинов, черемисов, зырян, венгров, вогулов, остяков и др.), тюркские народы (турков-османов, крымских, азербайджанских и тобольских татар, башкир, киргизов, туркменов, узбеков, якутов, алтайцев, чувашей, хазар, болгар, половцев, уйгуров и др), самоедов и монгольские народы (в России – калмыков и бурятов, а за ее пределами – собственно монголов), а также маньчжуров. Он утверждал, что под влиянием туранских народов на территории Евразии образовался единый туранский психологический тип, и именно он является основополагающим элементом «русской души». Менталитет туранца, а значит также россиянина, отвергает всякое несоответствие между тем, что реальное и тем, что идеальное. Не принимает тем самым идеи, позаимствованные из чужого, прежде всего, из европейского культурного пространства. Таким образом оберегает целостность системы, состоящей из государственной идеологии, материальной культуры, искусства и религии³.

Трубецкой, характеризуя русский менталитет, подчеркивает, что он сформировался на фундаменте туранской культуры. В. Никитин видит в нем как туранское, так и иранское наследие. По его мнению, русская культура пропитана также духом и мыслью иранцев, которые принадлежали первым степным народам⁴.

Евразийцы сформулировали категорический тезис: Московское государство возникло благодаря татарскому игу; русский царь был наследником монгольского хана; татарского хана заменил царь православный и

¹ Ильин В. Евразийство // Ступени. Философский журнал. 1992. № 2. С. 71.

² Трубецкой Н. О туранском элементе в русской культуре // Евразийский временник. Берлин 1925. Кн 4. С. 351–377.

³ Paradowski R. Указ. соч. С. 226.

⁴ Никитин В. Иран, Туран и Россия // Евразийский временник. «Евразийское книгоиздательство», Париж, 1927. С. 75.

впоследствии ханская ставка была перенесена в Москву; российская государственность происходит от татарской. В связи с этим евразийцы межвоенного периода, а после них Гумилев и Дугин подчеркивали, что настоящий процесс собирания русских земель произошел только тогда, когда московские цари начали собирать земли западного улуса великого государства монголов. Москва стала крупным государством только после завоевания Казани, Астрахани и Сибири¹. Данный тезис стоит во главе евразийского кочевниковедения (по определению Ильина), попытки доказать значительную историко-геополитическую роль «номадов» с их динамизмом и цивилизационными достижениями.

Россия и Европа

Евразийство является ответом на европоцентризм и не совсем удачные попытки укрепления в России западной системы ценностей и внедрения модернизации в экономической и общественной сфере по западному образцу. Оно пропитано чувством обиды по поводу непризнания Европой и США достаточно важного места России в глобальной геополитической иерархии. Поиски культурных корней и новых союзников России-Евразии привели евразийцев к выводам о цивилизационном преимуществе востока над западом и постулату выхода на «третью дорогу». В этом плане евразийство вписывается в мировой процесс возрождения неевропейских культур.

Европа, как в учении Трубецкого и других «классиков», так и у их современных наследников, выступает как враг России-Евразии по нескольким причинам. Во-первых, она, в политическом и социальном плане строится на индивидуализме. Идеалы и ценности, свойственные коллективизму, не занимают достаточно важного места в политической и общественной системе. В западной культуре преобладают ценности, связанные с либерализмом и демократизмом в условиях строгого формального правопорядка. Во-вторых, европейский взгляд на мировую историю и эволюцию отдельных территорий, народов и культур приводит к делению их на развитые, догоняющие и отсталые, причем все они оцениваются с европоцентрических позиций. Евразийцы борются с европоцентризмом из-за потребности доказать, что Россию несправедливо упрекают в отсталости. Наконец, в-третьих, либерализм, демократия и парламентаризм западного типа не соответствуют исторически обоснованному пути развития многих неевропейских территорий и культур. Попытки их заимствования обречены на неудачу и вредны, примером этого, в евразийской перспективе, является Россия петровского периода.

Идеологическая и культурная ценность евразийского учения заключается в обосновании новой тождественности населяющего Россию суперэтноса², поликультурализма, утверждении равенства вероисповеданий и

¹ Paradowski R. Указ.соч. С. 226–227.

² Термин «суперэтнос» является ключевым в творчестве Льва Гумилева. Сформировав

гордости за свою евразийскую принадлежность, переопределения позиции России в глобальной системе, влиянии на выбор союзников в международных отношениях. Неоевразийство постепенно отказалось от дискурса о способах конструирования империи, его заменили размышления о рационализации геостратегии, с помощью которой Россия сможет укрепить свой статус великой державы.

Список источников и литературы

1. Гумилев Л. Заметки последнего евразийца // Наше наследие. 1991. № 3. С. 19–26.
2. Гумилев Л. Этносы и аниэтносы // Звезда. 1990. № 1. С. 134–149.
3. Карсавин Л. Церковь, личность и государство // Малые сочинения. Санкт-Петербург: Алетейя. 1994. 553 с.
4. Ключников С. Русский узел евразийства // Наш современник. 1992. № 3. С. 174–180.
5. Назаров М. Миссия русской эмиграции. М.: Родник, 1994. 416 с.
6. Никитин В. Иран, Туран и Россия // Евразийский временник. Непериод. изд. Кн. 5. Париж: Евразийское книгоиздательство, 1927. С. 197–236.
7. Савицкий П. Евразийство // Евразийский временник. Непериод. изд. Кн. 4. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1925. С. 5–23.
8. Соболев А. Своя своих не познаша. Евразийство: Л. П. Карсавин и другие // Начала. 1992. № 4. С. 49–58.
9. Татищев В. Русский лексикон географическо-историческо-политический // Избранные произведения. Ленинград: Наука – ленинградское отделение. 1979. С. 465.
10. Троянов А., Вильданова П. Библиография евразийства // Начала. 1992. № 4. С. 103–112.
11. Трубецкой Н. Общевевразийский национализм // Мир России-Евразия. Антология. М.: Высшая школа. 1995. С. 399.
12. Хоружий С. Карсавин. Евразийство и ВКП // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 78–84.
13. Arendt H. Korzenie totalitaryzmu. Warszawa: Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne, 1993, t. 2. 179 с.
14. Bäcker R. Dzieje eurazjatyizmu. Ewolucja eurazjatyizmu, od futurystycznego postsłowianofilstwa do «nacjonalistycznego» totalitaryzmu // Grzybowski S. (red.), Między Europą a Azją. Idea Rosji-Eurazji. Toruń.: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1998. 136 с.
15. Lazań A. O dobrym samopoczuciu eurazjaty. Res publica Nowa. 1997. № 5. С. 66–68.
16. Massaka I. Z historii rosyjskiego misjonizmu. Eurazjatyizm. Wrocław: Funna, 2001. 236 с.
17. Paradowski R. Idea Rosji-Eurazji i naukowy nacjonalizm Lwa Gumilowa. Próba rekonstrukcji ideologii eurazjatyizmu. Warszawa: Szkoła Główna Handlowa. 1996. 236 с.

убеждение о превосходстве русского суперэноса над романогерманским, он обновил славянофильский тезис о загнивании Европы. Гумилев Л. Этносы и аниэтносы // Звезда. 1990. № 1. С. 121.

**RUSSIAN EXPANSION AND CONTROL IN CENTRAL ASIA:
THE MYTH OF ARYANISM AND BARTOL'D
LAGACY**

Abstract: Russia's conquest of Central Asia was not an isolated phenomenon. The end of the 19th century was the last round of European colonial expansion. It was the time when Africa was partitioned and European control was solidified on the Asian mainland. In all of these cases, ideological justifications were employed. Some were framed in a Kiplingian context. Here, civilized Europeans brought the light of civilization to "ungrateful children" – the conquered natives. The line was justification, related to the first, but still not completely identical to the first. These justifications were clearly connected to the prevailing Social-Darwinism, which divided people into several "races." The division was not limited to people with different skin color, but even people with the same skin color. Even here, Social-Darwinists find "superior" and "inferior" races. "Superior" races were called "Aryans" and were implicitly connected with Indo-Europeans; at least, this idea was elaborated upon by Gobineau and Chamberlain, the fathers of European racism. This philosophical outlook created the framework for European colonial expansion and inter-European rivalries. This ideology also affected Russia, as the Russian elite professed and employed several doctrines, depending on geopolitical context and the elite's interests. While claiming control over the Balkans, with its predominantly Slavic and Orthodox population, Russian elite emphasized the notion that Russia is a Slavic country, with its uniquely Orthodox makeup. In this case, Russia juxtaposed itself to the West. At the same time, when Russian elite turned to the East, it presented itself in quite a different light. Here, they presented Russians as European civilizers of savages. In addition, the justification has been also implicitly reinforced by the notion that, like other European nations, Russians are Indo-Europeans, "Aryans." This theory was also reinforced by historical arguments. It was stated, in the context of this theory, that Indo-Europeans were the truly autochthonous people of Central Asia, who were later replaced by the inferior Turkic folk. Bartol'd, the well-known Russian orientalist, who started his scholarly career in the late 19th century, had developed the theory of Indo-European, or Aryan, autochthonism in Central Asia, implicitly accepted not just by the Czarist government. Indeed, in the context of this theory, the Russian conquest of Central Asia was nothing but a returning of the area to its historical owners – the Indo-European Russians. Bartol'd's theory was implicitly accepted during Soviet rule and, after the collapse of the USSR, reemerged as the ideological framework for Tadjik ideologists, mostly in their dealings with the nearby Uzbeks.

Keywords: Central Asia, Bartold', Aryanism, Iran, Indo-Europeans, colonialism.

Ideology, i. e., a set of commonly held beliefs, norms and myths, is essential for the functioning of any society. It is essential for socialization of the majority and the sense of belonging to this or that social group. Ideology is also essential for the elite. It helps the elite to control the masses and justifies its foreign policy exploits. The ideology of foreign conquests is certainly pragmatic in its practical implications. Still, it should, if possible, have certain justifications. The latter should have the trappings of objectivity and appeal to science. This was the

case with the Russian elite which, following the European model, engaged in a round of imperial expansion at the end of the 19th century, mostly in Central Asia.

Official ideology and conquest of Central Asia

While dealing with explanatory models, and ideological constructions in general, one should remember that ideology of both the masses and the elite are contradictory. The contradiction of the ideological construction of the elite is often due to the very fact that the ruling classes deal with different problems, and these require the deployment of different ideological constructions. They could be related to each other; they could have no connections with each other, or just be connected to each other in indirect ways. This was, for example, the case with the Russian 19th century elite and its ideological constructions, including those which were related to Russia's conquest of Central Asia. The predominant official Slavophilism/neo-Slavophilism seemed to separate Russia from the West and to emphasize Russia's uniqueness. Still, the difference was not absolute and, in many ways, Slavophilism/neo-Slavophilism connected with current ideological trends in the West. As a matter of fact, while emphasizing tsardom's cultural uniqueness in justifying its resistance to political changes, the tsarist regime's ideologists often followed Europeans in justifying their colonial expansion. The quest for the conquest of Central Asia, for example, was justified in the same way as Europe's conquest of Asian and African people. In this context, Russians were Indo-European people who had a legitimate right to dominate Central Asia. It was the place where Indo-Europeans had dominated in the past. Moreover, in some of these narratives, Central Asia had become the place of origin of Indo-Europeans. Consequently, Russians simply took over their ancient patrimony and civilized the racially and culturally underdeveloped, mostly Turkic, natives. In justifying this policy and deploying appropriate ideology, the imperial bureaucracy used the findings of Russian academics, even if they were hardly openly proponents of imperial expansion and, even less, racial theories which justified domination of one race or ethnicity over another. This was the case for academician Bartol'd, one of the most well-known Russian Orientalists.

Neo-Slavophilism and Westernism in the Russian elite's approach to foreign policy

While each segment of official ideology could be independent from each other and deployed depending on the circumstances, they are usually related to what could be called internal consumption, i. e., ideological justification for the regime's existence. Slavophilism/neo-Slavophilism seems to be the most appropriate for these goals. It emphasizes the importance of autocracy as essential for Russia's survival; it was seen as the most essential aspect of Russian political culture, and this was what made Russia so different from the West. And it was the emphasis on the essential aspect of autocracy which usually made Slavophiles different from Westernizers. As a matter of fact, the juxtaposition between Slavophiles and Westernizers, the other leading trend in 19th century thought, is widely accepted in the West. Still, a closer look at Slavophilism reveals its connection with European intellectual trends, and its implicit connection with con-

servative Westernism in many areas.

While dealing with the internal ideology of the tsarist regime, observers, especially Western observers, often emphasized the predominant role of neo-Slavophilism and implicitly the Russian elite's alienation from the West, taking the term holistically. It is the reason why they pay such attention to such people as Nikolai Danilevsky, Konstantin Leont'ev, and similar individuals who published their treatises in the late 19th century. All of them reinforce the vision of Russia not only as an intrinsically authoritarian, anti-Western empire, but also implied that the Russian elite had been convinced that Russia indeed had nothing to do with the West. Needless to say, this image provided a smooth explanation for the transition from pre-revolutionary Russia to Soviet Russia, and later to Putin's Russia. This theory also provided the explanatory framework for musing about Russia's relationship with the Orient. And here, Russia, with its autocratic makeup, was closer to Asia, and this implied that Russia should be closer to Asian countries than to the West. This theory is one-sided and usually simply follows, either directly or indirectly, the incentives of the political environment. Still, a closer look at the Russian elite's domestic and foreign policies' ideology would indicate that the Russian elite's nationalist constructions, most notably Slavophilism and neo-Slavophilism, were not only informed by the West but could be well-placed in the context of prevailing Western paradigms.

To start with, classical early 19th century Slavophilism had emerged in the wake of pan-European Romantic reaction, which discarded the universalism of the Enlightenment, and emphasized the peculiar national destiny and specific internal cultural and political framework of each nation. Later (late 19th and early 20th centuries) European intellectual development is also essential for understanding the Russian elite and society views. And a close look indicates that it was often shaped by the West, even when Russian intellectuals presumably emphasized Russia's specificity and/or the country's predisposition to Asia.

The late 19th century, as all other periods of global history, was full of contradiction. On one hand, the democratic traditions of the Enlightenment continued to develop and spread. Women, for example, had been increasingly granted voting rights in the West. There were trends which seemed to increase the interaction between Western countries, connected now by webs of railroads. The slowly-spreading social security net and general improvement in the lives of workers seemed to decrease the tensions between European upper and lower classes. On the other hand, an opposite process took place. This was especially clear in the approach to non-European people, and this was clearly related to a renewed European expansion. It is true that Europeans had engaged in colonial expansion since the 16th century. Still, it received a new and stronger impetus by the end of the 19th century. It was a time of solidification of Europeans' Asian colonization and partition of Africa. The renewed sense of racial superiority went along with an increasing sense of national superiority and rebuilding the national myth which emphasized the difference between Europeans and non-Europeans, and also differences between European countries. Different from its early 19th

century version, it had increasingly aggressive overtones, which could be seen in Europeans' renewed interest in the Roman empire and the restoration of the Napoleonic myth in France. European self-assertiveness in regard to one another, and belief in each nation's destiny coincided with despising darker-skinned, conquered people, especially in Africa, and implicit authoritarian proclivities among considerable segments of the elite. Thus, Russian neo-Slavophilism of the late 19th century was not very much out of step with the general European trend. It put its specific fig leaf on geopolitical pragmatism in the same way as had been done by all major European powers with strong imperial propensities – all of them emphasized their “destiny” and “duty,” especially to non-Europeans. One could state, therefore, that late 19th century Russian neo-Slavophilism was a peculiar variation on Westernism, the general European trend.

Or, to put it another way, the Russian elite, even those members who emphasized Slavophilism or neo-Slavophilism, had a different approach to the East and West. While approaching the West, they could emphasize Russia's specificity, the complexity of Russian culture – incomprehensible for Westerners' “Euclidean minds,” as Feodor Dostoevsky put it – and Russia's cultural/moral wholesomeness in comparison to the “rotten West.” Still, when the same intellectuals turned to Asia, they saw it in the context of Westerners. In this narrative, Russians were Christian Orthodox, and a civilized nation, superior to Asians in all aspects, including racially. Here, Slavophiles were not very different from conservative and even liberal Westernizers, who increasingly dominated the intellectual discourse as the century moved toward its end. One might add here that the Russian elite's affiliation with the West became more and more pronounced, especially after the experience of the 1905 Revolution. At that time, most Russian intellectuals, especially those with liberal and radical political leanings, saw Russia as absolutely similar to the West, and regarded the Western model as universally applicable. Russian elite, in the broad meaning of the word, following the Western intellectual model, could be seen even in the alleged Russian “Eurasianism.”

Russian “Eurasianism” as a form of Westernism

“Eurasianism” as a political doctrine had emerged among Russian émigrés in the 1920s. Already in its incipient stage, Eurasianism had a variety of manifestations and, as one of its proponents noted, there are as many “Eurasianism”s as Eurasianists. With all its modifications, Eurasianism has a clear core: it implies that Russia is not a traditional European empire, with a sharp difference between the ruler and those ruled, but a peculiar family, in which all ethnic groups exist in happy “symbiosis,” creating a peculiar quasi-nation. Turks and Slavs were the core. Eurasianism was virtually unknown in the USSR until the very end of the USSR, and exceptions such as Lev Gumilev, were few. The interest in Eurasianism and its distinct Turkophilia flared anew at the very end of the USSR, and in the beginning of the post-Soviet era. It was caused by increasing nostalgia for a disappeared/disappearing empire and clear alienation from so-recently “brotherly” Slavs. Slowly, interest in Eurasianism peaked in the West.

Here, it addressed several needs of both Western academia and society. Eurasianist interest in minorities fit perfectly into well-developed – and one might state quite profitable from a career perspective – interest in minorities and the importance of minorities for society. For the general public, Eurasianism emerged as a convenient explanation for Russia’s increasing alienation from the USA and convoluted relationship with Europe. The process corresponded with flirtation with Iran, Turkey, or China, or with all of them. Those predisposed to Asia, at least from a geopolitical point of view, induced historians to telescope these views into the past. Here they found Russian poets of fin-de-siècle fascination with Asian nomads as destructive revolutionary forces and/or fear of internal “Asians” as could be seen in Andrei Belyi’s *St. Petersburg*. Here the “Asiatized” revolutionaries and implicitly lower classes were ready to destroy the civilized elite in revolutionary outrage. It is true that all of these images could be placed retrospectively, of course, in the context of early Soviet “Eurasianism,” when the regime, heavily relying on minorities, who often played the role of peculiar Janissaries, was separated from Europe as never before. Still, in the late 19th and early 20th centuries, these images could well be placed in the context of European intellectual discourse. In this context, non-Europeans were not just savages who could only be subdued by Western might, but were also dangerous forces who could wreck Western civilization from within. In this capacity they were both outsiders and insiders, and were often related with the lower classes, seen in this context as not just degenerate subhumans, similar to natives of Asia and especially Africa, but also dangerous to the elite. It was the European elite which became biologically superior to the lower classes. And it was at this point that racism, with its emphasis on the wholesome nature of Indo-Europeanism/Aryanism, was born. These ideas were launched by Arthur de Gobineau (1816–1882) who, terrified by the 1848 Revolution, came to the conclusion that true Aryans, or true Indo-Europeans, are only members of the upper classes, mostly aristocrats. The lower classes have “polluted” bloodlines, and could not be regarded as full-fledged Aryans/Indo-Europeans. Later it was reinforced by the popularity of Social-Darwinism and various similar intellectual trends, as was manifested by Houston Stewart Chamberlain (1855–1927), one of the fathers of 20th century racism. While in some racist narratives all Europeans were wholesome Indo-European Aryans, in others it was only the refined elite who were Aryans, whereas the masses were not. In some cases, they evolved into non-humans. This image of the masses of subhumans and potentially destructive forces was widespread in all kinds of narratives. For French historian Hippolyte Taine (1828–1893), the Paris Commune uprising inspired him to look at the French Revolution not as a liberating force – the prevailing view in French historiography – but horrible outrage. It was an uprising of the masses, “lustful gorillas”, as Taine put it, against the refined elite. In H. G. Wells’ *The Time Machine*, the time traveler was brought to an era in which effeminate, intelligent Elois are literally consumed by ugly Morlocks, representing the lower classes, which have become a separate species in the course of time. This idea crept into even paintings. In Van Gogh’s picture

“The Potato Eaters”, lower classes emerge as primitive creatures, not far from farm animals. In some of his other pictures, the primitiveness of French peasants have made them, in a way, sexless people; and the coarse face of the young French woman makes her not very different from a male peasant. All of the lower classes were peculiar “Asiatic”/subhumans in the midst of Indo-European/Aryan Europe. Consequently, Russian pre-revolutionary “Eurasianism” was in many ways the manifestation of a general European trend. The same could be said about the late 19th century neo-Slavophilism, the proponents of which took a lot of ideological feedback from the West, even when they supposedly juxtaposed Russia from the West. Their interest in Aryanism/Indo-Europeanism was also inspired by the West and, as was the case with the West, provided the framework for justification of a certain pragmatic goal, the conquest of Central Asia in our case.

In search of Aryans

The idea of Aryanism/Indo-Europeanism had possibly germinated in the minds of European scientists since the time of the Renaissance, and was connected with the attempt to find the place of origin of the European languages. Since the 16th century, European scholars noted possible connections between Sanskrit and European languages¹.

By the 18th century, the interest in Aryans/Indo-Europeans was stimulated by increasing evidence of the connection between Sanskrit and European languages; it implied that all European languages and Sanskrit had a common ancestor, and it was quite possible that it had been born somewhere in India. Indeed, William Jones (1746–1794) proved the similarities between Sanskrit and several European languages². Consequently, India was seen as the birthplace of Indo-European Aryans, and this explained, in many ways, the interest in India, especially ancient India, by 19th century Europeans. There was much more interest in India than in China. And the reason for this was clear: in the case with China, Europeans confronted a true “other”, whereas in India, they were dealing with their own roots. Consequently, by the 19th century, interest in Egypt was replaced by interest in India³. There was increasing study of Indian history and language in British India⁴, and schools of Oriental studies were created in London⁵. The image of India as the birthplace of the Indo-European/Aryan civilization had also a practical implication: the notion provided justification for British conquest of India. Indeed, for the British, the conquest of India was the resurrection of the connection between branches of the Aryan civilization⁶.

¹ Laruelle M. Umozritel'naia tsentral'naia Azia: poiski prarodiny Aritsev v Rossii i na Zapade Vestnik. Evrazii, 2003, URL: <https://cyberlenink.ru>, p. 158.

² Bartol'd. Istorii izucheniia Vostoka v Evrope i Rossii. Sochineniia. Vol. 9, M., 1977. P. 127.

³ Ibid. P. 228.

⁴ Ibid. P. 328–329.

⁵ Ibid. P. 330.

⁶ Laruelle M. P. 152.

This idea was also known to the French, who had their own ambitions in India and had competed with the British for domination over the subcontinent for a long time. French scholar Adolphe Pictet (1799–1825) noted that colonization was “resurrection of connections among Aryans”¹, and other French scholars arrived in India in the 18th century to study language, culture and the history of distant lands². It was not surprising that the 19th century was marked by detailed studies of Sanskrit in many European universities³.

In both the French and English variations, the vision of Indians, especially those who spoke languages based on Sanskrit, implied a sort of benign treatment of natives. In Social-Darwinian racial context, they represented the same racial stock, the same species, so to speak, as their European masters. They were not, in this context, subhuman “Morlocks” or, similarly, swine-like creatures from Van Gogh’s pictures, but kindred people who combined in themselves two opposite attributes. On one hand they were “children” who needed to be instructed by “adults” – the British. And this image emerged in the famous Kipling line about the “white man’s burden.” On the other hand, they were descendants of the ancient, sophisticated civilization whose elite was in possession of the hidden, deep wisdom which had been lost by modern man, including Englishmen. And this wisdom should be rediscovered and appreciated. This inclusion of Indians, at least some of them, in the Indo-European/Aryan family, implied a patronizing and benign attitude and even desire to study their culture, containing the profound wisdom, lost by present-day Europeans. Queen Victoria studied Sanskrit and became the Empress of India, trying to demonstrate concern with the interests of the Indian elite. This was noted by Lord Curzon, the Viceroy in India, who, upon Victoria’s death, had an enormous memorial to the Queen built in Calcutta. In the middle of the central hall stands the young Victoria, and around the cupola is an inscription of an excerpt from her speech in which she promulgated the idea that she took the interests of the Indian elite as close to her heart as her own. One might state here that the British approach to Indians was quite close to that of Russian Slavophiles, who regarded other Slavs as “younger brothers” who required protection and who, for this reason, should be incorporated into the Russian commonwealth. While some Westerners found the birthplace of Indo-European Aryans in India, other Europeans had other views. For example, the famous German philosopher Gottfried Wilhelm Leibniz (1646–1716) believed that “Scythia” was the birthplace of European languages⁴. The idea that Russia and Central Asia were the places of Indo-European Aryan origin had fit well into the design of Russian intellectuals’ pragmatic geopolitical goals.

One of the major implications of the notion that Russia and nearby regions were the places of Indo-European Aryan origin was the development of the notion that Russians were themselves Aryans/Indo-Europeans. This notion af-

¹ Ibid. P. 156.

² Bartol’d Istoriiia. P. 311–312.

³ Ibid. P. 326.

⁴ Laruelle M. P. 158.

fectured even the views of 19th century Slavophiles. It is usually assumed that Slavophiles, regardless of their modifications, juxtaposed Russia to the West. It is also usually implied that early 19th century Slavophiles were, in general, foreign, to racial and ethnic prejudices which became increasingly important to Europeans even before the advent of Social-Darwinism. In this reading, for Slavophiles, the most important thing was Orthodoxy, not only because, in their view, it was the closest thing to the original Christianity, but also for other reasons. Orthodoxy as true Christianity promoted spiritual collectivism, harmony between rulers and those ruled, and the ability to embrace, understand and comfort all ethnicities/races. It was this quality which divided Russians from the West which, according to Slavophiles, had lost its Christianity a long time ago. The West had actually returned to its pagan past, and its predatory, individualistic instincts. Ethnicity or race was very important here, and the story was quite different for Russians. Still, this is not the case.

As noted before, Russian thinkers, even those who supposedly juxtaposed Russia to the West, were informed and often directly influenced by the West. In many cases their ideas were almost carbon copies of ideas of Western thinkers, against whom they might polemicize. This was the case with Slavophiles who supposedly emphasized the collectivistic Christian spirit of Russians, which made them different from the West. Still, this picture was oversimplistic. Aleksei Khomiakov (1804–1860), one of the leading early Slavophiles, could be an example. On one hand, Khomiakov emphasized that Russian Orthodoxy was absolutely foreign to any racial or ethnic prejudices, and in fact regarded them as being absolutely irrelevant. He pointed out that “the whole of Russia declared that its pride and joy was the great-grandson of the Negro Hannibal (i.e., Pushkin), to whom this freedom-loving man who talked of equality in America would deny the privilege of citizenship” or even the “white daughter” of some burgher as a wife¹.

It looks as if, from the above-mentioned quotation, that Khomiakov, as another early 19th century Slavophile, looked at the confrontation between the West and Russia as exclusively the confrontation between two different ideologies or cultures. And this difference between Russia and the West is irreconcilable. Still, the same Khomiakov made an absolutely different statement. He fully accepted the ideas of German Romantic philosopher Friedrich von Schlegel, who had “divided the world between Indo-European Aryans and non-Aryans”². Following German philosophers and general trends in European thought, Khomiakov believed that Europeans were originally Aryans but later were racially spoiled by “Kushites” who “embodied submission and nihilism, and were in constant struggle with Iranians, the race that represented freedom and spirituali-

¹ Walicki A. *The Slavophile Controversy: History of Conservative Utopia in Nineteenth-Century Russian Thought*, University of Notre Dame Press, 1989. P. 279.

² Schimmelpenninck van der Oye D. *The East // A History of Russian Thought*. Ed. by W. Leatherborrow, D. Offord, Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 222.

ty”¹. Russians were close to Iranians, who were true Aryans. The implication of this notion was manifold. On one hand, it implied that conflict between Russia and the West was caused by racial conflicts. On the other hand, Khomiakov’s views could be interpreted in another way: that Russians and Europeans were actually close to each other, due not only to religious and cultural roots – both Russians and Europeans emerged from the Roman and Greek civilizations and Christianity – but also because they were ethnically close. Russians, in this case, became not anti-European but actually super-European, so to speak. The same duality and actual embrace of the Aryan myth could be detected in the works of Feodor Dostoevsky (1821–1881), the classical Russian writer.

On one hand, Feodor Dostoevsky, following in general the early Slavophiles, praised Russia as “pan-human”². This notion implied that Orthodox Russians, the carriers of all-embracing spiritual collectivism, disregarded ethnicity/race and could embrace, in brotherly Christian love, all races and ethnicities. On the other hand, the same Dostoevsky proclaimed that Russian destiny was not to save humanity, but to be the leader of “the general unification of all people of all tribes of the great Aryan race”³. Here, Russians became “Aryans” in the same way as Europeans. Moreover, they became super-Europeans, more European than Europeans themselves, not only because of their ethnicity but also because of their appreciation of European culture, which was dearer to them than Europeans themselves. The notion of Russian “Aryanism” had received a new boost after the advent of Social-Darwinism by the end of the 19th century in Europe. As in the past, Russians tracked European thought.

While the notion of racial and ethnic differences could be traced back to the early 19th century, it had become fully developed by the late 19th century. In this case, certain social and cultural attributes were fully attributed to ethnic, or biological characteristics. Culture and religion played no role in these arrangements; they were an independent force and had logically evolved from ethnic, biological makeup. Nikolai Danilevsky (1822–1885) was probably the most well-known Social-Darwinian neo-Slavophile of the late 19th century. In his view, Russians’ difference from Westerners was due to their biological makeup. Russians were biologically benign, whereas Westerners were biologically aggressive, and this is the cause of the conflict of the two species, Russians and Westerners. While in Danilevsky’s interpretation, Social-Darwinism created a chasm between Russia and the West, in another interpretation, Social-Darwinism helped to justify Russia’s Europeanism and therefore Russian “Aryanism”/Indo-Europeanism, which was blended with institutional Orthodoxy. This intellectual process had been stimulated by geopolitical changes. After the Franco-Prussian War (1870–1871), France’s gravitation to Russia increased, and therefore the previous views which had regarded Russia as destructive and subhuman Asians

¹ Ibid. P. 221.

² Frank J. Dostoevsky: the Mantle of the Prophet, 1871–1881. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003. P. 526.

³ Ibid.

who had nothing to do with Europe, the view widespread among Poles, slowly subsided. By 1891–1893, Russia and France had become allies, and later the United Kingdom had joined the team. In this context, Russia could not be Asiatic, and became wholesale Indo-Europeans/Aryans; at that point, in the Russian social sciences, there was also the birth of the “Aryan movement.”¹ It was reinforced by the birth of Russian Indian studies. By decree of Alexander II, two new departments at St. Petersburg University were created in 1855 to study Sanskrit philology and history of the East². The actual teaching of the language was launched in 1858³.

The interest in ancient India was in a way divorced from the practical needs of Russian diplomacy. Prestige seems to have played an important role. Mikhail Musin-Pushkin, superintendant of Kazan University, launched the study of Sanskrit in 1842 as well as many other Oriental languages and cultures. He noted with pride that in his university, so many cultures and languages were taught that could not be found elsewhere, even in European universities⁴. Upon the departure of Musin-Pushkin, Kazan University wanted to close its Oriental Department, for it had consumed too many resources⁵.

Some tsarist bureaucrats asserted that the study of the ancient Orient would preclude Russia from being exposed to subversive ideas from the West. Still, the actual meaning of the interest in Sanskrit and ancient India was quite different. India was seen as one of the places of origin of Indo-European Aryans, and Russian elite implicitly embraced its belonging to Europe – either directly or indirectly – and therefore wanted to study the places which could be important for all “Aryans,” Russians included.

This embracing of “Aryanism” as a form of full-fledged Westernism, which became especially pronounced by the beginning of the 20th century – hence the popularity of the French Revolution – went along with the discussion about the origins of Indo-European/Aryans. Most European scholars believed that the origins of Indo-European/Aryans was in Asia⁶. Russian intellectuals followed suit and in 19th century discussions about the origins of Indo-European/Aryans, Central Asia emerged as one of the birthplaces⁷.

Another variation of this theory implied that Indo-European/Aryans had emerged in “Scythian” lands unified by the Russian empire⁸. According to this theory, Aryans had originated in Central Asia, spread out all over the territory of

¹ Laruelle M. *Umозritel'naia tsentral'naia Aziia*. P. 157.

² Obratstov A. Vasily Vasil'evich Grigoryev: the Path of a Russian Orientalist. Higher School of Economics Research Paper, No. WPBRP72/HUM/2014, 25 October 2014. P. 9.

³ Bartol'd. *Obzor deiatel'nosti fakul'teta vostochnykh iazykov*. Sochineniia. Vol. 9, Moscow, 1977. P. 128.

⁴ *Ibid.* P. 83.

⁵ *Ibid.* P. 85.

⁶ Laruelle M. *Umозritel'naia tsentral'naia Aziia*. P. 159.

⁷ *Ibid.* P. 156.

⁸ *Ibid.* P. 160.

the future Russian empire, and then had moved to Europe¹. This notion of the paramount role of Aryans in the formation of Central Asia civilization blended with Orthodoxy and the notion of Christianity as a civilizing creed provided the framework for the conquest of Central Asia. The imperial ideology, in which “Aryanized” neo-Slavophilism was a crucial element, and was quite similar to the colonial ideology of other European colonial powers. From the British, the proponents of this ideology took the notion of Indo-European/Aryans as the truly autochthonous of Central Asia, and those who populated it now – mostly Turkic people – were newcomers who had no true rights to dominate Central Asia. From other colonial European powers, the proponents of the creed took the notion about uncivilized savages, who needed to be conquered and civilized, even against their own will. In some cases, these savages should simply be exterminated, either to provide room for European settlers, or to make possible the unimpeded exploitation of natural resources. This was, for example, the case with German ideology of colonial conquest, as it was applied to their policies in Africa. All of these ideological trends were fused into the philosophy of the conquest of Central Asia.

It was assumed that Central Asia should be conquered², and in the process, Russians could marginalize Turks in Central Asia and return Central Asia to its true identity³.

Russians as civilizers

This general framework provides an important, albeit not the only, ideological framework for Russia’s conquests. Russian bureaucrats proclaimed that they wanted to see “Russia as ‘Europe’ in Asia”⁴. Tsarist authorities wanted to spread in Central Asia the “Christian Russian civilization”⁵, and were quite proud of its Central Asian provinces⁶. Some ordinary Russians also believed that they had a civilizational mission in dealing with Central Asia⁷. At the same time, locals implicitly were seen as savage revolutionaries⁸. The civilizational missions were to be carried out by two forces: first, by imperial bureaucracy; and second, by Russian peasants. Konstantin Petrovich von Kaufman (1818–1882), the General Governor of Russian Central Asia, wanted to populate Central Asia with

¹ Ibid. P. 161.

² Ibid. P. 156.

³ Ibid. P. 152.

⁴ Gorshenina S. Krupneishie proekty kolonial’ nykh Arkhivov Rossii: utopichnost’ total’noi Turkestanki General-Gubernatora Konstantina Petrovicha fon Kaufmana // Ab Imperio. Vol. 3, 2007. P. 291.

⁵ Volkov I. V. Vlast’ i Musul’manskai shkola v Russkom Turkestani (1867–1881) // Vlast, 2017. URL: <https://cyberlinkak.ru>

⁶ Ibid. P. 22.

⁷ Shafranskaia E. Turkestanskii Tekst’ v Russkoi kult’ure: Kolonial’naia proza Nikolaia Karazina. Sankt-Peterburg: Svoe Izdatel’stvo, 2016. P. 49–50.

⁸ Ibid. P. 51.

Russian peasants, and the Tsar fully supported this project¹ for both geopolitical and socio-economic reasons. The emergence of large numbers of Russian peasants in Central Asia would be an important glue for keeping the land in Russia's hands. Secondly, the land in Central Asia, possibly taken from natives, would satisfy the land hunger of the peasants and thus reduce pressure on the regime. The conquest of Central Asia had strong support, not just among bureaucrats and ordinary Russians, but also among the Russian intelligentsia, which could be seen by analyzing pictorial images. In one picture, for example, local nomads are about to sell two captured Russian girls into slavery. And while the men engage in the bargaining process, the girls sit nearby with desperation in their faces. The image implies that if the land were under Russian control, the fate of the girls would be different. The same ideas, albeit in a more diluted form, one can find in the paintings of Vasilii Vereshchagin (1849–1904), the well-known 19th century Russian painter. He was mostly known for his pictures of war, displaying war's meaninglessness, horrors, sheer ugliness and brutalization. In one of the pictures dealing with the Russo-Turkish War, he depicted the marauding Turkish soldiers taking personal items, such as boots, from killed Russian soldiers. The faces of the Turkish soldiers express greed and brutality, for, Vereshchagin implied, they finish off the wounded Russian soldiers. In another picture, devoted to the same war, he depicted frozen, possibly to death, Russian soldiers on Mount Shipka, with the title, "At Shipka, all is quiet". He implicitly rejected the official explanation of war as a noble act of liberating brother Slavs from Turks. Vereshchagin had the same critical views of other wars. His general rejection seems to be of any war; this can be seen in his famous picture of mountains of skulls – presumably made by Timur to terrify his enemies – and the title of the picture: "I dedicate this picture to all great conquerors of the past, present and future". In a way, he can be compared to Jacques Callot (1592–1635), the French painter who presented the calamities of the 30-Year War. While having a clearly negative picture of war in general, one might assume, Vereshchagin had a rather neutral or possibly even positive view of the Russian conquest of Central Asia. In one picture, he shows Russian soldiers attacking a Central Asian city. In contrast to other images of war, this particular picture has no graphic depiction of death or general brutalization of humans engaged in armed conflict. There is implicit acceptance of the conquest and Russia's benign role as ruler. The political or, to be precise, geopolitical implication of Vereshchagin's pictures were not missed by Western observers. Robert Service, well-known British historian of modern Russia, noted "One of the century's most esteemed Russian painters, Vasili Vereshchagin, lived for some years in Tashkent after its conquest and produced exuberant canvases of central Asian scenes. He, too, laid stress on the exotic character of the peoples who were becoming known to the Russians. Uzbeks appear in their flowing robes and headdresses. Vereshchagin rendered the battles that led to the imperial occupation. Russian soldiers are shown in combat, disciplined formations,

¹ Gorshenina S. *Krupneishie proekty kolonial'*... P. 200.

whereas the opposing warriors are presented as wild, unrestrained, and ferocious. Muslim urban residents in his paintings are often fanatical dervishes or sadistic tormentors of their captives, and other local characters are represented as indolent or corrupt. Vereshchagin was of the opinion that conquest was good for those who had been conquered. His brilliant photo-realist technique earned commissions from the Russian high command to produce vast canvases celebrating military victories¹.

One shall remember that Vereshchagin was quite critical of British rule in India, and presented the brutal suppression of the Sepoy uprising. The rather positive views of Central Asia's conquest by some segments of Russian Westernized intellectuals were undoubtedly known to the tsarist bureaucracy, and it tried to enlist the community of Russian scholars in the service of the imperial project. Some directly served the state, as was the case with Vasilii Grigor'ev (1816–1881), both a known Orientalist as well as the governor of present-day Kazakhstan. Some had served the goal of Russian conquest indirectly. Still, they were important for the tsarist administration in upholding the Aryan myth which justified Russia's conquest and control. This was the case with Vasilii Bartol'd (1869–1930), the well-known Russian Orientalist whom people regarded as the actual founder of modern Orientalism in Russia.

Bartol'd and Aryanism

Bartol'd was indeed a serious scholar and could be seen as the father of the study of the Orient in Russia. This title is justified, due to Bartol'd's erudition, attention to detail, and prolific output. Bartol'd never used his scholarly findings to justify certain political creeds and, even more so, for open praise of geopolitical designs. Still, it would be wrong to assume that his view on Russian expansion in Central Asia did not fit well with dominant views on the subject. He implicitly saw Russians as Indo-European/Aryan and superior to mostly Turkic populations from the cultural as well as racial point of view. It is true that Bartol'd discarded blatant racism. For example, Bartol'd criticized Gobineau for his racist remarks². It is also true that Bartol'd did not regard race as the major factor in determining the fate of the nations. Still, he believed that Indo-Europeans were better than representatives of other races³. His work demonstrated that it was Iranians/Indo-Europeans who were the truly indigenous people of Central Asia. The very fact that Bartol'd saw Iranians/Indo-Europeans as truly autochthonous people of Central Asia and cultural bedrock of the place is supported by those who study his works.

The glory of Iranians: Bartol'd's view

Iranians, Indo-Europeans par excellence, were extremely important in the development of the "Aryan" myth as it related to Central Asia. It justified the notion that Indo-Europeans were truly autochthonous people of Central Asia and

¹ Service R. *Russia and its Islamic World*. Hoover Institution Press, 2017. P. 18.

² Gobineau. *Persidskaia shu'ubiia i sovremennaia nanka*. Sochineniia. Vol. 7, Moscow: Nanka, 1974. P. 360.

³ Bartol'd, *Kultura musul'manstva*. M.: Izdatel'stvo MGGU, 1992. P. 55.

cultural bedrock of the region, and this notion therefore justified Russia's conquest. And Bartol'd provided good feedback for this theory.

Iranians as ethnic and cultural global power

Bartol'd noted that the borders of present-day Iran could not provide a true understanding of much broader Iranian culture and ethnic impact. "...Geographical borders of Iran could not coincide with political and ethnographical. The very fact that almost the entire interior of Iran would not support sedentary life compelled Iranians to populate the nearby sea and Uralo-Caspian basins"¹. Iranians lived from the Tigris to the Indus². Iraq was also influenced by Iranians³. Pashtuns in Afghanistan were also Iranians⁴. Settled Iranians shall always repel the invasions of nomadic peoples⁵.

Assessment of Bartol'd's views

It is true that Bartol'd was a serious scholar, and he had never denied the Turks' cultural achievements. Still, he clearly saw Iranians/Indo-Europeans as the truly autochthonous people of Central Asia, and this is acknowledged by contemporary scholars. Muzaffar Olimov, for example, noted that Bartol'd saw the cities of southern Central Asia dominated by an Iranian element. In Bartol'd's view, he noted, Iranians were agricultural and sedentary people and implicitly more developed than Turkic nomads. And in any case, they lived a separate cultural life, as Olimov noted, and Bartol'd noted the strong difference between Turkic and Iranian people in the first year of Islam's domination of Central Asia⁶. Nazira Nurtazina followed suit. She noted that Bartol'd, "following European specialists in Islam", paid considerable attention to the role of pre-Islamic culture in the development of Sufism. Consequently, Bartol'd emphasized the role of "Iranian elements" in Islamic civilizations and believed that Maverannakhr (Transoxania) had before Arab Iranian population⁷.

The political implications of Bartol'd's theories

Bartol'd's emphasis on Iranians/Indo-Europeans' leading position in pre-Islamic/early Islamic Central Asia fit well with imperial "Aryanism" which justified Russia's conquest as the return of Indo-European/Aryan Russians to their legitimate paramount position in their historical patrimony. Top Russian bureaucrats in Central Asia understood the importance of historical justification of Russia's rule. Consequently, the leading figures of the imperial administration in Central Asia created the Turkestan Circle of the Fans of Archaeology (*Turke-*

¹ V. Bartol'd, *Istoriko-Geograficheskii obzor Irana*, St. Petersburg: Tipografiia V. Kirshbauma, 1903. P. 2.

² *Ibid.*

³ *Ibid.* P. 133.

⁴ *Ibid.* P. 153.

⁵ *Ibid.* P. 5.

⁶ Olimov M. V. V. Bartol'd o natsional'nom razmezhivanii v Srednei Azii. *Central Asia and the Caucasus. Oli Vostok*, No. 5, 1991.

⁷ Nurtazina N. D. *Vklad Akademika V.V. Bartol'da v izuchenie Istorii Islamizatsii Tiukov. Problemy vostokovedeniia*, 2010. URL: <https://cyberlenink.ru>

stanskii kruzhok liubitelei arkheologii). It was founded in 1893 by Bartol'd, the Governor-General of Turkestan A. B. Vrevskii, and N. P. Ostroumov¹, and was patronized by the Ministry of Culture and the Ministry of Foreign Affairs. It was decided that both Russians and locals could be members of society².

One could note that the emergence of the Circle was also due to the efforts of Konstantin Kaufmann, Turkestan's Governor General, who had died earlier. Indeed, he promoted the study of the region³.

The founders of the circle, and this was clear to tsarist bureaucrats, emphasized the importance of the circle's work for justification of Russia's control over Central Asia. Indeed, Vrevskii wanted the group to emphasize Aryanism and to justify Russian conquest⁴.

Since the Indo-Europeans/Aryans from Central Asia could either come to India from Central Asia, or from India to Central Asia, Vrevskii assumed that the group should establish cooperation with the Asian Society in Calcutta in search of Aryan ties. Some of them might even subscribe to the ideas of Stephen Herbert Langdon, British Assyriologist (1876–1937), who believed that the Sumerians had come to Mesopotamia from Russian Turkestan⁵. One could also note that such a theory, i.e., connection between Sumerians and Kazakhs, was shared by some Kazakh intellectuals such as Olzhas Suleimenov.

Bartol'd actively participated in the Circle's work, and made a presentation, "Some words about Aryan culture of Central Asia", (*Neskol'ko slov ob ariiskoi kul'ture v Srednei Azii*) at one of the Circle's meetings on 3 June, 1896. The paper was later published in *Sredne-Aziatskii Vestnik*, June 1896⁶. Thus the Circle clearly had not just purely scholarly, but also political, goals, and Bartol'd implicitly supported them.

It is true that Bartol'd did not support open politicization⁷ of what he regarded as purely scholarly work. He also deplored Turkophobia, which dominated Russian science⁸ and used, as he implied, by politicians to address their purely political needs. Bartol'd was clearly against the use of his findings for purely political needs.

Still, Bartol'd was hardly against Russian conquest. He noted that Kazakh – he called Kazakhs Kirgiz – khans swore allegians to the tsar. Still, khans did not regard this as something important, and robbery of Russian merchants contin-

¹ Laruelle. *Umozritel'naia tsentral'naia Aziia...* P. 161.

² Bartol'd *Novoe nauchnoe obshchestvo v Tashkente*. Sochineniia. Vol. 9, Moscow, 1977. P. 486.

³ Bartol'd. *Istoriia izucheniia Vostoka v Evrope i Rossii*. Sochineniia. Vol. 9, Moscow, 1977. P. 446.

⁴ *Ibid.* P. 161.

⁵ Bartol'd. *Nauchnaia poezdka v Zapadnuu Evropu*. Sochineniia. Vol. 9, Moscow, 1977. P. 569.

⁶ Abu Narshakhi (Mukhammad Narshaki) *Ot perevodchika // Istoriia Bukary (Perevod s persidskogo N. Lukoshin)*, Tashkent: Tipo-Litografiia t.d. F i G, Br. Kamenskie, 1897. P. 5.

⁷ *Ibid.* P. 162.

⁸ *Ibid.*

ued¹. He also noted a clearly positive implication of Russian conquest. The Russian government introduced some truly democratic aspects into the lives of Kazakhs². Turkmens had the propensity to looting expeditions. After the Russian conquest, they became peaceful people.

Bartol'd admitted that it would be wrong to see in Central Asia absolutely no barbarous places just before the Russian conquest³. Still, he admitted that by the 19th century, Central Asia (Turkestan) was the most backward part of the Muslim world⁴. After the conquest, Russia spread its culture.

Russian authorities took land from Kazakhs (Kirgiz) for those Russians who wanted to settle down in Central Asia⁵. Still, Bartol'd found positive aspects of this migration. After the Russian conquest, cattle breeding declined, whereas agriculture and city life developed. There were other clear benefits for natives. For example, Russian authorities tried to engage local in self-government⁶. The Russian government was ready to accept in various positions even those locals who did not know the Russian language⁷. Still, there were a lot of problems. One of these was the locals' pervasive corruption. Many of them believed that power was given to individuals to enrich themselves⁸. Bartol'd also admitted that even those Western Orientalists who visited Central Asia and who had no positive feelings toward Russia acknowledged that Russian rule was better than that of Orientals or Chinese⁹. Thousands of locals moved to territories controlled by Russian authorities, due to the feeling of security and respect for Russian power¹⁰. Russia demanded an end to slavery in Bukhara, and in 1869, Bukhara's ruler stated that he had ended slavery. Still, slavery continued for some time¹¹.

Bartol'd's latent racism also fit well into the official discourse. Indeed, Bartol'd used the term "history of Aryan people"¹². In addition, the factual material from his works indicated that Indo-Europeans/Aryans were indeed the autochthonous residents of most of Central Asia and provided feedback for Russian imperial "Aryanism" mixed with civilizing Orthodoxy, which was structurally similar to the ideological construction of Russia's emerging allies, especially Britain. Russia's enemies, most notably Germany, had the same ideological traits. At the same time, imperial Aryanism was removed from the country's

¹ Bartol'd V. V. *Istoriia kul'tumoi zhizni Turkestana*. L.: Izdatel'stvo Akademii, Nauk SSSR, 1927. P. 119.

² *Ibid.* p. 120.

³ Bartol'd. *Istoriia Turkestana*. Tashkent: Turkestanskoe Gosudarstvennoe Iz-vo, 1922. P. 49.

⁴ *Ibid.* P. 123.

⁵ *Ibid.* P. 146.

⁶ *Ibid.* P. 164.

⁷ *Ibid.*

⁸ *Ibid.* P. 183.

⁹ *Ibid.* P. 201.

¹⁰ *Ibid.* P. 201.

¹¹ *Ibid.* P. 233.

¹² V. V. Bartol'd. *Obzor deiatel'nosti fakul'teta vostochnykh iazykov*. Sochineniia. Vol. 9, Moscow, 1977. P. 143, 145–146.

intellectual discourse after the collapse of the monarchy.

Aryanism: from decline to its rise and new decline

Pan-Indo-Europeanism/Aryanism, including its approach to Central Asia, could exist only in the context of the tsarist regime. Its collapse and final triumph of the Bolsheviks after a bloody civil war had led to the end of imperial Aryanism. In its 19th century and early 20th century modifications, Aryanism was the ideology of the elite, which looked down on most non-Aryans and lower classes as “potato eaters” or Morlocks, who should follow the “Aryan” leaders and serve their interests. The collapse of the old order predicated the end of the rules of refined “Aryans” and the triumph of the “Morlocks”, including Asians. In the context of the Russian imperial space, it was predominantly Turkic folk and they, together of course with other minorities, benefited from the new arrangements. It was Jewish commissars and Lettish riflemen who played crucial roles in the first years of the new regime. Turkic people of Central Asia also benefited from these arrangements. As a matter of fact, Soviet Russia emerged as a peculiar “symbiosis” between Slavs and minorities, mostly Turkic people. It was Russian émigrés who presented the underlying ideology of the regime, as time progressed, increasingly free from its Marxist fig leaf. Eurasianism could here be a good example. It emphasized the “symbiosis” of Russians/Slavs and Turks, together with other minorities, and replaced pan-Indo-Europeanism/Aryanism and the commonwealth of the Christian empires of leading European nations with the remodeled idiosyncratic Mongol empire. “Aryanism” had no place in these arrangements. “Aryanism” was localized, and when A. Khodzhibaev, Chairman of the Council of the People’s Commission of Tadjiks Autonomous Soviet Republic, criticized Pan-Turkism, and implicitly praised Indo-European Iranians and consequently Tadjiks as true autochthonous people of Eurasia and the bedrock of Eurasian civilization, his plea evoked no response¹.

Still, by the late 1920s, and especially the 1930s, internationalistic “Eurasianism” of the early Soviet era became increasingly replaced by Russian nationalism in its idiosyncratic National-Bolshevik modification. “Aryanism” as a term was of course anathema, plainly because it became the most important ingredient of Germany’s National-Socialist ideology and the possibility of conflict between Germany and the USSR had never been completely discarded, despite the continuous flirtation between Berlin and Moscow. Still, Russians in the official reading were not “Eurasian,” which integrated many ethnicities, but Slavs, the Indo-European people par excellence. Consequently, any attempt to dethrone Russians from their paramount position as the major force which unified and maintained northern Eurasian space was seen as a serious transgression. This was especially clear in the late 1940s and early 1950s, when Russian imperial nationalism reached a crescendo. At the same time, Bartol’d, with his “Aryan”/Indo-European leanings, received renewed attention from Soviet authorities.

¹ Olimov. V.V. Bartol’d o natsional’nom...

Bartol'd and late Stalinism

There were several reasons for this. It is clear that he was a serious scholar, with a wealth of factual material. Still, this was not the only reason. Bartol'd was comparatively "safe" from an ideological point of view. To start with, while being a "bourgeois" scholar, educated during the tsarist regime, he was ready to accept the new ideological trends. Bartol'd himself made this clear in his short autobiography which he penned during the Soviet time. Bartol'd stated that he was born to a well-to-do family and had enough money for study and travel¹. He implied that the "sins" of his "bourgeois" origins, in a way, were washed away because he used the wealth not for "exploitation" as most of the bourgeoisie, but for acquiring knowledge which he now shared with the masses, albeit he noted that he would rather engage in research than teach. He also implied that he could easily emigrate, due to his reputation in the West. He noted that in this respect Russians studied the Orient more and more followed in Europe's footsteps². He implied that he did not emigrate after the Bolshevik Revolution because of his patriotism and implicit acceptance of the new regime. The same was the case with his relatives, who also did not emigrate, he implied, not just to their patriotism but also acceptance of the Soviet regime. Moreover, his works were actually framed in context of the Marxist paradigm, with its emphasis on the economy and class struggle. In this respect, he noted that he continued to study the economic aspects of events and "state conflicts" (*soslovnaia bor'ba*)³.

Finally, in his other works produced during the Soviet era, he emphasized that he had always been a man who opposed the tsarist regime. For example, he remembered that he watched the jubilant crowds celebrating the 10-year anniversary of Alexander III's rule. And he noted to his friend that the crowd looked to him like a bunch of madmen⁴. One might add that while trying to accommodate some Marxist ideological premises, Bartol'd still demonstrated some resistance to full embrace of Marxism and the vision of Marx as a divine person who made no mistakes. For example, he criticized Marx's views on Oriental societies⁵. He also stated that he believed that theories should follow facts; facts should not be adjusted to theories⁶.

While a positive relationship with the regime played an important role in its continued interest in him, it was not the only one. Bartol'd's emphasis on the role of Indo-European, Iranians in shaping the culture of Eurasia was also important for the regime's renewed interest in his work when the regime turned to Indo-Europeanism as an essential ingredient of renewed emphasis on Russian nationalism/neo-Slavophilism. Here, the regime sent a clear message: those who

¹ Bartol'd. *Avtobiografia*. Sochineniia. Vol. 9. Moscow, 1977. P. 789.

² *Ibid.* P. 790.

³ *Ibid.* P. 792.

⁴ Bartol'd. *Vospominaniia O.S.M. Dudine* Sochineniia. Vol. 9, Moscow, 1977. P. 774.

⁵ Bartol'd. *K voprosu o feodalizme v Irane*. Sochineniia, Vol. 9, Moscow: Nauka, 1974. P. 459.

⁶ V.V. Bartol'd. *Sochineniia*. Vol. 2, Chast' (?), Moscow, Izdatel'stvo Vosochnoi Literatury, 1963. P. 547.

supported what could be regarded as pan-Turkism would be punished, whereas those who supported pan-Indo-Europeanism – in the Central Asian context this implied praise of Tadjiks as true descendants of the ancient Indo-European civilization – were praised and their reference to Bartol'd received approving nods. The strong opposition to Turkic people's dominant position in Eurasian space was clear.

This could be seen well in the case of Aleksandr Bernshtam (1910–1956). Bernshtam apparently tried to avoid problems in dealing with the authorities, and chose ancient and medieval history of Central Asia as his field. A Jew, of course from a purely ethnic perspective, he believed that it would save him, for it would be hard for authorities to accuse him of Turkic nationalism. He also believed that ancient and medieval Central Asia was not politically sensitive, at least in comparison with Russian and especially Soviet history. There is also no doubt that Bernshtam was indeed dedicated to the study of Central Asia. Yet his feeling that medieval Central Asia was a comparatively safe field undoubtedly played an important role in his decision to study the subject.

Still, he was wrong. Soon after the end of WWII, he published a book on the Huns which presented them in a rather positive light, and regarded them as a leading force which led Slavs and proto-Slavs in Eurasia. The book was strongly criticized. One of the major problems was the book's implications that Bernshtam downplayed the role of Slavs and praised the Huns, which was seen as the precursors of the Turkish people. Bernshtam emerged here as a proponent of Pan-Turkism and implicitly a "rootless cosmopolite"; the government-sponsored campaign was mostly directed against Soviet Jews. Bernshtam survived the criticism, but it took a clear toll on his health. He died soon after the criticism, when he was just 46 years old. While Bernshtam and apparently similarly-thinking individuals, including members of political and intellectual elite of Turkic republics of the USSR, received the strong message that they should not overplay the role of Turks in Eurasia, the story was different with those who praised Tadjiks and implicitly all other Indo-European. Indeed, Tadjiksk emerged in this reading as the representatives of Indo-European people whose superior culture was the true bedrock of Northern Eurasian civilization. Here, Soviet authorities appealed to Bartol'd's authority. Professor A. A. Semenov's book, *Material Artifacts of Iranian Culture in Central Asia* (*Material'nye pamiatniki iranskoi kul'tury v Srednei Azii*) could be an example. The book was published in January 1945 in Stalingrad. The very fact that a book on what seemed to be an abstract subject was published at a time when the Red Army was still battling German forces and Stalingrad, the place of a ferocious battle only a few years before, and was still in ruins, indicated that authorities regarded the book's message as quite ideologically important.

In the beginning of the book, Semenov noted that the text was originally published in 1905 and was approved by Bartol'd. According to Semenov, Tadjiks were descendants of the "most ancient aborigines of Central Asia." They belong to a "great Iranian tribe." Iranian culture dominated all of Central Asia,

the territory of present-day Turkic republics of Central Asia¹. Present-day Tadjikistan is just a small island of Iranian culture in Central Asia. In the past, the influence of Iranian Indo-Europeans was much broader. The artifacts from Central Asia are quite similar to those from Tripol'skaia culture, in the territory of present-day Ukraine. The people of these cultures were clearly Indo-European and spread to the Balkans, where they finally created civilizations of ancient Greeks².

According to the author, Iranian Indo-Europeans had positive influence on nearby Turkic people. The very fact that Turks were nomads indicated that they were, the author implied, on a lower level of socio-economic development, at least in comparison to Iranian Sogdians. The latter had a positive influence on Turkic nomads, and they became settled people by the 7th century CE³. It was due to Iranians – and Tadjiks were seen here as part of the broader Iranian nation, building many cities which “achieved great splendor”⁴.

Semenov's and Bernshatam's stories were indicative, for they demonstrated the authorities' approach to Indo-Europeanism and Turkism throughout all the post-WWII Soviet era. People in the Kremlin allowed autochthonization of the local folk, i. e., they recognized their presence in their republics for a long time. In the case of Central Asia, it implied that Turkic people of the region had lived in this area for at least a thousand years. Still, this autochthonization had its limits. Soviet historians emphasized here that before Turks, the areas had mostly been populated by Indo-Europeans – Scythians, Sakka, etc. – and no direct connections between them and the coming Turks existed. It was only Russians, bona fide Indo-Europeans, who could trace their pedigree to the Bronze Age Indo-Europeans. They were true autochthonous people, the ethnic and cultural bedrock of Eurasian space, and thus the only legitimate masters. Moreover, quite a few Turks were nomads who were preoccupied with pillaging and other outrages, and were, from this perspective, quite different from civilized Indo-European Slavs of Kievan Rus'. Academician Rybakov, the well-institutionized and prolific scholar, elaborated on this in many of his works. Central Asian scholars could hardly challenge these views openly, barring some exceptions. This was the case with Olzhas Suleimenov's *Az i Ia*. Suleimenov's goal was quite modest. He plainly suggested that Kievan Rus' and its Indo-European Slavs were not the only forces of progress in Eurasia and Asian people, notably Turkic nomads, were not just a force of destruction. Still, the publication had led to scandal and Mikhail Suslov (1902–1982), the chief Soviet ideologist, even asked Brezhnev to read it to see its ideological poison. “Aryanism” manifested in the paramount role of Indo-European Slavs in shaping and controlling northern Eurasia, the territory of the USSR, continued to be the underlying nationalistic glue of the late Soviet regime;

¹ Prof. A. A. Semenov. *Material'nye pamiatniki iranskoi kul'tury v Srednei Azii*. Stalingrad: Gosizdat pri SNK Tadzhijskoi SSR, 1945, p. 3. The text was originally published in 1925 and reviewed by Bartol'd. It was enlarged by the author and transformed into a small book.

² *Ibid.* P. 4.

³ *Ibid.* P. 12.

⁴ *Ibid.* P. 46.

it of course coexisted with other ideological paradigms, such as latent “Eurasianism” which, according to Soviet ideologists, created a new quasi-nation – “Soviet people.” One should also note here that late Soviet “Aryanism”/Indo-Europeanism, similar to the “Aryanism”/Indo-Europeanism of the late tsarist era, was mixed with Slavophilism, and implicitly imperial/global in its application. The collapse of the USSR had led to new changes in “Aryanism”’s role in the former USSR.

“Aryanism” in post-Soviet era

“Aryanism” received a new life in post-Soviet Central Asia. It became quite essential in the heated polemics between Uzbeks and Tadjiks. The latter proclaimed themselves true “Aryans” and blasted Uzbeks – who made Tamerlane the founder of the Uzbek state – as brutal, primitive Turks, incapable of creative works. In Kazakhstan, “proto-Turks” of the Bronze Age not only acquired chariots and sophisticated bronze weapons, but also blue eyes, blond hair and fair skins – all attributes of Indo-European folk. In addition, Saka and Massagetae – bona fide Indo-Europeans – became important as the genetic and cultural ancestors of modern Kazakhs. All of this would underline the legitimacy of Kazakhstan, whose roots could be in such a case traced back almost to the time of ancient Egypt and Babylonia. “Aryanization” makes them implicitly closer to the West. In all of these designs is evidence of a clear difference from the Soviet and late tsarist eras: the tsarist and Soviet crypto-“Aryanism”s were the ideologies of empire. The same could be said about Aryanism/Indo-Europeanism of the European powers of the late 19th and early 20th centuries. The new brand of “Aryanism” has an implicit spirit of parochialism and fragmentation. Even more so, these trends could be seen in post-Soviet Russian “Aryanism,” which, together with other forms of Russian nationalism, increasingly marginalized “neo-Eurasianism” of the first years of the post-Soviet era.

The present-day Russian “Aryanists” regard empire as a liability. They wouldn’t mind reducing the Russian Federation to the “Republic of Russia,” a small, but ethnically homogenous state, populated by ethnic Russians, bona fide Europeans. A similar ideological trend is occurring in Europe and to some degree in the USA. In all these cases, Aryanism is not an ideology of imperial aggrandisement – the battle cry of “Aryanists” of the late 19th and early 20th century – but the ideology of isolationism and parochialism, an indication of what could be described in Spenglerian terms as “decline of the West”.

Список источников и литературы

1. Бартольд В. В. Автобиография // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 9. Работы по истории востоковедения. М.: Изд. «Наука», 1977. 969 с. С. 789–794.
2. Бартольд В. В. Воспоминание о С. М. Дудине // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 9. Работы по истории востоковедения. М.: Изд. «Наука», 1977. 969 с. С. 773–778.
3. Бартольд В. В. Задачи русского востоковедения в Туркестане // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 9. Работы по истории востоковедения. М.: Изд. «Наука», 1977. 969 с. С. 522–533.

4. Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 9. Работы по истории востоковедения. М.: Изд. «Наука», 1977. 969 с. С. 199–484.
5. Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Изд. 2-е. Л.: Ленингр. Ин-т изучения живых вост. яз., 1925. 318 с.
6. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., Изд. Акад. наук СССР, 1927, 256 с.
7. Бартольд В. В. История Туркестана. Ташкент: Туркестанское гос. издательство, 1922, 50 с.
8. Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана. СПб.: Типография В. Кришбаума, 1903. 176 с.
9. Бартольд В. В. К вопросу о феодализме в Иране // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 7. Работы по исторической географии и истории Ирана. М.: Изд. «Наука», 1971. 665 с. С. 459–469.
10. Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. П., изд. Отд. земельн. улучш. ГУЗиЗ, 1914, 174 с.
11. Bartold, Kultura musul'manstva. M.: Izdatel'stvo MGGU, 1992.
12. Бартольд В. В. Ислам и культура мусульманства. М.: Изд. МГТУ, 1992. 141 с.
13. Бартольд В. В. Культура мусульманства. Петроград: Огни, 1918. 112 с.
14. Бартольд В. В. Научная поездка в западную Европу // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 9. Работы по истории востоковедения. М.: Изд. «Наука», 1977. 969 с. С. 564–580.
15. Бартольд В. В. Новое научное общество в Ташкенте // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 9. Работы по истории востоковедения. М.: Изд. «Наука», 1977. 969 с. С. 485–487.
16. Бартольд В. В. Обзор деятельности факультета восточных языков // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 9. Работы по истории востоковедения. М.: Изд. «Наука», 1977. 969 с. С. 23–198.
17. Бартольд В. В. Персидская шу'убий и современная наука // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 7. Работы по исторической географии и истории Ирана. М.: Изд. «Наука», 1971. 665 с. С. 359–370.
18. Горшенина С. Крупнейшие проекты колониальных архивов России: утопичность тотальной Туркестаники генерал-губернатора Константина Петровича фон Кауфмана // Ab Imperio. 2007. № 3. С. 31–42.
19. Ларюэль М. Умозрительная Центральная Азия: поиски прародины арийцев в России и на Западе // Вестник Евразии. № 4. 2003. С. 155–165. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/umozritel'naya-tsentral'naya-aziya-poiski-prarodiny-ariytsev-v-rossii-i-na-zapade>
20. Наршахи Абу Бакр. История Бухары / Перевод с перс. Н. Лыкошина, под ред. В. В. Бартольда. Ташкент: Типо-лит. т. д. «Ф. и Г. бр. Каменские», 1897. 124 с.
21. Нургазина Н. Д. Вклад академика В. В. Бартольда в изучении истории исламизации тюрков // Проблемы востоковедения, 1 (47). 2010. С. 58–64. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/vklad-akademika-v-v-bartolda-v-izuchenie-istorii-islamizatsii-tyurkov>
22. Олимов М. В. В. Бартольд о национальном размежевании в Средней Азии // Восток. 1991. № 5. С. 97–110.
23. Самойлович А. Н. Западный Туркестан со времени завоевания арабами до монгольского владычества: ист.-геогр. очерк. СПб.: «Столичная скоропечатня»

С.Х. Золотухина, 1903. 144 с.

24. Труды академика В. В. Бартольда по истории Центральной Азии. Очерки истории Семиречья. Лекции по истории Туркестана. Казахстанский институт «Свободное общество», 2005. 122 с.

25. Шафранская Э. Ф. Туркестанский текст в русской культуре: Колониальная проза Николая Каразина (историко-литературный и культурно-этнографический комментарий). СПб.: Свое издательство, 2016. 370 с.

26. Frank J. Dostoevsky: the Mantle of the Prophet, 1871–1881. Princeton University Press, 2003.

27. Obraztsov A. V., Gaida I. V. Vasily Vasil'evich Grigoryev: the Path of a Russian Orientalist," Higher School of Economics Research Paper, No. WPBRP72/HUM/2014, 25 October 2014. 18 p. URL: <https://www.hse.ru/data/2014/10/24/1099822293/72HUM2014.pdf>

28. Schimmelpenninck van der Oye D. The East // A History of Russian Thought. Ed. by W. Leatherborrow, D. Offord, Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 444 p. P. 222.

29. Service R. Russia and its Islamic World. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 2017. 128 p.

30. Walicki A. The Slavophile Controversy: History of Conservative Utopia in Nineteenth-Century Russian Thought. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1989. 609 p.

А. Г. Дарбаев

(Национальный музей

Республики Казахстан, Нур-Султан)

ПОХОД ПЕРОВСКОГО И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ¹

Аннотация: В статье рассматривается реализация восточной политики Российской империи. В частности, был проанализирован процесс зарождения политики в XVIII веке, а также ее трансформация в XIX веке. Одним из важных элементов ее реализации является поход Оренбургского губернатора Перовского в 1839–1840 годах. Автором была поставлена цель показать ту роль, которую занимает этот поход в формировании восточной политики Российской империи.

Ключевые слова: Восточная политика, Перовский, Российская империя, Хива, Оренбург.

В первой половине XIX века Российская империя окончательно утвердилась на территории Младшего и Среднего жузов Казахского ханства. Метрополия всячески «пристегивала» новоприобретенные окраины административными, политическими и экономическими реформами. Так, в 1822 году была отменена ханская власть в Среднем жузе, а в 1824 году – в

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

Младшем жузе. Согласно Уставам, были введены новая система управления и новые виды налогов. Единственная территория, которая не подверглась завоеванию со стороны Российской империи – территория юга Казахстана. Начиная с XVIII века, когда казахи впервые обратились за подданством к России, эти земли представляли особый интерес ввиду того, что там соприкасались торговые пути из Китая в Европу, из Ирана в Индию, из Бухары в Россию. И в XIX столетии интерес к региону только увеличился, так как Российская и Британская империи стремились к его завоеванию, опасаясь усиления друг друга. Подобное противостояние достаточно хорошо изучено и освещено в исторической литературе, получив название Большая игра¹. Проблема завоевания этих земель заключалась лишь в том, что территория юга Казахстана была очень слабо изучена. Те карты, те маршруты и те данные, которые имелись, не отвечали всем интересам и не давали четких ответов на требуемые вопросы.

Российская империя рассматривала территорию южного Казахстана как зону своих стратегических интересов, с дальнейшим подчинением Бухары, Коканда и Хивы и, что важно, возможностью движения вглубь Азии. Для Британской короны подчинение среднеазиатских ханств и юга Казахстана было возможностью защиты жемчужины своих колоний – Индии. Как мы видим, у каждого участника Большой игры были свои планы и шаги, направленные на реализацию своих намерений.

В целом же подобные действия мы можем назвать одним термином – восточная политика, так как осуществлялись они по отношению к восточным государствам и регионам с преимущественно мусульманским населением.

Как нам представляется возможным, зарождение восточной политики внутри Российской империи связано с первой половиной XVIII века. Тогда взор правителя Петра I (1682–1725 года) был направлен в Среднюю Азию. К слову, самодержец всероссийский был занят идеей поиска «песочного золота»². При этом, как полагал император, находилось оно в Хиве, в том месте, где Амударья впадает в Аральское море. Мы не можем точно ответить на вопрос, было ли золото на самом деле, либо же Россию пытались ввергнуть в геополитические игры правители и дипломаты восточных государств. Но в действительности же мы можем с уверенностью отметить, что начало интересу России к региону связано с событиями и фактами, указанными выше. Необходимо сказать, что с именем Петра I связана также такая парадигма, как то, что «Казахская степь является ключом и вратами в Азию». То есть данный подход во внешней политике Российской империи был также связан с началом реализации «восточной политики».

¹ Хопкирк П. Большая игра: битва империй за Центральную Азию. Алматы: VOX POPULI, 2010, 440 с.

² Бурштейн Е. Ф. «Песочное золото» в России: путешествие Матвея Снегирева в 1790. году // Природа. М.: Наука. 2012. № 6. 96 с.

В данной статье мы хотим рассмотреть одну из форм реализации и формирования восточной политики – Хивинский поход генерала Перовского Василия Алексеевича в 1839–1840 годах.

Василий Перовский в 1833 году становится губернатором Оренбурга и, начиная с этого времени, ставит перед собой задачу завоевания территории Хивинского ханства. Это государство всегда представляло для России особый интерес. В XVIII веке несколько экспедиций и путешественников разными путями пытались проникнуть в регион, начиная от печально известной экспедиции князя Бековича (1716–1717 годов), заканчивая путешествием геодезистов Гладышева и Муравьева (1740 год).

Рассматривая политику России по отношению к Хиве, стоит сказать, что для империи первой задачей всегда было защитить своих подданных от набегов хивинцев, и второе – вызвать многочисленное русское население из рабства. Говоря же непосредственно о походе Перовского, нельзя не отметить цели, которые были поставлены и намечены:

1. Прекращение набегов хивинцев на подвластные России территории.
2. Обеспечение безопасности грузов и товаров, которые следовали через территорию Хивинского ханства
3. Смещение хивинского хана Аллакула, и возведение на престол более лояльного русскому двору человека.
4. Исследование Аральского моря.

Мы считаем, что цели, которые были поставлены В. А. Перовским и Военным министерством, имели еще и далеко идущие замыслы – завоевание всей территории Центральной Азии.

Помимо завоевания территории, реализация похода преследовала и экономические причины: исследование Аральского моря предполагало исследования и реки Амударья и возможности впадения ее рукавов в Каспийское море. Причина столь резвого интереса – хлопок и возможности его доставки в Европу и на другие внешние рынки. Как мы видим, поход Василия Перовского решал бы не только и не столько вопросы защиты и вызвания русского населения, как возможного экономического и политического влияния на это государство.

Поход начался зимой в 1839 году. Отряд Российской империи насчитывал свыше 6000 человек, 2000 верблюдов. Продвинувшись к территории Эмбы [соврм. Актюбинская область Республики Казахстан. – А. Д.] и столкнувшись с суровыми погодными условиями, весь походный стан был вынужден возвращаться в Оренбург. В своей статье мы не ставим задачи рассмотреть причины и факторы, повлиявшие на подобный исход всего мероприятия. Однако отметим одну важную деталь, на которую мы обратили внимание – пусть даже Оренбургский губернатор и не смог дойти до Хивы, ее правитель сразу издает «фирман – об освобождении

всех русских пленников, а также о запрете на покупку невольников у степных народов, в частности у казахов»¹. Мы считаем, что подобное действие со стороны монарха восточного государства можно рассматривать как готовность к развитию двусторонних отношений.

Сам по себе поход Оренбургского губернатора представляет особый интерес для историков и исследователей. Дело в том, что это был первый целенаправленный военный поход против Хивы. Те экспедиции, которые совершались ранее, имели цель лишь изучить край, а уже впоследствии – его присоединить. В действиях же В. А. Перовского мы видим желание завоевания среднеазиатского государства.

В заключении хотелось бы сказать, что хоть поход В. А. Перовского и завершился не самым лучшим образом, он заложил основы для дальнейшего броска империи в сердце Азии. То есть провал русского оружия обернулся ничем иным, как геополитическим успехом. Мы считаем, это и есть парадокс сложившейся ситуации. Поэтому зимний поход губернатора В. А. Перовского и заслуживает тщательного изучения и осмысления.

Список источников и литературы

1. Бурштейн Е. Ф. «Песошное золото» в России: путешествие Матвеев Снегирева в 1790 году // Природа. М.: Наука. 2012. № 6. 96 с.
2. Косырев Е. М. Поход в Хиву в 1839 году // Исторический вестник. № 8. 1898.
3. Хопкирк П. Большая игра: битва империй за Центральную Азию. Алматы: VOX POPULI, 2010, 440 с.

Ю. А. Лысенко
(АлтГУ, Барнаул)

АКТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)²

Аннотация: В статье анализируется имперская модель модернизации центральноазиатских окраин Российской империи и выявляются ее основные участники. Выявлено, что в условиях отсутствия в регионе социально-экономических предпосылок, нестабильности и подвижности российской границы, преобладания геополитических приоритетов над экономическими, главным актором процесса модернизации выступило государство. Под его воздействием на рубеже XIX–XX вв. в Степном крае и Туркестане проявились первые последствия модернизации: урбанизация, развитие торговли, промышленного производства, формирование рынка рабочей силы и т. д. Они сопровождались формированием новых участников экономических преобразований – региональных социальных (предприниматели, интеллигенция) и институциональных акторов (административные органы управления, общественные организации, политические партии).

¹ Косырев Е. М. Поход в Хиву в 1839 году // Исторический вестник. № 8. 1898.

² Работа выполнена за счет средств РНФ (проект № 19-18-00180).

Ключевые слова: модернизация, акторы модернизации, Степной край, Туркестан.

Как известно, завершение процесса включения территорий Степного края и Туркестана в геополитическое пространство Российской империи в 60–70 гг. XIX в. совпало по времени с началом широкоформатной модернизации данного этнорегиона. Вопрос о конкретном наполнении модернизационной политики, ее источниках, обоснованности использованных стратегий, эффективности, последствиях для населения Центральной Азии неизбежно ставит на повестку дня проблему выявления субъектов/акторов данной политики. Нельзя не согласиться в связи с этим с И. В. Побережниковым, отмечавшим, что «региональные и субрегиональные общности по-разному ведут себя в общестрановом модернизационном контексте: выступают региональным фактором модернизации или, напротив, тормозом, «якорем» отсталости, амортизирующим модернизационные импульсы, исходящие из центра или более продвинутых регионов»¹. Поэтому исследование процессов «формирования акторов модернизации, эволюции акторных структур, модернизационных стратегий акторов, исторического опыта формирования социальных статусов и идентичностей различных акторных групп, а также выработки технологий увеличения имеющихся в их распоряжении ресурсов и способов их преобразования в реальные современные возможности», безусловно, представляет значительный научный интерес, в том числе в региональном срезе, применительно к центральноазиатским окраинам Российской империи².

Особенности цивилизационного развития Центральной Азии включали возможность формирования института частной собственности на средства производства, классовой дифференциации населения, а вместе с ними и формирования предпосылок и внутренних ресурсов для перехода от традиционного к индустриальному обществу³. Фактором, который обусловил создание соответствующих данному переходу инфраструктуры, социальных (предприниматели, интеллигенция, иностранные специалисты) и институционально-организационных (гражданские и территориально-отраслевые, административно-бюрократические структуры, органы самоуправления, общественные добровольные ассоциации, профессиональные общества, представительские организации и партии и т. д.) акторов⁴, выступило присоединение Степного края и Туркестана к Российской

¹ Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение / Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2016. С. 7.

² Побережников И. В. Акторы российской модернизации: постановка проблемы // Урал индустриальный. Бакунские чтения: индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. Екатеринбург, 2014. С. 31–41.

³ Масанов Н. Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков. Алма-Ата, 1984. С. 123; Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 145.

⁴ Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное

империи в середине XIX в. Именно целенаправленные модернизационные усилия России в отношении данного этнорегиона привели к существенной трансформации его экономической и социальной системы, обеспечив тем самым его интеграцию в общеимперское пространство.

В российской историографии утвердилась точка зрения, согласно которой модернизация в Российской империи осуществлялась верховной властью во многом с опережением социальных, экономических и иных условий, которые имелись в обществе. Этот предопределило по сути неизбежность реализации имперского проекта модернизации, сопровождавшегося бюрократизацией, сильным контролем власти над обществом, энергичным государственным вмешательством в экономику с доминированием в решающих отраслях (железнодорожном строительстве, тяжелой индустрии и др.)¹. Опираясь на германский образец, правительство Российской империи проводило национализацию основных железных дорог, строительство ускоренными темпами новых железнодорожных магистралей, резко увеличивало таможенные пошлины на промышленные товары, ввело винную монополию². Таким образом, государственный сектор экономики во все больших масштабах использовался для финансирования индустриализации.

Остройшей проблемой для России модернизационного периода второй половины XIX – начала XX в. оставался социальный вопрос – вопрос о земле. Реформа Столыпина, напрямую затронувшая азиатскую Россию и ее центральноазиатские окраины, противопоставляла социалистической программе передела земли вестернизационную программу агротехнической модернизации по европейскому образцу.

Еще одной отличительной особенностью российской модернизации рубежа XIX – начала XX в. являлось привлечение иностранного капитала. Как отмечают исследователи, «иностраннные капиталы привлекались в двух формах – в форме займов (государственных или гарантированных правительством) и так называемых предпринимательских займов (организованных «на» или «при помощи» иновложений предприятий)³.

Акторская роль государства, опосредованная условиями догоняющей модернизации, экстраполировалась и на отдельные регионы Россий-

измерение / Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2016. С. 7.

¹ Сенявский А. С. Российский исторический процесс во второй половине XIX–XX вв.: проблемы концептуального осмысления // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Екатеринбург, 2008. С. 594–602.

² Лапина С. Н., Лелюхина Н. Д. Государственная собственность России: некоторые исторические уроки // Собственность в XX столетии: К 80-летию акад. В. А. Виноградова. М., 2001. С. 219, 220–221; Погребинский А. П. Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М., 1968. С. 21, 27.

³ Алексеев В. В., Сапоговская Л. В. Исторический опыт промышленной политики в России. Екатеринбург, 2000. С. 59–62; Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. М., 1997. С. 7, 10.

ской империи, в том числе центральноазиатские окраины. В рамках общеимперских тенденций государство регулировало процесс создания транспортных коммуникаций в Степном крае и Туркестане. Так, при финансовой поддержке государства в 70–80-е гг. XIX в. в регионе была проложена первая Оренбургская железная дорога, связавшая Тургайскую область и Оренбург с Центральной Россией. В 1891–1893 гг. началось строительство линии Покровская слобода – Уральск, в 1897 г. – линии Урбах–Астрахань. В этот же период была введена в эксплуатацию Закаспийская железная дорога, а в начале XX в. – Транссибирская магистраль и Оренбургско-Ташкентская железная дорога. Сеть железных дорог содействовала постепенной ликвидации хозяйственной замкнутости региона, создавала дополнительные рабочие места. Однако в целом темпы формирования инфраструктуры для развития промышленности края оставались крайне низкими.

Важным содержанием процесса трансформации традиционного экономического пространства Центрально-Азиатского региона стало активное стимулирование государством развития торговли, как внутренней, так и внешней. Во внутренней торговле преобладающей формой стали ярмарки. Так, с 80-х гг. XIX в. в Семипалатинской области Степного края функционировало 24–28 ярмарок, при этом годового оборот ярмарок неизменно возрастал. Например, в 1898 г. он составил 2525432 рублей, в 1903 г. годового оборот увеличился до 3710397 рублей¹. Транзитное расположение территорий Степного края и Туркестана открывало широкие возможности для расширения внешней торговли с Китаем и рядом других государств Азии².

Значительное внимание как актор модернизации государство уделяло вопросам аграрной колонизации центральноазиатских окраин. Крестьянская колонизация в целом решала проблему аграрного перенаселения в европейских регионах России и снижения таким образом социальной напряженности. С геополитической точки зрения массовое переселение крестьян в Азиатскую Россию позволяло укрепить ее территории «русским элементом» и освоить огромные пространства Степного края и Туркестана с точки зрения рационального использования земельных ресурсов – создания зерновых и хлопководческих хозяйств.

Для реализации данных задач на законодательном уровне Временными положениями 1867 и 1868 гг. государство объявило себя собствен-

¹ Обзор Семипалатинской области за 1898 г. Семипалатинск, 1899; Обзор Семипалатинской области за 1903 г. Семипалатинск, 1904.

² Кожирова С. Б. Российско-китайская торговля в Центральной Азии (вторая половина XIX – начало XX в.). Астана, 2000; Политика России и Китая в Центральной Азии во второй половине XIX – начале XX в. / Под редакцией А. В. Старцева. Барнаул, 2014. С. 84–92; Русско-китайские отношения. 1689–1916. М., 1960. С. 450; Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974 гг.). М., 1977. С. 217

ником всех средств земельных ресурсов, сформировав механизмы регулирования землепользования коренных этносов. Кочевое население получало пастбища в общинное пользование. Государство закрепляло за собой право изъятия их у кочевников, в случае если они «могут оказаться излишними». Изъятые земельные ресурсы поступали в ведение Министерства государственных имуществ и позволяли формировать Земельный переселенческий фонд. По Положению об управлении Туркестанским краем 1886 г. за оседлым сельским населением признавалось право собственности на землю и право наследования. При этом государство не пошло по пути закрепления за собой права изъятия предоставленной местному оседлому населению земли, не смотря на то, что это создавало известные юридические трудности при колонизации оседлых районов Туркестана¹.

В рамках реализации государством закона 1886 г., за оседлым населением Туркестана были фактически закреплены все земли, пригодные для занятия сельским хозяйством и разведения хлопка. Поэтому расширять крестьянскую колонизацию края возможно было главным образом только путем орошения новых земель. По инициативе Главного управляющего землеустройством и земледелием Кривошеина в регионе было реализовано несколько государственных проектов по формированию сети оросительных каналов². Принятый Государственной думой в 1911 г. закон определил, что воды Туркестанского генерал-губернаторства, независимо от того, на чьей земле они находятся, состоят в верховном распоряжении государства³. Верховным распорядителем воды стало Водное управление, созданное при туркестанском генерал-губернаторе. Таким образом, государственная идея превращения Туркестана в хлопководческую базу империи и связанная с этим практика насаждения частнособственнических мелких крестьянских хозяйств не противоречила общей направленности аграрного столыпинского законодательства.

Акцент на аграрную составляющую политики государства в центральноазиатских окраинах, трудности в создании переселенческого земельного фонда служили одной из главных причин медленных темпов развития в регионе промышленных предприятий по добыче полезных ископаемых. Положение 1886 г. запрещало приобретать недвижимость в Туркестане иностранным подданным и всем нехристианам, за исключением лиц местного населения и «сопредельных стран» – имелись ввиду Бухара и Хива. Возможность приобретения недвижимости для юридических лиц и различного рода товариществ была ограничена законом 1894 г., ст. 15 которого предоставляла данное право товариществам и акционерным обществам, состоявшим исключительно из русских подданных и нехристиан местного происхождения. При этом для открытия такого пред-

¹ Вяткин М. П. Социально-экономическое развитие Средней Азии. Фрунзе, 1974. С. 26–27.

² Вопросы колонизации. 1913. № 12. С. 297–365.

³ Труды I и II съездов деятелей по сельскому хозяйству. Ташкент, 1912. С. 221.

приятия или приобретения недвижимости требовалось получение согласия генерал-губернатора и разрешения двух министров – водного и финансового.

Только в 1897 г. акционерным обществам Туркестана было разрешено выпускать акции на предъявителя, что открывало возможность для иностранного капитала, но для этого требовалось разрешение верховной власти¹. Таким образом, нельзя не согласиться с мнением ряда исследователей, подчеркивавших, что государство как главный актор и конструктор модернизации центральноазиатских окраин России стремилось к ограничению частной земельной собственности и сохранению за регионом статуса аграрной окраины, населенной истинно «русскими людьми». Все это приводило к сознательному сдерживанию государством развития обрабатывающей промышленности в регионе – здесь, в центре хлопководства империи, не было построено ни одной прядильной или хлопчатобумажной фабрики².

В целом отметим, что целый ряд факторов – позднее присоединение центральноазиатских окраин к Российской империи, нестабильность и подвижность российской границы в регионе, связанная с англо-российским противостоянием на Среднем Востоке, преобладание геополитических приоритетов и необходимость обеспечения безопасности, крайне динамичная демографическая ситуация препятствовали возможности развертывания интенсивных модернизационных процессов во второй половине XIX – начале XX в. в данном этнорегионе. Тем не менее в Степном крае и Туркестане проявились явления и процессы, которые связывают именно с модернизацией: урбанизация, развитие торговли, промышленного производства, формирование рынка рабочей силы и т. д. Все это способствовало формированию новых участников модернизации – региональных социальных и институциональных акторов.

Общепризнанно, что предприниматели или буржуазия выступали в роли основного социального актора модернизации. В Степном крае и Туркестане их деятельность была обусловлена своеобразием государственной политики в сфере модернизации, не создававшей условий для развития крупной промышленности. Поэтому в первую очередь в Степном крае и Туркестане формировалась мелкая буржуазия, деятельность которой была связана с аграрным сектором экономики. Сферой приложения ее капитала стала в основном промышленность по переработке сельскохозяйственной продукции – кожевенные, салотопенные производства, шерстомойки, мельницы и т. д.

Значительно шире была представлена местная торговая буржуазия, достаточно разнородная в этническом плане. Среди казахов выделились социальные категории алыпсаргов и саудагеров, занимавшихся перепро-

¹ Вяткин М. П. Социально-экономическое развитие Средней Азии. Фрунзе, 1974. С. 129.

² Там же. С. 130.

даже скота и скотоводческой продукции на внутренних рынках России. Накапливая капиталы посредством прибыльной развозной торговли, саудагеры оседали в городах и крупных селах, где открывали лавки, харчевни, кумысные, постоялые дворы и т. д.¹ В Туркестане торговлей традиционно продолжали заниматься татары, бухарцы, хивинцы, сарты, бухарские евреи. По данным переписи 1897 г., только в Степном крае торговлей были заняты 39537 чел.²

Значительно меньшими темпами в Центрально-Азиатском регионе шел процесс формирования промышленности по добыче полезных ископаемых. Добыча полиметаллических руд и золота осуществлялась на востоке, в районе Рудного Алтая, в Центральном Казахстане велась активная разработка месторождений каменного угля, в районе Каспия формировалась нефтяная промышленность. В Туркестане в 1913 г. действовали 23 каменноугольных копи, добыча медной руды, нефти осуществлялась в Ферганской и Сыр-Дарьинской областях³.

Юг Степного края и Туркестан специализировались на выращивании и переработке хлопка, одной из ведущих отраслей экономики здесь стала хлопчатобумажная промышленность. России необходимо было решить проблему зависимости от поставок высококачественного американского хлопка. Поэтому если в 1885 г. посевная площадь под хлопчатник в Туркестане составляла 41,4 тыс. десятин, то в 1915 г. это показатель возрос до 541,9 тыс. десятин⁴. К 1917 г. в Туркестане, Бухарском эмирате, Хивинском ханстве и Аму-Дарьинском отделе насчитывалось 1198 предприятий фабрично-заводского типа, из числа которых 43 % принадлежало хлопкообрабатывающей промышленности⁵. На рубеже XIX–XX вв. последовало быстрое увеличение объемов вывозимого из региона хлопка-волокна: с 873 тыс. пудов в 1888 г. до 13,7 млн пудов в 1913 г.⁶

Формирование промышленности по добыче полезных ископаемых в Центрально-Азиатском регионе России происходило в основном при участии русского и иностранного капитала. В Туркестане крупными владельцами плантационных хозяйств по выращиванию хлопка являлись

¹ Ерофеева И. В. Характер торговли и формирование купеческого сословия в городах Северо-Восточного Казахстана в XIX в. // Обменные операции городов Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 112–132; Сундетов С. А. О генезисе капитализма в сельском хозяйстве Казахстана (на материалах Северо-Восточных областей). Алма-Ата, 1970. С. 343; Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее ЦГА РК). Ф. И–369. Оп. 1. Д. 7438. Л. 5–6.

² ЦГА РК. Ф. И–342. Оп. 1. Д. 538. Л. 7.

³ Деева Е. У истоков социал-демократического движения в Туркестанском крае. Ташкент, 1975. С. 7.

⁴ Уразаев Ш. З. Туркестанская АССР – первое социалистическое государство в Средней Азии. М., 1961. С. 9.

⁵ Деева Е. У истоков социал-демократического движения в Туркестанском крае. Ташкент, 1975. С. 6.

⁶ Большая советская энциклопедия. 2 издание. Т. 40. М., 1957. С. 382–383.

фирмы Белякова, Тарсина, Лахтина, Малкина, табака – фирма братьев Первушиных. Торговля хлопком находилась в руках нескольких местных крупных фирм и представителей бумагопрядильной промышленности России – фирм Москвы, Ярославля, Лодзи, Иваново-Вознесенска¹. Владелец нефтепромысла «Майли-Сай» в Ферганской области являлся князь Хилков. Медные рудники в Ташкентском уезде, расположенные по притокам р. Чирчик, принадлежали Государственному банку². В Степном крае в начале XX в. сеть акционерных компаний – «Акционерное общество Спасских медных руд», «Акционерное общество Атбассарских медных копей», «Русско-Азиатская корпорация с дочерним предприятием «Иртышская корпорация» – была создана на средства иностранных акционерных компаний. Держателями акций данных компаний выступали предприниматели Англии, Франции, Германии, Швеции, Испании³. Большинство данных промышленных предприятий работало на Военное министерство.

Наряду с ограничительным земельным законодательством дополнительными причинами, сдерживавшими развитие крупной промышленности в Центрально-Азиатском регионе выступали отсутствие транспортных коммуникаций, недостаток капиталов, равнодушие чиновников. Например, на нефтепромыслах Ферганской области нефть перевозили в бочках на гужевом транспорте. Аналогичная ситуация складывалась на предприятиях золотопромышленности Восточного Казахстана, где из-за отсутствия развитой системы коммуникаций и недостатка капиталов, необходимых для технического обслуживания и оснащения техников, число приисков сократилось с 125 в 90-е гг. XX в. до 50 – в начале XX в. Транспортировка свинцово-цинковых концентратов из Риддера в район Экибастуза на расстоянии 700 верст осуществлялись вплоть до 1917 г. гужевым транспортом⁴.

Всю совокупность указанных проблемы пыталась решать формирующаяся региональная буржуазия, как актор модернизации существенно трансформировавшая предпринимательское пространство центральноазиатских окраин Российской империи. По ее инициативе и участии произошло открытие сети отделений Государственного банка Российской империи в регионе. Например, в 1874 г. отделение Госбанка было открыто в Ташкенте по его инициативе⁵. Аналогичная ситуация имела место при открытии отделений Государственного банка в Коканде в 1892 г.⁶, в Асхаба-

¹ Пален К. К. Отчет по ревизии Туркестанского края. Горное дело. СПб, 1910. С. 31–32.

² Вяткин М. П. Социально-экономическое развитие Средней Азии. Фрунзе, 1974. С. 147.

³ Фридман Ц. Л. Иностранный капитал в дореволюционном Казахстане Алма-Ата, 1960. С. 15–20.

⁴ История Казахстана в пяти томах. Алматы, 2000. Т. 3. С. 574–575.

⁵ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 587. Оп. 30. Д. 308. Л. 39.

⁶ Там же. Д. 470. Л. 1.

де – в 1894 г.¹

Частные предприниматели Степного края взяли на себя расходы по организации водного коммерческого пути по озеру Балхаш и р. Или до Кульджи, расположенной в китайской провинции Синьцзян. В 1886 г. верненский купец Вали Ахун Юлдашев заказал на свои средства винтовой пароход для организации пассажирского и торгового движения по Или и Балхашу. Это было важнейшее событие, оказавшее позитивное влияние на экономическое развитие г. Верного². Усилия формирующейся региональной предпринимательской группы как актора модернизации были направлены на улучшение сельскохозяйственного и ирригационного дела в Туркестане. По ее инициативе с 1909 г. в Ташкенте стали проходить ежегодные съезды деятелей по сельскому хозяйству Туркестана³. На них обсуждался широкий круг вопросов, направленных на необходимость развития «большого орошения» региона с привлечением не только государственных, но и частных капиталов, совершенствование сельскохозяйственной техники и т. д.

Несомненно, что важным актором модернизации выступает интеллигенция, которая в условиях технического прогресса вносит значительный вклад в трансформацию модернизирующегося общества. Источником формирования интеллигенции центральноазиатских владений России во второй половине XIX в. выступали политические ссыльные, а также переселившиеся в регион учителя, врачи, агрономы. К началу XX в. в Степном крае и Туркестане наиболее многочисленным был отряд земской интеллигенции – учителя, что напрямую было связано с политикой государства в сфере образования и массовым открытием в регионе начальных школ и школ среднего звена – реальных и технических училищ, гимназий и прогимназий.

Под влиянием идей народничества в Степном крае и Туркестане шло формирование групп интеллигенции среди коренного населения региона. Творческое сотрудничество казахских и русских представителей заложило демократические основы и развития казахской общественной мысли. Это привело к появлению в регионе периодической печати на языках коренных народов Центрально-Азиатского региона – в 1870–1882 гг. в Ташкенте издавалась «Туркестанская степная газета», «Туркестанские ведомости», в Омске – «Киргизская степная газета», в Акмолинске – «Акмолинские областные ведомости» и т. д. Под влиянием русской передовой мысли в начале XX в. произошло организационное оформление первой политической партии казахской интеллигенции – Алаш⁴.

¹ Там же. Д. 635.

² История Казахстана в пяти томах. Алматы, 2000. Т. 3. С. 511.

³ Труды I и II съездов деятелей по сельскому хозяйству Туркестанского края. Ташкент, 1912.

⁴ Аманжолова Д. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. М., 1994. 213 с.; Аманжолова Д. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана.

Однако в Степном крае и Туркестане, в отличие от многих промышленно развитых регионов Российской империи – Урала, Алтайского горного округа, процесс формирования интеллигенции принял специфические формы. По причине более позднего подключения Центрально-Азиатского региона к модернизационным процессам и отсутствия сети специализированных учебных заведений, здесь не получила полноценного развития группа технической интеллигенции, которая могла бы принимать участие в технической революции и разработке оборудования и новых технологических приемов производства. Большинство промышленных объектов по добыче и переработке полезных ископаемых и сельскохозяйственной продукции в техническом плане были неукomплектованные, оборудование на них, как правило, закупалось из-за границы.

Следует отметить, что техническое переоснащение многих промышленных объектов Центрально-Азиатского региона происходило при участии иностранных специалистов. Например, в 1915 г. на созданном в Риддере Акционерном обществе на должность управляющего был назначен титулярный советник, служивший инспектором Горного департамента Министерства торговли и промышленности России, по происхождению остзейский (прибалтийский) немец, Н. К. Лессинг. Под его руководством риддерское свинцово-цинковое производство было переведено исключительно на иностранное оборудование¹.

В условиях слабой жизнеспособности социальных акторов значительная роль в модернизации центральноазиатских окраин России принадлежала региональным органам власти в лице туркестанских и степных генерал-губернаторов. Передача в их компетенцию многих вопросов, связанных с управлением регионом, в том числе право принятия локальных правовых актов и внешнеполитических решений, объяснялась отдаленностью региона от имперского центра, отсутствием развитой системы коммуникаций и стремлением оптимизации процесса администрирования. В то же время практический опыт руководства краем превращал генерал-губернаторов в ценнейший источник информации по узловым вопросам экономического развития региона. Осуществляя непосредственное управление данным этнорегионом и взаимодействие с представителями региональных этноэлит, они имели возможность объективно оценивать эффективность реализации тех или иных реформ, прогнозировать ситуацию, предлагать альтернативные министерским варианты трансформации традиционных социальных институтов и т. д.

Генерал-губернаторы имели право на распределение бюджета, корректировку сбора налогов, высший надзор за финансовыми оборотами управляемого им края. Как акторы модернизации они активно формирова-

Алматы, 2009. 412 с.

¹ Немцев М. Риддерская концессия Лесли Уркварта. Риддер, 2007. Приложение 8. Режим доступа: <https://refdb.ru/look/1117589-pall.html> (дата обращения 05.07.2019 г.)

ли институциональные региональные структуры, способные обеспечить успешность реформ. Примером может служить деятельность Степного генерал-губернатора Г. А. Колпаковского, направленная на формирование финансовых органов – Казенной палаты и казначейств – на территории вверенной им административно-территориальной единицы¹. При активном участии туркестанских генерал-губернаторов в Министерстве финансов продвигался процесс открытия отделения Госбанка в Бухаре, положительно решались вопросы проведения прямого телеграфного и телефонного сообщения с Бухарой и другими центральноазиатскими владениями России, строительства транспортных артерий (Самаркандской, Оренбургско-Ташкентской железных дорог), создания Туркестанского таможенного округа и таможенных застав, российских пограничных пунктов, в том числе «через Бухару к Аму-Дарье», «уравнения русских торговцев в правах с бухарцами, торгующими в России»².

Российская модернизация второй половины XIX – начала XX в. была нацелена на формирование элементов гражданского общества посредством проведения реформы местного самоуправления. Однако в силу объективных обстоятельств – слабой интегрированности центральноазиатских окраин в общеимперское пространство, отсутствие русских, языковой барьер исключали возможность создания земских учреждений в регионе с момента проведения земской реформы в 1864 г. вплоть до начала XX в. Поэтому, в отличие от многих регионов Российской империи, где земства получили право облагать население налогами (на недвижимое имущество, в первую очередь землю), «для пользы и нужд» своих губерний, в Степном крае и Туркестане все эти функции выполняли областные правления.

Формирование органов городского самоуправления в регионе началось в конце XIX в. Однако в уездных городах Степного края общественное самоуправление в полном объеме было введено лишь в Петропавловске и Акмолинске. Численность гласных в городской думе Петропавловска, например, составляла 39 человек, а городская управа состояла из 3 членов. В других городских поселениях региона (Кокчетаве, Атбасаре, Павлодаре, Каркаралинске, Усть-Каменогорске и Зайсане) общественное самоуправление было введено в упрощенном виде – городская дума замещалась собранием уполномоченных в количестве от 12 до 15 человек, избираемых сходом домохозяев. Городской голова и городская управа замещались в данном случае городским старостой с одним или двумя помощниками³.

По ряду вопросов, связанных с развитием хозяйственной и социально-культурной сфер городских поселений Степного края, приоритетное место в работе органов общественного самоуправления занимала проблема

¹ РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 179. Л. 72.

² Там же. Л. 12об.

³ ЦГ А РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 4783. Л. 2.

формирования городских бюджетов. Отставание в темпах экономического развития позволяло формировать бюджет городских поселений Степного края и Туркестана за счет сборов с владельцев недвижимости и городского имущества. Только в начале XX в. по мере роста торгово-промышленного значения некоторых уездных городов региона доходная часть их бюджетов увеличилась. Например, доходы городской казны в Петропавловске с 1898 г. по 1909 г. увеличились с 60 тыс. до 215 тыс. рублей, в Акмолинске, соответственно, – с 27812 руб. до 75 тыс. руб., в Кокчетаве – с 1898 г. по 1909 г. возросли с 2649 руб. до 11168 руб.¹

В связи с ростом доходной части бюджетов в начале XX в. городские самоуправления в Степном крае стали выделять больше средств на развитие городского хозяйства и социально-культурную сферу. В Петропавловске, например, усилиями общественного самоуправления была проделана значительная работа по развитию городского хозяйства. В 1901–1914 гг. по решению городской думы здесь проводилось сооружение водопровода и его ответвлений к больнице, зданию переселенческого пункта, меновому двору, скотобойне, консервному заводу и частным домам. По инициативе городской управы г. Семипалатинска в 1887 г. в городе было открыто отделение Госбанка².

Однако в целом, возможности городских самоуправлений в других уездных поселениях Степного края в силу нехватки финансовых средств были весьма ограничены. Поэтому зачастую забота городских властей о благоустройстве вверенных им поселений сводилась лишь к принятию постановлений, содержащих требования к горожанам соблюдать элементарные санитарно-гигиенические нормы. Не случайно органы городского самоуправления добивались более широкой помощи со стороны государства в решении насущных вопросов развития городского хозяйства и социально-культурной сферы, настаивали на увеличении отчислений в городские бюджеты и т. д.³

Следствием модернизационной политики государства в центральноазиатских окраинах России стало появление в регионе в конце XIX в. добровольческих общественных организаций. Как отмечают исследователи, «Общественные организации ...заполняли вакуум, вызванный неспособностью официальных властей выполнить стоящие перед ними задачи, такие как распространение полезных знаний, популяризация науки и техники, сохранение и преумножение национального достояния, содействие народному образованию. Руководители таких обществ играли роль, аналогичную роли предпринимателей в экономической сфере... Постоянно стре-

¹ Еремина Л. А. Городское самоуправление в Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков: структура, функции, основные направления деятельности: Автореф. дис... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. С. 18.

² РГИА. Ф 587. Оп. 30. Д. 520. Л. 1.

³ Джаниева Р. М. Социально-экономическое и культурное развитие уездных городов Степного края в конце XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Омск, 2017.

мясь приносить пользу, общественные организации были опорой просвещения, помогали государству в его усилиях по мобилизации природных и человеческих ресурсов на решение задач национального развития и повышения престижа страны»¹.

Формирование добровольческих общественных организаций в центральноазиатских окраинах России связано в первую очередь с деятельностью РИГО. В 1877 г. был открыт Западно-Сибирский отдел Русского Императорского географического общества, в 1895 г. – Туркестанский, 1902 г. – Семипалатинский отделы. Членами отделений РИГО, функционировавших в Степном крае и Туркестане, являлись ученые гуманитарных и естественных наук. Сотрудники отделений проводили колоссальную работу по изучению края, разрабатывали программы и инструкции – практические руководства – для его населения, проводили экспедиционную работу геологической, этнографической направленности, организовывали музейные экспозиции. Важным событием в культурной жизни Степного края и Туркестана стало открытие в 1870 г. – Туркестанского отдела Общества любителей естествознания, в 1871 г. – Среднеазиатского ученого общества, а в 1887 г. – Оренбургской ученой архивной комиссии, в 1903 г. – Ташкентского отделения Общества востоковедов². Трудями членов данных обществ было подготовлено и издано множество документальных материалов по истории колонизации Центральной Азии, статистических справочников, периодических изданий. Вместе с музейной работой проводились мероприятия, направленные на формирование библиотечных фондов, а также книгообмен между различными учреждениями.

Обострение социальных проблем в региональных сообществах Степного края и Туркестана в период реформ 70–80 гг. XIX в. привело к появлению благотворительных организаций – Попечительств о бедных, Обществ борьбы за трезвость, Российского общества Красного креста. Активизировалось на рубеже XIX–XX вв. движение религиозных общественных организаций – мусульманских и христианских.

Логическим завершением поступательного развития элементов гражданского общества в Центрально-Азиатском регионе стало формирование филиалов российских политических партий. Основная их масса возникла на волне революционных событий 1905–1907 гг. Одними из первых в Степном крае и Туркестане проявили себя организации и группы социал-демократического толка, которые смогли сформировать сеть организаций

¹ Брэдли Дж. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество: пер. с англ. М., 2012. С. 36–37.

² Галиев В. З. Библиотечное дело в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в. Алма-Ата, 1998; История Казахстана в пяти томах. Т. 3. Алматы, 2000. С. 684–697; Макарихин В. П. Губернские ученые, архивные комиссии и их роль в развитии общественно-исторической мысли России в конце XIX – начале XX в. // История СССР. 1989. № 1. С. 154–169.

Российской социал-демократической рабочей партии¹. В период Первой русской революции – в феврале 1906 г. – состоялась первая Туркестанская конференция РСДРП, на которой было принято решение о создании «Союза Туркестанских организаций РСДРП». Появление «Союза» свидетельствовало о достаточно высокой степени консолидации социал-демократических сил региона и популярности их идей среди местных рабочих кадров. Об этом же свидетельствовали их попытки взять на себя руководство рабочим движением в Туркестане в годы революции 1905–1907 гг.²

В начале XX в. среди рабочих железнодорожных линий и депо Оренбургско-Ташкентской и Транссибирской магистралей оформились ячейки социал-демократического движения, в среде городских слоев населения – демократической интеллигенции, учащейся молодежи – эсеровские организации³. Основными направлениями деятельности эсеров в Степном крае стал выпуск нелегальных изданий, организация выступлений рабочих, поддержка кампании по бойкоту I Государственной думы. Однако их роль в политической жизни региона оставалась слабой⁴.

Либерально-оппозиционное движение в Степном крае и Туркестане было представлено двумя политическими силами: отделами партии «Союз 17 октября» и конституционными демократами. Отдел партии «Союз 17 октября» не смог консолидироваться и организационно оформиться даже в период революционного подъема 1905–1907 гг. Это объяснялось отсутствием в регионе широкой социальной базы для буржуазного движения: только начавшаяся экономическая модернизация сопровождалась периодом «первоначального накопления». Поэтому местная буржуазия, в том числе национальная, не была консолидирована и крайне индифферентно относилась к участию в социально-политическом движении. Не имея сформированного электората, октябристы не сумели добиться сколько-нибудь существенных успехов в период избирательных кампаний в Государственную думу первого и второго созывов. В последующие годы члены этой партии в Степных областях фактически ни в чем себя не проявляли⁵.

Конституционные демократы в Степном крае сделали ставку на буржуазную интеллигенцию, чиновников и торговых служащих. Это поз-

¹ ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1079; Революция 1905–1907 гг. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1985. С. 58–89; Шафиро Ш. Первые группы РСДРП и начало профсоюзного движения в Казахстане (1905–1907 гг.). Алма-Ата, 1964. С. 34–35.

² Деева Е. А. У истоков социал-демократического движения в Туркестанском крае. Ташкент, 1975. С. 21.

³ ЦГА РК. Ф. 726. Оп. 1. Д. 4. Л. 3–4.

⁴ Буктугутова Р. С. Общественное движение в Степном крае в конце XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... доктора ист. наук. Омск, 2007. С. 29.

⁵ Лысенко Ю. А. и др. Этнополитические процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. Барнаул, 2017. С. 36–45.

волило им привлечь на свою сторону значительные силы и создать в период Первой русской революции ряд отделов партии в крупных промышленных центрах края – Омске, Семипалатинске, Петропавловске, Усть-Каменогорске. Местные кадеты, следуя общепартийной платформе, выступали за поэтапную трансформацию политической и экономической системы в государстве на основе синтеза буржуазных идей и некоторых атрибутов феодальной эпохи. Конечным итогом эволюционного реформирования, по их мнению, должна была стать конституционная монархия. Активная социально-политическая позиция местных ячеек партии, актуальные и доступные для восприятия лозунги сделали ее очень популярной среди значительной части населения Степного края.

Не случайно поэтому к кадетам примкнули и представители казахской национальной интеллигенции, считавшие программу этой партии наиболее приемлемой для эволюционного пути развития казахского общества. Распространение европейского образования в среде казахской элиты, а также усвоение ею образчиков европейской культуры содействовали усилению социально-политического брожения в умах национальной интеллигенции.

В целом, по оценке исследователей, несмотря на некоторое оживление общественно-политического движения в Степном крае и Туркестане в начале XX в., оно не получило широкого развития. Свидетельством является крайне низкий процент участия населения региона в выборах в Государственную думу первого и второго созывов¹. К числу причин данной ситуации, на наш взгляд, следует отнести господство в сознании населения центральноазиатских окраин Российской империи традиционных установок, низкий уровень политической культуры, исключавших возможность его активного участия в политическом процессе и выборах в Государственную думу.

Подводя итоги, следует отметить, что главным актором модернизации центральноазиатских окраин Российской империи выступало государство. Предложенные им традиционным обществам Степного края и Туркестана шаги по индустриализации в основном соответствовали общеимперским тенденциям и осуществлялись с опережением социальных, экономических и иных условий, которые имелись в регионе. Кроме этого, важными факторами, определившими характер и направленность процессов модернизации Центральной Азии, стали позднее ее присоединение к Российской империи, нестабильность и подвижность российской границы в регионе, связанная с англо-российским противостоянием на Среднем Востоке, преобладание геополитических приоритетов над экономическими, крайне динамичная демографическая ситуация.

¹ Буктугутова Р. С. Общественное движение в Степном крае в конце XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... доктора ист. наук. Омск, 2007. С. 40.

Все данные обстоятельства препятствовали возможности развертывания интенсивных модернизационных процессов в данном этнорегионе. Поэтому государство как главный актор модернизации пошло по пути внешнего воздействия традиционными для империи апробированными формами на отсталую, с точки зрения имперского мышления, экономику Степного края и Туркестана. Это выражалось, прежде всего, в подключении региона к транспортным и торговым системам более развитых районов. Основная задача, которая при этом решалась – это обеспечение беспрепятственного обмена традиционной продукцией, производимой в Центрально-Азиатском регионе, на продукцию индустриального производства центральных районов. В таком случае патриархально неразвитое хозяйство интегрировалось в относительно совершенную рыночную и производственную инфраструктуру. Реализация государством задач аграрной колонизации Степного края и Туркестана и формирования здесь зерновых и хлопководческих хозяйств сдерживала процесс развития в регионе крупной промышленности, в том числе с привлечением иностранного капитала.

Тем не менее в данный период в Степном крае и Туркестане на рубеже XIX–XX вв. проявились явления и процессы, которые связывают именно с модернизацией: урбанизация, развитие торговли, промышленного производства, формирование рынка рабочей силы и т. д. Все это позволяет говорить о том, что государство как актор модернизации способствовало формированию новых участников экономических преобразований – региональных социальных (предприниматели, интеллигенция) и институциональных акторов (административные органы управления, общественные организации, политические партии). Все они, в той или иной мере, продвигали социально-экономические реформы в Центрально-Азиатском регионе, оказывали на них определенное воздействие и формировали новое, модернизированное региональное экономическое пространство.

Список источников и литературы

1. Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение / Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. 316 с.
2. Алексеев В. В., Сапоговская Л. В. Исторический опыт промышленной политики в России. Екатеринбург: Академкнига, 2000. 99 с.
3. Аманжолова Д. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. М.: Изд. Центр «Молодая гвардия», 1994. 213 с.
4. Аманжолова Д. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы: Издательский дом «Таймас», 2009. 412 с.
5. Большая советская энциклопедия. 2 издание. Т. 40. М.: Советская энциклопедия, 1957. 546 с.
6. Брэдли Дж. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество: пер. с англ. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с.
7. Буктугутова Р. С. Общественное движение в Степном крае в конце XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ...доктора ист. наук. Омск, 2007. 42 с.
8. Вопросы колонизации. 1913. № 12.

9. Вяткин М. П. Социально-экономическое развитие Средней Азии. Фрунзе: Издательство Илим, 1974. 263 с.
10. Галиев В. З. Библиотечное дело в Казахстане (вторая половина XIX – начале XX в. Алма-Ата: Наука, 1998. 139 с.
11. Деева Е. У истоков социал-демократического движения в Туркестанском крае. Ташкент: Узбекистан, 1975. 104 с.
12. Джаниева Р. М. Социально-экономическое и культурное развитие уездных городов Степного края в конце XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Омск, 2017. 24 с.
13. Еремина Л. А. Городское самоуправление в Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков: структура, функции, основные направления деятельности: Автореф. дис... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. 23 с.
14. Ерофеева И. В. Характер торговли и формирование купеческого сословия в городах Северо-Восточного Казахстана в XIX в. // Обменные операции городов Сибири периода феодализма. Новосибирск: Наука, 1990. С. 112–132.
15. История Казахстана в пяти томах. Алматы: Гылым, 2000. Т. 3. 763 с.
16. Иностранное предпринимательство и zahraniчные инвестиции в России: Очерки. М.: РОССПЭН, 1997. 321 с.
17. Кожирова С. Б. Российско-китайская торговля в Центральной Азии (вторая половина XIX – начало XX в.). Астана: Евраз. гос. ун-т им. Л. Н. Гумилева, 2000. 138 с.
18. Лапина С. Н., Лелюхина Н. Д. Государственная собственность России: некоторые исторические уроки // Собственность в XX столетии: К 80-летию акад. В. А. Виноградова. М.: РОССПЭН, 2001. С. 216–223.
19. Лысенко Ю. А. и др. Этнополитические процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. Барнаул: Издательство Алтайского госуниверситета, 2017. 366 с.
20. Макарихин В. П. Губернские ученые, архивные комиссии и их роль в развитии общественно-исторической мысли России в конце XIX – начале XX в. // История СССР. 1989. № 1. С. 154–169.
21. Масанов Н. Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков. Алма-Ата: Издательство «Наука Казахской ССР», 1984. 176 с.
22. Немцев М. Риддерская концессия Лесли Уркварта. Риддер: Терра, 2007. 170 с.
23. Обзор Семипалатинской области за 1898 г. Семипалатинск: Тип. Семипал. Обл. Правл, 1899. 60 с.
24. Обзор Семипалатинской области за 1903 г. Семипалатинск: Тип. Семипал. Обл. Правл, 1904. 111 с.
25. Пален К. К. Отчет по ревизии Туркестанского края. Горное дело. СПб.: Сенат. тип, 1910. 366 с.
26. Побережников И. В. Актеры российской модернизации: постановка проблемы // Урал индустриальный. Бакунские чтения: индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. Екатеринбург: Издательство ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2014. С. 31–41.
27. Погребинский А. П. Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М.: Финансы, 1968. 167 с.
28. Политика России и Китая в Центральной Азии во второй половине XIX – начале XX в. / Под редакцией А. В. Старцева. Барнаул: Азбука, 2014. 458 с.

29. Революция 1905–1907 гг. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент: Фан, 1985. 206 с.
30. Русско-китайские отношения. 1689–1916. М.: Изд-во вост. лит-ра, 1958. 139 с.
31. Сенявский А. С. Российский исторический процесс во второй половине XIX–XX вв.: проблемы концептуального осмысления // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 20-летию Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии, 2008. С. 594–602.
32. Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974 гг.). М.: Наука, 1977. 439 с.
33. Сундетов С. А. О генезисе капитализма в сельском хозяйстве Казахстана (на материалах Северо-Восточных областей). Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1970. 126 с.
34. Труды I и II съездов деятелей по сельскому хозяйству. Ташкент: Типограф. при Канцелярии туркестанского генерал-губернатора, 1912. 329 с.
35. Уразаев Ш. З. Туркестанская АССР – первое социалистическое государство в Средней Азии. М.: Госюриздат, 1961. 179 с.
36. Фридман Ц. Л. Иностраный капитал в дореволюционном Казахстане Алма-Ата: Казгосиздат, 1960. 144 с.
37. Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 451 с.
38. Шафиро Ш. Первые группы РСДРП и начало профсоюзного движения в Казахстане (1905–1907 гг.). Алма-Ата: Казахстан, 1964. 216 с.

С. К. Удербаета, А. М. Сагатов
(КазНУ им. аль-Фараби, Алма-Ата),

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ РОЛИ ОЙРАТОВ В ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

Аннотация: В данной статье рассмотрены современные научные концепции, представленные в современных научных исследованиях, посвященных переосмыслению роли ойратов в истории Центральной Азии нового времени. Обозначенные научные работы отличает новаторский подход, концептуальное переосмысление и изучение с новых методологических позиций роли ойратов как главных акторов в истории международных отношений в Центральной Азии нового времени.

Ключевые слова: ойраты, джунгары, калмыки, казахи, международные отношения, историография, Центральная Азия, Россия, Цинский Китай, Джунгарское ханство, хунтайджи.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

Ойраты сыграли важную роль в истории Центральной Азии нового времени. В настоящее время многие аспекты истории ойратов нуждаются в переосмыслении и становятся предметом изучения российских, казахстанских, киргизских, монгольских, американских и других ученых.

Ученые пытаются раскрыть не изученные до сегодняшнего дня проблемы истории ойратов до появления Джунгарского ханства и в последующий период, взаимоотношений ойратов с соседними народами, историю Калмыцкого ханства, этимологию этнонимов «ойрат», «калмык», термина-политонима «джунгар», и др., основываясь на неизвестных ранее источниках и материалах.

В данной статье мы хотели бы рассмотреть наиболее интересные концепции современных исследователей, касающихся истории ойратов, их роли в истории Центральной Азии XVII–XVIII вв.

Инновационный поход отличает авторов и составителей сборника, посвященного кульминационному событию казахско-ойратской войны 1723–1730 гг. – Аныракайскому сражению¹. Ответственным редактором сборника и одним из авторов является видный казахстанский историк Ирина Викторовна Ерофеева. Составители сборника впервые представили основные результаты проведенного в 2005–2007 годах комплексного исследования топографии, геоморфологии, ландшафтов, палеоклимата, археологии, военно-политической истории, исторической топонимики, картографии и этнографии центральный части Чу-Илийского региона. На основе новых данных, архивных фондов, рукописных, опубликованных документальных и картографических материалах авторы представили серьезный анализ характера, содержания и векторов сложного и противоречивого процесса казахско-джунгарских взаимоотношений в период XVII – первой половины XVIII веков и влияния на них соседства с Россией и Китаем. Следует отметить, что аналогов данному коллективному исследованию в современной историографии ойратов нет.

В этом же инновационном ключе рассматривается история создания и религиозной деятельности буддийских монастырей ойратов на территории среднего и верхнего течения р. Или и ее притоков в течение первой половины XVIII в. до середины XIX в. в научной статье И. В. Ерофеевой. Впервые на основе географических карт XVIII–XX вв. и результатов новейших полевых исследований в Семиречье автор точно установила расположение буддийских монастырей ойратов, их топографию, размеры и основные внешние достопримечатель-

¹ Аныракайский треугольник: историко-географический ареал и хроника Великого сражения / [авт.: И. В. Ерофеева и др.; отв. ред. И. В. Ерофеева]; М-во культуры и информации Респ. Казахстан, Казахский научно-исслед. ин-т по проблемам культурного наследия nomadov. Алматы: Дайк-пресс, 2008.-271 с.

ности и представила анализ значения буддийских комплексов в организации религиозно-культурной жизни кочевого монголоязычного населения Джунгарского ханства. Результаты исследования ученого раскрывают новые грани деятельности правителей Джунгарского ханства: Галдана-Бошохту, Цэван-Рабдана и Галдан-Цэрена¹.

В монографии российских ученых Николая Семеновича Модорова и Владимира Григорьевича Дацышена на основе архивных документов и обширной историографической базы воссоздана история зарождения маньчжурского (Цинского) государства, взаимоотношения Цинской империи с соседями в XVII – первой половине XVIII века, борьба с цинской агрессией Народов Саяно-Алтая и Северо-Западной Монголии в 1753–1756 гг. и принятие российского подданства коренными народами Южного Алтая. Взаимоотношениям ойратов с соседями в 1745–1751 гг. посвящена в монографии отдельная глава².

Предметом исследования кандидатской диссертации Риммы Арнальдовны Кушнерик стали русско-джунгарские дипломатические отношения в начале XVII – 50-х гг. XVIII в., на основании диссертации ею была издана монография. Р. А. Кушнерик, задавшись целью воссоздать и реконструировать полную картину дипломатических отношений Русского государства и Джунгарского ханства, анализирует характер и особенности русско-ойратских дипломатических отношений, цели, задачи и тактику русской и джунгарской дипломатий в борьбе за сферы влияния в Юго-Западной Сибири; противоборство русской и джунгарской дипломатий в Казахстане в 30-е – 40-е гг. XVIII в. и его результаты, сравнивает дипломатическое искусство Русского государства и Джунгарского ханства; описывает церемониальную сторону русско-джунгарских дипломатических отношений.

Отличает работу Р. А. Кушнерик привлечение исследования английского востоковеда Джона Бэддли, собравшего и переведшего на английский язык опубликованные и архивные документы по истории взаимоотношений Русского государства с Китаем и с ойратами, в числе которых шестнадцать статейных списков русских послов в Китай и к Алтын-ханам, а также работы французского сиолога XIX –

¹ Ерофеева И. В. Буддийские монастыри ойратов в Семиречье (середина XVII – середина XIX в.). // *Mongolica-XVIII*: Сб. науч. статей по монголоведению посвящается 70-летию юбилею российского ученого-монголоведа, педагога, дипломата Лидии Григорьевны Скородумовой. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. 106 с. С. 35–49.

² Модоров Н. С., Дацышен В. Г. Народы Саяно-Алтая и Северо-Западной Монголии в борьбе с цинской агрессией. 1644–1758 гг. Горно-Алтайск – Красноярск, 2009. 90 с.

начала XX вв. М. Курана о борьбе Цинской империи с Джунгарских ханством, основанные в свою очередь, на китайских источниках¹.

Также в основном на китайских источниках основано диссертационное исследование Дорджи Геннадьевича Кукеева, в котором представлен анализ истории ойратов до появления Джунгарского ханства (1635 г.), это исследование весьма важно для понимания развития международных отношений в Центральной Азии в XVIII в., роли ойратов в этих отношениях². Д. Г. Кукеев, помимо обозначенной диссертации, известен как автор большого числа работ по источниковедению и историографии ойратов XIII–XVIII вв., истории Центральной Азии позднего Средневековья, истории Цинского Китая.

Для понимания истории ойратов раннего периода важны результаты научных изысканий Владимира Толтаевича Тепкеева, в частности его работы «Ойраты в начале XVII века», в которой раскрыта политическая история ойратов с момента их откочевки из Центральной Азии в степи Юго-Западной Сибири и Северного Прикаспия в начале XVII в.³ Проблемы политических взаимоотношений калмыков в Северном Прикаспии во второй трети XVII века посвящена его предшествующая указанной выше работе монография⁴.

Предметом диссертационного исследования Инны Александровны Ноздриной под руководством известного джунгароведа Владимира Анисимовича Моисеева стало изучение роли и места Калмыцкого ханства в системе международных отношений в Центральной Азии в XVIII веке⁵. Особенностью диссертационного исследования И. Ноздриной является то, что в основу работы легла концепция динамической стабильности, разработанная А. Д. Богатуровым и К. В. Плешаковым. Работу отличает обширная источниковая база, на основе которой автор исследовал законодательную политику российского правительства в отношении принимаемых в русское подданство джунгар и джунгарский вопрос в русско-китайских отношениях в 50 – 60-х гг. XVIII в. Особое внимание И. Ноздрина уделила политике российского правительства по возвращению в Россию ушедших в 1771 г. с Волги калмыков.

¹ Кушнерик Р. А. Русско-джунгарские дипломатические отношения (начало XVII – 50-е гг. XVIII в.): монография. Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2008. 266 с.

² Кукеев Д. Г. История ойратов до создания Джунгарского ханства: XIII–XVI вв. Дис. ...канд. ист. наук. СПб., 2008. 205 с.

³ Тепкеев В. Т. Ойраты в начале XVII века. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 198 с.

⁴ Тепкеев В. Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: НПП «Джангар», 2014. 448 с.

⁵ Ноздрина И. А. Калмыцкое ханство в системе международных отношений в Центральной Азии в XVIII веке. Автореф. дис. канд. ист. наук. Томск, 2007. 32 с. С. 21.

Интересные материалы по ойрато-маньчжурскому конфликту, положению казахов под «джунгарским молотом», установлению имперской стабильности в регионе после разгрома Джунгарии размещены на авторском сайте российского историка Вячеслава Ивановича Бакланова «Территория историка»¹. Геополитическое соперничество и войны в Центральной Азии между Китаем, джунгарами, казахами и Россией в 1690-е по 1759 г. стали также предметом его анализа. По мнению В. Бакланова, с варварским уничтожением ранее мощного и вечно экспансивного Джунгарского ханства, в регионе наступила стабильность, и воцарился мир, разгром Джунгарского ханства способствовал более поступательному развитию всего Центрально-Азиатского региона.

В диссертации Владимира Ивановича Колесник «Последнее великое кочевье: переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках» рассматривается история калмыцких миграций с начала XVII в. по 1771 г. Автор обосновывает концепцию о демографических процессах как первопричине кочевнических миграций, пересматривая концепцию о перенаселенности степи, в которой антропогенные нагрузки на природу, недостаточные возможности для торговли с оседлыми обществами являются главными причинами периодических экспансий номадов². По мнению В. И. Колесник, кочевье 1771 г., в отличие от всех других, было актом государственной национальной политики калмыцких ханов, прекрасно организованным и осуществленным, состоявшимся вопреки господствовавшим тенденциям исторического развития.

Российский историк Кирилл Сергеевич Ануфриев в своей диссертационной работе «Политика России и Китая в Центральной Азии: опыт сравнительно-исторического анализа» поставил цель изучить и определить основные долговременные тенденции взаимодействия России и Китая в Центральной Азии в XVII – начале XXI в.³ В первой главе «Политика Российской и Цинской империй в центре Евразии в XVII – XIX вв.» автор рассмотрел внешнеполитические курсы Российской и Цинской империй в Евразии в XVII–XIX вв., также выделяются основные тенденции российско-китайского взаимодействия в геополитическом регионе Центральная Азия.

¹ Бакланов В. Геополитическое соперничество и войны в Центральной Азии между Китаем, джунгарами, казахами и Россией в 1690-е по 1759 г. // Территория историка. Режим доступа: http://historick.ru/view_post.php?id=239&cat=12

² Колесник В. И. Последнее великое кочевье: переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. Автореф дис. ...доктора ист. наук. Волгоград, 2003. 55 с.

³ Ануфриев К. С. Политика России и Китая в Центральной Азии: опыт сравнительно-исторического анализа. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Томск, 2010. С. 37.

Исследователь Сергей Григорьевич Скобелев проанализировал в своей статье демографические последствия завоевания Джунгарии войсками империи Цин и пришел к выводу, что численность населения Джунгарии на начало военно-политических катаклизмов, исходя из известной и достаточно объективной цифры количества семей, следует определять в размере около 1 млн чел.¹ Именно от этой цифры, по его мнению, должны рассчитываться как размеры прямых потерь, включая потери от междоусобиц, так и количество беженцев. Также он обосновывает свою мысль о том, что нет оснований говорить о поголовной гибели населения Джунгарии. По мнению С. Скобелева, «уцелело около трети всего населения ханства, соответственно погибло до 670 тыс. чел., из них непосредственно от действий цинских войск около 400 тыс. чел. В результате завоевания Джунгарии и последующих действий цинских властей ойратский этнос практически прекратил свое существование на коренных землях»².

Весьма интересны и новые результаты научных изысканий Дениса Сергеевича Боброва, автора целого комплекса научных работ, в числе которых кандидатская диссертация³. Д. Бобров в диссертационном исследовании проанализировал процесс оформления государственной границы Российской империи в Верхнем Обь-Иртыше в первой половине XVIII в., в своих исследованиях основывается на обширном круге архивных документов, законодательных актах, документальных публикациях⁴. По мнению Д. С. Боброва, Джунгарская сторона не признавала претензии российских властей на Верхнее Обь-Иртыше.

История откочевки большей части калмыков из России в Джунгарию в 1771 году проанализирована в диссертации Елены Валерьев-

¹ Скобелев С. Г. Демографические последствия завоевания Джунгарии войсками империи Цин // Вестник НГУ. Серия: История. Филология. Т. 9. Вып. 5. Новосибирск, 2010. С. 219–235.

² Там же. С. 233.

³ Бобров Д. С. Стратегическая государственная граница Российской империи на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова: мат. к межд. науч. конф. Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г. М.: Изд-во МГУ, 2015. С. 635–639; Бобров Д. С. Фронтальная модернизация управленческого сегмента Алтайского региона в первой половине XVIII в. // Региональный фактор модернизации России XVIII – XX вв.: сб. науч. ст. / ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН; отв. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург: ООО «УИПЦ», 2013. С. 52–55. и др.

⁴ Бобров Д. С. Политико-правовые механизмы освоения Российским государством верхнего Обь-Иртышья (Алтая) в первой половине XVIII в. Дис. ...канд. ист. наук. Барнаул, 2017. 252 с. С. 104.

ны Дорджиевой¹. Автор отмечает, что ее работа является первым специальным исследованием откочевки большей части калмыков из России в Китай, в котором впервые предпринята попытка соединить исследование исторического менталитета с анализом поведения калмыков в ситуации 1771 г. Некоторые документы НА РК и АВПР были впервые введены автором в научный оборот в диссертационной работе.

В данной работе, не претендуя на полный охват, мы остановились на ряде работ, посвященных переосмыслению роли ойратов в истории Центральной Азии нового времени. Приведенные выше в обзоре современные научные исследования отличает новаторский подход, концептуальное переосмысление и изучение с новых методологических позиций роли ойратов в истории международных отношений в Центральной Азии в обозначенный период, как одного из главных акторов этого политического процесса.

Список источников и литературы

1. Ануфриев К. С. Политика России и Китая в Центральной Азии: опыт сравнительно-исторического анализа. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Томск, 2010.

2. Аныракайский треугольник: историко-географический ареал и хроника Великого сражения / [авт.: И. В. Ерофеева и др.; отв. ред. И. В. Ерофеева]; М-во культуры и информации Респ. Казахстан, Казахский научно-исслед. ин-т по проблемам культурного наследия nomadov. Алматы : Дайк-пресс, 2008. 271 с.

3. Бакланов В. Геополитическое соперничество и войны в Центральной Азии между Китаем, джунгарами, казахами и Россией в 1690-е по 1759 г. // Территория историка. Режим доступа: http://historick.ru/view_post.php?id=239&cat=12

4. Бобров Д. С. Политико-правовые механизмы освоения Российским государством верхнего Обь-Иртышья (Алтая) в первой половине XVIII в. Дис. ...канд. ист. наук. Барнаул, 2017. 252 с.

5. Бобров Д. С. Стратегическая государственная граница Российской империи на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова: мат. к межд. науч. конф. Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г. М.: Изд-во МГУ, 2015. С. 635–639.

6. Бобров Д. С. Фронтирная модернизация управленческого сегмента Алтайского региона в первой половине XVIII в. // Региональный фактор модернизации России XVIII – XX вв.: сб. науч. ст. / ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН; отв. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург: ООО «УИИЩ», 2013. С. 52–55.

7. Дорджиева Е. В. Откочевка большей части калмыков из России в Джунгарию в 1771 году. Дис. ...канд. ист. наук. Волгоград, 1999. 237 с.

¹ Дорджиева Е. В. Откочевка большей части калмыков из России в Джунгарию в 1771 году. Дис. ...канд. ист. наук. Волгоград, 1999. 237 с.

8. Ерофеева И. В. Буддийские монастыри ойратов в Семиречье (середи́на XVII – середи́на XIX в.). // Mongolica–XVIII: Сборник научных статей по монголоведению посвящается 70-летию юбилею российского ученого-монголоведа, педагога, дипломата Лидии Григорьевны Скородумовой / Председатель редакционной коллегии И. В. Кульганек. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. 106 с. С. 35–49.

9. Колесник В. И. Последнее великое кочевье: переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. Автореф. дис. ...доктора ист. наук. Волгоград, 2003. 55 с.

10. Кукеев Д. Г. История ойратов до создания Джунгарского ханства: XIII–XVI вв. Дис. ...канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2008. 205 с.

11. Кушнерик Р. А. Русско-джунгарские дипломатические отношения (начало XVII – 50-е гг. XVIII в.): монография. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2008. 266 с.

12. Модоров Н. С., Дацышен В. Г. Народы Саяно-Алтая и Северо-Западной Монголии в борьбе с цинской агрессией. 1644–1758 гг. Горно-Алтайск – Красноярск, 2009. 90 с.

13. Ноздрин И. А. Калмыцкое ханство в системе международных отношений в Центральной Азии в XVIII веке. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Томск, 2007. 32 с.

14. Скобелев С. Г. Демографические последствия завоевания Джунгарии войсками империи Цин // Вестник НГУ. Серия: История. Филология. Т. 9. Вып. 5. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2010. С. 219–235.

15. Тепкеев В. Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: НПП «Джангар», 2014. 448 с.

16. Тепкеев В. Т. Ойраты в начале XVII века. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 198 с.

Ж. М. Сулайманов
(ОшГУ, Ош)

КИРГИЗСКИЕ ПЛЕМЕНА В XIX ВЕКЕ: МЕЖДУ РОССИЕЙ И КОКАНДСКИМ ХАНСТВОМ

Аннотация: В статье рассматривается история киргизских племен в XIX веке, до присоединения к России и после их присоединения. Проводится сравнение их политических, экономических и культурно-религиозных условий развития в течении века. Сравнение жизни южных и северных киргизов показано на основе статистических обзоров, которые составляла областная администрация. Было проведено сопоставление этих отчетов за несколько лет, а также показаны результаты первой переписи 1897 года. На основе этих данных показаны разные условия, которые влияли на образ жизни двух групп киргизских племен.

Ключевые слова: южные и северные киргизы, обзоры по Ферганской и Семиреченской областям, земледелие, скотоводство, этнографическая картина, перепись.

Современная национальная историография в академических и

учебных трудах ведет историю киргизского народа с древнейших времен. Первое упоминание о киргизах в китайских источниках датируется 201 годом до н. э. В большинстве работ история киргизов рассматривается как единый и непрерывный процесс, который сопровождался различными событиями, как героическими, так и трагическими. В результате этих сложных и противоречивых процессов закономерным ее завершением выступает достижение независимости в конце XX века¹. Общим для этих утверждений является понимание истории как единого и непрерывного процесса, подчиняющегося историческим закономерностям.

Цель работы – показать и обрисовать, основываясь на исследованиях профессиональных историков, ситуацию среди киргизских племен в XIX веке, не ставя при этом узкоспециализированных вопросов истории и этногенеза. Данный период, а затем национальное размежевание при Советской власти в следующем веке, оказали непосредственное влияние на создание и образование единого народа.

Согласно генеалогическому преданию киргизов – санжыра, а также различным письменным источникам, к XIX веку на территории современной Киргизии проживал народ, который состоял из сорока племен, образующий два крыла – правое и левое, а также группу племен – ичкилик. Их единство и родство подтверждалось устными преданиями и письменными источниками. А также признавалось самими представителями этой этнической группы, так как эти предания существовали и передавались из поколения в поколения во всех родах.

В то же время, в силу различных причин, они оказались в разных политико-экономических, географических условиях. Одна группа племен была активна вовлечена в политическую жизнь Кокандского ханства, другая, находясь в формальной зависимости от ханства, стремилась вести самостоятельную политику. После разгрома Кокандского ханства Россией и добровольного присоединения северных племен они оказались в различных административных образованиях. Территория проживания южных киргизов была включена в состав Ферганской области, а территория северных киргизов административно подчинялась Семиреченской области. Таким образом, весь XIX век киргизы, северные и южные, проживали в различных социально-политических, экономических и географических реалиях. Такое различие не могло не оказать влияние на культурное, экономическое, политическое развитие двух групп. Единство и объединение этих двух родственных групп в общую этническую нацию не было предопределенным и закономерным весь XIX век, вплоть до начала XX века. Экономические, политические и культурные тенденции, в которых протекала

¹ Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи / Авт. вступ. ст. С. Т. Табышалиев. Фрунзе: Кыргызстан, 1990; Бартольд В. В. Киргизы: (Исторический очерк). Фрунзе: Киргизгосиздат, 1927; История Кыргызстана. С древнейших времен до конца XIX века. Бишкек: Илим, 1996; Чотонов У. Ч. Досбол Нур уулу. История Отечества. Бишкек: Илим. 2009 и др.

жизнь северных и южных киргизов, трудно назвать центростремительными.

Политические предпочтения киргизских племен

К началу XVIII века на территории Ферганской долины формируется самостоятельное государство – Кокандское ханство, первоначально оно покорило всю долину, затем, укрепляясь и расширяясь, север современной Киргизии, юг современного Казахстана. Правителями ханства, стала династия мингов, отделившихся от Бухарского государства. Провозгласив себя ханами, новая династия остро нуждалась в легитимизации своего правления. Одним из таких форм легитимности права на трон была легенда о Алтын бешике – Золотой колыбели. Известная легенда, описанная многими исследователями, гласит, что отступающий из Самарканда Бабур остановился в Фергане, одна из его жен освободилась от бремени и на свет появился сын. Так как впереди ожидался трудный переход, то он был вынужден оставить сына прямо у дороги. Ребенка уложили в золотую колыбель – Алтын Бешик, завернули в парчовые ткани, положили драгоценности в надежде на то, что нашедший возьмет его на воспитание. Эту колыбель нашли главы четырех племен – минг, кирк, кипчак и киргиз. Мальчик вырастает талантливым воином, представители племен выбирают его своим вождем. Позже они узнают, что он является сыном Бабура и еще больше начинают его возвеличивать¹. Существуют несколько вариантов изложения легенды, где указываются разное количество племен, которые обнаружили эту колыбель. Однако неизменно во всех его интерпретациях присутствуют главы киргизов. Определенно, что эта легенда, которая легитимизирует право кокандских ханов на престол, была известна всем жителям государства, в том числе и киргизам. Отсюда и их претензии на активную роль в управлении государством. Для южных киргизов это было свое государство, где они играли ведущую военно-политическую роль. После освобождения Кокандского ханства от захвата Бухары кочевые племена стали играть решающую роль в политической жизни страны, они напрямую влияли на восхождение того или хана на престол. «Как только независимость Кокандского ханства была восстановлена и отодвинулась угроза со стороны Бухары, в Фергане возникла напряженная ситуация в связи с претензией кочевников на руководящую роль. В 1842–1843 гг. отчетливо обозначилось «неустойчивое равновесие» трех группировок: оседлых феодалов во главе с Шади, хакимом Маргилана; киргизов и части ханских родственников во главе с йусуфом мингбаши киргизом; кипчаков под руководством Мусулманкула (ок. 1794–1852 гг.). В 1843 г. последний пытался открыто

¹ Различные интерпретации данной легенды даны в работах: Бабажнов Б. М. Кокандское ханство: власть, политика, религия. Токио–Ташкент, Yangi Nashr. 2010. Наливкин В. П. Краткая история Кокандского ханства. М.: Ленанд, 2017. Бейсембиев Т. К. Легенда о происхождении кокандских ханов как источник по истории идеологии в Средней Азии: (на материалах сочинений кокандской историографии) // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1985 и др.

выступить против центральной власти, но перед лицом могущественного тогда Йусуфа мингбаши отступил»¹. «В том же 1844 г., воспользовавшись мятежом киргизов против кипчаков, Коканд пытался захватить Мурад-хан, сын Алим-хана. Опираясь лишь на киргизский род авагат /Цавахат и некоторых кокандских сановников, Мурад-хан убил Шир-Али-хана, но продержался на троне 11 дней, пока не был свергнут и убит Мусулманкулом. Ханом был провозглашен малолетний сын Шир-Али-хана Худайар»².

«В 1858 г. Малла-бек, воспользовавшись осадой бухарским эмиром Ходжеита, прибыл к киргизам и поднял новый мятеж. Объединив ферганских кочевников, он одержал победу над ставшим непопулярным Худайарханом и занял кокандский трон. В период правления Малла-хана (1858–1862 гг.) кочевники вернули утраченные позиции в государстве. Главную роль в их «конфедерации» играли киргизы, из среды которых выдвинулся молодой военачальник Алимкул киргиз-кипчак (1832/33–1865 гг.)»³. «В июле 1863 г. киргизы и кипчаки во главе с Алимкулом захватили власть в ханстве. Номинальным правителем был провозглашен сын Малла-хана Султан Саййид-хан (1863–1865 гг.). Фактически делами вершил Алимкул. К тому времени русские войска овладели Яныкурганом и Пишпеком»⁴. Кроме того, можно отметить активную роль вождя алайских киргизов Алымбек датка в период правления Худояр хана, а затем его жены, которая также получила звание датка. В Кокандском ханстве разные силы претендовали на власть. Это и оседлое население, различные кочевые племена, однако они все были уверены в незыблемости ханской власти. «Об этом свидетельствует появление в 50–70-х гг. XIX в. довольно большого числа кокандских исторических трудов, сказаний, записок и т. п. с различной политической направленностью (каждая группировка претендовала на особую близость к трону). Но всех их объединяла одна идея – вера в незыблемость династии кокандских ханов, имевших право, согласно политическим воззрениям той эпохи, на верховную власть, так как их генеалогия ведет начало от Чингиз-хана и Эмира Тимура»⁵.

Таким образом, южные племена киргизов не видели в Кокандском ханстве свое врага, они были ее активной политической частью, а существующая легенда о Алтын Бешики давала им права на близость к трону как одному из родоначальников ханства. Они в полной мере старались использовать эти права, влияя на ход политических процессов в государстве, активно защищая его от вражеских нападков, в том числе и от российской интервенции.

В это время северные племена находились в других политических и

¹ Бейсенбиев Т. К. Тарихи-Шахрух как исторический источник. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 22.

² Там же. С. 23.

³ Там же. С. 24.

⁴ Там же. С. 25.

⁵ Там же. С. 22.

экономических реалиях. Несмотря на то, что Кокандское ханство, захватив северных киргизов, построило на их территориях свои крепости Пишпек и Токмак, эта зависимость была номинальной. Северные племена платили налоги, однако имели иные политические устремления и цели.

В середине XIX века крупный сарыбагышский манап Ормон Ниязбек уулу предпринял попытку объединения северных киргизских племен, проживающих в Чуйской долине, по реке Нарын и в окрестностях озера Иссык-Куль, с целью создания самостоятельного ханства.

В 1842 г. он созвал курултай в местности Кызыл-Токой на западном берегу озера Иссык-Куль и пригласил представителей племен сарыбагыш, бугу, солто, саяк, саруу, кушчу, черик из Центрального Тянь-Шаня, Чуйской, Таласской долин и Прииссыккуля. На курултае Ормон был провозглашен ханом.

Ормон-хан учредил собственный символ власти – знамя – и издал закон, известный в народе под названием «Назидания Ормона» («Ормон окуу»). Военачальником он назначил своего близкого родственника Торокельди, а советником – влиятельного сарыбагышского манапа Джантая.

Под началом Ормон-хана всегда находилось 30–40 вооруженных ружьями стрелков, которые, постоянно упражняясь в стрельбе, всегда были готовы к бою. Кокандское ханство, оценив высокий авторитет и влияние Ормон-хана среди северных киргизов, старалось привлечь его на свою сторону. Ему был даже присвоен чин парваначи – один из высших чинов ханства. Целью хана было установление отношений с Ормон-ханом, чтобы склонить его к повиновению. Однако стремления кокандского хана были очевидны, поэтому Ормон-хан различными путями старался избегать установления тесных отношений. Десять лет правления Ормон-хана заметно повлияли на стабильность политической жизни северных киргизов.

При этом северные киргизы находились в состоянии межплеменных войн с казахскими племенами. В 1846 году казахские войска во главе с Кенесары-ханом вторглись во владения киргизов. Война шла на полное истребление. В 1847 году киргизы, объединившиеся вокруг Ормон-хана, остановили войско Кенесары близ Токмока и разгромили его. Кенесары попал в плен и был убит. В этот же период разгорается ожесточенная борьба за власть и территории между феодальной знатью между двумя племенами. В частности, разгорелась крупная междоусобная война между сарыбагышами и бугу. В 1854 году в одном из сражений Ормон-хан получил смертельные раны и умер. В следующем году сарыбагыши, жаждущие отомстить за хана, во главе с его сыном Уметалы совершили набег на бугинцев и причинили им значительный человеческий и материальный ущерб. Власть Ормон-хана просуществовала около десяти лет, построенное им государство распалось, не успев образоваться. В отличие от южных соседей, северное ханство не смогло обосновать свои претензии на власть с помощью достойной легитимности.

В целях обеспечения безопасности, для защиты от феодальных распрей и ханского произвола, бугинцы приняли решение о принятии подданства России. Иссык-кульские киргизы во главе с крупным манапом племени бугу Боромбаем принимают решение о принятии подданства России.

Боромбай Бекмурат уулу неоднократно направлял послов к западносибирским властям с просьбой принять их в подданство России. В 1853 году российские власти присвоили Боромбаю чин полковника. 17 сентября 1855 года его послы прибыли в Омск и, держа в руках Коран, от имени киргизов племени бугу торжественно присягнули на верность русскому императору и приняли подданство России.

Видной личностью среди северных киргизов был Шабдан батыр, который сыграл немаловажную роль в истории. Поначалу он служил Кокандскому ханству и за доблесть, проявленную при обороне Ташкента от русских войск, Худояр-хан назначил его беком – правителем города Туркестан. Не без влияния своего отца Джантая Шабдан батыр оставил свой высокий пост, перешел на службу к русскому царю и до конца жизни служил ему.

В качестве проводника и советника он непосредственно оказывал им поддержку в присоединении к России киргизов Центрального Тянь-Шаня, Таласской и Алайской долин. За верную службу русскому царю Шабдану был присвоен чин войскового старшины (полковника), он имел много и других наград.

Активную роль в сопротивлении Кокандскому ханству сыграл Байтик Канай уулу. Добившись расположения кокандского ставленника – коменданта крепости Бишкек Рахматуллы датки, он пригласил его на той и расправился с ним и его джигитами. Под руководством Байтика киргизы удерживали крепость Бишкек в осаде до прихода русских войск. Совместно с русскими войсками они захватили, а затем разрушили крепость до основания.

Позднее Байтик батыр вместе со своими 200 джигитами помогал царским войскам при взятии крепостей Мерке, Аулие-Ата, Чимкент, за что получил чин капитана и был награжден орденом. Таким образом, при содействии северных киргизских племен в течение 1855–1868 годов на занимаемой ими территории полностью была установлена власть России. Для защиты и укрепления ее господства на Тянь-Шане, Иссык-Куле, в Чуйской долине были размещены гарнизоны русских войск.

Несмотря на наличие глубоких кровнородственных связей, долгое существование в различных социально-политических условиях, политические устремления южных и северных киргизов различались: они руководствовались различными интересами и целями. Южные киргизы видели себя частью Кокандского ханства, активно участвуя во всех его политических перипетиях, законно претендуя на близость к престолу. Они активно защищали Кокандское ханство. Северные киргизы стремились создать собственное государство, видя в соседнем государстве своего врага, кото-

рый всеми силами препятствует созданию киргизского ханства. Они выбирают путь добровольного присоединения к России, участвуют в российской военной экспедиции против Кокандского ханства.

Киргизские племена после присоединения к России

Южные и северные киргизы до прихода России находились в разных политических, экономических и географических условиях, что повлияло на их различия в интересах и целях развития. После присоединения Россией киргизских племен они снова попадают в разные административно-территориальные образования. Южные киргизы были включены в состав Ферганской области, которая была создана на территории Кокандского ханства. А северные киргизы стали частью Семиреченской области. Управление каждой областью было сконцентрировано в своем административном центре. До российского правления различия между южными и северными киргизами определялись нахождением их в двух политических системах. После присоединения к России они попали в одно государство, хотя были включены в две области, подчинялись единой системе управления и хозяйствования. Различия между ними стали определяться социально-экономическими причинами и разными демографическими и этническими условиями проживания. Это наиболее четко проявилось в разных обзорах, которые ежегодно составляла каждая область Туркестанского края.

В этих отчетах проявляются все изменения в различных аспектах жизни населения. Их изменения в демографии, экономическом укладе, структуре населения и т. д. Мы проведем сравнения обзоров двух областей за несколько лет, тем самым сопоставим и пронаблюдаем, как новая система управления повлияла на различия между южными и северными киргизами.

Так как занимаемые северными киргизами территории были присоединены раньше к России, то и количество ежегодных отчетов по Семиреченской области больше. Тридцать обзоров с 1882 года по 1915 годы. По Ферганской области было составлено 16 обзоров с 1888 года по 1916 годы. При этом надо учесть, что по Семиречью составлялся ежегодный отчет, тогда как по Ферганской области некоторые отчеты охватывали периоды за два–три года.

Каждый обзор состоит из нескольких глав, которые охватывают вопросы: естественные и производственные силы области и экономическая деятельность населения, подати и повинности, общественное благоустройство, народное здравие и общественное призрение, а также различные приложения.

Первый обзор по Семиреченской области был составлен в 1882 году. В первой главе дается естественно-географическая характеристика области. Так, в ней утверждается, что «территория Семиреченской области, образованной в 1867 году... достигло 293970 квадратных верст... считается из них годными для земледелия не более 1/20

части всей территории, или 1 600 000 десятин. Остальная часть территории состоит из гор и степей, удобных только для пастбищ»¹. «Хлебобопашество составляет главный, почти единственный промысел казаков, крестьян, а также переселившихся из Кульджи таранчей и дунган. ... Не смотря на все несовершенство системы и орудий земледелия урожаи все таки обильны, составляют сбор пшеницы около сам 8–15, овса и ячменя сам 20–30. Преобладающий вид хлебных посевов у оседлого населения есть яровая пшеница и яровая рожь. Киргизы сеют более просо, затем пшеницу, ячмень и овес»².

«...скотоводство всегда было главным промыслом большинства населения и при всех успехах гражданственности и при умножении оседлого населения остается главным занятием значительной части жителей. В настоящее время скотоводство составляет основной промысел киргиз, составляющих 84,5 % населения области»³. В обзоре отмечается, что «богатство области состояло из 3 220 333 овец, 557 402 лошадей, 310 603 штук рогатого скота, 97 507 верблюдов»⁴. При этом в отчете отмечается, что суровая зима в 1879–1880 году привела к большому падежу скота, и нынешнее количество скота составляет только половину от имевшегося до падежа. Кочевники не занимаются селекцией скота, поэтому у них скот не породистый, лошади низкорослые, коровы дают мало молока, а верблюды используются только как вьючное средство. В области получило развитие табаководство, рыболовство, а также горная промышленность, имеющая большие перспективы, только начинает набирать обороты. Значительное внимание уделяется лесному хозяйству, его перспективам и развитию. Заводская и фабричная промышленность находится на самом низком уровне, в области действуют несколько кожевенных заводов, мыловаренных и маслособойных заводов малых размеров, два винокуренных завода и несколько пивоваренных. Таков уровень промышленности на данный год в области. Торговля слабо развита, в основном внутри области, а также с Китаем и сибирскими областями.

По составу и движению населения ситуация была следующей: «коренное туземное население области состоит из кочевников киргиз, принадлежащих к родам Большой (Верненский и Копальский уезды), Средней (Копальский и Сергиопольский уезды) и Дикокаменной (Иссыкульский и Токмакский уезды) орды. Киргизы, считавшиеся в 1882 году в числе 137 097 кибиток или 285 725 душ муж. и 253 987 душ женс. пола, всего 639 712 душ обоого пола, составляли 84,5 % всего населения области. К числу кочевников кроме киргиз, относятся и калмыки, (1083 кибиток или

¹ Обзор Семиреченской области за 1882 год. Обзор Семиреченской области... [по годам]. Верный. 1883–1915 гг. С. 1.

² Там же. С. 4.

³ Там же. С. 5.

⁴ Там же. С. 6.

3394 душ обоего пола)»¹. «Оседлое население – равнялось 15 % всего населения области и составляет 95 972 душ обоего пола – образуются из русских (61 837 душ обоего пола), таранчей (16 118 душ обоего пола), дунган (9 507 душ), сартов и татар (8 510 душ)»². Такова ситуация в Семиреченской области на 1882 год.

По Ферганской области имеются в наличии обзоры с 1888 года. В данном отчете отмечается, что «общая площадь территории области... составляет около 90 000 квадратных верст, из всего этого пространства только долина Ферганы, по обеим сторонам реки Сыр и в нижнем течении истоков ее Нарына и Кара-Дарьи обрабатывается населением, остальное же пространство состоит из горных кряжей, с ничтожной растительностью и пригодна только для жизни кочевников, которые в ущельях и склонах гор занимаются незначительным посевом под дождь. Можно считать, что из всей территории области обрабатывается ныне не более 11 т. квадр. верст, или 0,12 % части всего пространства»³.

В земледелии ситуация такова – «в постоянном пользовании населения находится 1 077 651 дес. земли, из которой 544 263 дес. постоянно обрабатываемой, 219 011 дес. перелогов, т. е. земель, обрабатываемых по недостатку для орошения воды один раз в несколько лет, и 314 377 дес. находящихся среди наделов – земли неудобной. Сверх того население пользуется: 1) 47149 дес. культурной земли, принадлежащей вакуфам (мусульманским духовным учреждениям; 2) 18 925 дес. казенной, составляющей оброчные статьи и отдаваемой им в аренду и 3) земли, находящиеся в пользовании городов: Старого Маргелана, Андижана, Коканда, Намангана, которых можно приблизительно считать около 28900 дес.»⁴. В области выращивают рис, жугара, озимую и яровую пшеницу, ячмень, просо, картофель, местный и американский хлопок. Кроме того, население занимается производством люцерны, табака и овощей (капуста, огурцы, морковь, свекла, лук, арбузы, дыни), также около 15 000 дес. занято под сады и виноградники. Шелководство также развито в области⁵.

Ситуация со скотоводством выражается в следующем цифрах: по данным отчета, на данные годы в области имелись: верблюдов – 10 182, лошадей – 152 447, ослов и мулов – 9 926, коров – 107 434, рабочих волков – 66 962, коз и овец – 630 019⁶. Промыслы городского и сельского населения в области достаточно развиты, существует разнообразная кустарная промышленность, которая не только обеспечивает местное население, но и снабжает соседние области и даже российские области. Местное население

¹ Там же. С.32.

² Там же. С. 32.

³ Обзор Ферганской области за 1888 год. Обзор Ферганской области... [по годам]. Новый Маргелан. Скобелев. 1889–1916. С. 7.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ Там же. С. 10–11.

⁶ Там же. С. 12.

производит различные кожаные, ювелирные, кузнечные, строительные изделия. Выращивает фрукты, овощи. Фабричная и заводская промышленность представлена шелкомотальной фабрикой, 14 хлопкоочистительными заводами, кожевенным, винокуренным и пивоваренным заводами. В торговле основные партнеры – это российские районы, откуда привозятся промышленные товары; Кашгар, который поставляет чай, краски, фарфор. Из области поставляются шелковые изделия, обувь, ножи, сухофрукты и табак.

По движению населения, обзор фиксирует следующие данные: «количество населения области определяется в 776 900 душ обоего пола, 391 476 муж. и 384 194 жен. пола. По сословиям население распределяется так – 773 394 туземцев, а дворян, мещан, духовенства и других – 2 206. Из них крестьян – 158»¹. По этнографическому составу обзор фиксирует следующие основные группы: русские – 2 127, евреев – 1 054, таджиков – 44 727, узбеков и сартов – 594 460, киргизов – 112 170, хаджей (арабского происхождения) – 1 466, остальные группы составляют от 19 до 353 человек². Интересно, что русское или европейское население составляет меньше 1 %. А узбеки и сарты фиксируются одна группа. При этом отмечены такие группы, как хаджи, юзы, каратегинцы, индусы.

Обзоры по Ферганской и Семиреченской областям за 1893–95 годы

При сопоставлении обзоров за эти годы интересно сравнить демографическую картину областей. Так, по Семиречью этнический состав выглядит следующим образом. Специалисты делят население на оседлых и кочевников, в состав первых входят русские, дунгане и таранчи, общее количество их составляет – 174 830 душ обоего пола. При этом надо отметить, что среди русских крестьяне составляют – 16 022, казаки – 12 656, мещане – 20 837 человек. Т. е. значительное количество людей, которые проживают в сельской местности. Кочевое население, в которое входят киргизы Большой, Средней и Дикокаменной орды, а также калмыки и сарт-калмыки составляет 545 548 душ обоего пола. Кочевое население занимается исключительно скотоводством, только небольшая часть их, которая проживает вблизи городов и поселков, нанимаются работниками к крестьянам. Оседлая часть населения занимается земледелием, это крестьяне, казаки, таранчи и дунгане³. Скотоводство остается главным занятием кочевников, которое составляет их основное производство. В связи с большим приездом переселенцев из центральной части России и занятием ими плодородных земель, а также сокращением пастбищ, кочевники местами вынуждены переходить на оседлый образ жизни и заниматься земледелием. Так, по статистике, если за 1889 год киргизы произвели 971 527 пудов,

¹ Там же. С. 18.

² Там же. С. 19.

³ Обзор Семиреченской области за 1893 год. Обзор Семиреченской области... [по годам]. Верный. 1883–1915. С. 2–3.

то уже в 1893 году, ими произведено – 1 323 756 пудов зерна¹. «В Пишпекском уезде, например, вся почти плодородная долина р. Чу передана в пользование оседлого населения, почему кочевавшие в ней киргизы, несмотря на неудобства посева на склонах горы, сеют хлеб на возвышенностях»².

В Ферганской области обзор населения производится по этнографической системе. «В этнографическом отношении Ферганскую область можно разделить на три полосы. Долину заселяют сарты – народ тюркского происхождения, говорящий на узбекском языке. Народ этот, составляющий во времена мусульманского владычества господствующий класс населения, издавна отличается склонностью и способностью к земледелию, ремеслам и торговле. По численности сарты составляют первое место в области (около двух третей всего населения). На предгорьях и горах обитают киргизы, ведущие кочевой образ жизни и, кроме того, занимающийся хлебопашеством. По численности, киргизам принадлежит второе место. Наконец, третью полосу занимают таджики, обитающие на Памирском плоскогорьи. Таджики принадлежат к арийской расе и говорят наречьем, составляющим смесь персидского, турецкого и арабского языков. В небольшом числе киргизы и таджики живут также и в долине среди сартов. Кроме того в Ферганской области живут: дунгане, кипчаки, цыгане и евреи. Русские проживают только в городах и в поселке Покровском, Ошского уезда. Всего население в области в 1893 году числилось 951 675 человек обоего пола»³.

В отчете отмечается, что Ферганская долина располагает плодородными землями, однако отсутствие дождей и слабая ирригационная система делает хлебопашество весьма тяжелым промыслом. Поэтому произведенного зерна не всегда хватает местному населению, приходится завозить из других регионов. В то же время, наряду с давними традиционными отраслями земледелия – рис, жугара, овощеводство, садоводство – в области получает сильное развитие хлопководство. Хлопок, в особенности американские сорта, становится условием для развития обрабатывающей промышленности и поставляется в центральные регионы России. С каждым годом растут посевы этой культуры в регионе⁴. «Недостаток в пастбищах, является главным препятствием развития в области скотоводства, которое даже у кочевников не является исключительным занятием: оседлое население вынуждено ограничиться таким количеством скота, какое необходимо для сельского хозяйства. При таких условиях нельзя ожидать развития скотоводства и в будущем, тем более, что кочевое население области все

¹ Там же. С. 15.

² Там же. С. 15.

³ Обзор по Ферганской области за 1893 год. Обзор по Ферганской области... [по годам]. Новый Маргелан, Скобелев. [1893] 1916. С. 5–6.

⁴ Там же. С. 6–17.

более и более проявляет склонность к оседлой жизни»¹.

Обзор Ферганской и Семиреченской областей за 1897 год

К данному году российское правление достигает значительных изменений в экономической, социальной и культурной сферах жизни местного сообщества. Для нас интересно, сравнить, какие изменения произошли в культурно-образовательных системах областей. Какие образовательные учреждения получили большее развитие и поддержку в данных областях? Так, статистические отчеты показывают, что при сопоставлении оглавлений двух отчетов или обзоров сразу заметно различие в таких главах, как народное здравоохранение и народное образование. В Семиреченской области эти сферы получили большее развитие и освещение. Количество больниц, аптек, ветеринарных учреждений, гимназий, училищ, школ заметно превосходит в северной области. Например, по учебным заведениям. В Семиреченской области к данному году были открыты гимназия, городские двухклассные училища – 6, двухклассные женские училища – 2, одноклассные приходские училища – 24, одноклассные женские – 6. приходские совместного обучения – 5, церковно-приходские и школы грамоты – 27, сельскохозяйственные школы – 3. Было открыто 5 русско-туземных школ для обучения грамоте. Сколько открыли туземных школ, обучение в которых лежало на обязанности мулл, точно не было известно, приблизительно в них обучалось около 7 859 человек².

В Ферганской области ситуация в системе народного образования выглядела таким образом – «в 1997 году в Ферганской области было одно городское четырехклассное училище в Новом Маргелане, одно двухклассное училище в г. Коканде, одно четырехклассное женское училище в Новом Маргелане, четыре приходских одноклассных училищ в г. Наманган, Андижан, Ош, Ошском уезде, одно женское училище в г. Коканде. ... для обучения детей туземцев существовало семь русско-туземных школ»³. Ситуация с мусульманскими школами выглядела иным образом. Количество медресе составляло – 186, каре-хане – 159, мактабов – 158⁴.

Как видно из статистики, структура системы образования значительно различается в двух областях: в южной области преобладают мусульманские учебные заведения, в северной области распространение получило светское образование. Такое положение не могло не повлиять на культурную и религиозную жизнь населения в этих областях.

Ферганская и Семиреченская области в переписи 1897 г.

В 1897 году проводится первая всеобщая перепись населения Российской империи. Население описывалось по родному языку, губерниям и

¹ Там же. С. 17.

² Обзор Семиреченской области за 1897 год. Обзор Семиреченской области... [по годам]. Верный. 1883–1915. С. 144, 66–70.

³ Обзор по Ферганской области за 1897 год. Обзор по Ферганской области... [по годам]. Новый Маргелан, Скобелев. [1893] 1916. С. 61–62.

⁴ Там же. С. 70.

областям. Для нас интересно, какие языковые группы были зафиксированы в интересующих нас областях. В связи с тем, что этническая принадлежность была не понятна для многих людей, то их спрашивали, на каком языке они говорят. По итогам переписи, можно наблюдать следующую ситуацию. В Семиреченской области русский язык, который включал в себя великорусский, малорусский и белорусский, признали своим 95 465 человек, киргиз-кайсацкий – 794 815 человек, каракиргизский – 0, сартский – 14 895, таранчинский – 55 999 человек, другие языки представлены в очень малых количествах. Итого в области проживало 987 863 человека¹.

В Ферганской области были зафиксировано большее разнообразие языковых групп. Русских было записано всего 9 842 человека, поляков – 1 535 человек, таджиков – 114 081, каракиргизов – 201 579, сартов – 788 989, узбеков – 153 780, тюркских наречий без определения было зафиксировано – 261 234, остальные языки являются малочисленными. Итого в области проживало 1 572 214 человек².

В этой переписи для нас важно отметить, что этнические группы определялись российскими чиновниками в силу своего понимания. Они определяли ту или иную группу по своему усмотрению. Это вызывало большую путаницу. Поэтому в Семиреченской области не были зафиксированы каракиргизы, а в Ферганской долине более четверти миллиона тюркских наречий остались без определения. Это показывает, что этническое самоопределение в тот период еще не было точно зафиксировано³. Для нас важно, что южные киргизы по итогам переписи были отмечены как каракиргизы, когда как на севере они полностью были включены в киргиз-кайсацкую группу.

Заключение

Генеалогическое единство киргизов, которое зафиксировано в устных преданиях, признается всеми племенами. В то же время исторические события показывают, что различные внешние факторы – географические, административно-политические, экономические и другие, могут сильно влиять на это единство.

До прихода русской власти южные и северные киргизы имели разные политические цели и интересы, которые определяли их внешнеполитические устремления и стратегии. Присоединение к России и включение их в единую политическую систему привело к их делению по административной принадлежности, где разные естественно-климатические, культур-

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям. Семиреченская обл. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=122

² Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям. Ферганская обл. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=126

³ Эту проблему более детально рассматривается в книге: Абашин С. Н. Национализмы в Средней Азии. В поисках идентичности. СПб.: Алтея, 2007.

но-религиозные, экономические условия проживания мало способствовали их единению. Две области отличались по своим размерам, по количеству населения, по этническому составу. Семиречье в более чем два раза превосходила Фергану, основными жителями были русское население и кочевники, тогда как на юге население делилось на оседлых местных, кочевников и полукочевников, русские составляли около одного процента. Распределение земель также происходило по-разному. На севере пахотные земли отдавали русским переселенцам, на юге земли отдавались в аренду, принадлежали разным вакуфам, чего не было на севере.

Кроме того, в XIX веке процесс этнической идентификации только начинался, при этом он во многом определялся российскими чиновниками и специалистами. Анализ обзоров показывает, что, несмотря на наличие общих стандартов отчетов, имеются различия в описании социальных и этнических групп чиновниками разных областей. Видение и понимание ситуации в области чиновников царской администрации также оказывало сильное влияние на развитие киргизских племен на юге и севере. Необходимо учесть переселенческую политику власти, которая основную часть переселенцев из центральной России направляло в Семиреченскую область, тогда как в Ферганской области русские составляли малую часть населения, проживающую в городах.

Наш анализ показывает, что образование современного киргизского этноса, как и любого другого, не является объективной закономерностью, а представляет собой сложный, противоречивый процесс, где не было predetermined результата в виде независимой Киргизии.

Список источников и литературы

1. Абашин С. Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетейя, 2007. С. 304.
2. Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи / Авт. вступ. ст. С. Т. Табышалиев. Фрунзе: Кыргызстан, 1990. С. 480.
3. Бабажанов Б. М. Кокандское ханство: власть, политика, религия. Токио–Ташкент: Yangi Nashr, 2010. С. 747.
4. Бартольд В. В. Киргизы: (Исторический очерк). Фрунзе: Киргизгосиздат, 1927. С. 57.
5. Бейсембиев Т. К. Легенда о происхождении кокандских ханов как источник по истории идеологии в Средней Азии: (на материалах сочинений кокандской историографии) // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1985. С. 94–105.
6. Бейсенбиев Т. К. Тарихи-Шахрух как исторический источник. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 202.
7. История Кыргызстана. С древнейших времен до конца XIX века.: Учебник для вузов. Бишкек: Илим, 1996. С. 368.
8. Наливкин В. П. Краткая история Кокандского ханства. М.: Ленанд, 2017. С. 224.
9. Обзор по Ферганской области за 1893 год. Обзор по Ферганской области... [по годам]. Новый Маргелан, Скобелев. [1893] 1916.

10. Обзор по Ферганской области за 1897 год. Обзор по Ферганской области... [по годам]. Новый Маргелан, Скобелев. [1893] 1916.

11. Обзор Семиреченской области за 1882 год. Обзор Семиреченской области... [по годам]. Верный. 1883–1915 гг.

12. Обзор Семиреченской области за 1893 год. Обзор Семиреченской области... [по годам]. Верный. 1883–1915.

13. Обзор Семиреченской области за 1897 год. Обзор Семиреченской области... [по годам]. Верный. 1883–1915.

14. Обзор Ферганской области за 1888 год. Обзор Ферганской области... [по годам]. Новый Маргелан. Скобелев. 1889–1916.

15. Чотонов У. Ч. Досбол Нур уулу. История Отечества. Учебник для вуза. Бишкек: Учкун. 2009. С. 344.

16. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям. Семиреченская обл. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=122

17. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям. Ферганская обл. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=126

Т. В. Котюкова

(ИВИ РАН, ИНИОН РАН, ГАУГН, Москва)

ПОЛИТИКА «ДВОЙНОГО ИГНОРИРОВАНИЯ» В ИМПЕРСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ В ОТНОШЕНИИ КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ ТУРКЕСТАНА В КОНЦЕ XIX В. (СПЕЦИФИКА «МУСУЛЬМАНСКОГО ВОПРОСА» И «ПРАВОСЛАВНОГО ОТВЕТА»)¹

Аннотация: Говоря об имперской политике России в Туркестане, нельзя обойти «мусульманский вопрос» и не сказать несколько слов об отношении к нему местных управленцев, экспертов и православной епархии. Краеугольным вопросом в жизни любой окраинной епархии был вопрос, связанный с ведением миссионерской деятельности среди коренного неправославного населения. Туркестан не стал исключением. В крае проживало две категории мусульман – оседлое и кочевое население, исламизированность которого с точки зрения центральной и региональной власти была разной. Однако православное духовенство в Туркестане, пытаясь реализовать свое объективное стремление к распространению христианства среди мусульман, не выдержало мощнейшей конкуренции с татарскими и сартовскими муллами. Во много этому способствовала новая имперская практика – политика «двойного игнорирования» – примененная в Туркестане.

Ключевые слова: Туркестанский край, имперская политика, кочевое население, православие, мусульманский вопрос, Туркестанская и Ташкентская епархии,

¹ Статья подготовлена в рамках программы Президиума РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России» (подпрограмма «Культурно-сложные общества: понимание и управление»).

Введение

На протяжении достаточно длительного времени православие являлось одним из основных компонентов имперской политики России в неправославных регионах страны. Однако в последней трети XIX в. правительство отказалось от политики христианизации мусульман в качестве метода их интеграции в империю, сосредоточившись на русификации через систему образования. Тем самым христианизация сместилась на горизонтальный уровень, став частной инициативой отдельных лиц, осуществляемой при государственной поддержке¹.

Нельзя не согласиться с Е. И. Воробьевой, что правительственная политика в отношении мусульман не всегда совпадала с позицией и действиями церкви. Нередко власть и церковь по-разному выстраивали отношения с мусульманами². Стал ли Туркестан исключением, и были ли выработаны и применены на этой окраине новые имперские практики?

Во второй половине XIX в. составной частью имперского дискурса в Туркестане было представление о том, что среди местного кочевого населения (казахи, киргизы, туркмены, каракалпаки) ислам носит поверхностный характер и не имеет глубокой укорененности, а значит, эти народы могут быть потенциально готовы к восприятию православия. Хотя еще в XVIII столетии, как отмечает А. В. Ремнев, например казахи, для империи были правоверными мусульманами, в основе общественной жизни которых лежал ислам. Доминировавшая тогда идеология просвещения отводила исламу вспомогательную роль в реализации цивилизационной миссии России³. Однако «равными» себе империя была готова воспринимать только оседлых мусульман⁴. Отсюда желание «подтянуть» ислам в кочевой среде: создание в 1789 г. Оренбургского мусульманского духовного собрания, строительство в Степи мечетей и ряд других мер.

В результате до середины XIX в. проводилась сознательная государственная политика «омусульманивания» казахов, для того, чтобы ускорить институализацию казахского социума в рамках империи. Для реализации этой задачи, в качестве посредников, были задействованы поволжские татары. На них империя возложила несколько ответственных миссий: практическую – быть ее переводчиками, торговыми агентами и школьни-

¹ Марданова Д. З. Миссионерский проект по созданию «истинного ислама» (на примере сочинения Е. А. Малова «Об Адаме по учению Библии и по учению Корана») // *Minbar. Islamic Studies*. 2019. № 12(1). С. 46.

² Воробьева Е. И. Мусульманский вопрос в имперской политике Российского самодержавия: вторая половина XIX – 1917 г.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. С. 3.

³ Ремнев А. В. Российская империя и ислам в казахской степи (60–80-е годы XIX в.) // *Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы* / Отв. ред. С. Н. Абашин, В. И. Бушков. Вып. 32. М., 2006. С. 238.

⁴ Капеллер А. Две традиции в отношениях России к мусульманским народам Российской империи // *Отечественная история*. 2003. № 2. С. 132.

ми учителями, и цивилизационную – противостоять конфессиональной экспансии в Степь из Средней Азии.

К середине XIX в. дискурс в отношении ислама в России принципиально изменился. На смену просвещению пришел эволюционизм, а с его позиций ислам мог помешать интеграции казахов в империю¹. Из «посредников» татары превратились в «конкурентов» или даже «врагов» империи, представляющих вполне определенную угрозу и оказывающих негативное влияние на кочевников². От превентивных мер по «омусульманиванию» было решено отказаться. При этом с христианизацией казахов империя не торопилась. Хотя даже осторожные попытки христианизации, по мнению З. Т. Садвокасовой, являлись «духовной экспансией» со стороны царской России³.

В Туркестане ситуация была иной. Исторически, постоянно взаимодействуя друг с другом, здесь проживало и оседлое и кочевое население, поэтому на духовную жизнь кочевых народов региона сильнейшее влияние оказывали исламские религиозные центры Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств. Казахи, каракалпаки, киргизы и туркмены проживали на территориях, подконтрольных ханствам, и являлись их подданными. После окончательного оформления границ Туркестанского генерал-губернаторства в конце XIX в. значительная часть кочевого населения проживала в Семиреченской, Сырдарьинской и Закаспийской областях.

Советские этнографы оценивали степень исламизации кочевых народов Средней Азии и Казахстана по-разному. У казахов, по их мнению, ислам стал господствующей религией знати уже в XVI в., однако в гущу народных масс он проникал медленно и мало влиял на самосознание и идеологию населения⁴. Среди киргизов успех ислама был еще менее значительным⁵. В несколько большей степени исламизации подверглись каракалпаки. Здесь было довольно сильно влияние мулл, особенно ишанов, получившее широкое распространение после подчинения хивинским ханам⁶. У туркмен ислам получил также достаточно широкое распространение, во многом благодаря постоянным контактам (мирным и враждебным)

¹ Ремнев А. В. Российская империя и ислам в казахской степи (60–80-е годы XIX в.) // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы / Отв. ред. С. Н. Абашин, В. И. Бушков. Вып. 32. М., 2006. С. 242.

² См.: Ремнев А. В. Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. 2006. № 4. С. 5–31.

³ Садвокасова З. Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Алматы, 2005. С. 9.

⁴ Народы Средней Азии и Казахстана. Т. II / Под ред. С. П. Толстова [и др.]. М., 1963. С. 346.

⁵ Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. С. 267–268.

⁶ Камалов С. К. Каракалпаки в XVIII–XIX веках: (К истории взаимоотношений с Россией и среднеазиатскими ханствами). Ташкент: Фан, 1968. С. 148–149.

с соседними мусульманскими государствами¹.

С советскими этнографами и историками, возможно находясь в плену определенных постсоветских стереотипов, категорически не готовы согласиться некоторые современные исследователи в Казахстане. Они утверждают: «Именно ислам служил фактором их [казахов. – Т. К.] объединения, оказал глубокое воздействие на культуру казахского народа еще в процессе его становления, всесторонне отразившись в языке, психологии, менталитете и жизненных представлениях, и за многие века стал неотъемлемой частью жизни казахской нации»². Сдержанность в оценках демонстрируют коллеги из Киргизии: «Хотя исторические источники свидетельствуют о том, что киргизы по сравнению с другими представителями тюркских народов Центральной Азии слабо знали и соблюдали основные постулаты ислама, тем не менее, в религиозном отношении исторический выбор был сделан в пользу ислама. Это предопределило дальнейшее этнокультурное развитие народа»³.

Как к тезису «о поверхностном исламе» среди кочевого населения относились чиновники, эксперты, православное духовенство и епископы Туркестанской и Ташкентской епархии в конце XIX в.?

Прежде чем попытаться разобраться с «православным ответом», хотелось бы в самых общих чертах напомнить, что из себя представлял в Туркестане «мусульманский вопрос».

«Мусульманский вопрос»

На наш взгляд, в Туркестане, в отличие, например, от Степного края, существовал не один, а два «мусульманских вопроса» применительно к кочевому и оседлому населению, поэтому некоторые имперские стратегии и практики в отношении первых и вторых отличались.

Законодательная система не была унифицирована. По Положению об управлении Туркестанским краем 1886 г. жили только три (так называемые коренные области) из пяти областей, – Самаркандская, Сырдарьинская и Ферганская. В Семиречье действовало Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями (Степное положение) 1891 г., а в Закаспии – Временное положение об управлении Закаспийской областью 1890 г.

Практики управления Семиречьем, пробывшего полтора десятилетия в составе Степного генерал-губернаторства, «коренными областями» и Закаспием, до 1898 г. бывшего частью Кавказского наместничества, имели

¹ Кисляков Н. А. Наследование и раздел имущества у народов Средней Азии и Казахстана (XIX – начало XX в.). Л., 1977. С. 108.

² См.: Бейбит С. А., Барбасов М.-К. Казахстан: религии и межконфессиональные отношения // Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 2 (20). С. 79–88.

³ Кочкунов А. Современная религиозная обрядовая культура киргизов // Оазисы Шелкового пути: современные проблемы этнографии, истории и источниковедения народов Центральной Азии: К 100-летию доктора исторических наук Балкис Халиловны Кармышевой, 2018: сб. науч. ст. / отв. ред. Котокова Т. В. М., 2018. С. 787.

ряд существенных отличий. Так, в Степном положении существовали разделы, посвященные управлению духовными делами мусульман. Туркестанское положение таких разделов не имело. Закаспийское положение хотя не регулировало напрямую религиозную жизнь мусульман, однако предоставляло начальнику области чрезвычайно широкие полномочия по надзору за ней¹.

Туркмены рассматривались Петербургом как наименее исламизированная, а следовательно, как менее инородная общность для русских в Туркестане. Это служило серьезным основанием для некоторого оптимизма и вселяло уверенность в успехе последующего приобщения туркмен к российской государственности². Только у туркмен существовали части иррегулярной милиции, ставшие в годы Первой Мировой войны регулярным воинским формированием.

Полномочия, предоставленные Закаспийским положением начальнику области, позволили в 1890-е гг. добиться успеха в организации надзора за религиозной жизнью мусульманского населения. Суть проводимой религиозной политики состояла в противодействии усилению ислама и ослаблению позиций шариата среди туркмен за счет увеличения использования норм обычного права (адата). Деятельность мусульманских проповедников из Хивинского, Бухарского ханств и Туркестанского генерал-губернаторства пресекалась. Строительство и открытие мечетей, религиозных школ и т. п. допускалось только с санкции начальника области³. Согласно описаниям православных священников, туркмены были религиозны «настолько, насколько и киргизы [казахи. – Т. К.]⁴», никаких суфийских орденов у туркмен не было, а их ишаны не принадлежали даже «к плохим последователям суфизма», религиозность держалась «традицией и умственной темнотой»⁵.

В 20-е гг. XX в., бывший чиновник Закаспийской областной администрации туркмен Н. Н. Хан Йомудский (Карашхан-оглы Йомудский), отмечал, что собственных мулл у туркмен почти не было. Это звание обычно носил каждый грамотный туркмен, окончивший начальную религиозную школу – мактаб⁶.

Однако с 1898 г. исламизация туркмен стала усиливаться. Одна из главных причин этого процесса крылась в передаче области в состав Тур-

¹ Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 242.

² Аминов И. И. Закаспийский край в составе Российской империи (историко-правовое исследование). М., 2018. С. 23.

³ Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 242–243.

⁴ Кочевое население (казахи и киргизы) Туркестана до начала 1920-х гг. называлось «киргизы».

⁵ Туркестанские епархиальные ведомости. 1907. № 2. С. 6.

⁶ Карашхан-оглы Йомудский. Бытовые особенности туркмен Туркменской ССР, а равно кавказских и зарубежных туркмен, их племенные и родовые деления. Вып. 3. Ташкент, 1928. С. 203.

кестанского генерал-губернаторства. Кочевое население теперь объединилось с «твердым в мусульманской вере» оседлым населением Туркестана, а миссионерам из Хивы и Бухары теперь ничто и никто не мешало¹. Хотя во Всеподданнейшем отчете за 1899 г. начальник Закаспийской области генерал А. А. Боголюбов демонстрировал оптимизм: «Говоря вообще, туркмены, в настоящее время не имеют такого фанатизма и дух ислама оказывает гораздо меньшее влияние на их жизнь, нежели в прочих мусульманских странах...»².

Позиция первого генерал-губернатора Туркестана К. П. фон Кауфмана в отношении ислама заключалась в его последовательном «игнорировании» по принципу «ни гонений, ни покровительства»³. Он считал необязательным создание Духовного управления мусульман Туркестана, по аналогии с Оренбургским магометанским духовным собранием.

Тем не менее «мусульманский вопрос» в Туркестане не был пущен на самотек и не выпал из поля зрения государства. Так, в обращении Кауфмана к жителям Самарканда и окрестных кишлаков от 4 мая 1868 г., в частности, говорилось: «Шариат остается в прежней своей силе, таков закон Белого Царя»⁴. Хотя, по свидетельству одного из ведущих региональных экспертов по исламу Н. П. Остроумова, Кауфман «с самого начала управления Туркестанским краем стремился к тому, что бы ослабить в глазах населения власть представителей ислама»⁵. Необходимо особо подчеркнуть, что оценки Остроумова имели огромное влияние на формирование внутритуркестанского общественно-политического дискурса в отношении мусульманского населения⁶.

Крайне вредной Кауфман считал религиозное влияние, которое оказывалось татарскими муллами на кочевое население Туркестана. «Татаризация» и «исламизация» во второй половине XIX в. рассматривались в прямой взаимосвязи. Правительство на законодательном уровне пыталось

¹ Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 243.

² Россия и Туркмения в XIX веке. К вхождению Туркмении в состав России // сост. А. Г. Соловьев, А. А. Сенников. Ашхабад, 1946. С. 312.

³ Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 1867–1881. СПб., 1885. С. 207–208.

⁴ Россия–Узбекистан: начало отношений: Сборник архивных документов по истории российско-среднеазиатских, российско-узбекистанских связей / Сост. Ю. С. Флыгин. Ташкент, 2015. С. 102.

⁵ К истории народного образования в Туркестанском крае. Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова (1877–1881 гг.). Ташкент, 1899. С. 43.

⁶ Доказательством этому служит масштабная дискуссия, развернувшаяся на страницах журнала «Восток свыше» вокруг статьи Б. Бабаджанова «Николай Остроумов: “миссионер”, “исламовед”, “цивилизатор”» в которой приняли участие С. Абашин, А. Джумаев, У. Абдураулов, Ю. Флыгин. Подробнее см.: Восток свыше. № 4(32). 2013. С. 29–79.

ограничивать экономическую деятельность татар в Туркестане¹, а значит и их переселение в регион. Однако несмотря на все ограничения и запреты, татарская диаспора в крае увеличивалась из года в год, ее экономическое влияние только усиливалось, открывались татарские, преимущественно новометодные, школы.

По мнению З. А. Махмутова, татарами в Степной зоне и за ее пределами была выстроена мощная духовная и образовательная инфраструктура. Татарскому духовенству при помощи татарской буржуазии удалось создать институты, содействующие росту религиозности, просвещения и политического сознания не только татарского, но и коренного населения. Духовная и образовательная деятельность татар сыграла весомую роль в формировании интеллигенции в кочевой среде, а ислам стал важнейшим фактором противодействия аккультурации и ассимиляции с русским населением².

Восприятие татарами Степного и Туркестанского краев как территорий своего повышенного интереса, над тюркско-мусульманским населением которых они ощущали определенное превосходство в силу более развитых социально-экономических и религиозных отношений и институтов, демонстрирует очевидную конкуренцию двух имперских проектов: русского и татарского. В Туркестане татары работали не на интересы империи, а на свои собственные, формируя альтернативный «полос силы». Империя, исходя из здравого смысла и чувства самосохранения, решила закрыть для них это «окно возможностей».

Активная деятельность татар во многом способствовала и усилению влияния шариата на жизнь кочевых народов Туркестана. Этот процесс был им выгоден, считает А. Л. Салиев. Во-первых, это усиливало исламизацию религиозного сознания кочевников, прививало им не только антицаристские, но и антирусские, антихристианские взгляды, которые татары начинали проповедовать и реализовать, попадая в органы местного так называемого туземного самоуправления и суда. Во-вторых, исламизация правового поля позволяла татарам успешнее решать проблемы торгово-экономических отношений с миром кочевников Туркестана, чьи адаты не знали института частной собственности и не могли регулировать те материальные отношения, в которых они были заинтересованы³.

Но ситуация была неоднозначной: в Семиреченской области шариатизация судопроизводства была латентной, а в Сырдарьинской она имела

¹ Подробнее об этом см.: Котокова Т. «Грепещем при мысли остаться в положении пасынков...». Прошения поволжских татар Туркестанского края // Восток свыше. 2015. № 3. С. 57–68.

² Махмутов З. А. Духовная и образовательная деятельность татар в Казахской степи в контексте внутренней политики Российской империи (вторая половина XVIII – начало XX века) // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, № 1 (18). С. 114–116.

³ Салиев А. Л. Судебная политика российского самодержавия в кочевых регионах Туркестана. Дис. ... доктора ист. наук. Бишкек, 2015. С. 334–335.

место в основном там, где номады постоянно контактировали с коренным оседлым населением.

У «татарского проекта» в Туркестане был серьезнейший автохтонный конкурент – сарты. В отличие от кочевого населения, на которое татары уверенно и успешно распространяли свое духовное, экономическое и образовательное влияние, оседлое сартское население, вернее определенная часть элиты, стала перенимать только новые образовательные методики.

Шариатизация судопроизводства кочевых народов Туркестана под влиянием сартов была замечена царской администрацией фактически изначально. По мнению еще одного авторитетного регионального эксперта В. П. Наливкина, «киргиз того времени допускал некоторое влияние шариата на свою жизнь в области одной только религии, к которой он относился довольно безразлично... Во всех остальных случаях своей семейной, общественной и юридической жизни он, невзирая на номинальное принятие ислама, безусловно отрицая шариат, по-прежнему руководствовался адатом, народным низ поколения в поколение устно передававшимся обычаем, не имеющим ничего общего с мусульманским кодексом... Такие беспорядки с мусульманской точки зрения мозолили глаза сонму сартовских книжников, которые издавна делали попытки просветить киргизов и обратить их в истых мусульман; но попытки эти по большей части имели лишь самый незначительный успех...»¹.

Очевидна дихотомия кочевники – оседлые. Причем первых предполагалось буквально спасать, выводя из-под фанатичного влияния вторых (сартов или татар). Так в Туркестане возник водораздел, между «фанатичным исламом» оседлого населения края и пришлых татар, с одной стороны, и с другой – исламом кочевников, вера которых определялась как «поверхностный ислам». А значит, основные усилия приобщения к христианской цивилизации могли быть направлены в первую очередь на последних.

В июле 1884 г., генерал-губернатор Туркестана Н. О. фон Розенбах принял решение о создании «Комиссии для проектирования мер против распространения мусульманства между киргизами» под председательством военного губернатора Сырдарьинской области². Комиссия проработала два года и была распущена в связи с недостатком средств на ее содержание.

Между тем «поверхностный ислам» у номадов, как показывала практика, был не таким уж и поверхностным. Они точно так же, как оседлое население Туркестана идентифицировали себя исключительно как мусульмане. И чем глубже Российская империя продвигалась в регион, тем сильнее и отчетливей проявляла себя эта идентичность. Только из Чим-

¹ Наливкин В. П. Туземцы раньше и теперь // Полвека в Туркестане. В. П. Наливкин: биография, документы, труды: [сборник] / ред.-сост.: С. Н. Абашин и др. М., 2015. С. 413.

² Туркестан в имперской политике России: монография в документах / Отв. ред. Т. В. Котюкова. М., 2016. С. 488–489.

кентского уезда Сырдарьинской области Туркестана в 1901 г. количество казахов, совершивших паломничество в Мекку, составило 188 человек¹.

Укрепление позиций ислама в Степи, по мнению Ю. А. Лысенко, стало защитной реакцией казахского общества на процесс колонизации региона Российской империей, а не результатом внутреннего саморазвития казахского этноса². А. Франк период с конца XVIII в. в религиозной истории казахов называет «исламской трансформацией». Эта трансформация была лишь отчасти связана с последствиями российской политики, так как казахи к этому времени уже были исламизированы, а политика, проводимая империей, усиливала исламскую идентичность³.

На рубеже XIX–XX вв. среди кочевого населения Туркестана серьезное развитие получил ишанизм, хотя взаимоотношения кочевой среды и ишанов были противоречивыми и специфическими. Среди ишанов нередким явлением были обыкновенные шарлатаны, которые разъезжали по казахским, каракалпакским, киргизским и туркменским кочевьям Сырдарьинской, Семиреченской и Закаспийской области и злоупотребляли доверием простых верующих с целью наживы. Обрато в оазисы они возвращались с деньгами и стадами домашних животных⁴. Тем не менее, по свидетельству краеведов, известность ишанам приносила их религиозная деятельность, сакральные практики и врачевание⁵. Ишан имелся практически в каждом уезде Сырдарьинской области⁶ и в кочевьях низовой Амударьи⁷.

В Закаспийской области, по наблюдениям Хана Йомудского, все ишаны были не из туркмен⁸. Религиозным центром для большинства туркмен на протяжении всего позднего средневековья и раннего нового времени оставалась Хива. Хивинские ханы утверждали туркменских кази-

¹ Туркестанские ведомости. 1902. № 13.

² См.: Лысенко А. Ю. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Казахстане: вторая половина XIX – начало XX вв. Дис. ...доктора ист. наук. Барнаул, 2011.

³ Frank A. J. Islamic transformation on the Kazakh Steppe. 1742–1917: Toward an Islamic history of Kazakhstan under Russian rule // The Construction and deconstruction of national histories in Slavic Eurasia / Ed. Tadayuki Hayashi. Sapporo, 2003. P. 262–263.

⁴ Остроумов Н. Сарты. Этнографические материалы. Издание второе, дополненное. Ташкент, 1896. С. 222.

⁵ Гейер И. Туркестан. С дополнительной статьей «Семиреченская область», сост. А. Л. Кирснером. 2-е изд. Ташкент, 1909. С.30.

⁶ Нургазина Н. Ишаны Туркестанского края // Вестник КазНУ. Серия историческая. 2012. № 1 (64). С. 27–29.

⁷ Шалекенов У. Казахи низовьев Амударьи (к истории взаимоотношений народов Каракалпакии в XVIII–XX вв.). Ташкент, 1966. С. 259.

⁸ Карашхан-оглы Йомудский. Бытовые особенности туркмен Туркменской ССР, а равно кавказских и зарубежных туркмен, их племенные и родовые деления. Вып. 3. Ташкент, 1928. С. 203.

ев¹.

Было ли связано возрастание влияния ишанов среди кочевого населения исключительно с этноконфессиональной политикой Российской империи? Очевидно, что институциональное оформление ислама среди кочевых народов Степного края и Туркестана состоялось в период вхождения в состав Российской империи². Однако ишанизм среди номадов Туркестана имел давнюю историю. По мнению Б. М. Бабаджанова, именно ишаны вплоть до XVI в. принимали участие в исламизации казахов, а позже признавались ими в качестве духовных наставников, поскольку среди кочевых народов Туркестана собственных духовных предводителей было немного³. В силу специфики образа жизни и при слабом развитии мусульманских институтов, казахи довольствовались минимумом ритуальных предписаний, которые Б. Привратский назвал «религиозным минимализмом»⁴.

Ишанизм в кочевой среде, особенно появление собственных ишанов, беспокоил имперскую власть. Это означало, что преодолеть наследие К. П. фон Кауфмана и выйти на новый уровень понимания «мусульманского вопроса» спустя несколько десятилетий присутствия России в Туркестане не удалось.

Одновременно с процессом ощутимого усиления роли ислама у кочевого населения Туркестана на рубеже XIX–XX вв. среди определенной части чиновников и экспертов сформировался дискурс «о самоликвидации ислама». Он сохранял позиции мейнстрима практически до конца существования Российской империи. Его суть формулировалась следующим образом: «игнорирование» ислама, может привести, и уже даже почти привело, к заметной снижении роли ислама в жизни мусульман Туркестана. Сознательно устранившись от явного участия в религиозных делах коренного населения, туркестанская администрация добилась того, что влияние мусульманского духовенства значительно ослабело не только среди кочевого населения, но и среди оседлого. Способствовало этому то, что улемы – муллы и ишаны – согласно Туркестанскому положению – не имели официального статуса и были низведены до уровня обывателей⁵.

¹ Михайлов Ф. Религиозные воззрения среди туркмен Закаспийской области // Сборник материалов по мусульманству. Т. 2. Ташкент, 1900. С. 87–103. С. 94.

² См. об этом: Нургалиева А. М. О влиянии правительственной конфессиональной политики на процесс исламизации казахов в XVIII–XIX вв. // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 3. М., 2009. С. 135–161.

³ Бабаджанов Б. М. Ислам в Степи // Туркестан в имперской политике России: монография в документах / Отв. ред. Т. В. Котюкова. М., 2016. С. 484–485.

⁴ Privratsky Br. G. Muslim Turkistan: Kazak Religion and Collective Memory. Richmond, Surrey, 2001. P. 174–175.

⁵ См.: Рыбаков С. Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман России. Пг., 1917; Котюкова Т. В. Проекты духовного управления мусульман Туркестанского края: докладная записка А. А. Семенова о порядке утверждения мулл в

Однако окружающая действительность упорно свидетельствовала об обратном.

Как отмечалось выше, в конце XIX в. правительство отказалось от политики христианизации мусульман в качестве метода их интеграции и сосредоточилось на системе образования. Фактором, цементирующим имперскую конструкцию окончательно, стало не православие, а русский язык, который обеспечивал, прежде всего, возможность внутримперской коммуникации, а в Азиатской России позволял осуществлять модернизацию. В этой связи хочется воздержаться от достаточно распространенной трактовки этой политики как инструмента по сознательному уничтожению этнической и конфессиональной идентичности того или иного народа. «Оставалось, – писал Остроумов, – признать принцип невмешательства в духовную и образовательную часть существовавших у туземцев учреждений, и для объединения туземного населения с русским организовать учебные заведения, в которых дети инородцев могли бы совместно обучаться с русскими детьми»¹. При этом речь преимущественно шла о кочевом населении как более восприимчивом к «новой гражданственности» и менее исламизированном, в сравнении с оседлым.

В 1910 г., рассуждая о политике первого генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана, Остроумов отмечал, что свой «русско-государственный взгляд в среду туземцев» он проводил не через туземные мусульманские школы, а через устройство русских школ именно для детей киргизов, и рассчитывал, что дети киргизов в русских школах «обрусуют». Однако в крае «восторжествовал сартовский язык»².

Существует тезис: государство стремилось установить полный контроль над исламскими духовенством и религиозными институтами, а значит, ущемить права мусульман. Другими словами, установить контроль, равнозначный контролю над православной церковью, сделать мулл такими же государственными служащими, какими являлись священники, т. е. унифицировать систему религиозной жизни в мультиконфессиональной стране. Насколько в этой связи стремление к унификации тождественно ущемлению прав, мы считаем вопросом все еще дискуссионным.

Ю. А. Лысенко и М. Ф. Лысенко считают, что правовое положение мусульман центральноазиатских окраин Российской империи в полной мере можно охарактеризовать как ограничительное: «На протяжении второй половины XIX – начала XX в. был принят ряд законов, создавших си-

Семиреченской области // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Выпуск 1 (75) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840002590-8-1/> (дата обращения: 03.07.2019).

¹ Цит. по: Волков И. В. Миссионерство и государственно-религиозные отношения в Туркестане // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2009. № 4. С. 204.

² Туркестанские епархиальные ведомости. 1910. № 4. С. 74.

стему ограничений дальнейшего развития ислама в регионе и препятствующих его проникновению в этническое самосознание коренных народов»¹. На наш взгляд, это утверждение применимо лишь к Степному краю. Что касается Туркестана, то здесь говорить о «системе ограничений дальнейшего развития ислама», с учетом ситуации, описанной выше, вряд ли возможно.

«Православный ответ»

В 1868 г. Кауфман обратился к Святейшему Синоду с ходатайством об учреждении в границах края самостоятельной епархии. При этом он занял отрицательную позицию относительно миссионерской деятельности и вообще постоянного присутствия епископа в Ташкенте. Ему приписывается ставшее впоследствии знаменитым высказывание о недопущении в Ташкенте «ни архиерея, ни жандармов»². На христианское миссионерство среди коренного мусульманского населения был наложен строгий запрет не только для православных миссионеров, но и для католиков и протестантов.

В 1871 г. епархия была образована. Главной практической задачей, для решения которой она создавалась, было «облегчить жизнь русских переселенцев в непривычных для них условиях местной жизни», а не занятие миссионерской проповедью среди коренного населения.

Особенностью Туркестанской епархии, с точки зрения ее организации и управления, было то, что епископская кафедра находилась не в столице края Ташкенте, а в Верном, поскольку именно в Семиречье количество православного населения было наибольшим. В 1882 г. Семиреченская область была передана в состав Степного генерал-губернаторства и 16 лет кафедра вообще располагалась за пределами Туркестана. Размещение в Ташкенте епископской кафедры и возведение кафедрального собора, по мнению Кауфмана, могло осложнить отношения с мусульманской уммой.

Значительная часть туркестанских священников считали, что оставить Ташкент и всю находящуюся под его влиянием окраину без архиерейской кафедры – «значит отказаться от активной просветительской деятельности и предоставить проникновение христианского учения и христианской культуры в туземные массы на волю судьбы»³. С другой стороны, начинать в Туркестане миссионерскую проповедь без определенной подготовки, и это понимали все акторы, было невозможно. Более того, как мы помним, государственная власть даже запрещала такую деятельность. Но это была позиция светской власти. У власти духовной были свои резоны,

¹ Лысенко Ю. А., Лысенко М. Ф. Правовое положение мусульман центральноазиатских окраин Российской империи и «мусульманский вопрос» в системе администрирования региона (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 2(90). С. 116.

² Добросмыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент, 1912. С. 318.

³ Туркестанские епархиальные ведомости. 1910. № 4. С. 74.

расчеты и стратегия поведения.

По мнению С. Пейруза, православие с большим трудом утверждалось в Туркестане: опасаясь реакции со стороны мусульманского населения, российская власть стремилась откреститься от всякого намека на религиозную колонизацию и вела политику русификации без обращения в православие¹. Это было политическое решение. Последующие главные начальники края практически не изменили этому принципу.

В 1868 г. обер-прокурор Св. Синода граф Д. А. Толстой просил генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана поддержать распространение православия среди кочевого населения степных регионов Туркестана. Речь шла о поддержке работы Степной комиссии, созданной по Высочайшему повелению в 1865 г., для изучения начал будущего устройства управления Киргизскими степями, которая обязана была обратить особое внимание на меры по предотвращению дальнейшего распространения ислама среди кочевников и усилению распространения христианства. Заняться решением этой задачи, «не возбуждая там волнения и неудовольствия в мусульманском населении», могла Алтайская духовная миссия².

Кауфман ответил с большой задержкой в августе 1869 г.: «Миссионерство наше здесь может идти не с крестом, а лишь с книгой в руках... Только посредством школ... без всякого религиозного вмешательства мы можем надеяться ослабить мусульманство там, где оно дошло до фанатизма и не дойти до него там, где мусульманство мало окрепло, как, например, среди киргиз»³. На распространение деятельности комиссии на Туркестан Кауфман не согласился.

Как сообщает все тот же Остроумов, Кауфман подчеркивал, что надо «вводить в Туркестанском крае христианскую русскую цивилизацию», при этом не предлагая «туземному населению православной веры»⁴. Остроумов разделял убежденность Кауфмана, что вести религиозную пропаганду среди мусульман Туркестана, по меньшей мере, преждевременно.

Очевидно, что политика «игнорирования» проводилась в Туркестане не только в отношении ислама, но и в отношении православия. Такая политика, которую можно назвать политикой «двойного игнорирования», не означала, что Кауфман отказался от планов по «культурной инженерии» или сомневался в победе русской православной культуры.

Как администраторы и эксперты, священники и епископы Турке-

¹ Пейруз С. Изменение религиозного спектра в Центральной Азии: союз между исламом и православным христианством // Казанский федералист. 2005. № 1(13). С. 150.

² Туркестан в имперской политике России: монография в документах / Отв. ред. Т. В. Котюкова. М., 2016. С. 487.

³ Цит. по: Литвинов П. П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Елец, 1996. С. 127.

⁴ К истории народного образования в Туркестанском крае. Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова (1877–1881 гг.). Ташкент, 1899. С. 43.

станской епархии также рассматривали «татарский фактор» как непосредственную угрозу своим попыткам миссионерской проповеди среди кочевого населения: «Входя в деловые отношения с другими инородцами, как фанатичные приверженцы ислама, они [татары. – Т. К.] являются пропагандистами его. Со щепетильной строгостью относятся к предписаниям своей веры. Они и примером и словом и своим экономическим влиянием укрепляют новых магометан в правилах своей веры и нравственности. Своей миссией они парализуют деятельность православных миссий. На свои средства строят мечети, содержат достаточно для кочевников образованных в казанских медресе и фанатизированных мулл, заводят многочисленные школы: они учреждают общества вспомоществования нуждающимся. Нельзя не признать, что миссионерская деятельность казанских татар хороший, заслуживающий подражания пример для православных миссий. Вот как нужно работать православному духовенству в Туркестане»¹.

У православного миссионера в среде кочевого населения Туркестана помимо «татарского муллы», был еще один очевидный конкурент – «сартовский мулла». Вот как по описанию православных священников работали «конкуренты»: «Этот вампир [сартский мулла – Т. К.], захвав в девственную степь Туркестана или в горную зимовку киргиза, начинает читать Коран..., объясняет по вдохновению прочитанное, поругает «гяуров», продает десяток другой талисманов (тумары), пошепчет и ... набрав в нескольких аулах порядочное количество дани, сбрасывает с себя маску и начинает заниматься торговлей, а в иных случаях и кутежом...»².

«Устное предание, – читаем мы в «Туркестанских епархиальных ведомостях», – которое передавалось из рода в род, обрывки легенд, кое-какие обряды, полурелигиозные, полународные праздники, небольшой ряд предписаний Магомета – вот чем довольствуется наш степной мусульманин – киргиз». По мнению автора статьи, киргизы находятся в переходном состоянии и представляют из себя благодарную почву для «закрепления в этом детски-простом народе любви к русской гражданственности. Явись среди них опытная рука, брось живое семя, и богатая жатва вознаградит делателей»³.

В конце XIX в., анализируя ситуацию вокруг «мусульманского вопроса» в крае, епископ Туркестанский и Ташкентский Аркадий оценивал ее так: «Туземное население с каждым годом становится все более и более фанатичным. Поэтому православное духовенство, не задаваясь пока задачами противомусульманской миссии, к которой оно из-за отсутствия миссионерского образования и незнания местных языков чувствует пока себя не подготовленным, относится к мусульманскому населению с должной

¹ Туркестанские епархиальные ведомости. 1908. № 19. С. 611–612.

² Там же. 1907. № 2. С. 6.

³ Там же. С. 5.

осторожностью и вниманием, побуждая и свою паству к заботе о том, чтобы она своею жизнью не подавала к неблагоприятным заключениям относительно христианской веры вообще и ее местных исповедников в частности»¹.

Ему возражал еще один региональный эксперт, в прошлом туркестанский чиновник – казах Серали Лапин. Он отмечал: «На ислам смотрели глазами миссионеров и видели в нем, прежде всего религию, враждебную интересам русской или христианской государственности, как на религию человеконенавистничества в отношении христиан, предписывающую своим последователям зверское отношение ко всем “неверным”»². Между тем, считал Лапин, именно ислам определеннее и категоричнее, чем какая-либо другая религия, предписывает своим последователям повиновение закону, уважение к властям, даже если это власть немусульманского государства. Однако в Положении об управлении Туркестаном, принятом в 1886 г., не было ни одной статьи, которая бы, так или иначе, регламентировала духовную жизнь туркестанских мусульман. Вследствие этого браки мусульман не были защищены российскими законами, метрические записи не велись и т. д.

В Петербурге (востоковеды, чиновники различных министерств и ведомств) с этой оценкой были категорически не согласны и подчеркивали, что православные миссионеры не принимали участия в подготовке Положения об управлении Туркестаном 1886 г., а правительство никогда не преследовало целей унижить ислам. Доказательством тому служит факт, что в Положении 1886 г. не зафиксировано никаких антимусульманских действий государственной власти. Ремонт старых и возведение новых мечетей тому прямое доказательство. Отсутствие регламентации духовного быта мусульман объясняется не желанием его игнорировать, а наоборот, признанной правительством нецелесообразностью проводить коренную ломку очень специфического уклада местной жизни без детального изучения. С момента «кауфманских запретов» прошло достаточно времени, ситуация сильно изменилась. Недостатки Положения очевидны и для правительства, именно поэтому идет работа по его пересмотру³.

Вместе с тем нельзя сказать, считает П. П. Литвинов, что ислам в Туркестане отличался исключительной «верноподданностью». Везде, где это было возможно, он наступал на позиции православия⁴. О «наступлении ислама на православие» писали и епархиальные эксперты, оно всерьез тревожило не только духовную, но и светскую власть.

В рамки политики «двойного игнорирования» хорошо вписываются

¹ РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 796. Оп. 442. Д. 1754. Л. 63 об.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 613. Л. 119.

³ Там же. Л. 120 об.

⁴ Литвинов П. П. Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865–1917 (по архивным материалам): монография. Елец, 1998. С. 227–241.

рассуждения епархиальных деятелей на тему «теплохладности» краевого начальства к церкви. Туркестанские владыки вспоминали отчет военного губернатора Ферганской области генерал-майора А. П. Чайковского за 1899 г., написанный по следам Андижанского восстания 1898 г. В нем говорилось о мерах по противодействию исламу со стороны православного духовенства: «Цель сближения правительства с местным мусульманским населением будет достигнута вернее, если жестоким принципам ислама наглядно противопоставить образцы любвеобильного учения Христа»¹.

На практике мусульманское население Туркестана не всегда видело перед собой «полную картину человеколюбивого православно-христианского быта русского общества». Пьянство было одной из главных бед не только православных мирян, но и православного духовенства². На что могло рассчитывать государство, и что могла сделать в таких обстоятельствах церковь «для культурного перевоспитания мусульманской силы»?

Одним из основных факторов, препятствовавших началу миссионерской деятельности, был языковой барьер. Но главная проблема заключалась в отсутствии в туркестанской православной среде настоящих миссионеров-подвижников, готовых заниматься этим не за жалование, а по велению сердца и исходя из глубокой религиозной убежденности³.

Миссионерская деятельность имела активные и пассивные формы. В первом случае за дело брались члены мессианских сообществ, выполняя свою прямую функцию. Для них, по мнению Б. М. Бабаджанова, православное миссионерство совпадало с имперскими интересами государства. Более трезвая оценка возможностей, а самое главное, последствий миссионерства исходила преимущественно от военных и чиновников на местах⁴.

Но и «контингент», с которым пришлось столкнуться Туркестанской епархии, был не простым. По мнению Ю. А. Лысенко, «цивилизационный код» казахов (а мы считаем, что вывод применим и в отношении и других номадов Туркестана), сформировавшийся в специфических условиях кочевого скотоводства (сезонные перекочевки, рацион питания, традиционные социальные связи, этнопсихологические и ментальные особенности) делали фактически невозможным восприятие ими христианских догм и правил. Закрепление к этому периоду среди кочевников ислама в форме суфизма во многом стало возможным благодаря его высокой адаптивной способности. Христианство такой гибкостью не обладало⁵.

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2553. Л. 9об.

² Там же.

³ Туркестанские епархиальные ведомости. 1908. № 11. С. 361.

⁴ Бабаджанов Б. М. Ислам в Степи // Туркестан в имперской политике России: монография в документах / Отв. ред. Т. В. Котокова. М., 2016. С. 483.

⁵ Лысенко Ю. А. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Казахстане: вторая половина XIX – начало XX вв. Автореф. дис. ...доктора ист. наук. Барнаул, 2011. С. 6.

Первые миссионерские организации в Туркестане были учреждены в Семиреченской области в 60-е гг. XIX в. Выбор Семиречья не был случайным: значительное количество православного населения; близость китайской границы и наплыв переселенцев из Поднебесной обеспечивали некоторый контингент потенциальных неопитов; в области преобладало кочевое население, а в Петербурге и в Ташкенте к этому времени уже сформировался дискурс о «поверхностном исламе» у казахов и киргизов.

С кочевым населением пытались работать несколько миссионерских структур Туркестанской епархии. В конце 1860-х гг. в станице Саркандской Семиреченской области была учреждена первая православная миссионерская организация в Туркестане. Она имела статус «противоязыческой» и была создана для проповеди среди эмигрировавших в Россию из Китайского Туркестана калмыков. На рубеже XIX–XX столетия миссия практически утасла, и на ее базе пытались наладить работу школы, в которой бы обучались дети местных мусульман.

В 1869 г. было основано Семиреченское православное церковное братство. Его деятельность ограничивалась только Семиреченской областью. В 1886 г. оно стало называться Туркестанское епархиальное Казанско-Богородичное просветительское братство, после чего география и характер его деятельности расширились и стали заключаться не только в «заботе о распространении духовно-нравственного просвещения», но и в обращении в православие иноверцев не только в Семиречье, а во всей епархии.

Исключительно для миссионерской деятельности среди «киргиз» в 1881 г. был основан Иссык-Кульский Троицкий миссионерский общежительный мужской монастырь. Обитель должна была стать «благочестивой школой будущих, основательно подготовленных и образованных, проповедников православия»¹. С момента основания монастырь преследовали несчастья и неудачи. В 1898 г. при монастыре, наконец, была открыта школа для киргизских и русских детей. Правда, планируемая миссионерская деятельность к концу XIX столетия так и не началась. Это обстоятельство сильнее всего удручало туркестанских епископов².

Специализированную «противомусульманскую миссию» открыли при Туркестанской епархии только в 1913 г. Это событие стало единственным начинанием Миссионерского совета при Св. Синоде, учрежденном в том же году³. Миссия состояла из одного человека...

Несмотря на официальное декларирование краевой администрацией запрета на проведение миссионерской деятельности в пределах Туркестана, епархия таковую работу среди мусульманского, в основном кочевого населения, собственными силами все же пыталась проводить. Подчеркнем:

¹ Туркестанские епархиальные ведомости. 1909. № 23. С. 557.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2123. Л. 60б.

³ Журавский А. В. Миссионерские «противомусульманские» институты // Россия и мусульманский мир: Инаковость как проблема / отв. ред. А. В. Смирнов. М.; 2010. С. 142.

именно пыталась. Но это не означает, что не было перспективных планов приступить к серьезной миссионерской работе спустя какое-то время. Хотя новая имперская практика «двойного игнорирования» и ислама и православия в Туркестане серьезнейшим образом в конце XIX в. этому препятствовала.

Заключение

К середине XIX в. в Степном крае завершился этап «адаптации» к империи кочевого населения и начался второй этап – «интеграции» в империю. Первый этап сопровождался «татаризацией». Практика показала, что «татаризация» способствовала исключительно интеграции в рамках парадигмы «тюрки–мусульмане» и не давала возможности осуществиться интеграции общеимперской. На втором этапе империя приступила к «русификации», которую иногда очень упрощенно понимают как повсеместное насаждение русского языка на окраинах России, т. е. к переходу от «особых» к институтам управления, администрирования и судопроизводства общеимперского образца. Во второй половине XIX в. в Туркестане дискурс был несколько изменен. Здесь этап «адаптации» сопровождался политикой «двойного игнорирования», а на этапе «интеграции» также собирались приступить к «русификации». Кроме того, в отличие от Степи, в Туркестане период «адаптации» отличался «сжатыми темпами», сократившись со ста до приблизительно тридцати лет.

Этноконфессиональная политика в отношении оседлого и кочевого населения Туркестана была дифференцированной. Возможно, относительно невысокую степень исламизированности последнего империя планировала использовать с пользой для себя: номадам отводилась в имперском дискурсе в Туркестане та же роль, что во второй половине XVIII в. – первой половине XIX в. татарам в Степи – роль проводников или даже локомотива имперской политики. Однако, по оценкам экспертов, далеко не все кочевые народы Туркестана могли соответствовать критериям «лояльности», предъявляемым империей. По мнению чиновников и экспертов, таким народом были только туркмены.

Исламизация кочевого населения демонстрировала свои успехи в двух случаях: в контактной зоне проживания с коренным оседлым населением Туркестана и благодаря миссионерским усилиям поволжских татар. Православное духовенство в Туркестане не выдержало мощнейшей конкуренции с сартовскими и татарскими муллами «за души и сердца» кочевого населения. Причина, как нам представляется, кроется не в количестве материальных ресурсов, а в разном отношении населения Туркестана к муллам и православному духовенству, с учетом хорошей подготовленности первых и абсолютной неподготовленности вторых. Еще одним важнейшим фактором была низкая степень адаптивности православия к специфическим условиям жизни номадов вообще.

Каждый новый этап исторического развития порождал новые подходы и практики имперской политики на окраинах России. Поэтому мно-

гое из того, что применялось для интеграции в имперское пространство Степного края во второй половине XVIII – первой половине XIX в. было неактуальным в конце XIX – начале XX в. для освоения Туркестана. На наш взгляд, империя достаточно чутко улавливала специфику интегрируемого региона и, выстраивая интеграционный дискурс, старалась максимально учесть эти особенности, а не причесать под одну гребенку. Вернее так: под одну «имперскую гребенку» причесывали, но разными «гребешками».

Список источников и литературы

1. Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.: Наука, 1971. 404 с.
2. Аминов И. И. Закаспийский край в составе Российской империи (историко-правовое исследование). М.: Проспект, 2018. 248 с.
3. Бабаджанов Б. М. Ислам в Степи // Туркестан в имперской политике России: монография в документах / Отв. ред. Т. В. Котюкова. М.: Кучково поле, 2016. С. 883–887.
4. Бейбит С. А., Барбасов М.-К. Казахстан: религии и межконфессиональные отношения // Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 2 (20). С. 79–88.
5. Волков И. В. Миссионерство и государственно-религиозные отношения в Туркестане // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2009. № 4. С. 203–206.
6. Воробьева Е. И. Мусульманский вопрос в имперской политике Российского самодержавия: вторая половина XIX – 1917 г.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. 342 с.
7. Гейер И. Туркестан. С дополнительной статьей «Семиреченская область». Сост. А. Л. Кирснером. 2-е изд. Ташкент: Туркестанское товарищество печатного дела, 1909. 366 с.
8. Добросмыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент: Типография Порцева, 1912. 279 с.
9. Журавский А. В. Миссионерские «противомусульманские» институты // Россия и мусульманский мир: Инаковость как проблема / отв. ред. А. В. Смирнов. М.: Языки славянских культур; 2010. С. 139–142.
10. Иомудский Карашхан-оглы. Бытовые особенности туркмен Туркменской ССР, а равно кавказских и зарубежных туркмен, их племенные и родовые деления. Вып. 3. Ташкент: Издательство Средазкомстариса, 1928. С. 191–203.
11. К истории народного образования в Туркестанском крае. Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова (1877–1881 гг.). Ташкент: Типо-литография торгового дома «Ф. и Г. Бр. Каменские», 1899. 286 с.
12. Камалов С. К. Каракалпаки в XVIII–XIX веках: (К истории взаимоотношений с Россией и среднеазиатскими ханствами). Ташкент: Фан, 1968. 328 с.
13. Каппелер А. Две традиции в отношениях России к мусульманским народам Российской империи // Отечественная история. 2003. № 2. С. 129–133.
14. Кисляков Н. А. Наследование и раздел имущества у народов Средней Азии и Казахстана (XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1977. 131 с.
15. Котюкова Т. «Трелепом при мысли остаться в положении пасынков...». Прошения поволжских татар Туркестанского края // Восток свыше. 2015. № 3.

16. Котопова Т. В. Проекты духовного управления мусульман Туркестанского края: докладная записка А. А. Семенова о порядке утверждения мулл в Семиреченской области // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Выпуск 1 (75) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840002590-8-1/> (дата обращения: 03.07.2019).

17. Кочунов А. Современная религиозная обрядовая культура киргизов // Оазисы Шелкового пути: современные проблемы этнографии, истории и источниковедения народов Центральной Азии: К 100-летию доктора исторических наук Балкис Халиловны Кармышевой, 2018: сб. науч. ст. / отв. ред. Котопова Т. В. М.: Исламская книга, 2018. С. 787–801.

18. Литвинов П. П. Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865–1917 (по архивным материалам): монография. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 1998. 298 с.

19. Литвинов П. П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Елец: ЕГПИ, 1996. 226 с.

20. Лысенко Ю. А. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Казахстане: вторая половина XIX – начало XX вв. Дис. ...доктора ист. наук. Барнаул, 2011. 400 с.

21. Лысенко Ю. А. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Казахстане: вторая половина XIX – начало XX вв. Автореф. дис. ...доктора ист. наук. Барнаул, 2011. 36 с.

22. Лысенко Ю. А., Лысенко М. Ф. Правовое положение мусульман центральноазиатских окраин Российской империи и «мусульманский вопрос» в системе администрирования региона (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 2(90). С. 109–116.

23. Марданова Д. З. Миссионерский проект по созданию «истинного ислама» (на примере сочинения Е. А. Малова «Об Адаме по учению Библии и по учению Корана») // Minbar. Islamic Studies. 2019. № 12 (1). С. 43–61.

24. Махмутов З. А. Духовная и образовательная деятельность татар в Казахской степи в контексте внутренней политики Российской империи (вторая половина XVIII – начало XX века) // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, № 1 (18). С. 113–117.

25. Михайлов Ф. Религиозные воззрения среди туркмен Закаспийской области // Сборник материалов по мусульманству. Т. 2. Ташкент: Типография М. Розенора, 1900. С. 87–103.

26. Наливкин В. П. Туземцы раньше и теперь // Полвека в Туркестане. В. П. Наливкин: биография, документы, труды: [сборник] / ред.-сост.: С. Н. Абашин и др. М.: Издательский Дом Марджани, 2015. С. 380–480.

27. Народы Средней Азии и Казахстана. Т. II / Под ред. С. П. Толстова [и др.]. М.: Издательство АН СССР, 1963. 779 с.

28. Нурғалиева А. М. О влиянии правительственной конфессиональной политики на процесс исламизации казахов в XVIII–XIX вв. // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 3. М.: ИРИ РАН, 2009. С. 135–161.

29. Нургазина Н. Ишаны Туркестанского края // Вестник КазНУ. Серия историческая. 2012. № 1 (64). С. 26–30.

30. Остроумов Н. Саргы. Этнографические материалы. Издание второе, дополненное. Ташкент: Типо-литография торгового дома «Ф. и Г. Бр. Каменские», 1896. 274 с.

31. Пейруз С. Изменение религиозного спектра в Центральной Азии: союз между исламом и православным христианством // Казанский федералист. 2005. № 1(13). С. 142–161.

32. Ремнев А. В. Российская империя и ислам в казахской степи (60–80-е годы XIX в.) // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы / Отв. ред. С. Н. Абашин, В. И. Бушков. Вып. 32. М.: Наука, 2006. С. 238–277.

33. Ремнев А. В. Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. 2006. № 4. С. 5–31.

34. Россия и Туркмения в XIX веке. К вхождению Туркмении в состав России / Сост. А. Г. Соловьев, А. А. Сенников. Ашхабад: Туркменгосиздат, 1946. 328 с.

35. Россия–Узбекистан: начало отношений: Сборник архивных документов по истории российско-среднеазиатских, российско-узбекских связей / Сост. Ю. С. Флыгин. Ташкент: Изд. «Турон zamin ziyo», 2015. 188 с.

36. Рыбаков С. Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман России. Пг.: Би., 1917. 55 с.

37. Садвокасова З. Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Алматы: Казак университету 2005. 345 с.

38. Салиев А. Л. Судебная политика российского самодержавия в кочевых регионах Туркестана. Дис. ... доктора ист. наук. Бишкек, 2015. 274 с.

39. Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.

40. Шалекенов У. Казахи низовьев Амударьи (к истории взаимоотношений народов Каракалпакии в XVIII–XX вв.). Ташкент: Фан, 1966. 334 с.

41. Frank A. J. Islamic transformation on the Kazakh Steppe. 1742–1917: Toward an Islamic history of Kazakhstan under Russian rule // The Construction and deconstruction of national histories in Slavic Eurasia / Ed. Tadayuki Hayashi. Sapporo, 2003. P. 262–263.

42. Privratsky Br. G. Muslim Turkistan: Kazak Religion and Collective Memory. Richmond, Surrey, 2001. 321 p.

43. Туркестанские ведомости.

44. Туркестанские епархиальные ведомости.

45. Российский государственный исторический архив (РГИА).

Г. Б. Избасарова

(АРГУ им. К. Жубанова, Актобе)

**ИНСТИТУТ АМАНАТСТВА (ЗАЛОЖНИЧЕСТВА) В
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ,
ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА И ЦИНСКОГО КИТАЯ
В XVIII ВЕКЕ**

Аннотация: Рассмотрено применение института аманатства в XVIII веке в практике дипломатических отношений Российской империи, Цинской империи, Джунгарского ханства, казахских жузов.

Ключевые слова: аманат, институт аманатства, казахские жузы, Российская империя, Цинская империя, Джунгарское ханство.

Институт аманатства в дипломатических связях государств Центральной Азии прослеживается достаточно четко с ханьского времени. Китайский историк Сыма Цянь писал, что после нанесения китайскими войсками поражения Давани (древнее владение в Ферганской долине) правители Сиюя стали направлять своих сыновей на воспитание к ханьскому императору.

Аманатство было условием мира, заключенного между какими-либо владениями, гарантией регулярных связей. Благодаря заложничеству решались и экономические проблемы, регулировалась торговля.

В эпоху Цин китайская дипломатия на северо-западе считала своим главным противником джунгар. Содержа у себя в заложниках некоторых монгольских князей, она пыталась заручиться и заложником джунгар. После трагической гибели Галдана Бошокту-хана, преследуемого маньчжуро-китайскими войсками, Цины добились выдачи в свои руки потомков Галдана.

В свою очередь джунгарский хунтайджи стал требовать аманатов от среднеазиатских правителей после похода 1739–1740 гг. В результате осады Коканда правитель города Абд ал-Карим-хан отдал в аманаты своего внука от старшего сына. С 1740 г. Галдан-Цэрен требует аманатов от казахских султанов и ханов. Поначалу джунгары добивались содержания заложников за счет самих казахов. Тем самым нарушался обычай содержать гостей, каковыми считались заложники, за счет страны пребывания. Институт аманатства был оптимальным вариантом выхода из вооруженного конфликта как для джунгар, так и для казахов.

Институт аманатства получил широкое применение и в отношениях Российской империи с казахскими жузами. Он стал применяться во внутренней политике империи, которая к эту моменту имела опыт применения данного института в своих взаимоотношениях с некоренными народами. Институт аманатства (заложничества) был апробирован Российской империей на территории Южного Урала, Северного Прикаспия (калмыки), Кавказа.

Список источников и литературы

1. Избасарова Г. Б. Аманат в традиционном казахском обществе и российской политике XVIII в. // Российская история. 2017. № 1. С. 103–112.
2. Хафизова К. Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии в XIV–XIX вв. Автореф. дис. ...доктора ист. наук. М., 1995. 51 с.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ XVIII–XIX ВВ.: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ¹

Аннотация: В исследовании анализируется современное состояние изучения международных отношений в Центральной Азии XVIII–XIX вв. с историко-правовой точки зрения. Автор приходит к выводу о недостаточной проработке данного направления, учитывая специфику понимания международно-правовых отношений в регионе различными политическими игроками – европейскими державами и местными традиционными государствами. Различные представления о системе международных отношений, правовой силе договоров между государствами, целесообразности мирного разрешения споров и т. д. обусловили длительное взаимонепонимание между европейскими и центральноазиатскими государствами. И только расширение знаний и представлений о политико-правовой системе традиционной центральноазиатской государственности позволили европейским державам (и в первую очередь – Российской империи) найти надлежащие средства и методы взаимодействия с государствами и народами Центральной Азии, повысив эффективность своей политики в регионе и получив возможность закрепить ее, в том числе и на международно-правовом уровне. Изучение этого длительного и противоречивого процесса невозможно только на основании официальных дипломатических и актов-ых материалов, требуется привлечение дополнительных исторических источников, чтобы сформировать полное и всестороннее представление о правовой составляющей международной политики в Центральной Азии рассматриваемого периода.

Ключевые слова: Центральная Азия в XVIII–XIX вв., Российская империя, Британская империя, Большая игра, международное право, традиционное право.

Интерес западных государств (включая Россию) к Центральной Азии возник еще в XVI–XVII вв., когда там впервые побывали иностранные дипломаты, торговцы и разведчики. Однако планомерное продвижение в этот регион они начинают не ранее XVIII в., когда Петр I, с одной стороны, разрабатывает глобальные проекты расширения российского влияния в данном регионе, а власти Британской империи, с другой, все плотнее начинают укреплять свое присутствие в Индии и позиции в соседних с ней регионах. При этом нельзя не отметить, что и Россия, и Британия действовали далеко не только прямолинейными военными методами, но и старались опираться на дополнительные механизмы – дипломатические, экономические и пр.

Им сразу же пришлось столкнуться с особенностями политико-правового развития государств и народов Центральной Азии, таких как казахи и туркмены, Бухарское, Хивинское, Кокандское ханства, Афгани-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00162), реализуемого в Институте языков и культуры имени Льва Толстого.

стан, Восточный Туркестан (Кашгария) и др. Отсутствие знаний и представлений об особенностях государственного и правового развития региона наряду со стремлением выстраивать отношения с ними по собственным, европоцентристским, моделям привели к тому, что в течение длительного времени отношения с его странами и народами выстраивались не слишком эффективно, и попытки установления дипломатических отношений постоянно чередовались с обострениями – вплоть до открытых военных конфликтов. В отношении Британской империи, представители которой впервые открыли для себя Центральную Азию лишь в XVI–XVII вв. подобный подход объясним и закономерен; поэтому неудивительно, что активное проникновение британских агентов в регион началось лишь в первой трети XIX в. Применительно же к России он выглядит ошибочным, поскольку опыт выстраивания отношений с восточными, в особенности с тюрко-монгольскими, народами она имела весьма давний.

Сначала пребывание в зависимости от Золотой Орды (XIII–XV вв.), а затем процесс присоединения ее бывших владений – Казанского, Астраханского, Сибирского ханств – способствовал приобретению богатого опыта налаживания международных отношений со странами и народами, весьма близкими по уровню своего политического, правового, экономического и культурного развития к народам и государственным образованиям Центральной Азии, которые, подобно наследникам Золотой Орды, унаследовали многие принципы организации власти, управления и правового регулирования из традиций Монгольской империи. Соответственно, учет этих принципов и даже частичная их инкорпорация в политико-правовую систему Московского царства позволили российским властям сравнительно быстро и эффективно инкорпорировать осколки Золотой Орды в состав московских владений и распространить на них свою систему управления и правового регулирования. При этом для поддержания и развития отношений как с новыми подданными, так и с вассалами, и с независимыми тюрко-монгольскими государствами использовались такие традиционные международно-правовые средства, как постоянный обмен посольствами с дарами («поминками»), присяги (шерти), в ряде случаев – ссылки на правопреемство от прежних «степных империй», что обуславливало выдачу указов-ярлыков даже московскими царями и пр.¹

Однако в связи с вестернизацией России в эпоху Петра I и его ближайших преемников фактически происходит отказ от многовекового опыта выстраивания и правового оформления отношений с тюрко-монгольскими государствами, и начинают предприниматься попытки навязывания им европоцентристских представлений о международно-правовых отношениях. Результатом этого стали роковые непонимания, приводившие к вооруженным конфликтам и, как следствие, неоднократ-

¹ См. подробнее: Почekaев Р. Ю. Правовое положение окраин Российской империи. Казахстан и Средняя Азия: Учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 20–36.

ным приостановкам в продвижении России в Центральную Азию, подрыву ее позиций в регионе.

Ошибочность европоцентристского подхода впервые проявилась уже при самом Петре I в отношениях России с Хивинским ханством, когда в ответ на инициативу ханов об установлении мирных и торговых отношений имперским властям предприняли попытку подчинения Хивы вооруженным путем, направив туда экспедицию А. Бековича-Черкасского. Разгром и практически полное уничтожение этого отряда в 1717 г. почти на полстолетия приостановил российское продвижение в регион; несмотря на неоднократные попытки имперских властей наладить дипломатические и торговые отношения как с Хивой, так и с соседними среднеазиатскими владениями, местные правители после экспедиции Бековича с подозрениями и опасениями реагировали на все российские инициативы¹.

Кроме того, Россия, с конца XVII в., начавшая активно участвовать в европейской международной политике, достаточно быстро приобщилась к международно-правовым принципам западных государств, уверовав в силу международных договоров, прочность заключенных союзов, презумпцию добросовестности принятых на себя обязательств, стремление к компромиссам. Все эти принципы совершенно не вписывались в систему отношений в Центральной Азии, правители которой, во-первых, достаточно легко относились к заключенным договорам, будучи готовыми в любой момент отказаться от них в одностороннем порядке в связи с изменением обстоятельств; кроме того, в тюрко-монгольском мире продолжал действовать принцип, что любой договор (как и ханский указ) сохранял силу лишь при заключившем его правителе, а его наследник ни в коей мере не считался связанным его условиями. Попытки российской дипломатии решать конфликты путем поиска компромисса воспринимались центральноазиатскими монархами как проявление слабости и неуверенности и потому приводили лишь к еще более агрессивному поведению с их стороны в отношении российских дипломатов, торговцев и пограничных владений².

Большую проблему в выстраивании отношений с государствами и народами Центральной Азии представляли разногласия центральных и региональных ведомств Российской империи – в первую очередь между пограничными администрациями (Кавказ, Оренбург, Западная Сибирь), с одной стороны, и министерствами финансов и иностранных дел, с другой. Финансовое ведомство всячески старалось ограничить расходы на военные нужды, развитие оборонительной инфраструктуры пограничных регионов, расширение их воинских контингентов и пр. Дипломатическое же ведом-

¹ Андреев А. А. Российско-хивинские отношения в конце XVII – начале XVIII в. Декларативная «шерт» или реальное подданство? // Петербургский исторический журнал: Исследования по российской и всеобщей истории. 2015. № 2 (60). С. 27–29.

² См., напр.: Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в. М.: Изд-во Московского университета, 1984. С. 230–231.

ство всячески противилось любым попыткам решительной политики в Центральной Азии, опасаясь, что это приведет к ухудшению отношений России с западными державами, которые также проявляли интерес к этому региону. В результате региональным властям зачастую приходилось действовать не только без согласования с центральными органами, но и прямо нарушая их предписания – на свой страх и риск.

В этих случаях лишь особый статус отдельных руководителей пограничных администраций давал основания считать, что их действия не вызовут негативного отношения центральных властей и позволят укрепить позиции России в Центральной Азии. Например, оренбургский военный губернатор В. А. Перовский, пользовавшийся благосклонностью лично императора Николая I, мог себе позволить решительные действия в ответ на агрессивное поведение вышеупомянутого хивинского ханства – сначала применив к нему экономические санкции, а затем предприняв и военную экспедицию с целью установления над Хивой контроля (протектората) России; по сути, это была первая активная попытка российских властей столь радикально расширить свои позиции в Центральной Азии. И не без оснований современные исследователи видят в действиях Перовского ответ на развязывание Британской империей агрессии против соседнего Афганистана (т. н. Первая англо-афганская война 1839–1842 гг.)¹. Надо сказать, что, несмотря на неудачное окончание похода Перовского на Хиву 1839–1840 гг., он оказал весьма существенное влияние на международное положение в регионе и позволил закрепить русско-хивинские отношения новым договором². В 1850-х гг. Перовский, уже будучи оренбургским и самарским генерал-губернатором, также эффективно чередовал дипломатические и военные средства в отношениях с Кокандским ханством, результатом чего стало присоединение к России ряда стратегически важных территорий и установление мира с Кокандом.

Поскольку уже в первой половине XIX в. российские посольские миссии стали довольно часто поручаться представителям Военного министерства, в дипломатической политике России в Центральной Азии также стали постепенно происходить сдвиги³. Наиболее ярко это проявилось по

¹ См.: Morrison A. Twin Imperial Disasters. The invasions of Khiva and Afghanistan in the Russian and British official mind, 1839–1842 // *Modern Asian Studies*. Vol. 48. Iss. 1. Jan. 2014. P. 253–300.

² Правда, как и ранее, договоренность, достигнутая с ханом Алла-Кули, при котором Перовский совершил поход, оказалась неактуальной в связи с кончиной этого хана и вступлением на престол его сына Рахим-Кули в 1842 г.: новый хан отказался от многих условий мира, с которыми предварительно согласился его отец, и подписал лишь самый «схематичный» вариант договора, см.: Ниязатов М. Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX в. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. С. 68.

³ Исследователи совершенно справедливо отмечают, что порой довольно трудно отличить «мирные» миссии (дипломатические, торговые, научные) от «военных», см.,

итогах миссии в Бухару и Хиву посольства полковника Н. П. Игнатьева в 1858 г. Подписанные им договоры с бухарским эмиром и хивинским ханом были высоко оценены имперскими властями, однако сам глава посольства отнесся к его результатам критически и в своих отчетных материалах озвучил новые принципы, которые, по его мнению, должны были способствовать повышению эффективности российской политики в регионе. Среди них, в частности, были рекомендации изучать и учитывать политико-правовые реалии центральноазиатских народов и государств, выстраивать отношения с ними с позиции силы и не колебаться в применении военной силы в ответ на агрессивные действия со стороны среднеазиатских ханств и т. д. Конечной целью центральноазиатской политики России Игнатьев видел присоединение Бухары и Хивы к империи и создание через них пути, по которому российские войска легко могут быть переброшены в Индию в случае очередного обострения отношений с Британской империей¹.

Не следует считать, что Игнатьев высказал некие уникальные соображения (хотя он и стал на некоторое время главным идеологом российской политики в Центральной Азии): многие дипломаты и военные, особенно представители пограничных властей Российской империи, в этот период времени придерживались подобных взглядов. В результате Россия стала проводить весьма активную дипломатическую политику в регионе, направляя в Среднюю Азию, а затем – и в Восточный Туркестан посольства, торговые и нередко также разведочные миссии. Руководители и участники этих миссий зачастую отражали в своих отчетах, записках и мемуарах не только политические и экономические, но также и правовые реалии среднеазиатских ханств. При этом нельзя не отметить, что в большинстве случаев они старались избегать каких-либо оценочных суждений, излагая сведения объективно и с установкой на то, что они смогут пригодиться в дальнейшей политике России в Центральной Азии².

В самом деле, когда в 1860–1870-е гг. Россия существенно расширила свое присутствие в Центральной Азии, проведя победоносные кампании против Бухары, Хивы и Коканда, эти знания помогли создать сначала, в 1865 г., Туркестанскую область, а затем, в 1867 г., и Туркестанское генерал-губернаторство, администрация которого старалась в значительной степени учитывать особенности местных государственных и правовых традиций. Аналогичным образом, когда в 1868 г. был установлен российский протекторат над Бухарой и в 1873 г. над Хивой, российские власти

напр.: Махмудов О. «Одичалые французы» Памира. Население Памира и припамирских владений глазами русских военных исследователей // CIAS Discussion Paper. No. 35. Kyoto University, 2013. P. 50.

¹ Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатьева. СПб.: Государственная типография, 1897. С. 188–189. Следует помнить, что миссия Игнатьева была осуществлена всего два года спустя после Крымской войны.

² См. подробнее: Почекаев Р. Ю. Государство и право в Центральной Азии глазами российских и западных путешественников XVIII – начала XX в. М.: ИД ВШЭ, 2019.

постарались максимально учесть особенности их политико-правового положения. Это способствовало, с одной стороны, укреплению контроля Российской империи над новыми вассальными территориями, с другой же – не давало оснований Британской империи и другим западным державам для упрека России в захватах новых территорий.

В свою очередь, Британская империя не собиралась пассивно наблюдать за российским продвижением в Центральную Азию, и в 1820–1830-х гг. направила целый ряд миссий в Бухару и Хиву (У. Муркрофт, А. Бернс, А. Коннолли, А. Эббот, Р. Шекспир и др.). Однако эти миссии, равно как и ряд последующих, оказались весьма не эффективными и, в конечном счете, привели к поражению Британии в соперничестве с Россией за контроль над среднеазиатскими странами. Это объясняется целым рядом причин.

Во-первых, британцы, демонстрируя «невмешательство» в центральноазиатские дела, всячески старались создать для своих разведчиков и дипломатов «прикрытие», направляя их в регион под видом торговцев или даже индийских мусульман-паломников. Естественно, подобный статус английских представителей не вызывал у среднеазиатских правителей уважения к ним и, соответственно, желания подписывать с ними какие-либо серьезные договоры и соглашения. Во-вторых, сами британцы в переговорах со среднеазиатскими монархами и родоплеменными предводителями старались не принимать на себя никаких обязательств, в то же время требуя максимальной определенности от своих партнеров по переговорам, в частности – активного противостояния экспансии России в регионе, со своей стороны ограничиваясь лишь туманными обещаниями поддержки. Особенно ярко подобный подход британцев проявлялся в период военного противостояния среднеазиатских народов и государств с Российской империей: так было, в частности, накануне похода Перовского на Хиву в 1840 г. и Ахалтекинской экспедиции М. Д. Скобелева против туркмен в 1880 г.¹ Наконец, еще одной причиной британских неудач стало нежелание изучать и учитывать политико-правовые традиции Центральной Азии. В политике Британской империи весьма отчетливо проявились черты ориентализма², который стал активно формироваться в Европе уже в XVIII в.: особенности политического и правового состояния народов и государств Центральной Азии англичане объясняли исключительно их отсталостью, в своих отчетах и записках старались акцентировать внимание на примерах, подтверждающих «дикость» и «жестокость» среднеазиатских правителей, а свою мис-

¹ В качестве ответной реакции вновь оказался востребованным проект «похода на Индию», который предложили представители Оренбурга и Туркестана в ответ на враждебные выпады со стороны Англии в 1878 г., см.: Присоединение Туркмении к России (сборник архивных документов). Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960. С. 333, 335.

² См. подробнее: Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб.: Русский мир, 2006.

сию видели в их просвещении – путем завоевания и навязывания завоеванным странам и народам системы «европейских ценностей». Все это и привело к тому, что британцам, а вслед за ними – и другим западным державам пришлось признать контроль России над среднеазиатским регионом, что и было сделано на рубеже XIX–XX вв.

Нельзя не отметить, что многие особенности политики западных держав в Центральной Азии, а также их соперничество между собой заставляют провести параллели с современной международной обстановкой в мире. Именно поэтому изучение исторического опыта выстраивания международных отношений в этом столь важном в стратегическом отношении регионе представляется столь важным сегодня.

Несмотря на весьма широкое освещение этой проблематики в мировой историографии, в ней до сих пор остается немало белых пятен, в особенности, когда мы обращаемся к анализу отдельных ее аспектов – в нашем случае юридических, а особенно международно-правовых. Недостаточная их проработка заставляет исследователей-историков мыслить некими историографическими стереотипами – в частности, относительно российской политики в Средней Азии, приравнивая ее к «колониализму», свойственному современному Российской империи европейским державам¹. Однако подробный историко-правовой и формально-юридический анализ исторических документов, как представляется, позволит отойти от такого подхода. При этом исследователям не следует ограничиваться только юридическими памятниками.

Так, видится целесообразным существенное расширение источниковой базы исследования: помимо дипломатических документов и актов административного характера представляется необходимым изучение записок дипломатов и путешественников, поскольку позволит лучше понять, какие именно политико-правовые реалии Средней Азии учитывались (или не учитывались) при выстраивании отношений европейских держав с местными династиями. Выявление особенностей отношений отдельных представителей разных ветвей и уровней властей и их влияния на центральноазиатскую политику, несомненно, будет существенным вкладом в разработку указанной тематики, позволит учесть многочисленные особенности и детали формирования международных отношений в Центральной Азии XVIII–XIX вв.

Также считаем важным провести специальный историко-правовой

¹ См.: Волков И. В. К вопросу о кануне присоединения Средней Азии к России: историко-правовой аспект // Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936–2016). Сборник научных трудов. Т. III: Эволюция российского государства и права, учений о российском государстве и праве в трудах-поздравлениях коллег / Под ред. А. С. Смыкалина. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2016. С. 219.

анализ тех основополагающих международно-правовых документов, которые закрепляли международные отношения в Центральной Азии на том или ином их этапе – мирных договоров России с Бухарой и Хивой 1868 и 1873 гг., «Афганского разграничения» 1885 г., «Памирского разграничения» 1895 г. и др. Как ни странно, но до сих пор они рассматривались исключительно в контексте политической истории (в т. ч. и истории международных отношений), а их специального юридического анализа, насколько известно, не проводилось. А он позволит прояснить некоторые особенности международно-правового характера – в частности, специфику российского протектората над Бухарой и Хивой (или британского над Афганистаном), весьма отличного от формального понимания подобной формы зависимости одних государств от других, оценить суть и силу подписанных международных соглашений как для их участников, так и для других игроков на международной арене в регионе. Также подобного рода исследования позволят пролить свет на особенности статуса представителей западных государств (Великобритании, Франции, Германии, США и др.) в регионе, находившемся под российским контролем. В результате историко-правовой анализ даже хорошо известных и относительно давно введенных в научный оборот правовых памятников позволит по-новому взглянуть на них и их последствия, приведет к новым научным и практическим выводам.

Таким образом, изучение правовых аспектов международных отношений в Центральной Азии XVIII–XIX вв. представляется весьма перспективным и в какой-то мере новым направлением, если принять во внимание возможность использования современных специальных и междисциплинарных методов исследования, концепций и подходов.

Список источников и литературы

1. Андреев А. А. Российско-хивинские отношения в конце XVII – начале XVIII в. Декларативная «шерть» или реальное подданство? // Петербургский исторический журнал: Исследования по российской и всеобщей истории. 2015. № 2 (60). С. 16–30.
2. Волков И. В. К вопросу о кануне присоединения Средней Азии к России: историко-правовой аспект // Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936–2016). Сборник научных трудов. Т. III: Эволюция российского государства и права, учений о российском государстве и праве в трудах-поздравлениях коллег / Под ред. А. С. Смыкалина. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2016. С. 219–234.
3. Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в. М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. 328 с.
4. Махмудов О. «Одичалые французы» Памира. Население Памира и припамирских владений глазами русских военных исследователей // CIAS Discussion

Paper. No. 35. Kyoto University, 2013. P. 47–72.

5. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатьева. СПб.: Государственная типография, 1897. 278 с.

6. Ниязатов М. Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX в. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. 496 с.

7. Почекаев Р. Ю. Государство и право в Центральной Азии глазами российских и западных путешественников XVIII – начала XX в. М.: ИД ВШЭ, 2019. 424 с.

8. Почекаев Р. Ю. Правовое положение окраин Российской империи. Казахстан и Средняя Азия: Учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2017. 184 с.

9. Присоединение Туркмении к России (сборник архивных документов). Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960. 824 с.

10. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб.: Русский мир, 2006. 640 с.

11. Morrison A. Twin Imperial Disasters. The invasions of Khiva and Afghanistan in the Russian and British official mind, 1839–1842 // *Modern Asian Studies*. Vol. 48. Iss. 1. Jan. 2014. P. 253–300.

Р. Р. Назаров

(Институт истории АН РУз, Ташкент)

КАЗАКИ-МУСУЛЬМАНЕ – ЕВРАЗИЙСТВО НА ПРАКТИКЕ

Аннотация: Статья посвящена сравнительно малоизученному феномену – распространению ислама среди российского казачества. Рассматривается формирование слоя казаков-мусульман как особой этноконфессиональной группы внутри казачества, обладающей собственными этнокультурными особенностями. Маргинальный (в позитивном смысле слова – как пограничный) характер этой группы способствовал тому, что казаки-мусульмане выступали в качестве этносоциокультурных посредников (можно сказать – первых «евразийцев») в отношениях между мусульманами и православными. Наличие группы казаков-мусульман характерно практически для всех казачьих войск, но особую роль они сыграли в восточных войсках: Уральском (Яицком), Астраханском, Оренбургском, Сибирском.

Ключевые слова: казачество, ислам, турки, татары, башкиры, Урал, Сибирь.

Традиционно считается, что казачество тесно связано лишь с одним религиозным направлением — православным христианством. Это не совсем так, если учесть, что среди казаков всегда было много представителей разных конфессий. Значительными были прослойки мусульман (башкиры, татары, горцы Кавказа, казахи), буддистов (калмыки, буряты), приверженцев местных культов Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока, в незначительной степени встречались григориане, лютеране, католики, даже иудеи. Последнее кажется невероятным, но, как отметил В. М. Викторин: «Многих представителей иноверцев в силу их профессиональной пригодности включали в состав казачьего сословия»¹. В настоящее время существует целый ряд концепций о происхождении

¹ Викторин В.М. Приоритетное направление государственной службы казачества и принцип толерантности взаимоотношений в его внутренней среде // Государственная

дении казачества: «бродническая» теория происхождения казаков (В. В. Мавродин)¹; «половецкая» версия (М. Аджиев)²; «татарская» версия (И. Куриной)³; версия о том, что «казаки – особая славяно-тюркская народность» (И. Ф. Быкадоров)⁴; «кавказская» версия происхождения донского казачества (А. А. Гордеев)⁵; версия о тюркском происхождении казачества (М. Ж. Абдиров)⁶.

В 1492 г. хан Менгли Гирей писал Ивану III, что войско его, возвращаясь из-под Киева с добычей, было ограблено в степи («ордынскими казаками»). Об этих ордынских/«азовских» казаках-татарах неоднократно пишут летописцы со времен Ивана III. «Поле не чисто от азовских казаков», – читаем мы постоянно в донесениях послов и пограничных воевод государю. Татарские казаки, так же как русские и украинские, не признавали над собой власти ни одного из соседних государей, хотя часто поступали к ним на службу. Так, отряды татарских казаков состояли на службе у Москвы и Польши. Король Сигизмунд-Август призывал к себе белгородских (аккерманских) и перекопских казаков и посылал им жалованье. Но чаще всех привлекал их себе на помощь крымский хан, имевший постоянно в составе своих войск казачьи отряды. Татарские казаки были в военном, бытовом и экономическом отношении самостоятельной организацией, так что польские летописцы, зная 4 татарские орды (Заволжскую, Астраханскую, Казанскую, Перекопскую), причисляли к ним иногда 5-ю Казачскую⁷.

В XVI веке, в период захватов Ермака, уже были известны казачьи подразделения из тоболо-иртышских татар и «прочих магометян»⁸. Надо отметить, что «полиэтничность [и поликонфессиональность. – Р. Н.] была характерной чертой не только яицкой казачьей общины, но и казачьих общин других регионов в период их зарождения и становления»⁹.

Тогда же, в конце XVI в., на Тереке были основаны слободы: Черкасская, Окоцкая, Татарская, Кумыкская, Ногайская, Новокрещенская, ос-

служба российского казачества: от тихого Дона до Тихого океана. Владивосток, 1998.

¹ Мавродин В. В. Тмутаракань // Вопросы истории. 1980. № 11. С. 177–182.

² Аджиев М. Мы — из рода половецкого! Из родословной кумыков, карачаевцев, казаков, балкарцев, гагаузов, крымских татар, а также части русских и украинцев. Рыбинск: Дом печати, 1992.

³ Куриной И. Критика традиционной истории казачества. Режим доступа: <http://www.disput.az/index.php?showtopic=141137&st=90>

⁴ Быкадоров И. Ф. История казачества. Кн. 1. Происхождение казачества. Прага, 1930.

⁵ Гордеев А. А. История казаков. Ч. 1. М., 1991.

⁶ Абдиров М. Ж. История казачества Казахстана. Алматы, 1994.

⁷ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.–Л., 1948.

⁸ Копылов Д. И. Ермак. Иркутск, 1989. С. 193.

⁹ Дубовиков А. М. Многонациональный состав Уральского казачьего войска в XVIII–XIX вв. // Военная летопись Отечества. Режим доступа: [http://www.mil.ru/files/20\(06\).doc](http://www.mil.ru/files/20(06).doc)

нованные кабардинцами, чеченцами, кумыками, ногайцами¹.

Первыми казаками-мусульманами на Дону были этнические ногайцы в количестве около 120 бойцов (с семьями), переселившиеся на Нижний Дон и в 1623 г. добровольно поступившие в казаки – под условием сохранения веры. Донцы называли их «донския татаровя», «наши татаровя»... Основной их службой была разведка: наблюдение за местными тюркоязычными кочевыми племенами. Со временем мусульманская община увеличивалась, и в 1687 г. близ Черкаска была основана станица Татарская. В 1802 г. в ней уже насчитывалось 117 домов и 1 мечеть.

Широко известен и институт служилых татар. Служилый татарин-князь (таковых было много — Данияр, Джанибек, Касим, Нурдаулет, Якуб) должен был являться на русскую войну со всеми своими «уланами, мурзами и всеми казаками». Служилые татары — не столько национально-этническая категория, сколько именно служебная, войсковая категория. Чиновники не особо различали национальности и записывали в служилые татары не только татар, но принимаемых на службу башкир, чувашей, удмуртов, мордву, марийцев². Впервые наименование «служилые татары» появилось лишь в 1520-е гг. До этого в источниках служилые люди из татар в основном именуются казаками. Известны знатные татарские фамилии казачьих командиров — князя Деберские, Еделевы, Ирзины, Пошазарские, Ромодановские³.

Близкой к татарам-казакам группой были мещерские (мишарские) казаки. Казаки мещерские (мещера, мишари) – жители области Мещера (юго-восток современной Московской, Рязанская, частично Владимирская, Пензенская, север Тамбовской области и до Среднего Поволжья) с центром в Касимове, составившие субэтноты касимовских татар и мещеры. Станы мещерские были разбросаны по всей лесостепи верховьев Оки и севера Рязанского княжества, находились в Коломенском уезде (Васильевское, Татарские Хутора, Мещерино, Колычево, Юсупово), в Кадомском и Шацком уездах.

Мещерские казаки – вольные удалыцы лесостепной зоны, влившись позже в состав верховых донских казаков, касимовских татар, мещеры, населения юго-востока Московской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской губерний. Сам термин мещера предположительно имеет параллель со словом «можар», «мадьяр», т. е. по-арабски «сражающийся человек». Станицы мещерских казаков граничили и со станицами Северного Дона. Самих мещеряков охотно привлекали к государственной городской и сторожевой службе. Мещера – в основе тюркизированные финно-угры, ассимилированные половцами. Заметим, что в иерархическом плане

¹ Российский Кавказ. М., 2007. С. 227; Козлов С. А. Пополнение вольного казачества на Северном Кавказе в XVI–XVII вв. // Сов. этнография. 1990. № 5. С. 50–55.

² Айзатуллин Т. А. Теория России. Казань, 1999.

³ ЦГИА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1343. Л. 119.

у касимовских татар казак – звено в цепи – хан, султан, улан, сеит, бек, казак, однако в языке казанских татар слова казак нет. Мещерские казаки в годы Смутного времени поддержали Самозванцев. После Смуты патриарх Филарет распорядился выгнать мещерских казаков из Московии. Часть из них ушла в Литву, к караймам, часть осела в Костромском крае, среди берендеев, где их считали за татар. Часть касимовских татар стали называться мишарскими казаками, другая часть была приписана к Оренбургскому и Башкирскому казачьим войскам. Мишари, именовавшиеся как городецкие (от названия Касимова – Городец-Мещерский), становятся казаками во многих городах Московской Руси. Казакование было природным предназначением вольных скотоводов-мишарей. Великий князь московский Василий Дмитриевич охотно нанимал мещерских казаков и селил их слободами в окрестностях Коломны. Н. М. Карамзин так описывал мещерских казаков: «Сие имя означает вольницу наездников, удальцов, но не разбойников»¹. Из числа мещерских казаков создавались отряды сопровождения дипломатических миссий в Крым, Турцию, Сибирь.

Предания о значительном числе мусульман в составе Яицкого (Уральского) казачьего войска были зафиксированы А. И. Левшиным и А. С. Пушкиным. Так, сообщалось о том, что в отряде Василия Гутни из 30 человек поначалу был 1 татарин, но позже число его соплеменников неуклонно увеличивалось. Как отмечал А. С. Пушкин, «бабушка Гутниха» рассказывала, что «с казаками, ее пленившими, при ней соединялось много татар»².

По данным переписей 1718–1724 гг., в Уральском казачьем войске было 6 % казаков-неславян, прежде всего татар и башкир³. Согласно указу Елизаветы Петровны от 27.07.1744 г. «О зачислении в Оренбургское казачье войско всех пришельцев, поселившихся в крепостях Оренбургской губернии», казачий статус получили ногайцы, которые вошли в мусульманскую группу войска. По свидетельству П. С. Палласа, посетившего Яицкий городок в 1769 г., среди казаков было немало «некрещеных татар и кизельбашей (туркмены и каракалпаки)»⁴.

В 1765 г. в Уральском казачьем войске служили мусульмане – войсковой старшина Мавлекей Ицмагулов, командир 31-й Татарской сотни сотник Сапар Альметьев, хорунжие Амин Караганов и Абдулла Мемеков, подхорунжие и урядники Камбар Асанов, Кунмурза Асанов, Халил Асанов, Сатбай Асанов, Абдулла Асанов, казаки Аптакарим Тангаев, Муртаза

¹ Режим доступа: <http://dankovkazak.by.ru/>

² Пушкин А. С. История Пугачева // Полное собрание сочинений: В 17 т. М., 1995. Т. 9. С. 86, 87.

³ Карпов А. Б. Уральцы: исторический очерк. Уральск, 1911. С. 892.

⁴ Паллас П. С. Путешествия по различным провинциям Российской империи. СПб., 1809. Ч. I. С. 412.

Татарин, Асан Муханаев, Курган Ильбибаев¹. Известно, что среди активных участников восстания Е. И. Пугачева были такие казачьи офицеры, как Кинзя Арсланов, Идеркай Баймеков, Балтай Идеркаев, Туктамыш Ишбулатов, Бахтияр Канкаев, Юламан Кушаев, Каранай Муратов, Каскын Самаров, Казанфар Усаев, Салават Юлаев, Базаргул Юнаев.

А. И. Назаров провел тщательный историко-лингвистический анализ и выявил большой пласт уральских казачьих фамилий (XVIII–XX вв.), значительная часть которых (более 300 фамилий) явно тюркомусульманского происхождения: Абдрахманов, Абдрашитов, Абдулгафаров, Абдулкадыров, Байтуллин, Бекарасланов, Бектимиров, Вагапов, Вахитов, Габайдуллин, Гайнуллин, Джайнбаев, Джангаев, Джаналиев, Джангулов, Джанзаков, Джантурлин, Женалиев, Жулдаев, Зайнетдинов, Зубаиров, Искендеров, Исмаилов, Кенжебеков, Кунакбаев, Мансуров, Менлибаев, Мурзарахимов, Мухаммедов, Насыров, Нигматуллин, Рахимбердин, Рахманкулов, Сатыбаев, Сеитов, Сулейманов, Тахматуллин, Тухтамишев, Узбеков, Уразаев, Файзуллин, Фаткуллин, Хазимуратов, Хамитов, Шамилев, Шарипов, Юсупов².

В конце XVIII в. на левобережье Дона было поселено 30 тыс. ногайцев, вошедших в состав казачьего сословия, а также представителей других тюркских этносов (турки, крымские татары, волжские татары)³.

В конце XVIII — начале XIX в. на Кавказе образованы станицы Александрийская, Гривенская, Луковская, Ново-Осетинская, Черноярская, Шелковская, основное население которых составили горцы-казаки, которых было также много в Кизляре, Терском городке⁴. Основными мусульманскими группами среди казаков являлись ногайцы и татары — на Дону, адыги (черкесы, шапсуги) — на Кубани, представители горских народов (вайнахи, осетины, кумыки) — на Тереке⁵.

В параграфе 43 «Устава об управлении инородцев» от 22.07.1822 г. указано: «Казачьи полки из кочующих, для охранения границ составленные, комплекуются по прежнему»⁶. Так было отмечено существование целых полков, составленных из «инородцев». Правда, не все они были мусульманами, было много буддистов (калмыки, буряты), язычников (эвенки, финно-угорские племена). Но мусульмане составляли значительный процент.

Так, «в северокавказские казаки, так же как и в донские, волжские, уральские, оренбургские, сибирские, официально принимались лица му-

¹ РГВИА. Ф. 653. Оп. 1. Д. 1. Л. 11, 46–57, 501–511, 514, 521–525.

² Назаров А. И. Очерки по истории фамилий уральских (яицких) казаков. Алматы: Комплекс, 2003.

³ Российский Кавказ, М., 2007. С. 232.

⁴ Там же. С. 228, 285.

⁵ Там же. С. 231.

⁶ Устав об управлении инородцев от 22 июля 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи с 1849 г. Т. 38. № 29. СПб., 1866. С. 397.

сульманского, буддийского и иных вероисповеданий)¹, достаточно высок был процент мусульман в Сибирском казачьем войске². Так, родом из сибирских казаков-мусульман был дед (по матери) генерала Лавра Корнилова. Наряду с русскоязычными школами в казачьих регионах создавались школы для казачьих детей из татар, башкир, ногайцев и т. д. Открытие таких заведений диктовалось тем, что казаки-мусульмане, входившие в войска, держались своих обычаев и не знали русского языка, что затрудняло их общение в казачьей среде.

А.Т. Ветров указывает, что «казаков-мусульман определяли служить в мусульманские полки, а буддистов — в буддистские. Причем если казак — мусульманин или буддист — принимал крещение, то его переводили служить в православный полк»³. Однако здесь мы можем поспорить, поскольку широко известны факты службы простых казаков и офицеров-мусульман в смешанных (в конфессиональном отношении) полках.

Как отмечал Б. Рафиев, «еще с древних времен на защите Руси стояли не только казаки — православные, но также и казаки — мусульмане и казаки — буддисты... Казаки как отдельная, самобытная культурно-этническая группа создавалась на протяжении длительного времени на территориях войсковых областей России в результате смешения этнических корней представителей различных народов... Такое смешение народов способствовало также наличию у казаков исключительной веротерпимости к последователям других религиозных верований... Царская власть также проводила политику поддержания казаков — неправославных. Так, для казаков-мусульман, отличившихся в боях по защите России, был высочайше утвержден аналог военного ордена — Георгиевского креста в виде медали с изображением полумесяца»⁴.

В 1798–1865 гг. существовало отдельное казачье Башкиро-Мещеряжское войско, подчинявшееся командиру отдельного Оренбургского корпуса. Оно активно участвовало во многих войнах России — в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813–1814 гг. участвовало 20 полков этого войска, по 2 полка участвовали в русско-турецкой войне 1828–1829 гг., Хивинском походе 1839 г., Крымской войне 1853–1856 гг. Несмотря на то что в последних трех случаях башкиро-мещеряжским казакам приходилось воевать с единоверцами (турками, народами Средней Азии), тем не менее они проявили лояльность прави-

¹ Российский Кавказ. С. 285.

² Андреев С. М. Казаки-мусульмане в Сибирском казачьем войске (вторая половина XIX — начало XX в.) // Ислам, общество, культура: Материалы Междунар. науч. конф. «Исламская цивилизация в преддверии XXI века». Омск, 1994. С. 5–8.

³ Ветров А. Они уживались и с князьями, и с ханами // Невское время. 13.06.2006 г.

⁴ Рафиев Б. Казаки — кто они? Режим доступа: http://old.krznamya.ru/2006/bl.php?paper_num=90&block_num=3

тельству Российской империи¹. Сыном казацкого офицера из Башкиро-Мещеряцкого войска был известный востоковед, генерал, впоследствии профессор Туркестанского университета Абубекр Диваев².

Л. Л. Масынов писал об Уральском войске: «Были также полноправными казаками татары, калмыки, и были они великолепными казаками. Из татар было даже офицерство». Известны имена казачьих командиров-мусульман – войсковой старшина (подполковник) Узбек Тюняев, сотники Шамай Тангаев и Абыш Ураев, хорунжие Искендер Тангатаров и Ахмедфазыл Акиров, подхорунжие и урядники Ахмет Хаметьев, Искендер Чубеков, Утяп Юсупов, Апкеш Утяпов, Ариста Наиптиев и т. д.³

В 1862 г. из 81 998 уральских казаков было: русских (фактически также украинцев, белорусов, обрусевших татар, мордвы и т. д.) – 70 331 (85,8 %), башкир – 6095 (7,4 %), татар – 4168 (5,1 %), калмыков – 1184 (1,4 %), остальные (казахи, каракалпаки) составляли незначительную часть – 220 чел. (0,3 %). Таким образом, доля мусульман в войске в середине XIX в. доходила до 12,8 %⁴.

Сотники Исаков и Нуралин командовали 5-й сотней 5-го полка и 3-й сотней 6-го полка Уральского войска⁵. В конце XIX в. подъесаул Мурза-Ахмет Исаков примерно возглавлял казачью степную команду в Уильском укреплении⁶. В Уральске, Илецке и станице Сламихинской казачьи мусульманские объединения возглавлялись ахунами. К 1900 г. ими, соответственно, были Абдулсалих Ишкулов, Абдулгаллям Давлетшин и Губайдулла Галькиев⁷. В ряде казачьих станиц – Уральской, Илецкой, Мустаевской, Студеновской и некоторых других – функционировали мечети.

После ликвидации Башкиро-Мещеряцкого войска в 1865 г. башкирские и мещеряцкие казаки были распределены между Оренбургским и Уральским казачьими войсками⁸. До 1865 г. в состав Уральского войска входил Башкирский отдел (9-й Башкирский кантон). Отдельный Башкирский конный полк просуществовал до 1882 г. История казаков-башкир характеризуется множеством военных династий – Абубакировы, Акчулпановы, Ишбулатовы, Ишмурзины, Кадаргуловы, Каиповы, Курбангалиевы,

¹ Башкиро-Мещеряцкое войско // БСЭ. 3-е изд., Т. 3. М., 1970. С. 59.

² Байтанаев Б. А. А. А. Диваев. Очерк жизни и деятельности. Шымкент – Алматы: ЮКТУ, 2004.

³ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3092. Л. 5, 53, 57, 61, 73, 76, 81, 89, 98.

⁴ Рябинин А. Д. Уральское казачье войско. СПб., 1866. Т. 1. С. 330, 333.

⁵ Газета «Казачий вестник». Уральск. 1891. № 4.

⁶ Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1898 год. Уральск, 1898. С. 159.

⁷ Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1900 год. Уральск, 1900. С. 325.

⁸ Кортунов А. И., Фокин А. А. Казаки-мусульмане на службе в казачьих войсках Урала (XVI–XIX вв.). Уфа, 2012. 113 с.

Узбековы, Узенбаевы. Известен также Уфимский казачий полк из тептярей. Тептяри – сословие, существовавшее в Башкирии с 1730-х гг. по 1865 г. и состоявшее из представителей народов Поволжья и Приуралья: татар, чувашей, марийцев, мордвы, удмуртов, башкир¹.

Попытки возрождения отдельного Башкирского войска были сделаны в период Гражданской войны. В 1918–1919 гг. башкирские части сражались на стороне белых, в 1919–1920 гг. — на стороне красных². Особенно прославилась Башкирская кавбригада Мусы Муртазина³. Прекрасно показали себя башкирские казаки и в Отечественную войну, сражаясь в составе Башкирской кавдивизии.

Историк Астраханского казачества И. П. Горбунов отмечает: «Среди казаков помимо православных были представители различных религий и сект: мусульмане, буддисты, католики, лютеране»⁴. Астраханские казаки-мусульмане жили в станицах Городофорпостинской и Красноярской. По мнению тюрколога В. М. Викторина, «казачья толерантность (веротерпимость) обусловлена прежде всего необходимостью выживания в окружении иноверческого населения. Длительное совместное проживание непременно привело к ассимиляции казачьих общин иноверцами. Многие представители иноверцев в силу их профессиональной пригодности включали в состав казачьего сословия»⁵. В 1840 г. было разрешено представителям мусульманской аристократии (Джаншурины, Урусовы, Тинбаевы) служить в казаках и занимать командные должности.

В конце 1820-х гг., при Николае I, из мусульман Кавказа и Крыма были сформированы по образцу казачьих частей лейб-гвардии Кавказско-Горский и лейб-гвардии Крымско-Татарский эскадроны, которые были включены в состав собственного его императорского величества конвоя.

Казачья служба черкесов, осетин, кабардинцев началась с 1733 г., когда кабардинскому князю Эльмуrze Бековичу-Черкасскому было поручено зазывать их на казачью службу. За это было обещано по 15 и более рублей годового жалованья на человека. О переходе горцев в казачье сословие свидетельствуют архивные документы, полевые материалы, пись-

¹ Рахимов Р. Н. Военная история российской провинции конца XVIII века: полезное знание или анекдот? Режим доступа: <http://www.csu.ru/files/history/505.rtf>

² Багаутдинов Р. О. Первая попытка формирования войск Башкирским правительством в 1917 – начале 1918 г. // Вопросы гуманитарных наук. М. 2007. № 1. С. 14–16; Он же. Национальная политика Временного Сибирского правительства // Вестник Башкирского университета. 2007. № 1. С. 135–137; Он же. Уфимцы и Камцы в рядах Белой армии // Вопросы гуманитарных наук. М. 2007. № 2. С. 17–19.

³ Муртазин М. Башкирия и башкирские войска в Гражданскую войну. Уфа, 2007.

⁴ Горбунов И. П. Краткий очерк по истории Астраханского казачьего войска. Астрахань, 1994.

⁵ Викторин В. М. Приоритетное направление государственной службы казачества и принцип толерантности взаимоотношений в его внутренней среде // Государственная служба российского казачества: от тихого Дона до Тихого Океана. Владивосток, 1998.

менные источники. В. Ф. Мамонов считает, что у терцев изначально «был весьма силен тюркский элемент». Известны имена представителей кавказской знати: Куденек Камбулатов, Сунчалей Янгличев, которые командовали казачьими отрядами. Известны названия терских казачьих слобод – Черкасская, Татарская, Новокрещенская¹.

С. М. Маркедонов отмечает: «Было бы неверно представлять, что переход в казаки непременно сопровождался отказом от ислама, веры предков. Известна группа донских татар, сохранившая мусульманскую веру, оставаясь при этом казаками. Близ столицы Войска Донского Черкаска была станица Татарская, населенная мусульманами, где была мечеть. В 1805 году у Войска Донского появилась новая столица – Новочеркасск. Немногим позднее станица Татарская переехала на новое место. Казаки-мусульмане организовали на р. Тузлов Татарскую слободку в 32 двора. И там у них была своя мечеть. До сих пор город Новочеркасск хранит память о Татарской слободе, а один из микрорайонов и сегодня зовется потатарски Хотунок. В 1860 г. татары-казаки подали на имя наказного атамана М. Хомутова прошение о переселении в Турцию. О том, насколько внимательно подошел к их просьбе атаман, свидетельствует тот факт, что Хомутов направил к казакам-мусульманам войсковых старшин Попова и Сенюткина, чтобы узнать о причинах эмиграции. Был проведен своеобразный социологический опрос (порознь опросили 100 семейств). Татары-казаки заявили, что в брак с женщинами-христианками вступать не могут, а при недостатке женщин «их род истребится». Разрешение на эмиграцию было дано, но отнюдь не все казаки-мусульмане оставили свои родные курени. О них в 1919 г. историк и географ В. Богачев написал, что татар-казаков отличают «непоколебимая честность, благородство, верность»².

Я. Левенцова пишет следующее о донских мусульманах: «В источниках до XVIII столетия название “татары” обобщающее; порой так называли и ногайцев, и горцев. Применительно к ранней истории Дона “татарами” называют тюрко-татарское население. Первое упоминание о существующей на Дону группе татар... служивших московскому царю... относится к 1623 г. В фольклоре также замечены именно донские татары, группа которых в XVII–XVIII вв. росла за счет рождаемости... Многие казачьи роды имеют татарское происхождения, бытовало слово “тумак”, обозначающее человека, у которого отец – казак, а мать – мусульманка, в том числе и татарка. Группа донских татар уже в XVII в. существует как сложившаяся единица в войске, довольно активно участвует в его общественно-политической жизни. Одной из городских станиц г. Черкаска была Татарская, населенная казаками-мусульманами, первоначально находившаяся в юго-восточной части казачьей столицы, вблизи от будущего войскового собора. А позднее, с 1705 г., она была переселена в север-

¹ Мамонов В. Ф. История казачества России. Ч. 1. С. 167, 168.

² Маркедонов С. М. Донское казачество // Регион: вчера, сегодня, завтра. 10 мая 2006 г.

восточную часть города за протоку... Интересно, что поныне жители станицы Старочеркасской называют этот район “Татарская слободка”, “Татаркин край”. После основания Новочеркасска поселение казаков-мусульман было перенесено на новое место – на правом берегу реки Тузлов и находилось в двух верстах от новой столицы донского казачества. В 1860 г. по разрешению государя большая часть донских татар эмигрировала в Турцию, а станица была преобразована в хутор Татарский... По данным переписи 1873 г., на хуторе Татарском проживало 108 человек (59 мужчин и 49 женщин), имелся 21 двор». Согласно книге «Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822–1833 годах», «... в войске Донском находятся еще татары, живущие при городе Новочеркасске особою станицею и на реке Маныч, в селении Дарьинка. Около 200 лет обитают они на Дону, несут службу наравне с казаками и пользуются всеми их привилегиями... Татары принадлежат к магометанскому исповеданию, имеют свою мечеть и подведомы Оренбургскому муфтию»¹.

В 1819 г. к казакам станицы Бороздинской были приписаны казанские татары, в 1837 г. – тавлинцы (из Дагестана). Известен донской казачий атаман Сары-Осман, только неизвестно, имя ли это или прозвище («фрыжий турок»).

Историк-декабрист В. Сухоруков, говоря о красоте донских казачек, писал: «Представьте красавиц роскошной Азии, смешанные вместе черты черкешенок, турчанок, татарок, русских, – и тогда получите общее понятие о красоте обитательниц Дона»².

Источники XIX в. дают много примеров добровольного перехода в казачье сословие кумыков, черкесов. Так, число казаков станицы Луковской с 1856 по 1866 г. увеличилось почти вдвое. Статданные 1875 г. сообщают, что основными этническими группами в станице стали 772 черкеса и 182 осетина.

Власти учитывали духовные потребности иноверцев-казачков. Так, например, для мусульман-казачков строились мечети, организовывались выборы духовных лиц. Власти было непросто контролировать устройство различных сторон жизни воинов-мусульман. Задача еще более усложнилась в годы Крымской войны 1853–1856 гг., когда одной из противниц России являлась крупнейшая мусульманская держава – Турция. Одно из законодательных решений, подготовленных в последние дни царствования Николая I, было специально посвящено регулированию религиозного быта казаков-мусульман (12.02.1855 г.). Военный совет Российской империи принял «Правила устройства духовной жизни магометан казачьего сословия». Согласно документу, 18 599 мусульман состояли в штате Дон-

¹ Левенцова Я. Откуда на Дону станица Татарская? // Газета Дона (Ростов-на-Дону, № 32 (451). 7.08.2007 г.

² Цит по.: Маркедонов С. М. Донское казачество // Регион: вчера, сегодня, завтра. 10 мая 2006 г.

ского, Черноморского, Кавказского линейного, Уральского, Оренбургского, Сибирского линейного казачьих войск и Тобольского казачьего полка. Их духовные нужды обслуживали 114 мечетей и 169 мусульманских духовных лиц. По российскому законодательству для создания прихода требовалось наличие не менее 200 мусульман-мужчин, штат служителей соборной мечети мог включать в себя 3 лица (имам, хатиб, муэдзин), при обычной мечети состояли только имам и муэдзин. Эти служители сначала избирались на местах, в присутствии станичных начальников, «по крайней мере двумя третями принадлежащих к приходу мечети казаков-магометан». Затем служители проходили «духовные испытания» в Оренбургском или Таврическом муфтиятах. Естественно, предполагалась «политическая благонадежность» каждого кандидата на пост духовного служителя в среде мусульман, который мог занять свою должность, лишь будучи утвержден местной военной администрацией.

В оренбургском поселке Варна издревле проживают мусульмане-казаки. «Показательно, что при этом необязательно было казакам менять отеческую веру на православие. Мусульмане-казаки из башкир и татар оставались верны Мухаммеду. В селениях стояли мечети, в полках служили муллы. Для них даже в славной солдатской Георгии символ христианства – крест – был заменен на мусульманский полумесяц. Были среди варненских татар-казаков и кавалеры солдатской доблести и славные казачьи командиры... Яркий пример – братья Кочуровы, славные во второй половине XIX в., оба коренные казаки, сыновья казачьего офицера Абдулагана. Старший – Шейхислам – окончил, как и младший, Оренбургское юнкерское училище. На воинской службе с 16 лет. С 1883 г. – войсковой старшина (казачий полковник). Командовал 4-м Оренбургским казачьим полком и 2-й бригадой Туркестанской казачьей дивизии. Вышел в отставку генерал-майором. Награжден шестью боевыми орденами. Шагимардан – Качуров-младший – был хорунжим и подьесаулом 1-го Оренбургского казачьего полка. Награжден орденами святого Станислава и святой Анны третьей степени»¹.

Значительным было число казаков-мусульман также в Кубанском и Терском казачьих войсках. Этнически это были преимущественно представители народов Северного Кавказа – черкесы, осетины, ингуши, ногайцы. Как отмечал А. А. Бестужев-Марлинский: «Казаки отличаются от горцев только небритой головой: оружие, одежда, сбруя, ухватка, все горское... Почти все говорят по-татарски, водят с горцами дружбу, даже родство по похищенным взаимно женам»². Среди казаков-горцев можно назвать таких, как генерал Бекович-Черкасский (кабардинец), генерал Султан Менгли-Гирей, полковник Эдип Абдулов, есаулы Султан Осман-Гирей, Мурза Суншев, Султан-бек Алиев (ногайцы), генералы А. Бегидов,

¹ Петросова А. Магометане казачьего сословия // Столетие. 17.01.2007 г.

² Бестужев-Марлинский А. А. Избранные повести. Л., 1937. С. 201.

С. Г. Улагай, Султан Клыч-Гирей, Султан Адиль-Гирей, полковники Султан Сагат-Гирей, Пшемаф Ажигоев, Махмуд Беданоков, есаул Султан Крым-Гирей (черкесы), генералы Эльмурза Мистулов и Заурбек Тургиев (осетины), генералы Эльберд Нальгиев и Сапарбек Мальсагов, полковник Гуда Гудиев, есаулы Салам Нальгиев и Габерд Ахриев, сотник Мусса Саутиев (ингуши). В русско-турецкой войне отличился полковник Тепсоруко Хамурзов-Алтадуков – командир 2-го Горско-Моздокского полка Терского казачьего войска. Он получил офицерского Георгия «в воздаяние за отличие, оказанное в деле с турками, 23 октября 1877 года, при овладении неприятельскою позициею на Деве-Бойну».

Обратимся к переписи 1897 г. В Терском казачьем войске на это время было 167 301 человек казаков. Их них родным назвали украинский язык 16 329 (9,76 %), калмыцкий – 2727 (1,63 %), белорусский – 586 (0,35 %), татарский – 252 (0,15 %), другие – 2932 (1,75 %), среди других преобладали языки горцев Кавказа – осетинский, ингушский¹. Мусульмане служили преимущественно в Горско-Моздокском и Кизляр-Гребенском полках Терского войска.

Именно казакам-горцам (Абдулатисов, Дебеков, Кибиров, Магомедов) принадлежит сомнительная честь ликвидации в 1911 г. легендарного абрека Зелимхана Гушмазакаева. На апрель 1913 г. в Терском казачьем войске служило 338 офицеров, из них славян было 256, остальные 72 – представители кавказских народов (ингуши Нальгиевы, осетины Мистуловы, Тургиевы). Героически проявили себя в войнах XIX – начала XX в. (особенно в Первой мировой войне) казаки-осетины Махамат Агоев, Татархан Абисалов, Кубади Байтуганов, Иналук Гацунаев, Заурбек Гогинаев, Гасан Гульдиев, Хаджи-Мурат Дзарахохов, Хаджи-Омар Мистулов, Эльмурза Мистулов, Масарби Соев, Сабан Тугуров, Абубекир Тургиев, Бейбулат Тургиев, Заурбек Тургиев, Гаппо Тускаев. Выходцами из казаков-осетин являются дважды Герой Советского Союза, генерал армии Иса Плиев, Герой Советского Союза, генерал-полковник Хаджи-Умар Мамсуров².

В конце XIX в. по образцу российских войск было создано Персидское казачье войско. Численность Персидского казачьего войска в 1920 г. составляла 8140 человек, из них 122 российских офицера, преимущественно казаки-осетины (полковники А. Тускаев, Л. Бичерахов и др.), хорошо владевшие персидским языком, родственным их родному, осетинскому. Так, полковник-осетин А. Тускаев был за заслуги награжден персидским орденом Льва и Солнца. Как отмечает А. Кротов: «Казаки-мусульмане отлично джигитовали на ахалтекинских конях, метко стреляли с седла, зверски рубились, а также все поголовно пили русскую водку и ругались

¹ Проблемы истории казачества: Сборник научных трудов. Волгоград, 1995. С. 122.

² Запове Ю. Терские казаки-осетины // Дарьял. 1992. № 1. С. 130–135; Киреев Ф. С. Осетинский феномен в истории Терского казачьего войска // Дарьял. 2003. № 5.

русским матом – школа даром пройти не могла»¹. Именно в рядах персидских казаков начинал свою службу офицер Реза-хан, ставший впоследствии полковником, командиром Персидской казачьей бригады, а затем и предпоследним иранским шахом под именем Реза-шаха Пехлеви².

Во время Первой мировой войны были созданы национальные кавалерийские части, приравненные по статусу к казачьим. Наиболее известны среди них Кавказская туземная конная («Дикая») дивизия (генерала Д. П. Багратиона), Текинский полк (Ораз-Хана Сердара), Конно-Азиатская дивизия (генерала Р. Ф. Унгерна).

В составе Дикой дивизии были Дагестанский, Ингушский, Кабардинский, Татарский (из тюрков Кавказа), Черкесский, Чеченский конные полки, Осетинская пешая бригада, казачий артдивизион. В 1917 г. дивизия получила подкрепление в виде 2-го Дагестанского, 1-го и 2-го Осетинских конных полков и была развернута в Кавказский туземный конный корпус³. Во время Гражданской войны на базе полков Дикой дивизии были созданы дивизии. Как отмечает С. Г. Шилова, «в Гражданской войне на стороне белых армий принимали участие уже четыре национальные конные дивизии (Кабардинская, Черкесская, Осетинская и Чеченская)... Кроме этих дивизий, был ряд других горских формирований (Ингушский конный полк, Дагестанский конный полк и др.). Дивизии были иррегулярными, обеспечивались своими же односельчанами (в этом горцы похожи на казаков)»⁴.

В период Гражданской войны был введен сине-малиново-зеленый флаг Кубанского казачьего войска, где синий означал – казаки-линейцы, малиновый – казаки-черноморцы, зеленый – казаки-мусульмане⁵.

Изучение проблем наличия среди казаков лиц различного вероисповедания, особенно мусульман, – важный момент в контексте распространения идей евразийства⁶, улучшения межэтнических и межконфессиональных отношений в полиэтничном и поликонфессиональном обществе.

Список источников и литературы

1. Абдилов М. Ж. История казачества Казахстана. Алматы: Казахстан, 1994. 160 с.

¹ Кротов А. Казак на троне. Режим доступа: <http://people.h15.ru/pub/a14768.php>

² Грант Н. Конфликты XX века. М., 1995. С. 130, 138.

³ Кавказская туземная конная дивизия («Дикая дивизия») // Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1987. С. 210–211.

⁴ Шилова С. Г. Военные формирования народов Северного Кавказа в белых армиях Юга России. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 2007. С. 22, 23.

⁵ Филатов С. В. Символика белоказачков в период Гражданской войны 1917–1922 гг. // Русский вопрос: история и современность. Омск, 2007. С. 455.

⁶ Назаров Р. Р., Алиева В. Р., Юнусова Ж. М. Субэтнические группы казаков как носители евразийской идеи // Иерархия и власть в истории цивилизаций. М.: ЦИРИ РАН, 2006.

2. Аджиев М. Э. Мы – из рода половецкого! Из родословной кумыков, карацевцев, казаков, балкарцев, гагаузов, крымских татар, а также части русских и украинцев. Рыбинск: Дом печати, 1992. 144 с.
3. Айзатулин Т. А. Теория России. Казань: Би., 1999. 70 с.
4. Андреев С. М. Казаки-мусульмане в Сибирском казачьем войске (вторая половина XIX – начало XX в.) // Ислам, общество, культура. Омск: ОмГУ, 1994. С. 5–8.
5. Багаутдинов Р. О. Национальная политика Временного Сибирского правительства // Вестник Башкирского университета. 2007. № 1. С. 135–137.
6. Багаутдинов Р. О. Первая попытка формирования войск Башкирским правительством в 1917 — начале 1918 г. // Вопросы гуманитарных наук. 2007. № 1. С. 14–16.
7. Багаутдинов Р. О. Уфимцы и Камцы в рядах Белой армии // Вопросы гуманитарных наук. 2007. № 2. С. 17–19.
8. Байтанаев Б. А. А. А. Диваев. Очерк жизни и деятельности. Шымкент – Алматы: ЮКГУ, 2004. 260 с.
9. Башкиро-Мещерякское войско // Большая советская энциклопедия. 3-е изд., Т. 3. М.: изд. БСЭ, 1970. С. 59.
10. Бестужев-Марлинский А. А. Избранные повести. Л.: Гослитиздат, 1937. 407 с.
11. Быкадоров И. Ф. История казачества. Кн. 1. Происхождение казачества. Прага: Б-ка вольного казачества, 1930. 178 с.
12. Ветров А. Они уживались и с князьями, и с ханами // Невское время. 13. 06. 2006 г. Режим доступа: https://nvspb.ru/2006/06/13/oni_uzhivalizmz_i_s_knyazmzyam-30056
13. Викторин В. М. Приоритетное направление государственной службы казачества и принцип толерантности взаимоотношений в его внутренней среде // Государственная служба российского казачества: от Тихого Дона до Тихого Океана. Владивосток: ДВГУ, 1998.
14. Горбунов И. П. Краткий очерк по истории Астраханского казачьего войска. Астрахань: АГУ, 1994. 55 с.
15. Гордеев А. А. История казаков. Ч. 1. М.: Страстной бульвар, 1992–1993. 176 с.
16. Государственная служба российского казачества: от Тихого Дона до Тихого Океана. Владивосток: ДВГУ, 1998. 94 с.
17. Грант Н. Конфликты XX века. М.: ФиС, 1995. 390 с.
18. Гришин Я. Я. Польско-литовские татары (наследники Золотой Орды). Казань: Таткнигоиздат, 1995. 195 с.
19. Дубовиков А. М. Многонациональный состав Уральского казачьего войска в XVIII–XIX вв. // Военная летопись Отечества. Режим доступа: [http://www.mil.ru/files/20\(06\).doc](http://www.mil.ru/files/20(06).doc)
20. Заповев Ю. Терские казаки-осетины // Дарьял. 1992. № 1. С. 130–135.
21. Кавказская туземная конная дивизия («Дикая дивизия») // Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М.: изд. БСЭ, 1987. С. 210–211.
22. «Казачий вестник». Газета. Уральск. 1891. № 4.
23. Карпов А. Б. Уральцы: исторический очерк. Уральск: Войсковая тип., 1911. 1013 с.
24. Киреев Ф. С. Осегинский феномен в истории Терского казачьего войска

// Дарьял. 2003. № 5. С. 277–280.

25. Козлов С. А. Пополнение вольного казачества на Северном Кавказе в XVI–XVII вв. // Советская этнография. 1990. № 5. С. 50–55.

26. Копылов Д. И. Ермак. Иркутск: Востсибкнигоиздат, 1989. 239 с.

27. Кортунюв А. И., Фокин А. А. Казаки-мусульмане на службе в казачьих войсках Урала (XVI–XVIII вв.). Уфа: БГПУ, 2012. 113 с.

28. Кротов А. Казак на троне. Режим доступа: <http://people.h15.ru/pub/a14768.php>

29. Куринной И. Критика традиционной истории казачества. Режим доступа: <http://www.disput.az/index.php?showtopic=141137&st=90>

30. Левенцова Я. Откуда на Дону станица Татарская? // Газета Дона (Ростов-на-Дону, № 32 (451). 7 августа 2007 г.

31. Мавродин В. В. Тмутаракань // Вопросы истории. 1980. № 11. С. 177–182.

32. Мамонов В. Ф. История казачества России. Ч. 1. Екатеринбург – Челябинск.: УрО РАН, 1995. 237 с.

33. Маркедонов С. М. Донское казачество // Газета «Регион: вчера, сегодня, завтра». Волгоград. 10 мая 2006 г.

34. Муртазин М. Башкирия и башкирские войска в Гражданскую войну. Уфа: Инсан, 2007. 208 с.

35. Назаров А. И. Очерки по истории фамилий уральских (яицких) казаков. Алматы: Комплекс, 2003. 180 с.

36. Назаров Р. Р., Алиева В. Р., Юнусова Ж. М. Субэтнические группы казаков как носители евразийской идеи // Иерархия и власть в истории цивилизаций. М.: ЦПРИ РАН, 2006.

37. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.–Л.: изд. АН СССР, 1948. 452 с.

38. Паллас П. С. Путешествия по различным провинциям Российской империи. СПб.: Имп. АН, 1809. Ч. I. 773 с.

39. Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1898 год. Уральск: Облстатком, 1898. 289 с.

40. Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1900 год. Уральск: Облстатком, 1900. 377 с.

41. Петросова А. Магометане казачьего сословия // Столетие. 17.01.2007 г. Режим доступа: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/magometane_kazachego_sosloviya.htm

42. Проблемы истории казачества: Сб. научных трудов. Волгоград: ВГУ, 1995. 304 с.

43. Пушкин А. С. История Пугачева // Полное собрание сочинений: В 17 т. М.: Воскресенье, 1995. Т. 9. Кн. 1. 522 с.

44. Рафиев Б. Казаки – кто они? Режим доступа: http://old.kr-znamya.ru/2006/bl.php?paper_num=90&block_num=3

45. Рахимов Р. Н. Военная история российской провинции конца XVIII века: полезное знание или анекдот? Режим доступа: <http://www.csu.ru/files/history/505.rtf>

46. РГВИА. Ф. 653. Оп. 1. Д. 1. Л. 11, 46–57, 501–511, 514, 521–525.

47. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3092. Л. 5, 53, 57, 61, 73, 76, 81, 89, 98.

48. Российский Кавказ. М.: ФГНУ Росинформагротех, 2007. 384 с.

49. Рябинин А. Д. Уральское казачье войско. СПб.: тип. Э. Веймара, 1866. Т. 1. 419 с.

50. Устав об управлении инородцев от 22 июля 1822 г. // Полное собрание

законов Российской империи с 1849 г. Т. 38. № 29. СПб.: тип. II Отделения С.Е.И.В. Канцелярии, 1866. 1071 с. С. 394–416.

51. Филатов С. В. Символика белоказачков в период Гражданской войны 1917–1922 гг. // Русский вопрос: история и современность. Омск: ОмГУ, 2007. С. 454–456.

52. ЦГИА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1343. Л. 119.

53. Шилова С. Г. Военные формирования народов Северного Кавказа в белых армиях Юга России. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М.: РГГУ, 2007. 25 с.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАНАХ ЗАПАДА И ВОСТОКА XIX СТОЛЕТИЯ

Н. И. Храпунов
(НИЦИАК КФУ, Симферополь)

ЧЕРЕЗ КРЫМ – В АЗИЮ: ПРОЕКТЫ ЕВРОПЕЙСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX В.¹

Аннотация: Быстрое продвижение России на юг во второй половине XVIII в. стало вызовом для западноевропейских интеллектуалов. В статье проанализированы проекты, разработанные британцами и французами, хотевшими использовать новую политическую ситуацию в Причерноморье в интересах западных держав. Авторами были путешественники, имевшие практический опыт изучения региона. В традициях эпохи Просвещения, они апеллировали к античности и средневековью, когда Крым был важным звеном в международной торговле, связывавшей Европу с Центральной Азией, Индией и Китаем. Предлагалось «возродить» дальнюю торговлю, которая связала бы западноевропейские страны и их заморские колонии с югом России и далее, используя Крым как плацдарм, через Черное, Азовское моря, Дон, Волгу и Каспий, открыть Западу «другие ворота» в Центральную Азию. Эти трактаты были опубликованы и вызвали общественный интерес, но не повлияли на позицию российских и западных властей, вероятно потому, что те осознавали их фантастичность.

Ключевые слова: записки путешественников, Крым, англо-русские отношения, франко-русские отношения, рубеж XVIII–XIX вв., проекты международной торговли.

Экспансия России на юг при Екатерине II радикально изменила политическую ситуацию в Причерноморье и Средиземноморье. Западным державам предстояло осмыслить сложившиеся обстоятельства и их перспективы для развития международной политики и коммерции. Важнейшую роль сыграли записки путешественников, которые в эпоху Просвещения были важнейшим источником сведений о дальних странах. В статье рассматриваются проекты использования Крыма как звена в международной торговле, способной связать европейские державы и их вест-индские колонии не только с Россией, но и с Каспийским регионом, Индией и Китаем. Очевидно, конкуренция за доступ к ресурсам и рынкам Востока заставляла европейцев искать нестандартные пути.

Правители XVIII в. с доверием относились к проектам разнообразных авантюристов, несмотря на свойственную многим из них наивность и фантастичность². На практические действия политиков и военных повлия-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00053 «Крым в восприятии англичан конца XVIII – начала XIX в.». Я признателен Д. В. Конкину (Бахчисарай – Симферополь) за несколько ценных советов, высказанных при подготовке статьи.

² Об этом феномене: Стров А. «Те, кто поправляет Фортуну». Авантюристы Просвещения. М.: НЛЮ, 1998.

ли суждения, выражавшие идеологию европейского колониализма и ориентализма, утверждавшие превосходство Запада над Востоком и потому оправдывавшие эксплуатацию последнего риторикой о «цивилизаторской миссии Запада». Мираж «азиатских богатств» мог привести к необдуманным решениям и трагическим последствиям. Так, сочинения Константена Вольнея и Клода Савари подтолкнули Бонапарта к походу в Египет¹.

Особую роль в представлениях Просвещения играла торговля. Как писал Монтескьё, «Редко случается, чтобы в стране не было излишков; но торговле свойственно по ее природе делать излишние вещи полезными, а полезные необходимыми. Поэтому торговое государство может доставить необходимые вещи большему количеству своих подданных. <...> История торговли есть история общения народов. Произведенные ими разрушения да те или иные приливы и отливы народов с сопровождавшими их опустошениями составляют величайшие события в ее летописях»². Отсюда следовало, что история торговли – это и есть история человечества, а опыт прошлого бесценен при разработке планов на будущее.

Уже в середине XVI в. британцы разрабатывали планы проникновения в Центральную Азию через Россию, когда та установила контроль над большей частью волжско-каспийского торгового пути³. В XVIII в. западноевропейцы неоднократно писали о перспективах использования водных путей России для учреждения торговли с ее внутренними губерниями и транзитной – со странами Центральной Азии⁴. Для французов первостепенными оставались интересы в Леванте. Растущее влияние России в регионе они ощущали как угрозу⁵. В третьей четверти XVIII в. интересы Франции распространились и на Крым, куда стали направлять консулов. Во французских библиотеках и архивах можно отыскать немало текстов, авторы которых анализировали выгоды торговли с Россией через причерноморские порты⁶. В российских архивах также хранятся проекты развития черноморской торговли со странами Запада, поданных на рассмотрение властей⁷. Последние, со своей стороны, предпринимали меры для развития

¹ Прусская Е. А. Французская экспедиция в Египет 1798–1801 гг. М.: РОССПЭН, 2016. С. 64–86.

² Монтескьё Ш. Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. С. 294, 297.

³ Кудрявцев А. А., Кудрявцев Е. А. Английская московская торговая компания и развитие восточной транзитной торговли в России XVI в. // Британцы и народы Юга России. Краснодар: Экоинвест, 2015. С. 26–34.

⁴ Кросби-Арнольд М. Была ли война 1812 года связана с экономикой? // Французский ежегодник. 2013. С. 43–47.

⁵ Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М.: АН СССР, 1962. С. 23–45.

⁶ Черкасов П. П. Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения, 1774–1792. М.: Наука, 2004. С. 273–279.

⁷ Головкин Ю. И. Проекты развития черноморской торговли (последняя четверть XVIII – начало XIX в.) // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014. № 17. С. 83–101.

торговли через южные порты¹.

В 1769 г. граф Сигизмунд фон Редерн (ок. 1715–1789), немец по происхождению и французский подданный, представил Екатерине II проект присоединения Крыма. По-видимому, он считал это первым шагом в реализации грандиозного замысла компании для торговли с Востоком. Этот проект, очевидно, вдохновлялся примером Британской Ост-Индской компании, ставшей мощнейшим инструментом британского колониализма. Задуманная фон Редерном структура должна была получить ряд государственных функций (юридический иммунитет, право вести войну, армию и флот). Однако императрица проект отвергла, очевидно, по причине его утопичности².

Через четырнадцать лет полуостров был присоединен к России, а в 1784 г. в Крым прибыл барон Шарль де Бар дю Оллан (1750/1751–1825). Оставив службу в армии, он много лет провел в поездках по Европе³. Богатый аристократ мог себе позволить путешествовать из любопытства. Среди его знакомых были представители высшего света и царственные особы, в том числе прусский король Фридрих II, польский король Станислав Понятовский и наследник российского престола Павел Петрович. Возможно, на юг России де Бара пригласил Григорий Александрович Потёмкин, заинтересованный в популяризации своих амбициозных начинаний. Кроме того, де Бар мог собирать конфиденциальную информацию по заданию французского правительства. В эпоху, когда профессиональные шпионы являлись скорее исключением, чем правилом, это не было бы чем-то необычным.

После начала Революции во Франции де Бар удалился сначала за границу, а затем в одно из своих поместий, где занялся подготовкой к печати рассказов о своих путешествиях. Один из текстов, включающий достаточно глубокий анализ состояния Крыма, издан в составе сборника путевых записок разных авторов⁴. Когда эту книгу перевели на русский язык, мемуар де Бара выпустили⁵. Можно предположить вмешательство россий-

¹ Захаров В. Н., Поспелова Ю. А. Внешняя торговля России через порты Северного Причерноморья в конце XVIII века // Путь на пользу: к 225-летию путешествия Екатерины Великой в Новороссию и Крым. М.: Институт стран СНГ, 2012. С. 58–70.

² Строев А. «Те, кто поправляет Фортуну»... С. 222–224.

³ О нем: Кадо М., Режемортер Ж. Л. ван. Внешняя торговля России в 1784 г. по путевому дневнику Баера дю Оллана // Франко-русские экономические связи. М.; Париж: Наука, 1970; Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2015. Вып. XX.

⁴ *Mémoire extrait du journal d'un voyage fait, au printemps de 1784, dans la partie méridionale de la Russie // Voyages historiques et géographiques dans les pays situés entre la Mer Noire et la Mer Caspienne.* Paris: Deterville, 1798. [Partie 3] P. 1–98; русский перевод: Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Крым в 1784 г... С. 401–421.

⁵ Историкографические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским. СПб.: Типография Шнора, 1810.

ской цензуры, испугавшейся разглашения информации о географии, экономике и этнографии юга империи и расквартированных там подразделениях армии и флота.

Де Бар, в частности, писал: «В прошлом торговля Кафы [совр. Феодосия. – Н. Х.] процветала, поскольку город этот был тогда местом, где собирались товары из Персии и Индии, ведь путь вокруг мыса Доброй Надежды еще не был известен. Надежды вернуть процветание в это место тщетны; оно может стать разве что перевалочным пунктом, вроде тех, что могут устроить русские [на пути] в Азовское море и Днепр, небольшая глубина которых не позволяет входить туда большим судам»¹. По мнению путешественника, обширная торговля, которую вели в Крыму средневековые генуэзцы, пришла в упадок в османское время, а окончательно разрушили полуостров смуты и войны в последние годы существования ханства².

Проект де Бара призван был сделать Францию главным коммерческим партнером России, потеснив Британию и Нидерланды. По его мнению, французские товары («в основном предметы роскоши») «легко продались бы в южной части империи, почти пустынной и очень богатой; однако же некоторое их количество поднимется [по рекам] до Киева и Казани и оттуда распространится по внутренним провинциям»³. Де Бар хотел переместить центр российской торговли с Балтики в Причерноморье. «Это позволит вывозить по Дону шелка, хлопок и рис из провинций на побережье Каспийского моря, а по Волге – корабельный лес, сало, железо, меха, зерно и другие товары из Сибири и Казанского ханства, особенно если будет построен канал до этой реки, задуманный Петром I»⁴. Француз полагал, что для обеспечения его плана от русских требовались инвестиции в инфраструктуру, а так как транспортировать товары он предполагал преимущественно водными путями, нужно было соорудить канал между Доном и Волгой. Он слышал о строительстве подобного сооружения, предпринятом Петром I, которое, впрочем, вскоре было заброшено⁵. План такого канала разрабатывали еще османы в третьей четверти XVI в., которых интересовала не только торговля. Канал должен был стать инструментом для обеспечения политического господства на берегах Каспийского моря, но реализовать этот амбициозный план не получилось⁶.

¹ Mémoire... Р. 24; Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Крым в 1784 г... С. 408–409.

² Mémoire... Р. 23, 33–34; Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Крым в 1784 г... С. 407–408, 418–419.

³ Mémoire... Р. 24–25; Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Крым в 1784 г... С. 409.

⁴ Mémoire... Р. 24; Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Крым в 1784 г... С. 409.

⁵ Плечко Л. А. Старинные водные пути. М.: Физкультура и спорт, 1985. С. 46.

⁶ Васильев А. Д. «Знамя и меч от падишаха». Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 68–70; Ходарковский М. Степные рубежи России. М.: НЛЮ, 2019. С. 173–175.

Оригинальной здесь была предложенная де Баром идея торгового проникновения через Крым в Центральную Азию. Развитие же коммерции между югом России, Средиземноморьем и странами Западной Европы было распространенным предложением. Такие идеи высказывали авторы записок, поданных в Министерство иностранных дел Франции, а также книг о Северном Причерноморье¹. Французский посол в России Луи де Сегюр в своих мемуарах несколько раз упомянул о том, что рассказывал Потемкину о выгодах, которые Россия могла бы получить от южной торговли с Францией². В 1787 г., во многом благодаря его усилиям, Россия и Франция заключили торговый договор, в частности, оговаривавший льготные условия для коммерции в южных портах. Однако реализовать его не вышло из-за начавшейся вскоре Революции³.

После прихода к власти Наполеона в канцелярию французского лидера продолжали поступать аналитические документы о Северном Причерноморье⁴. В подавляющем большинстве их авторы рассматривали перспективы торговли юга России непосредственно с Францией, максимум – с ее колониями в Вест-Индии. В 1802 г. был заключен франко-русский договор о торговле на Черном море, впрочем, не давший ожидаемых результатов⁵. Наполеон не выработал однозначной стратегии относительно Северного Причерноморья, рассматривая как привлечение Турции на свою сторону против России (с передачей ей Крыма), так и раздел Турции в союзе с Россией⁶. Он организовал широкомасштабный сбор данных о территории современной Украины и Крыме⁷. В 1803 г. в Крым прибыл французский дипломат Жан Рако де Рёйи⁸. Составленные им докладные записки, вероятно, попали на стол к Наполеону, а через три года были изданы отдельной книгой, которая, что показательно, посвящена была самому императору.

Француз внимательно изучил труды своих предшественников – путешественников и кабинетных ученых. Его информатором стал знаменитый ученый-естествоиспытатель Петер-Симон Паллас, который в то время проживал в Крыму. Француз пользовался покровительством губернатора Новороссийского края Армана де Ришельё. Неизвестно, читал ли Рёйи со-

¹ Черкасов П. П. Екатерина II и Людовик XVI... С. 277–279.

² Ségur L.-Ph. de. Mémoires ou souvenirs et anecdotes. T. 2. Paris: Alexis Eymery, 1826. P. 287–288, 307–310, 316–317.

³ Черкасов П. П. Екатерина II и Людовик XVI... С. 282–302.

⁴ Ададуrow В. В. «Наполеоніда» на Сході Європи: Уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних окраїн Російської імперії на початку XIX століття. Львів: УКУ, 2018. С. 97–112, 254–268.

⁵ Там же. С. 384–395.

⁶ Храпунов Н. И. Крым в контексте франко-русских отношений эпохи Наполеона // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 2.

⁷ Ададуrow В. В. «Наполеоніда» на Сході Європи... С. 97–112.

⁸ О нем: Ададуrow В. В. «Наполеоніда» на Сході Європи... С. 20–21, 97–98, 106–109, 111–112, 137, 141 прим. 74, с. 144, 387–388; Храпунов Н. И. Крымская миссия Жана Рёйи // Французский ежегодник. 2017.

чинение де Бара, но рассуждал он сходным образом, добавив в схему международной торговли через Крым французские колонии в Новом свете с одной стороны и Индию – с другой.

Прошлое Крыма француз интерпретировал как противоборство двух начал – творческого западного, приносившего цивилизацию, технологии, торговлю, и разрушительного, воинственного восточного. Воплощением первого были древние греки и средневековые генуэзцы, второго – скифы и татары¹. Исторический опыт говорил, что «Крым расположен выгодно для торговли. Этот полуостров, окруженный Черным морем и Азовским морем, в которое впадает Дон, мог бы принимать в своих портах, особенно в Керчи и Каффе, товары из Индии, Персии и Сибири. При генуэзцах товары из Индии, Персии и Аравии шли в Астрахань, затем вверх по Волге, оттуда двигались по суше до Дона, отстоящего на шестьдесят верст, и далее по этой реке спускались до Азова, откуда их на судах везли в Каффу»². Второй раз эта мысль повторилась в рассуждении об истории черноморской торговли³. Очевидно, рассказ об успехах средневековых итальянцев, ставших посредниками между Западом и Востоком, должен был дать современникам урок. Рёйи подчеркнул, что положение Франции в регионе превосходит все остальные страны Европы, и что важно – ее интересы совпадают с интересами России⁴.

В новых исторических условиях роль Генуи должна была взять на себя Франция. Как и прежде, центром крымской торговли должна была стать Каффа-Феодосия, которую в идеале следовало бы превратить в беспошлинный порт. Но реализация этого *grand projet* требовала совместных усилий России и Франции. Французам предстояло учредить в Причерноморье склады для экспорта и импорта, а перевалочными базами для колониальных товаров сделать порты Испании. Нужно было уменьшить роль посредников в торговле и построить портовую инфраструктуру. Предстояло решить вопрос с высокими таможенными пошлинами на импорт в России, отсутствием страхования торговли, нестабильным курсом рубля, нехваткой торгового капитала и высокими процентными ставками по кредитам. Хотя экспортный потенциал крымского производства был невелик, известное количество продукции, в которой были бы заинтересованы другие страны, можно было бы получить за счет интенсификации сельского хозяйства, введения новых культур и пород животных, создания обрабатывающей промышленности. Предполагалось привлечь на юг переселенцев из внутренних губерний России и из-за рубежа, которые, в отличие от местных жителей, отличались трудолюбием и знанием современных тех-

¹ Reuilly J. Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803. Paris: Bossange, Masson et Besson, 1806. P. 71–106.

² Там же. P. 189–190, et n. I.

³ Там же. P. 249–250.

⁴ Там же. P. 255.

нологий¹.

В перспективе Крым должен был стать опорным пунктом на торговом пути, связывающем Францию и ее заморские колонии с внутренними губерниями России, Сибирью и странами Востока: «...активное каботажное судоходство, учрежденное на Черном море и на Азовском море, доставило бы в Каффу все продукты [Российской] империи. Склад продукции европейских мануфактур и продуктов из Нового Света снабдил бы, к вящему благу, Анатолию и другие османские провинции в Азии товарами, которые они могли бы караванами везти в Смирну и Константинополь. Часть товаров из Индии и Персии может быть направлена по суше в Астрахань и оттуда в Каффу, которая вновь стала бы крупным торговым центром»².

В том же 1803 г., когда докладные записки Рёйи были доставлены в Париж, Александру I был доложен проект, подготовленный Ламбро Качиони (Ламбросом Коцонисом), героем борьбы за независимость Греции. Некоторые высказанные им идеи о развитии черноморских портов и торговли созвучны мыслям Рёйи³. Это сходство показательно, ведь после неудачи греческого восстания Качиони поселился в Крыму и стал успешным предпринимателем и торговцем, то есть он должен был хорошо понимать обстановку в регионе. Следовательно, размышления Рёйи о ситуации в Крыму были вполне реалистичны.

Одним из препятствий на пути реализации своих планов француз назвал «Ревность Англии, не пренебрегающей никакими средствами, дабы помешать предприятиям, которые мы могли бы организовать в приморских провинциях Черного моря»⁴. И действительно, еще после русско-османской войны 1768–1774 гг. представители британского истеблишмента оценили возможные последствия успехов России для британской торговли и пытались перехватить инициативу, чтобы проникнуть в русские южные порты. Об этом свидетельствует инструкция, данная английскому послу в Петербурге Роберту Ганнингу⁵.

Отношения между Россией и Британией во второй половине XVIII в. оставались весьма непростыми. Многие британцы воспринимали Россию как варварскую державу, угрожавшую международному балансу и британским интересам в Европе и на Ближнем Востоке⁶. В частности, в активной антиосманской политике Екатерины II видели угрозу английской торговле

¹ Там же. Р. 195–198, 253–255.

² Там же. Р. 198.

³ Головки Ю. И. Проекты развития черноморской торговли. . . С. 97–98.

⁴ Ср.: Reully J. Voyage en Crimée. . . Р. 256.

⁵ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского русского исторического общества. 1876. Т. 19. С. 442–446.

⁶ Anderson M. S. Britain's Discovery of Russia, 1553–1815. London; New York: Macmillan & Co, 1958. P. 128–213.

в Леванте¹. Некоторые, например, знаменитый путешественник Эдвард Кларк, выступали за альянс с турками и изгнание русских из Крыма². Другие, наоборот, считали более правильным союз с Россией, направленный против Османской империи.

К числу последних относился авантюрист, дипломат и купец Уильям Итон (? – после 1806 г.). Он много лет провел на Ближнем Востоке и в Причерноморье, выучил турецкий язык, а также посещал Крым незадолго до присоединения к России и потому обладал большими практическими знаниями о регионе³. Одной из его афер стал полученный в начале XIX в. подряд на снабжение британского средиземноморского флота провизией, в том числе – свининой из Крыма, население которого в подавляющем большинстве оставалось мусульманским.

В трактате «Очерк Турецкой империи» Итон Нойманн приводит сформировавшееся в Европе мнение о турках и татарах как экзистенциальных врагах цивилизации Запада⁴. Уже одно это оправдывало российскую экспансию: «Ныне татарские орды больше не пополняют турецкую армию, не отмечают свой путь лежащими в прахе сожженными селениями и убитыми жителями; <...> ныне эти орды или рассеяны среди своих собратьев-дикарей в Азии, или цивилизованы своими завоевателями»⁵. В итоге открылись перспективы для международной торговли с Россией и Центральной Азией. Итон предложил амбициозный план превращения России в союзника Британии и раздела Османской империи. По его мнению, взаимные интересы сторон важнее накопившихся противоречий, общим врагом держав является Франция, а интересами османов можно пожертвовать⁶.

В это время в Англии широко обсуждалась будущая судьба Турции и вопрос о том, стоит ли помогать освобождению греков от османской власти. Накал дискуссии был таков, что даже Байрон подробно осветил этот вопрос в примечаниях к «Паломничеству Чайльд-Гарольда», назвав Итона одним из филэллинов⁷. Впоследствии отрывки из трактата Итона были переведены на русский язык, что свидетельствует о внимании русских вла-

¹ От царства к империи. Россия в системе международных отношений. Вторая половина XVI – начало XX века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 223–226, 229–230, 241–242.

² Храпунов Н. И. Крымские древности глазами Эдварда-Даньела Кларка: от археологии к идеологии // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2016. Т. 18. № 3. С. 124.

³ Храпунов Н. И. Крым глазами британского авантюриста Уильяма Итона // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 4 (с библиографией).

⁴ Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. С. 83–89.

⁵ Eton W. A Survey of the Turkish Empire. London: T. Cadell, Jun., and W. Davies, 1798. P. 333.

⁶ Там же. P. 391–462.

⁷ The Works of Lord Byron. Vol. II. London: John Murray; New York: Charles Scribner's Sons, 1899. P. 191–194.

стей к его идеям¹.

По мнению Итона, османское завоевание второй половины XV в. было для Крыма катастрофой, фактически прекратившей международную торговлю в регионе. Но ее можно было возродить, используя исторический опыт. «Попав в руки Турции, Черное море, которое прежде было ареной самой активной торговли, было закрыто благодаря непредусмотрительной политике Дивана, и крымские порты постепенно утратили свое богатство и значение, о чем ныне свидетельствуют лишь развалины. Ни один друг человечества не сможет испытать ничего, кроме радости от того, что эти владыки были изгнаны путем войны из этой важнейшей страны, и что она перешла под контроль державы, чьи более свободные и просвещенные взгляды должны возродить пришедшую в упадок торговлю, облагородить свирепость варваров, и сделать эту часть земного шара, почти превратившуюся в пустыню, вновь плодородной и производительной. Как только императрица [Екатерина II] взяла власть над Крымом, она создала проект по возвращению торговли и производства в место, столь удачно для них приспособленное...»². Итон не в первый раз задумался о том, как «оптимизировать» торговые связи с Востоком. В 1796 г. он предложил британскому правительству направить флот для захвата острова в Персидском заливе, дабы сделать его опорным пунктом, обеспечивающим стабильное сообщение с Индией³.

Идеи Итона развил Маттью Гатри (1743–1807), шотландец по происхождению, который много лет провел в Петербурге, занимая должность врача кадетских корпусов⁴. Это был человек энциклопедических знаний, интересы которого включали музыку и химию, ботанику и художественный перевод, античную историю и геммологию. Полубив новую родину, Гатри воспринял ряд идей, разработанных идеологией Екатерины II, и попытался донести их до западного читателя. Так, он переводил сочиненную императрицей «историческую» пьесу «Начальное управление Олега», главный герой которой воплощал политический идеал императрицы – просвещенного монарха. В посвященной Екатерине II книге о «русских древностях» шотландец писал о сходстве между народной культурой русских и древних греков. Это умозаключение не просто доказывало «цивилизованность» России как наследника эллинов, но и оправдывало экспансию на юг в земли, некогда принадлежавшие «предкам» россиян.

¹ [Итон У.] О характере русских // Сын Отечества. 1814. № XIV, XV; [Итон У.] О характере и положении нынешних греков // Сын Отечества. 1815. № IV, VII.

² Eton W. A Survey of the Turkish Empire... P. 306.

³ Yapp M. A. British Perceptions of the Russian Threat to India // Modern Asian Studies. 1987. Vol. 21. No. 4. P. 654.

⁴ О нем: Храпунов Н. И. Прошлое, настоящее и будущее Крыма глазами «русского шотландца» Маттью Гатри // Новое прошлое / The New Past. 2019. № 2; Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Маттью Гатри и его «путешествие» в историю Крыма // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2015. № 4 (с библиографией).

В память о своей безвременно ушедшей супруге-француженке Марии Гатри издал книгу, якобы состоявшую из ее писем, отправленных во время поездок в Крым. В реальности автором опубликованных писем был он сам. Гатри предложил подробное описание Крымского полуострова, изложив свои взгляды на его прошлое, нынешнее состояние и будущие перспективы. Подобно Итону, он полагал, что Крым пришел в упадок после того, как попал под власть «нецивилизованных» татар и турок¹. История всего Причерноморья прервалась, когда султан Мехмед II «закрыв Фракийский Босфор для Венеции и всех остальных наций; 300 лет этой системы придерживались его преемники, пока недавно Россия вновь не открыла его [Босфорский пролив. – Н. Х.] тем же ключом, которым воспользовался Мехмет [III], чтобы ее закрыть»². Этим ключом была сила оружия. Следовательно, российские завоевания исторически прогрессивны. Намеренно или нет, Гатри не упомянул о том, что, хотя османы закрыли Черное море для европейцев, торговля с Центральной Азией через причерноморские порты продолжалась – просто она перестроилась и целиком перешла в руки мусульман³.

Гатри писал: «и я ни в коем случае не считаю невозможным, чтобы однажды Россия, которая доставляет грузы из Китая по суше, не смогла бы восстановить торговлю с Индией по древним каналам, [через] Каспийское море и Фасис, особенно поскольку ее победоносные знамена ныне реют во всех тех странах, через которые обычно проходили богатые товары, и, вероятно, сделать этот путь безопасным в будущем благодаря дружественному обращению с местными [жителями]»⁴. В подтверждение этой мысли Гатри ссылаясь на исторический опыт того, как торговля с Востоком обогащала античные цивилизации и средневековые генуэзские колонии. Он рассчитывал, что успехи России будут способствовать доставке на Запад «предметов восточного искусства» через Крым, а сухопутный торговый путь в Индию через Россию может составить конкуренцию морскому пути вокруг мыса Доброй Надежды⁵. Книга завершается пространным очерком истории торговли на Черном и Азовском морях, где античные, генуэзские и золотоордынские реалии переплетены с описанием настоящего, вероятно, в качестве урока для политиков и чиновников. Например, подробно описано, какие разнообразные и экзотичные товары некогда привозили в Каффу из Бухары тамошние «татарь»⁶.

Пока западные интеллектуалы разрабатывали свои проекты торгового проникновения через Крым в Азию, однажды правительство Екатери-

¹ Guthrie M. A Tour, Performed in the Years 1795-6, Through the Taurida, Or Crimea. London: T. Cadell, Jun., and W. Davies, 1802. P. 136, 173.

² Там же. P. 267.

³ Васильев А. Д. «Знамя и меч от падишаха»... С. 80, 260–263.

⁴ Guthrie M. A Tour... P. 156; cf. p. 147.

⁵ Там же. P. 156–157.

⁶ Там же. P. 288–289.

ны II столкнулось с попыткой проникнуть Крым в обратном направлении, с Востока. В 1780 г. в Петербург прибыло бухарское посольство, официально направлявшееся в Стамбул для «воздания почтения» османскому султану. Однако, по мнению российской Коллегии иностранных дел, это был лишь предлог, а в действительности бухарцев интересовало возобновление древнего торгово-паломнического пути через Астрахань и Крым в Стамбул¹. Если эта интерпретация верна, показательное сходство логики бухарцев, британцев и французов. Мнение российских властей по поводу всех этих проектов неизвестно, но косвенно о нем можно судить по следующей истории.

В 1787 г. некий Жан Макиузи (Джованни Макьюзи?) направил Потемкину меморандум о возможностях использования Крыма. Он предложил воспользоваться выгодным географическим положением полуострова и его природными ресурсами, выдвинув ряд мер по развитию торговли Крыма с Средиземноморьем, а также местного хозяйства, ремесел и промышленности. В заключении осторожно говорится, что «Именно в Тавриду торговля привлечет чужестранцев, даже персов и самых отдаленных жителей Азии»². Таким образом, Макиузи, подобно французам и англичанам, допускал возможность использования Крыма для торгового проникновения на Восток. Российские власти, однако, оказались глухи к его предложениям – вероятно, не посчитав их реализуемыми на практике.

Общей особенностью проанализированных проектов является их фантазийность и плохая связь с реальностью. В целом это характерно для планов знаменитых авантюристов XVIII в., разработанных ими для европейских монархов³. Путешественники не понимали, что войны и внутренние смуты в последние десятилетия ханской власти привели Крым в глубокий упадок, последствия которого российским властям пришлось исправлять в течение полувека. Массовый отток населения создал дефицит рабочих рук. Особое отношение мусульман к предпринимательству препятствовало их вовлечению в капиталистическое производство. На первых порах не удалось создать современные сооружения гражданских портов, проложить шоссейные дороги и решить другие инфраструктурные проблемы⁴. Проектировщики не оценили глубокую зависимость черноморской торговли от внешнеполитической ситуации. Так, препятствием для развития коммерции в регионе стали русско-турецкая война 1806–1812 гг., ухудшение русско-французских отношений начиная с 1810 г., противо-

¹ Васильев А. Д. «Знамя и меч от падишаха»... С. 104–105.

² Присоединение Крыма к России, 1783–1796: сборник документов. М.: Кучково поле, 2019. С. 258.

³ См.: Строев А. «Те, кто поправляет Фортуну»... С. 209–324.

⁴ Подробнее: Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. Севастополь: Альбатрос, 2017.

стояние Франции и Англии¹. Потому их проекты – это игра ума, демонстрирующая интерес к азиатской торговле и характерную для эпохи Просвещения увлеченность Востоком.

Тем не менее, изучая Грецию и Турцию, Байрон читал записки путешественников, в том числе Итона, а сочинение Гатри цитировали авторы описаний Крыма первой половины XIX в. Есть основания думать, что Наполеон ознакомился с мемуаром Рёйи². Но, в отличие от описаний крымских достопримечательностей или рассуждений о «варварстве» турок и татар, проекты развития торговли с Востоком практически не повлияли на общественную мысль Запада. Показательно, что через полвека, в годы Крымской войны (1853–1856), когда представители союзных держав обсуждали возможность отторжения Крыма от России, речь шла о геостратегических интересах, о защите Турции от российской агрессии, а не о создании нового пути в Азию³.

В России однажды возникло предприятие, быть может, ставшее отголоском былых планов английских и французских интеллектуалов по использованию Крыма в качестве плацдарма для торгового проникновения в Азию. 10 марта 1839 г. Николай I утвердил положение Кабинета министров об акционерном «Обществе мореплавания и торговли на Черном море и с Востоком» и предоставлении оному разнообразных льгот. Учредителями компании были французы и голландцы, но значительный капитал компании (выпустив акции, предполагалось собрать 12 миллионов рублей ассигнациями) намекает на некий интерес представителей высшей российской власти. Замыслы были грандиозные: торговать хотели и с Западом, и с Востоком («не только с Китаем, но и вообще с Азией»). Крыму отводилась роль как поставщика товаров (здесь планировали ловить рыбу и закупать соль с казенных складов, а затем производить засолку рыбы и мяса для дальнейшей продажи), так и опорного пункта для посреднической торговли⁴. Правда, дальнейшая судьба этого грандиозного предприятия пока остается неизвестной.

Список источников и литературы

1. Адауров В. В. «Наполеоніда» на Сході Європи: Уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних країн Російської імперії на початку XIX століття. 2-ге вид. Львів: УКУ, 2018. 624 с.

¹ Дружинина Е. И. Южная Украина в 1800–1825 гг. М.: Наука, 1970. С. 332–337; Адауров В. В. «Наполеоніда» на Сході Європи... С. 384–395.

² См. также: Адауров В. В. «Наполеоніда» на Сході Європи... С. 112, 387; Храпунов Н. И. Крымская миссия Жана Рёйи... С. 113–114; Храпунов Н. И. Крым в контексте франко-русских отношений... С. 72.

³ История внешней политики России. Первая половина XIX века. М.: Международные отношения, 1999. С. 376; Grant A. An Historical Sketch of the Crimea. London: Bell & Daldy, 1855. P. 111.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XIV. Отд. 1. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1840. С. 194–201. № 12095.

2. Васильев А. Д. «Знамя и меч от падишаха». Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI – начало XX вв.). М.: ИВИ РАН, 2014. 356 с.
3. Головкин Ю. И. Проекты развития черноморской торговли (последняя четверть XVIII – начало XIX в.) // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014. № 17. С. 83–107.
4. Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского русского исторического общества. 1876. Т. 19. С. 1–547.
5. Дружинина Е. И. Южная Украина в 1800–1825 гг. М.: Наука, 1970. 382 с.
6. Захаров В. Н., Поспелова Ю. А. Внешняя торговля России через порты Северного Причерноморья в конце XVIII века // Путь на пользу: к 225-летию путешествия Екатерины Великой в Новороссию и Крым. М.: Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ), 2012. С. 55–71.
7. Историографические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским, содержащие описание живущих в оных народов, и достопамятности древнего и нынешнего тех земель местоописания / пер. с фр. Ф. Шишкевич. СПб.: Типография Шнора, 1810. 121 с.
8. История внешней политики России. Первая половина XIX века (от войн против Наполеона до Парижского мира 1856 г.) / ред. О. В. Орлик, Н. В. Пономарев. М.: Международные отношения, 1999. 446 с.
9. [Игон У.] О характере русских / пер. с англ. Сп. Д[е]ст[у]н[ис] // Сын Отечества. 1814. № XIV. С. 41–51; № XV. С. 103–108.
10. [Игон У.] О характере и положении нынешних греков / пер. с англ. С[п]. Д[е]стунис // Сын Отечества. 1815. № IV. С. 140–150; № VII. С. 17–25.
11. Кадо М., Режемортер Ж. Л. ван. Внешняя торговля России в 1784 г. по путевому дневнику Баера дю Оллана // Франко-русские экономические связи. М.; Париж: Наука, 1970. С. 161–188.
12. Кросби-Арнольд М. Была ли война 1812 года связана с экономикой? О причинах похода Наполеона на Россию // Французский ежегодник. 2013. С. 43–47.
13. Кудрявцев А. А., Кудрявцев Е. А. Английская московская торговая компания и развитие восточной транзитной торговли в России XVI в. // Британцы и народы Юга России: проблемы взаимовлияния. Краснодар: Экоинвест, 2015. С. 25–35.
14. Монтескье Ш. Л. О духе законов / пер. с фр. А. В. Матешук. М.: Мысль, 1999. 672 с.
15. Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В. Б. Литвинов, И. А. Пильщиков. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
16. От царства к империи. Россия в системе международных отношений. Вторая половина XVI – начало XX века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 440 с.
17. Плечко Л. А. Старинные водные пути. М.: Физкультура и спорт, 1985. 104 с.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XIV. Отд. 1. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1840. 1185 с.
19. Присоединение Крыма к России, 1783–1796: сборник документов / сост. Н. Ю. Болотина. М.: Кучково поле, 2019. 432 с.

20. Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. Севастополь: Альбатрос, 2017. 424 с.
21. Прусская Е. А. Французская экспедиция в Египет 1798–1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М.: РОССПЭН, 2016. 183 с.
22. Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М.: АН СССР, 1962. 504 с.
23. Строев А. «Ге, кто поправляет Фортуну». Авантюристы Просвещения. М.: НЛО, 1998. 400 с.
24. Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя / пер. с англ. А. Терещенко. М.: НЛО, 2019. 352 с.
25. Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 2015. Вып. XX. С. 395–430.
26. Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Маттью Гатри и его «путешествие» в историю Крыма // *Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки*. 2015. № 4. С. 157–170.
27. Храпунов Н. И. Крым в контексте франко-русских отношений эпохи Наполеона // *Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки*. 2019. Т. 21. № 2. С. 69–86.
28. Храпунов Н. И. Крым глазами британского авантюриста Уильяма Итона // *Золотоордынское обозрение*. 2019. Т. 7. № 4 (в печати).
29. Храпунов Н. И. Крымские древности глазами Эдварда-Даньела Кларка: от археологии к идеологии // *Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки*. 2016. Т. 18. № 3. С. 116–132.
30. Храпунов Н. И. Крымская миссия Жана Рёйи // *Французский ежегодник*. 2017. С. 113–140.
31. Храпунов Н. И. Прошлое, настоящее и будущее Крыма глазами «русского шотландца» Маттью Гатри // *Новое прошлое / The New Past*. 2019. № 2. С. 20–35.
32. Черкасов П. П. Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения, 1774–1792. 2е изд. М.: Наука, 2004. 521 с.
33. Anderson M. S. *Britain's Discovery of Russia, 1553–1815*. London; New York: Macmillan & Co, 1958. 260 p.
34. Eton W. *A Survey of the Turkish Empire...* London: T. Cadell, Jun., and W. Davies, 1798. 516 p.
35. Grant A. *An Historical Sketch of the Crimea*. London: Bell & Daldy, 1855. 111 p.
36. Guthrie M. *A Tour, Performed in the Years 1795-6, Through the Taurida, Or Crimea*. London: T. Cadell, Jun., and W. Davies, 1802. 446 p.
37. *Mémoire extrait du journal d'un voyage fait, au printemps de 1784, dans la partie méridionale de la Russie // Voyages historiques et géographiques dans les pays situés entre la Mer Noire et la Mer Caspienne...* Paris: Deterville, 1798. [Partie 3] P. 1–98.
38. Reuilly J. *My Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803*. Paris: Bossange, Masson et Besson, 1806. 302 p.
39. Ségur L.-Ph. de. *Mémoires ou souvenirs at anecdotes*. 2me éd. T. 2. Paris: Alexis Eymery, 1826. 438 p.
40. *The Works of Lord Byron. A New, Revised and Enlarged Edition. Vol. II: Poetry* / ed. E. H. Coleridge. London: John Murray; New York: Charles Scribner's Sons, 1899. 525 p.

М. М. Бегалиев
(БГУ им. К. Карасаева, Бишкек)

ТУРКЕСТАН В РОССИЙСКИХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

Аннотация: Российская геополитика во второй половине XIX – начале XX в. была занята проблемой теоретического осмысления развития российского государства и выработки его основных стратегических принципов с учетом географических особенностей евразийского пространства. Туркестан (Средняя Азия), оказавшийся в XIX в. в объекте международных интересов таких активных акторов международной и колониальной политики, как: Российская, Британская, Германская, Османская, Цинская империи, привлекал внимание многих теоретиков геополитической мысли, в том числе и российской геополитической школы. В статье рассматриваются геополитические идеи о роли и месте Туркестана (Средней Азии) во внутренней политике российского государства, а также его положении в мировой геополитике на примере работ таких известных и сравнительно малоизвестных российских мыслителей того периода, как Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, Г. В. Вернадский, Л. И. Мечников, В. П. Семенов-Тянь-Шанский и А. Е. Вандам. Данным ученым принадлежали многие оригинальные идеи, которые по тем или иным причинам не были претворены в жизнь, но оставили заметный след в истории российской геополитической науки, а некоторые идеи вызывают большой теоретический интерес и сегодня.

Ключевые слова: геополитика, российские геополитические теории, Туркестан, евразийство.

Российская геополитика в конце XIX – начале XX в. была занята проблемой теоретического осмысления развития российского государства и выработки его основных стратегических принципов с учетом географических особенностей евразийского пространства. Туркестан, ставший в XIX в. объектом активной колониальной экспансии Российской империи, привлекал внимание многих русских геополитиков.

В известной работе «Россия и Европа» Н. Я. Данилевский, на основе анализа обширного исторического материала, проводит сравнительно-исторические параллели между европейской «агрессивной» (и «угасающей») и «славянской» (русской) цивилизациями. Данилевский полагает, что именно вторая в форме «всеславянского союза» придет на смену западно-европейской цивилизации¹. Главная идея сочинения – обоснование «Славянского союза» с центром в Константинополе и под эгидой России как закономерный итог исторического, культурно-духовного и военно-политического развития русского и других славянских и неславянских народов. Рассуждая о природе русского государства, Данилевский отмеча-

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 2011. С. 4.

ет такие его отличительные черты, как «неудержимое расширение во все стороны... и уподобление себе включенных в ее государственные границы инородческих поселений»¹. Поэтому Сибирь он рассматривает не как колонию в европейском смысле, а как продолжение России. В подобном ключе, видимо, воспринимается и Туркестан, который должен с течением времени заселяться и экономически осваиваться. Вообще к Турции и мусульманам («магометанам») отношение Данилевского откровенно враждебное, а тюркские («татарские») народы в его восприятии «дикие племена»².

В 15 главе анализируется геополитическое положение России. Особый упор делается на преимущества обладания Черным морем и районом Босфора–Константинополя–Дарданелл. Отмечая изолированность Аральского моря и его геополитическую бесполезность («...ровно никуда не годится»), автор предлагает: «было бы даже полезнее его высушить, направив впадающие в него Дарьи в Каспийское море»³.

Многие идеи Данилевского развивал К. Н. Леонтьев. В частности, он был сторонником теории культурно-исторических типов, считая, что у России и восточного христианства (православия) свой особый путь развития. Разделял и идею противостояния России и Европы и верил в фундаментальные основы России: монархическое государство, сильную православную церковь и самобытную русскую культуру. Однако некоторые идеи своего учителя Н. Я. Данилевского он критиковал. Например, со скептицизмом относился к идеям славянофильства и «Всеславянского союза». Чтобы успешно противостоять романо-германской Европе, в отличие от Данилевского, он считал: «Нужна вера в дальнейшее и новое развитие византийского (Восточного) христианства (Православия), в плодотворность туранской примеси в нашу русскую кровь...»⁴. Таким образом, Леонтьев в борьбе с либеральным Западом предлагает опереться на союз с мусульманским Востоком, Индией, Китаем, но главную опору видит в союзе с Тураном.

Существенно отличались взгляды другого известного русского ученого – Г. В. Вернадского. В работе «Начертание русской истории» он писал: «Нет «естественных границ» между «Европейской» и «Азиатской» Россией. Следовательно, нет двух России – «Европейской» и «Азиатской». Есть только одна Россия – Евразийская, или Россия-Евразия. Евразия и представляет собою ту наделенную естественными границами географическую область, которую в стихийном историческом процессе суждено было усвоить русскому народу»⁵. В этой работе ученый последовательно развивает одну мысль: сама географическая среда (автор применяет термин «ме-

¹ Там же. С. 583.

² Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 2011. С. 378–379, 445.

³ Там же. С. 454.

⁴ Леонтьев К. Н. Владимир Соловьев против Данилевского. С. 483.

⁵ Вернадский Г. В. Начертание русской истории. М.: Алгоритм, 2008. С. 4.

сторазвитие») определила особенности исторического развития русского народа и российского государства. Далее Вернадский продолжает развивать свою мысль: «...история распространения русского государства есть в значительной степени история приспособления русского народа к своему месторазвитию – Евразии, а также и приспособление всего пространства Евразии к хозяйственно-историческим нуждам русского народа»¹.

Вернадский полагал, что освоение русскими Евразии – «...это неустраняемая внутренняя логика «месторазвития». И далее читаем: «В течение длинного ряда веков русский народ стремился освоить себе все пространство Евразии. От карпатско-черноморского (крайнего западного) угла Евразии русский народ стихийно стремился на восток... В середине XVII века поток русской колонизации дошел до Тихого океана, а в середине XIX века – до Тянь-Шаня. В этом движении русский народ обнаружил удивительную настойчивость, упорство и твердость»². Однако, по мнению Вернадского, долгое время русская история не совпадала с историей Евразии, и «лишь с последней четверти XIX века история России есть, в сущности, история Евразии»³. Проведя исторический экскурс он приходит к выводу, что вся история Евразии есть последовательный ряд попыток создания единого «всеевразийского государства». Попытки эти, как считает Вернадский, «шли с разных сторон – с востока и запада Евразии. К одной цели клонились усилия скифов, гуннов, хазар, турко-монголов и славяно-русов». И только последние смогли достичь успеха в этой исторической борьбе⁴. Он считал, что именно Российская империя в последней четверти XIX – начале XX в. наиболее полно претворила в жизнь идею создания евразийского государства.

Некоторое внимание Центральной Азии в своей известной работе «Цивилизация и великие исторические реки» уделяет российско-швейцарский ученый Л. И. Мечников. Им плодотворно развивалась теория «речных цивилизаций», которая выводила обусловленность развития человеческих обществ от условий географической среды. Мечникова в большей степени интересовали закономерности возникновения и развития ранних цивилизаций, нежели современные ему общества. Так, признавая, что «страна между горами Гиндукуш и теперешним Каспийским морем имела свой очаг цивилизации, который возник независимо от ...четырех великих цивилизаций древности», он делает существенную оговорку «в силу того, что Окс и Яксарт [Амударья и Сырдарья, – М. Б.] не имели выхода к настоящему внутреннему морю, соединяющемуся с океаном, их цивилизация смогла влиться в общую сокровищницу человечества только косвенным путем, отдав свои силы и завоевания более мощной цивилизации Месопото-

¹ Там же. С. 6.

² Вернадский Г. В. Начертание русской истории. М.: Алгоритм, 2008. С. 7.

³ Там же. С. 8.

⁴ Там же. С. 8.

тамской долины»¹.

Очень интересные мысли относительно геополитического положения России, ее геополитического будущего и места Туркестана принадлежат двум российским мыслителям начала XX века – В. П. Семенову-Тянь-Шанскому и А. Е. Вандаму.

В. П. Семенов-Тянь-Шанский считал, что «надо изменить наше обычное представление о Российской Империи, искусственно делящейся Уральским хребтом на ...европейскую и азиатскую части. Нам более чем кому-либо на свете не следует различать Европы от Азии, а, напротив, стараться соединять ее в одно целое, в противовес доктрине «Азия для азиатов»². Его геополитической идеей была идея контроля «от моря до моря»³. Для осуществления данной концепции политический центр государства следовало переместить к истинному географическому центру Российской империи – Уралу – путем создания культурно-экономических «колониционных баз»⁴. Они должны стать базами ускоренного развития. К четырем уже сформировавшимся таким базам: Галицкой и Киево-Черниговской, Новгородско-Петроградской, Московской и Средневожжской необходимо было в азиатской части империи создать четыре аналогичные базы: Уральскую, Алтайскую, Туркестанскую с Семиречьем и Прибайкальскую⁵. Таким образом, Семенов-Тянь-Шанский широтную русскую колонизацию признавал естественной, и в культурно-экономическом освоении азиатских владений видел залог прочности российской государственности.

Схожих с Семеновым-Тянь-Шанским взглядов на значение азиатских владений для России придерживался А. Е. Вандам. Однако укрепление русской системы «от моря до моря» должно происходить не только с запада на восток, но и с севера на юг⁶. В работе «Наше положение» он пишет: «Упираясь тылом во льды Северного океана, правым флангом в полузакрытое Балтийское море и владения Германии и Австрии, а левым – в малоприспособленные для плавания части Тихого океана, Россия имеет не три, как это обыкновенно считается у нас, а всего лишь один фронт, обращенный к югу, и простирается он от устья Дуная до Камчатки. Посередине этого фронта лежат пустыни Монголии и Восточного Туркестана, поэтому наше движение на юг должно идти не по всей линии фронта, а флангами, и преимущественно ближайшим к центру правым флангом. Наступая через Черное море и Кавказ к Средиземному морю и через Среднюю Азию к

¹ Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. С. 214.

² Семенов-Тянь-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России: очерк по политической географии. С. 604.

³ Василенко И. А. Геополитика современного мира: учебное пособие. М., 2010. С. 200.

⁴ Семенов-Тянь-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России... С. 606.

⁵ Там же. С. 608–609.

⁶ Василенко И. А. Геополитика современного мира: учебное пособие. М., 2010. С. 204.

Персидскому заливу, в случае успеха мы сразу же выходили бы на величайший из мировых торговых трактов – так называемый Суэцкий путь»¹. Т. е. Туркестан/Средняя Азия рассматривался Вандамом в качестве важной опорной базы для дальнейшего наступления на Ближний Восток с конечными целями – Суэцкий канал и Персидский залив.

На основе анализа работ представителей российской геополитики конца XIX – начала XX в. мы видим, в каком направлении развивалась в тот период геополитическая мысль в России. В той или иной мере в монографиях и статьях авторов затрагивается Туркестан (Средняя /Центральная Азия).

Список источников и литературы

1. Вандам А. Е. Наше положение // Вандам А. Е. Геополитика и геостратегия. М.: Кучково поле, 2002. С. 29–153.
2. Василенко И. А. Геополитика современного мира: учебное пособие. 2-е изд. М.: Юрайт, 2010. 395 с.
3. Вернадский Г. В. Начертание русской истории. М.: Алгоритм, 2008. 336 с.
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Изд. 2-е – М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. 816 с.
5. Леонтьев К. Н. Владимир Соловьев против Данилевского // Восток, Россия и славянство. М.: Око, Эксмо, 2007. 896 с. Режим доступа: <http://www.vehi.net/leontev/soloviev.html>
6. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. М.: Айрис-Пресс, 2013. 320 с. Режим доступа: <https://old.mgpu.ru/materials/42/42091.pdf>
7. Семенов-Тянь-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России: очерк по политической географии // Рождение нации. («Арабески истории». Вып. 7). Сост. А. И. Курчки. М.: ДИ-ДИК, 1996. С. 593–616.

А. Р. Фофанова
(ИСКРАН, г. Москва)

США И РУССКО-АНГЛИЙСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация: Статья посвящена роли американского фактора в русско-британском соперничестве в Центральной Азии во второй половине XIX века в рамках Большой игры. Соединенные Штаты не принимали активного участия в противостоянии России и Англии, но, как показывает автор, США пристально наблюдали за разворачивающимися событиями. Симпатии американцев в англо-русском противостоянии нередко оказывались на стороне последних, это объясня-

¹ Вандам А. Е. Наше положение // Вандам А. Е. Геополитика и геостратегия. М., 2002. С. 29–30.

ется тем, что в России Соединенные Штаты видели противовес активной торговой и территориальной политики Англии. Кроме того, продвижение Российской империи в Центральную Азию американцы зачастую сравнивали с процессами, происходящими в самих США: территориальная экспансия на Запад с необходимостью выработки политики в отношении коренного населения Северной Америки. Важно и то, что деятельность русских в регионе в целом не противоречила внешнеполитическим интересам США.

Ключевые слова: Центральная Азия, Большая игра, русско-британские отношения, российско-американские отношения, США, Крымская война.

Сегодня Центральная Азия находится в центре внимания целого ряда иностранных государств, не только ставших уже традиционными игроками региона – России или Китая, но и США, стран Евросоюза, Ближнего Востока, Японии, Индии, Пакистана, а также транснациональных корпораций. Подобный интерес к региону вызван его исключительно выгодным географическим положением: он имеет общие границы с Россией, Китаем, странами Ближнего Востока, находится на стыке Европы и Азии, что делает его удобным транспортным коридором для транзита товаров, трудовых и природных ресурсов. Кроме того, страны Центральной Азии обладают значительной долей мировых запасов природных ресурсов, прежде всего, углеводородного сырья, транспортируемого в крупнейшие государства мира.

Подобное международное внимание к Центральной Азии отнюдь не ново. XIX век был ознаменован широкомасштабной борьбой России и Англии за доминирование в этом регионе в рамках так называемой Большой игры или Турнира теней. Феномен Большой игры, ее природа, состав участников и основные события вызывают большой интерес среди исследователей¹. Однако трактовка сути Большой игры менялась с течением времени. Так, например, А. Конолли, офицер Ост-Индской компании, которому принадлежит авторство самого термина Большая игра², понимал под ней стремление европейцев преобразовать деспотии Среднего Востока и создать из стран этого региона буферную зону для сдерживания возможного наступления русских в Индии, Персии и Афганистане³, трактовка этого феномена как секретной войны англичан против русских на долгое

¹ См.: Порохов С. Ю. Битва империй: Англия против России. М.: АСТ, СПб: Хранитель, 2008; Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М: Т-во науч. изд. КМК, 2012; Шаумян Т. Л. Россия, Великобритания и Тибет в «Большой игре». М.: Изд.-во научных изданий КМК, 2017; Широкоград А. Б. Россия – Англия, неизвестная война, 1857–1907. М.: АСТ, 2003; Hopkirk P. The Great Game. On Secret Service in High Asia. London: Oxford Paperbacks, 2006; Johnson R. Spying for Empire. The Great Game in Central and South Asia, 1757–1947. London: Green Hill Books, 2006; Meyer K., Brysac S. Tournament of Shadows. The Great Game and the Race for Empire in Asia. London: Perseus Books Group, 1999.

² Hopkirk P. Op. cit. P. 23.

³ Сергеев Е. Ю. «Большая игра» в российско-британских отношениях второй половины XIX века – начала XX века: новый взгляд // Российская история. 2011. № 5. С. 4.

время закрепились в общественном сознании благодаря Р. Киплингу¹.

Историк Е. Ю. Сергеев отмечает, что современное развитие исторической науки позволяет рассматривать феномен Большой игры не просто как серию военных операций и экспедиций в попытках русских и англичан укрепить свое влияние в регионах Центральной и Восточной Азии, в том числе и на Дальнем Востоке, но, скорее, «как соревнование двух имперских моделей (британской и российской) экономической, политической и социальной интеграции неевропейских народов в свои владения, а также конкуренция России и Англии за доступ к рынкам преиндустриальной Азии»². При этом, по мнению Сергеева, в рамках Большой игры основной целью Британии всегда оставалось сохранение в безопасности своих индийских владений, в то время как Россия стремилась получить доступ к стратегически важным водным путям через Черное море, Персидский залив, Тихий океан.

При рассмотрении истории Большой игры исследователи большее внимание уделяют позициям России и Англии в данном конфликте, роли колониальных владений Британской империи в разворачивавшихся событиях, а также влиянию Игры на историю и дальнейшее развитие целого ряда стран Азии³. В данном исследовании автор попытается показать, что российско-британское соперничество в рамках Большой игры на просторах Центральной Азии стало значимым компонентом международных отношений, вызывало живой интерес иностранных государств, в том числе и Соединенных Штатов. В историографии можно встретить точку зрения⁴, согласно которой Соединенные Штаты мало интересовались ключевыми событиями русско-британских отношений, конкуренцией двух держав за доминирование в Центральной и Восточной Азии. Однако в данной статье мы попытаемся показать, что США, хоть и не были активным участником Большой игры во второй половине XIX века, но пристально следили за происходящими событиями, а зачастую и оказывали на них влияние. Рассмотрение позиций государств, напрямую не принимавших участие в российско-британском соперничестве за Центральную Азию, позволяет обогатить наше понимание этого региона как точки столкновения политических, экономических, геостратегических интересов совершенно различных акторов.

¹ Сергеев Е. Ю. «Большая игра» в российско-британских отношениях второй половины XIX века – начала XX века: новый взгляд // Российская история. 2011. № 5. С. 4.

² Sergeev E. *The Great Game, 1856-1907: Russo-British Relations in Central and East Asia*. Baltimore: John Hopkins University Press, 2013. P. 5, 13.

³ См.: Morrison A. *Introduction: Killing the Cotton Canard and Getting Rid of the Great Game: Rewriting the Russian Conquest of Central Asia, 1814–1845* // *Central Asia Survey*. 2014, Vol. 33. № 2. P. 131–142; Levi S. C. *The Rise and Fall of Khoqand, 1709–1876: Central Asia in the Golden Age*. Pittsburg: University of Pittsburgh Press, 2017.

⁴ Ибрахим А. Эволюция политики Соединенных Штатов в Каспийском регионе: неустойчивое равновесие // *Центральная Азия и Кавказ*. 2007. № 4. С. 37–50.

Со второй трети XIX века американские политические круги и американская общественность с интересом наблюдали за Россией, чьи внешнеполитические задачи во многом совпадали с целями, которые ставила перед собой американская республика. По выражению историка Д. Фоглесона, «американцы видели в России своего «воображаемого близнеца»¹. Россия была нацелена на экспансию в Центральную Азию, Соединенные Штаты же на основе доктрины «Manifest Destiny» стремились расширить свои владения от Атлантического до Тихого океана, мечтали о масштабных приобретениях в Центральной Америке и на Кубе. Подобно тому как, по мнению американцев, они выполняли цивилизаторскую миссию в отношении индейских племен, Россия играла такую же роль в Азии: «У России, надо признать, лицо Януса, две стороны. На Азию она смотрит, как цивилизатор ее свирепых варваров, колонизатор ее огромных пространств; на Европу – как сторонник абсолютизма и королей против конституционализма и народа»². Более того, Соединенные Штаты рассматривали Россию в качестве противовеса чрезмерно усилившейся к середине XIX века Британской империи, чья политика препятствовала экспансионистским устремлениям американцев и расширению их торгового влияния.

В первой четверти XIX века Великобритания вытеснила Россию с афганского рынка, добилась ослабления ее позиций в Персии, а также начала активное проникновение в центральноазиатские ханства: «Более развитый английский капитализм стремительно проникал и завоевывал господствующее положение на рынках Центральной Азии. Британские агенты успешно действовали в Бухаре, Хиве, и Коканде, в то время как поход генерала В. А. Перовского в Хиву в 1839 году потерпел фиаско»³. Крымская война (1853–1856 гг.), по замечанию историков⁴, стала своеобразным переломом русско-британского соперничества в Центральной Азии. Так, министр иностранных дел Российской империи Н. К. Гирс признавался: «Крымская война отметила решительный поворот в наших отношениях с Англией, заставила Россию искать внешнеполитическое оружие против Лондона... такова была цель нашего движения вперед в Средней Азии»⁵. И. В. Вернадский, профессор Московского университета, чьи заметки о месте Англии в международных отношениях были напечатаны в

¹ Foglesong D. S. The American Mission and the “Evil Empire”: The Crusade for a “Free Russia” since 1881. Cambridge: Cambridge univ. press, 2007. P. 7.

² Goodrich S. G. The Second Book of History, Combined With Geography; containing the Modern History of Europe, Asia, and Africa. Boston, Cleveland: Boston, Carter, Hendee and co., 1859. P. 275.

³ Центральная Азия в составе Российской империи / ред. С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 64.

⁴ Сергеев Е. Ю. «Большая игра» в российско-британских отношениях второй половины XIX века – начала XX века: новый взгляд // Российская история. 2011. № 5. С. 3–15.

⁵ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Оп. 470. Д. 62 (1882). Л. 169. Гирс – Моренгейму, Санкт-Петербург, 1882 г.

1855 году на страницах «Московских ведомостей», отмечал наличие угрозы в Азии со стороны английской экспансии: «Некогда мощная Азия падает к стопам купцов-компаньонов [британских. – А. Ф.], Индия отдает последние свои земли его всепоглощающему властолюбию, Китай дрожит перед интригами «рыжих варваров»... британская политика проникла даже в Среднюю Азию, к тамошним кочевникам»¹. По ходу сочинения Вернадский неоднократно подчеркивает, что именно британские действия во время Крымской войны вынудили Россию активизироваться в Центральной Азии: «Англия тревожным оком сторожит малейшие движения народов... она во всем видит замыслы против своего влияния и своей власти: в защите христиан в Европе видит оскорбление своей чести, в прекращении грабежа на Кавказе и разбоев на Сыр-Дарье видит движение к Индии»².

В Крымской войне, которая активизировала устремление русских в Центральную Азию, Россия оказалась в политической изоляции, ей противостояла коалиция европейских держав и Турции. Традиционные союзники России, Пруссия и Австрия, либо предпочли сохранить нейтралитет, либо же заняли открыто враждебную позицию. В сложившихся условиях российская сторона была вынуждена искать поддержки тех стран, которые разделили бы ее антибританские настроения. Соединенные Штаты в данном случае казались вполне логичным выбором – если Россия представляла собой преграду распространению английского владычества в Старом Свете, в Азии, то бывшие американские колонии должны были составить преграду дальнейшему распространению английской власти в Новом Свете³.

Расчет русских политических кругов оказался верен. С началом военных действий в рядах американской администрации неоднократно высказывалось опасение, что, после того как Англия нанесет сокрушительное поражение русским в войне, британцы смогут направить свое оружие против американцев. Так, государственный секретарь США У. Марси отмечал: «Если Россия будет разбита и ослаблена, а «сердечное согласие» между Англией и Францией сохранится, трудно ожидать, что они удержатся от вмешательства в наши дела»⁴.

Несмотря на то, что официальной позицией Вашингтона в конфликте России с коалицией европейских держав стал нейтралитет, Соединенные Штаты все же предприняли серию шагов с целью облегчить положение России в войне и ослабить своего внешнеполитического конкурента – Великобританию. Так, например, уже в апреле 1854 года американцы заговорили о возможности США стать посредником между воюющими сторо-

¹ Вернадский И. В. Политическое равновесие и Англия. М.: Вернадский И. В. Политическое равновесие и Англия. М.: Унив. тип., 1855. Р. 5.

² Там же. С. 82.

³ Там же. С. 103.

⁴ Papers of William L. Marcy. Cont. 80. P. 65. Library of Congress Manuscript Division. Washington, D. C.

нами, способствовать скорейшему разрешению конфликта. Хотя эта инициатива не получила дальнейшего развития и была скептически воспринята как частью американского общества и политического истеблишмента, так и правящими кругами европейских стран¹, в том же году Соединенные Штаты, заинтересованные в расширении своей торговли, выступили с инициативой подписания соглашения о морском нейтралитете². Российская сторона, находившаяся в поисках новых торговых партнеров в условиях, когда война нарушила ее традиционные коммерческие связи с Англией, Францией и Турцией, а важные торговые порты на Балтике и Черном море находились в блокаде, поддержала это предложение. Комментируя подписание русско-американского соглашения, газета «Санкт-Петербургские ведомости» писала: «В Лондоне и Париже весьма недовольны политикой Соединенных Штатов на Востоке. Трактат о нейтральном судоходстве, заключенный Г. Пирсом с Россией, не может уменьшить этого неудовольствия»³.

В годы войны американцы также сыграли свою роль в снабжении российских владений в Тихом океане. Дело в том, что осенью 1854 года объединенные силы англо-французского флота напали на Петропавловск, что поставило под угрозу снабжение всех дальневосточных владений Российской империи. В этих условиях американцы осуществили несколько очень важных поставок в этот регион: «в мае 1855 года бриг «Уильям Пенн» доставил из Сан-Франциско в устье Амура, куда был перебазирован личный состав и большая часть оборудования и снаряжения Петропавловского порта, около 500 пудов пороха и продовольствие. Судна «Сизень» и «Пальметто» также доставляли продовольствие и другие товары в различные пункты русского тихоокеанского побережья»⁴. Американцы также организовывали поставки вооружения, например, российская сторона заключила договор о поставках с известным американским производителем орудия С. Кольгом.

Исследователи, специализирующиеся на истории Крымской войны, также отмечают важность отказа США подписать предложенную Англией и Францией декларацию по морскому праву, предполагавшую запрет каперства как метода ведения военных действий; борьбы против вербовки американцев в британские вооруженные силы⁵. Отдельные работы посвя-

¹ См.: Пономарев В. Н. Крымская войны и русско-американские отношения. М.: ИРИ, 1993, 291 с.

² Конвенция о морском нейтралитете 1854 года – соглашение между США и Российской империей согласно которому, суда нейтральных стран получили право перевозить товары воюющих стран, а также на судах воюющих стран транспортировать товары граждан нейтральных государств.

³ Санкт-Петербургские ведомости. 16 августа 1854 г. № 180. С. 883.

⁴ Пономарев В. Н. Ук. соч. С. 48–49.

⁵ См.: Dowty A. The Limits of American Isolation: The United States and the Crimean War. N. Y.: New York University Press, 1971.

щены роли американских врачей, прибывших в Россию в разгар Крымской войны¹.

После окончания Крымской войны отношения России и Соединенных Штатов продолжили развиваться в позитивном ключе, и по-прежнему их во многом объединяло общее недоверие к британской политике. Во времена Гражданской войны в США (1861–1865 гг.) Россия единственная из великих держав поддержала северян, заявив о своей неготовности признать Конфедерацию Штатов Америки в качестве независимого субъекта международных отношений. Англия же, которая формально провозгласила себя нейтральной в конфликте в Северной Америке, признала Южную Конфедерацию воюющей стороной, более того, заинтересованная в ослаблении Соединенных Штатов на международной арене и усилении своего влияния в Западном полушарии, Англия оказывала негласную поддержку южанам. Только за 1861–1862 годы южные штаты закупили в Англии оружия и военных припасов на девять миллионов долларов, а Канада стала оплотом поддержки отделившихся южных штатов – там на верфях строились корабли для нужд Юга². Россия, в свою очередь, решив негласно поддержать правительство А. Линкольна, отправила к берегам США две военных эскадры – в Нью-Йорк и Сан-Франциско, которые, впрочем, не принимали участия в военных действиях, но стали символом укреплений русско-американских отношений в противовес Англии. Комментируя подобный жест российской стороны в отношении США, Кассиус Клей, американский посланник в России, отмечал: «Автократии сложно заподозрить в симпатиях к народному правительству, коим являются Соединенные Штаты, однако, это союз против общего противника – Англии. Для России было вполне естественным желать сохранения Американского союза. Когда же Россия отправила свои корабли в Нью-Йорк, это было обусловлено обоюдными интересами: корабли могли помочь Америке, а Россия могла бы продвинуться в Индии»³.

Историки также отмечают⁴, что события Гражданской войны в США косвенно повлияли на интенсификацию экспансионистских устремлений Англии и России: «война Севера и Юга вызвала серьезное сокраще-

¹ Dvoichenko-Markov E. Americans in the Crimean War // *The Russian Review*. 1954, Vol. 13, № 2. P. 137–145.

² Киняпкина Н. С. Россия и Гражданская война в США // *Вестник Московского университета*. Серия 8. История. 1980. № 2. С. 40–52. Режим доступа: <https://americanix.org.ru/library/kinyapina-russia-civilwar/> (дата обращения: 05.07.2019).

³ Clay C. M. *The Life of Cassius Marcellus Clay. Memoirs, Writings, and Speeches, Showing His Conduct in the Overthrow of American Slavery, the Salvation of the Union, and the Restoration of the Autonomy of the States*. Cincinnati: J. Fletcher Brennan & Co., 1886. Vol. 1. P. 334.

⁴ См.: Beckert S. *Emancipation and Empire: Reconstructing the Worldwide Web of Cotton Production in the Age of the American Civil War* // *American Historical Review*. 2004. № 5. P. 1405–1435.

ние экспорта хлопка-сырца в Европу»¹ (в России, по официальным данным, объем экспорта американского хлопка в 1859 году составлял 5 432 422 долл., это означало, что почти весь хлопок, потребляемый в основных промышленных районах России, поступал из США²), что заставило искать новые источники этого сырья в Центральной Азии, Северной Африке и Ближнем Востоке. Как отмечает историк С. Бекерт, в Российской империи почти за пятьдесят лет до событий в Северной Америке, группа правительственных чиновников и торговцев выступали с предложениями рассматривать Закавказье и Центральную Азию как важный источник хлопка-сырца для российской промышленности³. Так, например, барон Г. В. Розен, командир Кавказского корпуса, в отношении народов Закавказья и Центральной Азии говорил: «Это будут наши новые негры»⁴. Если до начала Гражданской войны хлопок из Центральной Азии обеспечивал лишь 6,5 % процента потребностей российской промышленности, то с началом Гражданской войны в США и дефицита сырья, взвинтившего цены на хлопок в несколько раз, коммерческие круги все больше начали осознавать важность Центрально-Азиатского региона и доминирования России в нем. Так, в одном из номеров еженедневной газеты «Москва», учредителями которой выступали крупнейшие купцы и промышленники Москвы и московского промышленного региона, было написано: «Гражданская война в США помогла России вырастить и развить ее местное производство сырья»⁵.

Интересно, что в 1880–1890-е годы американцы проявляли довольно живой интерес к производству Россией хлопка в своих центральноазиатских владениях, опасаясь, что хлопок из Азии может составить серьезную конкуренцию американской продукции. Однако эти страхи были рассеяны серией статей в газетах США, рассказывающих о деятельности некоего Дж. С. Скотта из Южной Каролины, который был приглашен в Самарканд Российской Иностранной Торговой Компанией для налаживания процессов по производству хлопка в регионе «хлопкового пояса». Скотт высоко оценил качество местной продукции, отмечая, что климат этого региона вполне схож с тем, в котором производится американский хлопок. Вместе с тем Скотт отмечал, что России еще очень длительное время не

¹ Сергеев Е. Ю. «Большая игра» в российско-британских отношениях второй половины XIX века – начала XX века: новый взгляд // Российская история. 2011. № 5. С. 9.

² Болховитинов Н. Н. Россия и начало Гражданской войны в США. По архивным материалам // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 30–42. Режим доступа: <https://america-xix.org.ru/library/bolkhovitinov-russia-outbreak-civilwar/> (дата обращения: 05.07.2019).

³ Beckert S. Op.cit. P. 1429–1430.

⁴ Цит. по: Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М.: Изд. и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Москве, 1949. С. 100.

⁵ Газета «Москва». 1 февраля 1867 г.

удастся наладить производство хлопка в крупных масштабах в этом регионе, чтобы быть способной составить конкуренцию южным штатам США. Это объяснялось, по мнению Скотта, невежественностью местного населения, повлиять на которое Россия была не в силах: «Местные жители «хлопкового пояса» ...не любят работать и ненавидят инновации. Они довольствуются тем, что наследуют из поколения в поколение, идут по той же старой колее, без изменений и улучшений»¹.

Конечно, нельзя переоценивать значение хлопкового дефицита, возникшего во времена Гражданской войны в США, как фактора российского продвижения в Центральную Азию. Стремление России в этот регион началось задолго до американских событий и было обусловлено целым комплексом внутривнутриполитических, внешнеполитических и социальных причин, однако, события в Северной Америке позволяют рассмотреть регион Центральной Азии не только как точку соприкосновения геополитических и геостратегических интересов России и Англии, но и важную территорию с экономической точки зрения.

Если в 1850 годы во времена Крымской войны Соединенные Штаты, оказывая негласную поддержку России, выступили против внешнеполитической линии Англии, направленной в том числе на обширную экспансию в Центральной и Восточной Азии, то в 1860–1870-е годы политическая элита США и американская общественность пристально следила за активным продвижением русских в Центральной Азии. Как отмечает историк О. Ю. Семенцов, «причину повышенного интереса к этой теме отчасти можно объяснить внешним сходством между российской Центральной Азией и американским Западом: слабозаселенная и не имеющая четких границ, обитаемая в основном кочевыми народами, имеющими репутацию дикарей, она приковывала к себе внимание американских граждан, видевших в действиях российского правительства в регионе отражение собственной политики на западе и отчасти служивших оправданием их жестокости по отношению к коренному населению Америки»². Эту точку зрения отлично иллюстрирует заметка в одной из американских газет, где журналист напрямую заявляет о схожести целей и задач России в Центральной Азии с продвижением американцев на Запад: «То, что я увидел в Центральной Азии – почти точная копия того, что я несколько лет назад наблюдал в Иллинойсе, Индиане и Миссури, когда эмигранты с Востока начали заполнять обширные западные территории»³.

¹ The Anderson Intelligencer. March 5, 1891. Режим доступа: <https://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn84026965/1891-03-05/ed-1/seq-4/> (дата обращения: 05.07.2019).

² Семенцов О. Ю. США и политика России в Центральной Азии в первой половине 1870-х годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История, регионоведение, международные отношения. 2010. № 1. С. 84.

³ The Portland Daily Press. December 23, 1898. Режим доступа: <https://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn83016025/1898-12-23/ed-1/seq-1/> (дата обращения: 05.07.2019).

Проблема русско-английского соперничества в Центральной Азии была предметом пристального наблюдения американского посланника в России Кассиуса Клея. На фоне остальных дипломатических представителей Соединенных Штатов, занимавших этот пост на протяжении второй половины XIX века, Клей находился в России рекордно длительный срок – в общей сложности семь лет (1861–1862, 1863–1869 гг.). За это время он смог сблизиться с царским двором и основными политическими деятелями имперской России, определявшими ее внешнеполитическую стратегию. Стоит полагать, что факт длительного пребывания в России и то, что его служба здесь пришлось на период Гражданской войны, в которой Россия оказала поддержку правительству А. Линкольна, в определенной степени повлияли на восприятие Клеем политики России на международной арене. Кроме того, 1867 году Россия продала Соединенным Штатам Аляску, что стало результатом длительного процесса американской экспансии на севере Тихого океана. Это способствовало общему укреплению американо-российских отношений, так как исключило столкновение интересов двух стран в этом регионе.

Так, говоря о соперничестве России и Англии, Клей заявлял: «С удовольствием, а не с недоверием следовало бы миру смотреть на успехи России в Азии. Новая жизнь может прийти туда с запада, и Россия – единственная страна, которая может эту жизнь дать»¹. Сравнивая политику России и Британии в отношении завоеванных народов и стран, симпатии американского посланника были явно на стороне России. Клей считал, что причины русского продвижения в Центральную Азию носят не только политический, но и экономический характер: Россия стремилась расширить свою торговлю, найти выходы к новым рынкам. Подобная политика была и в интересах азиатских народов – они приобщались к мировому рынку, «присоединялись к цивилизации»².

Американский посланник подчеркивал важность фактора веротерпимости российских властей в отношении нехристианских народов Центральной Азии, уважительного отношения к культурным особенностям завоеванного населения, считал, что русские, в отличие от англичан, проводят на завоеванных территориях политику «ассимиляции, а не порабо-

05.07.2019).

¹ C. M. Clay to W.H. Seward. June 27, 1864. Message of the President of the United States, and Accompanying Documents, to The Two Houses of Congress, at The Commencement of The Second Session of the Thirty-eighth Congress. Part III. Washington, D. C.: U.S. Government Printing Office, 1865. P. 288. Режим доступа: <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1865v01> (дата обращения: 05.07.2019).

² C. M. Clay to W.H. Seward. April 17, 1868. Executive Documents Printed by Order of the House of Representatives, During the Third Session of the Fortieth Congress, 1868–69. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1868–1869. Vol. 1. P. 470. Режим доступа: <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS186869v01> (дата обращения: 05.07.2019).

щения»¹. Россия, по мнению Клея, выполняла в Азии цивилизаторскую, просветительскую миссию, которая должна была повлиять на дальнейшее развитие человечества в целом. На фоне столь масштабных задач, которые решала Российская империя в регионе, стремление Англии в рамках Большой игры защитить свои индийские владения, не допустить Россию в Афганистан, рисовались Клеем ничтожными. Именно ничтожность целей англичан могла, по мнению американца, привести их к проигрышу в затянувшемся русско-английском соперничестве. В финальной фазе этой конкуренции России и Англии за Центральную и Восточную Азию Соединенным Штатам Клей отводил место посредника, который может вмешаться в события в ключевой момент и решить исход противостояния: «Соперничество России и Англии носит уже наследственный характер. Их позиции в Индии, Китае, Восточной Азии и Японии неизменно антагонистичны; никакая третья сторона, кроме США через свое Тихоокеанское побережье, скорее всего, не сможет вмешаться в конце этого столкновения»². Клей оказался прав, что американцам рано или поздно придется вмешаться в проблемы международной жизни. Так, к концу XIX столетия интересы России, Англии, ряда европейских государств и даже самих Соединенных Штатов сместились на Дальний Восток, где по итогам русско-японской войны американская сторона выступила в качестве посредника на мирных переговорах.

Если архивные документы К. Клея относительно позиции России в Центральной Азии носят преимущественно оценочный характер, то более детальную информацию об устройстве центрально-азиатских владений Российской империи американская сторона в 1870-е годы получала из донесений секретаря американского посольства в Санкт-Петербурге Ю. Скайлера, который предпринял путешествие в Хиву и оставил об этом обширный отчет. Отчет Скайлера, который изначально планировалось засекретить, в конечном итоге попал на страницы газет и публиковался в таких изданиях, как «*Chicago Daily Tribune*» или «*Memphis Daily*». Кроме того, в 1873 году корреспондент газеты «*New York Herald*» Я. Мак-Гахан осуществил путешествие в Центральную Азию, о деталях которого и поведал американской публике. Отчеты Скайлера и заметки Мак-Гахана давали американской общественности довольно подробное представление о регионе, его географических особенностях, обычаях местных жителей, их взаимоотношениях с русскими, а также административном устройстве присоединенных к Российской империи территорий.

И Скайлер, и Мак-Гахан в целом позитивно оценивали продвижение России в Азии и те изменения, которые она с собой приносила в новые земли. Скайлер отмечал важность таких начинаний местных властей на завоеванных территориях, как строительства дорог, госпиталей, также, как

¹ Clay C. M. Op. cit. P. 445.

² Clay C. M. Op. cit. P. 294.

и К. Клей, заявлял о важности веротерпимости русских властей для налаживания отношений с коренным населением. Вместе с тем критике американцев подвергалась российская система администрирования, которая на практике не всегда исправно работала, имелись жесткие злоупотребления властей в отношении местного населения, а налоги были непомерно высокими. Серьезное негодование у американского дипломата вызывала практика продажи рабов на рынках Бухары, которая сохранилась и после подписания торгового договора между Россией и ханством в 1868 году¹, так как российская администрация предпочитала попросту игнорировать этот факт.

Говоря о причинах, толкнувших Россию на захват обширных территорий Центральной Азии, Ю. Скайлер считал, что это было насущной необходимостью для реализации геостратегических задач и обеспечения безопасности русских границ: «Россия всегда была вынуждена соприкасаться с полудивилизованными странами и племенами, населяющими, так называемую, Независимую Тартарию. Россия была вынуждена поддерживать престиж русского оружия и русской власти здесь. Кроме того, русские земли подвергались постоянным атакам...»². В этом же ключе им рассматривалось завоевание Коканда, которое позволило принести порядок и закон в эту область. Отмечая, что стремительное продвижение русских в Азии вызывало протест со стороны Англии, так как та стремилась сохранить свое влияние в Афганистане, Скайлер считал, что опасения англичан были напрасными, так как Россия в этом регионе не была движима завоевательными мотивами, не стремилась получить контроль над британской Индией, и не была готова продвигаться в этом регионе без учета интересов Британии: «Я убежден, что Россия не имеет ни малейшего желания атаковать Индию, но естественно, России не понравится расширение влияние Англии в регионе, граничащим с Центральной Азией. Россия сегодня, очевидно, не ощущает себя достаточно сильной, чтобы делать все, что захочет без оглядки на Англию»³.

В намерения России потеснить Британию в Индии не верил и Мак-Гахан, отмечавший, что само географическое положение Хивы, которая располагалась за многие сотни миль пустынных территорий от британских владений, не давало России какого-то значительного преимущества для завоевательной кампании: «Я не верю, что русские имеют какие-нибудь виды на Индию. Они видят, что между их владениями и английскими есть свободное пространство, которое должно рано или поздно попасть в руки той или другой державы, и они не прочь присоединить себе, сколько

¹ Семенцов О. Ю. Ук. соч. С. 87.

² E. Schuyler to Mr. Fish. December 21, 1872. Executive Documents Printed by Order of the House of Representatives. 1873–1874. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1873–1874. Vol. 2. P. 766.

³ Ibid. P. 824.

удастся»¹.

Точку зрения Ю. Скайлера и Я. Мак-Гахана разделяли далеко не все в Соединенных Штатах. Так, например, газета «The New Orleans Crescent» заявляла, что завоевание Бухары нельзя рассматривать как конечную точку экспансионистских устремлений России. Газета пророчила, что с полным завоеванием Центральной Азии интересы Санкт-Петербурга сместятся восточнее, и объектом его интереса станет Китай: «Только путем сотрудничества с западными державами можно надеяться на сохранение границ этой старейшей мировой империи под напором более молодой и самой загадочной в современной истории»². Подобные перспективы не пугали журналистов другой газеты – «The Portland Daily Press», которые видели в укреплении позиций России в Китае потенциальные возможности для Соединенных Штатов. Отмечалось, что добрые отношения с Россией открыли бы американцам двери на центральноазиатские и китайские рынки³.

Таким образом, во второй половине XIX века Соединенные Штаты внимательно и чаще всего с симпатией к России наблюдали за русско-английским соперничеством в Центральной Азии в рамках Большой игры. США были едва ли не единственными, кто оказал помощь, хоть и негласную, России в Крымской войне, которая и стала драйвером российского продвижения в Азию. Российская империя, в свою очередь, поддержала северян в разгар Гражданской войны, выступила за сохранение государственного единства Соединенных Штатов. Важно отметить, что в своих отношениях друг к другу обе страны вовсе не руководствовались какими-то альтруистическими начинаниями, а были движимы вполне конкретными мотивами: обе страны видели друг в друге противовес Англии с ее активной торговой и территориальной политикой. Более того, в целом позитивные оценки американцами деятельности России в Центральной Азии определялись тем, что они никак не противоречили внешнеполитическим задачам, которые ставили перед собой Соединенные Штаты. Интерес широкой публики в США во многом определялся аналогиями, которые проводились в прессе, о схожести процессов, протекавших в России и Соединенных Штатах: обе страны стремились расширить свои территории, решали проблемы коренных народов на присоединенных территориях. Подобные аналогии интересны, скорее, для изучения взаимного восприятия русских и американцев в XIX веке, однако мало влияли на оценки профессиональных американских политиков причин и перспектив российского

¹ Мак-Гахан, Я. А. Военные действия на Оксусе и падение Хивы. М.: Катков и К°, 1875. С. 297.

² The New Orleans Crescent. June 7, 1868. Режим доступа: <https://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn82015775/1868-06-07/ed-1/seq-4/> (дата обращения: 05.07.2019).

³ The Portland Daily Press. December 23, 1898. Режим доступа: <https://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn83016025/1898-12-23/ed-1/seq-1/> (дата обращения: 05.07.2019).

продвижения в Центральной Азии.

Список источников и литературы

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Оп. 470. Д. 62 (1882). Л. 169.
2. Болховитинов Н. Н. Россия и начало Гражданской войны в США. По архивным материалам // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 30–42. Режим доступа: <https://america-xix.org.ru/library/bolkhovitinov-russia-outbreak-civilwar/> (дата обращения: 05.07.2019).
3. Вернадский И. В. Политическое равновесие и Англия. М.: Вернадский И. В. Политическое равновесие и Англия. М.: Унив. тип., 1855. 136 р.
4. Газета «Москва». 1 февраля 1867 г.
5. Ибрахим А. Эволюция политики Соединенных Штатов в Каспийском регионе: неустойчивое равновесие // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 4. С. 37–50.
6. Киняпкина Н. С. Россия и Гражданская война в США // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1980. № 2. С. 40–52. Режим доступа: <https://america-xix.org.ru/library/kinyapina-russia-civilwar/> (дата обращения: 05.07.2019).
7. Мак-Гахан, Я. А. Военные действия на Оксусе и падение Хивы. М.: Катков и К^о, 1875. 304 с.
8. Пономарев В. Н. Крымская войны и русско-американские отношения. М.: ИРИ, 1993. 231 с.
9. Порохов С. Ю. Битва империй: Англия против России. М.: АСТ, СПб: Хранитель, 2008. 349 с.
10. Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М.: Изд. и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Москве, 1949. 392 с.
11. Санкт-Петербургские ведомости. 16 августа 1854 г. № 180. С. 883.
12. Семенцов О. Ю. США и политика в Центральной Азии в первой половине 1870-х годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История, регионоведение, международные отношения. 2010. № 1. С. 84–92.
13. Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М: Т-во науч. изд. КМК, 2012. 455 с.
14. Сергеев Е. Ю. «Большая игра» в российско-британских отношениях второй половины XIX века – начала XX века: новый взгляд // Российская история. 2011. № 5. С. 3–15.
15. Центральная Азия в составе Российской империи / ред. С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 451 с.
16. Шаумян Т. Л. Россия, Великобритания и Тибет в «Большой игре». М.: Изд-во научных изданий КМК, 2017. 204 с.
17. Широкопад А. Б. Россия – Англия, неизвестная война, 1857–1907. М.: АСТ, 2003. 506 с.
18. Beckert S. Emancipation and Empire: Reconstructing the Worldwide Web of Cotton Production in the Age of the American Civil War // American Historical Review. 2004. № 5. P. 1405–1435.
19. Clay C. M. The Life of Cassius Marcellus Clay. Memoirs, Writings, and Speeches, Showing His Conduct in the Overthrow of American Slavery, the Salvation of the Union, and the Restoration of the Autonomy of the States. Cincinnati: J. Fletcher Brennan & Co., 1886. Vol. 1. 586 p.

20. Dowty A. *The Limits of American Isolation: The United States and the Crimean War*. N.Y.: New York University Press, 1971. 272 p.
21. Dvoichenko-Markov E. *Americans in the Crimean War // The Russian Review*. 1954, Vol. 13, № 2. P. 137–145.
22. *Executive Documents Printed by Order of the House of Representatives, During the Third Session of the Fortieth Congress, 1868–69*. Washington, D. C.: Government Printing Office, 1868–1869. Vol. 1. 846 p. Режим доступа: <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS186869v01> (дата обращения: 05.07.2019).
23. *Executive Documents Printed by Order of the House of Representatives. 1873–1874*. Washington, D. C.: Government Printing Office, 1873–1874. Vol. 2. 768 p.
24. Foglesong D. S. *The American Mission and the “Evil Empire”: The Crusade for a “Free Russia” since 1881*. Cambridge: Cambridge univ. press, 2007. 352 p.
25. Goodrich S. G. *The Second Book of History, Combined With Geography; containing the Modern History of Europe, Asia, and Africa*. Boston, Cleveland: Boston, Carter, Hendee and co., 1859.
26. Hopkirk P. *The Great Game. On Secret Service in High Asia*. London: Oxford Paperbacks, 2006. 576 p.
27. Johnson R. *Spying for Empire. The Great Game in Central and South Asia, 1757–1947*. London: Green Hill Books, 2006. 304 p.
28. Levi S. C. *The Rise and Fall of Khoqand, 1709–1876: Central Asia in the Golden Age*. Pittsburg: University of Pittsburgh Press, 2017. 288 p.
29. *Message of the President of the United States, and Accompanying Documents, to The Two Houses of Congress, at The Commencement of The Second Session of the Thirty-eighth Congress. Part III*. Washington, D. C.: U. S. Government Printing Office, 1865. 598 p. Режим доступа: <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1865v01> (дата обращения: 05.07.2019).
30. Meyer K., Brysac S. *Tournament of Shadows. The Great Game and the Race for Empire in Asia*. London: Perseus Books Group, 1999. 704 p.
31. Morrison A. *Introduction: Killing the Cotton Canard and Getting Rid of the Great Game: Rewriting the Russian Conquest of Central Asia, 1814–1845 // Central Asia Survey*. 2014, Vol. 33. № 2. P. 131–142.
32. *Papers of William L. Marcy. Cont. 80*. Library of Congress Manuscript Division. Washington, D. C.
33. Sergeev E. *The Great Game, 1856–1907: Russo-British Relations in Central and East Asia*. Baltimore: John Hopkins University Press, 2013. 552 p.
34. The Anderson Intelligencer. March 5, 1891. Режим доступа: <https://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn84026965/1891-03-05/ed-1/seq-4/> (дата обращения: 05.07.2019).
35. The New Orleans Crescent. June 7, 1868. Режим доступа: <https://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn82015775/1868-06-07/ed-1/seq-4/> (дата обращения: 05.07.2019).
36. The Portland Daily Press. December 23, 1898. Режим доступа: <https://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn83016025/1898-12-23/ed-1/seq-1/> (дата обращения: 05.07.2019).

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация: В статье анализируется зарубежная историография политики России XIX – начала XX вв. в Центральной Азии. Взаимоотношения Российской империи с народами и государствами Центральной Азии привлекали внимание историков, публицистов, путешественников, учёных-ориенталистов, политиков с середины XIX в. Ими был создан большой корпус литературы о Центральной Азии, от объёмистых многотомных исследований до кратких политических памфлетов. В этих трудах подробно описывается ход событий, деятельность колониальной администрации, цели и задачи российской политики в Центральной Азии. Соперничество между Россией и Великобританией во второй пол. XIX в. (т. н. Большая игра), взаимоотношения между русскими переселенцами и местным населением, православием и исламом.

В статье рассматриваются работы таких крупных специалистов, как А. Моррисон, С. Беккер, П. Хопкирк, Д. Маккензи, А. Халид, Дж. Хоскинг, У. Сандерленд. Насколько возможно, проводится сравнение зарубежной и отечественной историографии проблемы.

Ключевые слова: западная историография, Центральная Азия, колониализм, империя, ориентализм, Большая игра.

Процесс присоединения значительной части Центральной Азии к России, растянувшийся почти на два столетия, вступил в свою решающую фазу в 60-е – 80-е годы XIX века. В 1865 году русской армией был взят Ташкент, в 1868 году – Самарканд, в 1873 году – Хива, а в начале 1880-х было подавлено сопротивление туркменских племён. Захват Мерва в 1884 и выход русской армии к Памиру и Гиндукушу повлёк за собой обострение отношений с Великобританией, рассматривавшей этот регион как сферу своих интересов. Достичь соглашения с Великобританией о российско-афганской границе удалось только в 1895 году, а конвенцией 1907 года окончательно определялся статус Афганистана как британской сферы влияния.

Таким образом, к началу XX века завершилось присоединение к Российской империи обширной территории, на которой располагались три государства – Бухарский эмират, Кокандское и Хивинское ханства, а также многочисленные кочевые племена, не имевшие прежде государственности. Межгосударственных границ фактически не существовало, ханства постоянно враждовали между собой, значительную часть присоединённых земель занимала пустыня. Захватить эти территории оказалось значительно проще, чем установить там твёрдый государственный порядок, создать систему управления и провести необходимые реформы, наладить отношения с местным населением. Фактически российскому правительству так и не удалось полностью справиться с этой задачей, так как не было необходимых сил и средств, а главное – не было времени. В 1917 году империя

рухнула, к власти пришли большевики, и на их долю выпало завершение национально-государственного строительства в регионе.

Взаимоотношения России со странами и народами Центральной Азии, а также с европейскими державами, преимущественно с Великобританией, в связи с поэтапным присоединением части центральноазиатской территории к Российской империи, неизменно привлекали, начиная с середины XIX века, внимание как отечественных, так и зарубежных историков. Интерес историков к этим проблемам носил волнообразный характер, то затухая, то разгораясь вновь. Всплеск интереса наблюдался, как правило, во время бурных политических событий в регионе, а в периоды относительного затишья, когда ситуация стабилизировалась, объём исследований по проблеме существенно сокращался. Так, во второй половине XIX в., в связи с нарастающим соперничеством между Россией и Великобританией в Центральной Азии, названным впоследствии историками Большой игрой, «редкий день обходился без упоминания Центральной Азии в газетных заголовках, по мере того как древние города и ханства вдоль прежнего Шёлкового Пути падали под ударами русской армии, – отмечал британский исследователь Питер Хопкирк. – Каждую неделю, казалось, появлялись новости о стремительном продвижении казаков, неизменно оказывавшихся на острие атаки, всё ближе и ближе к слабо защищённым границам Индии»¹.

Помимо новостей в прессе, события в Центральной Азии освещались в многочисленных книгах и брошюрах, представлявших собой путевые записки путешественников, учёных, журналистов, разведчиков, военные мемуары, политические памфлеты и трактаты, написанные политиками, дипломатами, чиновниками колониальной администрации. В Великобритании читающая публика интересовалась, главным образом, вопросом о том, нападёт ли Россия на Индию и как можно укрепить наиболее уязвимую северо-западную границу Индии. Мнения авторов разделились. Одни – Генри Роулинсон, Чарльз Марвин, Джордж Маллесон, Деметриус Болгер – полагали, что агрессивная сущность царского режима и экспансия России в сторону Афганистана и Индии являются убедительными доказательствами её захватнических устремлений. Они призывали придерживаться «наступательной» тактики и создавать военные базы в Афганистане, чтобы встретить врага как можно дальше от индийской границы².

Другая группа авторов, которых Марвин презрительно называл «русософилами», – Генри Ханна, Джеймс Лонг, герцог Аргайл (Джон Кэмпбелл) и целый ряд анонимных авторов – возражали, что Россия не сможет, даже если очень захочет, захватить Афганистан и тем более Индию. Две

¹ Hopkirk P. *Great Game: On Secret Service in High Asia*. L.: John Murray, 2006. P. 4.

² Rawlinson H. *England and Russia in the East*. L.: John Murray, 1875; Boulger D. *England and Russia in Central Asia*. 2 vols. L.: W.H. Allen & Co., 1879; Malleson G. *Herat: The Granary and the Garden of Central Asia*. L.: W.H. Allen & Co., 1880; Marvin Ch. *Russians at the Gates of Herat*. L.; N.Y.: Frederick Wame and Co., 1885.

неудачных англо-афганских войны (1839–1842 и 1878–1880) показали, что попытка воевать с афганскими племенами, не желающими подчиняться никакой центральной власти, в крайне сложных климатических условиях, не имея достаточного количества воды и продовольствия, обречена на провал. Афганистан сам по себе является самой надёжной защитой для Индии, полагали сторонники «выжидательной» тактики, а если русские всё же решатся начать войну, афганцы будут сражаться против них с той же решимостью, какую они проявили в войнах с Британией¹.

Впрочем, в глубине души сторонники и «наступательной», и «выжидательной» тактики были в равной степени уверены, что Россия в полной мере удовлетворена своими приобретениями в Центральной Азии и воевать с Афганистаном не будет, а следовательно, не представляет серьёзной угрозы для Британской Индии. Анонимный автор, назвавшийся просто «британским подданным», рассмотрев подробно интересы России и Великобритании в Центральной Азии, пришёл к выводу о незаинтересованности России в походе на Индию. «В связи с российской агрессией, не стоит забывать, – пишет автор, – что Россия торговала с Кокандом и Бухарой задолго до того, как англичане впервые появились в Индии. Истинный центр России – в Азии, там сконцентрированы её интересы как полуазиатской страны, и она становится таковой тем более, чем меньшее участие она принимает в европейской политике»². Обладая огромной территорией, простирающейся от Каспия до Тихого океана, Россия всеми силами стремится обеспечить безопасность своих подданных и бесперебойную торговлю с Центральной Азией; «на севере она скована льдами, и торговые интересы неизбежно влекут её к солнечному югу»³. Чтобы не допустить войны, «простого невмешательства мало, необходимо взаимопонимание», – заключает автор⁴.

Ещё дальше в симпатиях к России зашёл неизвестный американский автор, утверждая, что славяне и англосаксы – родственные арийские этносы. Некогда они жили по соседству в Центральной Азии, но более трёх тысяч лет назад пути их разошлись; одни двинулись на запад, другие – на восток. В настоящее время идёт обратный процесс – русские и англичане возвращаются на свою историческую родину. Русские идут с севера на юг; англичане же, создав предварительно базу в Индии, с центром в Калькутте, продвигаются на север, «и теперь обе ветви великой арийской расы вновь

¹ Hanna H. B. Can Russia Invade India? Westminster: Archibald Constable and Company, 1895; Ibid. Backwards or Forwards? Westminster: Archibald Constable and Company, 1897.

² British Subject. Russia, Central Asia and British India. L.: Trubner and Co., 1865. P. 16. Различные библиографические указатели приписывают авторство брошюры то о. Джеймсу Лонгу, миссионеру, длительное время прослужившему в Индии, то Уолтеру Милларду Торбёрну, также иногда подписывавшемуся как «британский подданный».

³ Ibidem.

⁴ Ibidem.

готовы стать соседями в Центральной Азии»¹. Для того ли, вопрошает автор, они проделали столь далёкий и опасный путь, чтобы столкнуться в кровопролитной войне? Неслучайно слово «проблема» вынесено в заголовок брошюры: по мнению автора, освоение Россией и Великобританией Центральной Азии – вторая по значимости проблема современности, наряду с заселением американских просторов англосаксами. Пройдёт немного времени, уверяет автор, и независимых государств в Азии совсем не останется – они все будут поглощены двумя могучими империями. Так «стоит ли поджигать дом, чтобы зажарить гуся?»².

Едва ли безымянный автор не то что читал, но хотя бы слышал о Николае Фёдорове. Тем удивительнее почти текстуальное совпадение цитированной выше брошюры с некоторыми идеями «Философии общего дела». «Не надо забывать, – пишет Фёдоров, – что рубеж Индии, возвышенность Памира с ее окрестностями, есть место одинаково священное как для нас, так и для англичан, и после Палестины и Византии нет места на земле более священного; здесь покоятся забытые предки всех арийских и анарийских племен (Иафета, Сима и Хама) [...] От того, будем ли мы и англичане понимать значение этого священного места, на котором предстоит наша встреча, проницает ли в нас чувство ужаса при одной мысли, как бы не осквернить ту почву, в которой столько тысячелетий покоится прах наших предков, чрез которых мы и англичане — братья, от этого зависит, будет ли на этих священных местах заключен мир и союз, или же прах предков обгадится кровью потомков и, быть может, колыбель рода человеческого сделается и могилою его»³.

После соглашений 1895 и 1907 годов между Россией и Великобританией о разграничении сфер влияния в Центральной Азии ажиотаж в зарубежной, равно как и отечественной, публицистике и историографии по поводу русско-английского соперничества начал стихать, а с началом Первой мировой войны практически сошёл на нет, несколько оживляясь лишь на короткое время в связи с крупными событиями в регионе, такими как восстание 1916 года или борьба с басмачами. К началу 1930-х годов положение в советском сегменте Центральной Азии надолго стабилизировалось, были образованы советские республики, началась их модернизация.

Внимание западных историков переключилось на другие проблемы: русская революция, гражданская война, внутрипартийная борьба, сталинская модернизация. Если кто-то из зарубежных авторов и писал о советских центральноазиатских республиках, их интересовали, прежде всего, происходившие в них резкие перемены. Вопрос о том, было ли присоединение части Центральной Азии к России колониальным захватом и к каким последствиям оно привело, казалось, был разрешён самой жизнью. Да и не

¹ Anonymous. *Russia and England in Central Asia: A Problem*. N. Y.: American Church Press, 1874. P. 1.

² *Ibid.* P. 11.

³ Фёдоров Н. Ф. *Собрание сочинений в четырёх томах*. Т. 1. М.: Прогресс, 1995. С.243.

было уже к этому времени ни России, ни Русского Туркестана.

Типичным примером апологетической литературы 1930-х годов о советской Центральной Азии является книга левого американского журналиста Джошуа Кьюница «Рассвет над Самаркандом»¹. Краткий исторический экскурс понадобился автору лишь для того, чтобы показать контраст между колониальной политикой царизма и советской политикой «пролетарского интернационализма». Колониальную политику царского режима Кьюниц рисует в самом чёрном цвете: «Циничный захват Россией трёх исламских центральноазиатских ханств – Коканда, Бухары и Хивы – и экспроприация полукучевых киргизских, туркменских и узбекских племён является одной из самых мрачных страниц империалистической политики царского режима»². «Цивилизаторская миссия» России вылилась в экономическую эксплуатацию туземцев, страдавших от двойного гнёта – со стороны России и собственных правителей; Туркестан, Бухара и Хива превратились в источник сырья, в основном хлопка, для российской капиталистической промышленности, в то время как собственное текстильное производство в ханствах было ликвидировано. Редкие восстания туземцев жестоко подавлялись царским правительством, стиравшим с лица земли целые деревни и сотнями уничтожавшим местное население»³.

Такая характеристика российского колониализма полностью совпала с его обличением в ранней советской историографии. «Российская империя – тюрьма народов», колониальная политика российского правительства – «абсолютное зло», выразившееся в подавлении национальной культуры, экономической эксплуатации и обнищании народов Центральной Азии, – подобные положения можно было найти в любом марксистском учебнике русской истории. Правда, во второй половине 1930-х годов характеристика дореволюционной национальной политики как «абсолютного зла» трансформировалась постепенно в советской историографии в формулу «наименьшего зла». Добровольное или насильственное вхождение в состав России некоторых народов – украинцев и народов Закавказья в особенности – спасло их от порабощения, ассимиляции, возможно, даже геноцида со стороны соседних иноверных государств и явилось, таким образом, для этих народов «наименьшим злом». Впоследствии развернулась многолетняя дискуссия по этому вопросу, в ходе которой формула «наименьшего зла» была окончательно отвергнута и «добровольное» присоединение национальных окраин к России было признано для них исключительно благотворным. Так, А. Л. Сидоров на заседании ученого совета Института истории, посвященном обсуждению задач исторической науки в свете книги Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», подчеркивал: «Прогрессивность, благотворность присоединения к России

¹ Kunitz J. Dawn over Samarkand. N.-Y.: International Publishers, 1935.

² Ibid. P. 31.

³ Kunitz J. Dawn over Samarkand. P. 33.

нерусских народов для самого существования этих народов настолько несомненна, что для дискуссий по этому вопросу нет оснований»¹. Сталинские «формулы» были вскоре отвергнуты, но тезис о добровольности и позитивных последствиях присоединения «братских» народов к России на несколько десятилетий стал лейтмотивом советской историографии.

В 1960-е – 1980-е годы наметилось некоторое оживление в историографии национальной политики Российской империи и СССР. В советской историографии наибольшую активность в этом плане проявляли историки из национальных республик; тем не менее было подготовлено несколько серьёзных трудов и российскими историками². В зарубежной историографии история Центральной Азии в целом и взаимоотношений её народов с Россией в частности не стала в эти годы приоритетным направлением. Такой ограниченный интерес к проблеме объясняется рядом причин. Во-первых, чтобы изучать историю Центральной Азии, необходимо было владеть хотя бы одним, а лучше – несколькими восточными языками. Во-вторых, ощущался недостаток источников. Разумеется, попасть в СССР и даже получить разрешение на работу в некоторых центральных архивах зарубежным исследователям стало намного проще, чем в 1930-е – 1950-е годы, тем не менее в республиканские архивы их не пускали, да и в центральных архивах многие архивные фонды были для них закрыты. Не пускали западных историков в партийные, ведомственные архивы. В-третьих, эта проблематика не была приоритетной для зарубежных историков. Для того, чтобы разобраться в непривычной терминологии, экзотических географических названиях и именах, сложной системе местного управления и судопроизводства, особенностях культуры и быта кочевых и оседлых народов Центральной Азии, необходимо было затратить много времени и усилий, а каких-либо материальных или карьерных дивидендов эта работа приносила немного.

Исследования по истории России/СССР, Восточной Европы и других регионов концентрировались с середины 1940-х годов в основном в специальных исследовательских центрах, щедро финансируемых из различных государственных, корпоративных и частных фондов. Поскольку в годы холодной войны основные линии противостояния сверхдержав проходили через Европу, советологические центры в США и Европе занимались в большей степени изучением истории и политической системы СССР, чем историей Российской империи, и европейским проблемам уделялось гораздо больше внимания, чем азиатским. В азиатских исследованиях приоритетными были темы, относящиеся к Ближнему Востоку, Юго-

¹ В Институте истории // Вестник АН СССР. 1953. № 1. С. 17

² Джамгерчинов Б. Присоединение Киргизии к России. М.: Соцгиз, 1959; Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии, 1857–1868. М.: Наука, 1960; Он же. Присоединение Средней Азии к России. М.: Наука, 1965; Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М.: Изд-во МГУ, 1984.

Восточной Азии, тихоокеанскому региону, а проблемы Центральной Азии находились на периферии. Так, в одном из крупнейших советологических центров, Русском исследовательском центре Гарвардского университета, за десятилетие (1968–1978) была опубликована всего одна монография о политике России в Центральной Азии, но зато какая!¹ Это была книга одного из крупнейших специалистов по этой теме Сеймура Беккера «Протектораты России в Центральной Азии: Бухара и Хива (1865–1924)»². Это классическое исследование российской политики в Центральной Азии до сих пор сохраняет свою научную ценность.

Кроме книги Беккера в эти годы вышел ещё ряд ценных работ по данной проблеме: сборник статей под редакцией Эдварда Оллуорта, приуроченный к столетию образования Туркестанского генерал-губернаторства, монографии Ричарда Пирса, Джорджа Демко, Фируза Каземзаде³. Эти и некоторые другие работы, опубликованные в 1960-е – 1980-е годы, заложили основы современной зарубежной историографии взаимоотношений России и народов Центральной Азии. Они носили комплексный, обобщающий характер, в них намечены были основные направления исследований, развернувшихся в 1990-е – 2010-е годы: предпосылки присоединения Центральной Азии к России и ход событий, организация управления и судопроизводства на завоёванной территории, реакция местного населения на действия властей, конфессиональная политика, взаимоотношения России и Великобритании в связи с российской экспансией.

Но настоящий бум исследований по истории Центральной Азии и политики России в этом регионе начинается после распада СССР. Появление в Центральной Азии пяти новых суверенных государств, последовавшее за этим изменение конфигурации политических сил в Азии, ослабление политической стабильности в Российской Федерации в 1990-е годы, пришедший на этот же период рост международного терроризма, теракты в США 11 сентября 2001 и последовавшая за этим активизация американской политики в регионе – все эти процессы и события привели к повышению напряжённости в Центральной Азии и прилегающих к ней регионах. Политики и публицисты заговорили о новой Большой игре, с несколько видоизменённым и расширенным набором участников (Россия, США и Китай).

Постоянно возрастающий интерес к истории Центральной Азии в

¹ The Russian Research Center, Harvard University. The Third Decade: 1968–69 Through 1977–78. Cambridge, MA: Harvard University Press, s.a. P. 13.

² Becker S. Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1968.

³ Pierce R. Russian Central Asia, 1867–1917. Berkeley: University of California Press, 1960; Allworth E., ed. Central Asia: A Century of Russian Rule. N.Y.: Columbia University Press, 1967; Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia, 1864–1914. New Haven, CT: Yale University Press, 1968; Demko G. The Russian Colonization in Kazakhstan, 1896–1916. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1969.

историографии вызван, конечно, не только происходящими в регионе политическими процессами, но и иными обстоятельствами. Во-первых, зарубежные историки получили доступ не только к фондам центральных, но и региональных российских архивов, а также к архивам центральноазиатских государств, получивших независимость в начале 1990-х годов, что позволяет значительно расширить рамки исследований, а также взглянуть на привычные проблемы под новым углом зрения. Во-вторых, расширяется не только проблематика, но и география исследований: если прежде в зарубежной историографии наблюдалось абсолютное преобладание британских и американских историков, то теперь в эту работу в значительной степени включаются французские, немецкие, канадские, китайские, турецкие и даже новозеландские авторы, а также учёные из бывших советских республик. В-третьих, значительное влияние на современную историографию оказал постмодернизм, в результате повысился интерес историков к проблемам этноконфессиональной идентичности, истории повседневности, взаимодействию и взаимовлиянию культур. Так, например, методологической основой ряда исследований стала широко известная книга Эдварда Саида «Ориентализм», в которой автор пытался опровергнуть евроцентричный, экзотический образ Востока, искусственно сконструированный европейскими учёными-ориенталистами, а также художниками, литераторами и кинематографистами¹.

Несмотря на то, что ряд современных специалистов по российской и центральноазиатской истории сетуют на «недоисследованность» истории Центральной Азии, её «маргинальное» положение в современной историографии, количество изданных в последние десятилетия монографий и статей по истории региона поражает воображение так же, как и разнообразие рассматриваемых в этой литературе вопросов. В числе наиболее значимых исследований зарубежных учёных по истории взаимоотношений Российской империи с народами Центральной Азии можно назвать книги и статьи профессора Ливерпульского и Оксфордского университетов Александра Моррисона о колониальной администрации Самарканда в сравнении с британской администрацией в Индии, а также о русских переселенцах в Центральной Азии², «аксакалов» центральноазиатских исследований Малкольма Яппа и Сеймура Беккера, а также британского журналиста и историка Питера Хопкирка о Большой игре второй половины XIX – начала XX вв.³, Натаниела Найта о теории ориентализма Эдварда Саида и её приме-

¹ Said E. W. *Orientalism*. L.: Clarendon Press, 1978 (рус. пер.: Саид Э. *Ориентализм: Западные концепции Востока*. СПб.: Русский мир, 2006).

² Morrison A. *Russian Rule in Samarkand, 1868–1910: A Comparison with British India*. Oxford: Oxford University Press, 2008; Idem. *Peasant Settlers and the ‘Civilising Mission’ in Russian Turkestan, 1865–1917* // *The Journal of Imperial and Commonwealth History*. 2015. Vol. 43. No.3. P. 387–417; Idem. *The ‘Turkestan Generals’ and Russian Military History* // *War in History*. 2018. P. 1–32.

³ Hopkirk P. *Op. cit.*; Yapp M. *The Legend of the “Great Game”* // *Proceedings of the British*

нимости к восточной политике России¹, Адиба Халида и Роберта Крюза о «исламском» факторе российско-центральноазиатских взаимоотношений², Дэниэла Брауэра, Уилларда Сандерленда и Джеффа Сахадео о колониальной политике Российской империи в Центральной Азии³, профессора Цюрихского и Венского университетов Андреаса Каппелера о многонациональном характере российской империи и австрийского историка Пауля Георга Гайса о столкновении традиционных форм политической и социальной организации в Центральной Азии с новым административным порядком, вводившимся в ходе установления и упрочения власти Российской империи в Центральной Азии⁴. По некоторым из упомянутых выше проблем разворачиваются оживлённые дискуссии на страницах журналов “Ab Imperio” и “Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History”.

Первый вопрос, с которым сталкивается любой исследователь истории Центральной Азии, – это проблема определения границ региона и его наименования. В разное время регион назывался по-разному, и географические границы его периодически изменялись. Историки, географы, политологи до сих пор дискутируют по этому поводу и вынуждены постоянно уточнять, какие именно страны и народы они включают в понятие «Центральная Азия».

В XVIII – первой трети XIX вв. территорию Центральной Азии в России называли Бухарией, которая делилась на Большую (Великую) и Малую Бухарию; в XIX в. постепенно вошли в употребление заимствованные у зарубежных авторов названия Туркестан (Turkestan или Turkistan) и Средняя Азия (Mittelasien). Часть Туркестана, вошедшую в состав Российской империи, называли Западным, а с образованием Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 году – Русским Туркестаном, Восточным же Туркестаном именовали Синцзян, в настоящее время являющийся китайской провинцией. В советское время за регионом утвердилось единое

Academy. 2001. Vol. 111. P. 179–98 ; Becker S. The ‘great game’: The history of an evocative phrase // *Asian Affairs*. 2012. Vol. 43. No. 1. P. 61–80.

¹ Knight N. Grigor’ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? // *Slavic Review*. 2000. Vol. 59. No. 1. P. 74–100.

² Khalid A. *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia*. Berkeley, CA: University of California Press, 1999; Crews R. D. *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009.

³ Brower D. *Turkestan and the Fate of the Russian Empire*. L.: Routledge Curzon, 2003; Sahadeo J. *Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2007; Sunderland W. The “Colonization Question”: Visions of Colonization in Late Imperial Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2000. Bd. 48. H. 2. P. 210–232; Idem. What is Asia to Us?: Scholarship on the Tsarist “East” since the 1990s // *Kritika*. 2011. Vol. 12. No. 4. P. 817–833.

⁴ Geiss P.G. *Pre-Tsarist and Tsarist Central Asia: Communal Commitment and political Order in Change*. L.: Routledge Curzon, 2003 ; Kappeler A. *The Russian Empire: A Multiethnic History*. L.: Routledge Curzon, 2013 (русс. пер.: Каппелер А. *Россия – многонациональная империя*. М.: Прогресс-Традиция, 2000).

наименование – Средняя Азия и Казахстан, в то время как в зарубежной историографии его, как правило, называли Центральной Азией¹.

С 1992 года, по предложению Президента Казахстана Н. А. Назарбаева, вместо названия «Средняя Азия и Казахстан» было принято новое определение территории пяти бывших советских республик – Центральная Азия. Таким образом, в академической науке – и за рубежом, и в странах СНГ – стало использоваться унифицированное определение, что было, конечно, удобно, но, с другой стороны, вносило некоторую терминологическую путаницу, поскольку с географической точки зрения границы Центральной Азии значительно шире, чем границы территории, обозначавшейся ранее как «Средняя Азия и Казахстан». В настоящее время территория Центральной Азии в различных словарях определяется по-разному. «Британская энциклопедия» ограничивает Центральную Азию территорией пяти бывших советских республик, в то время как ЮНЕСКО «включает в состав Центральной Азии современные Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, а также Синьцзян-Уйгурский автономный район и автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики, собственно Монголию, Тибет, Бурятию, Тыву, Горный Алтай, Прибайкальский район, Кашмир, Афганистан и даже северо-восток Ирана — провинцию Хорасан»².

В ряде случаев наряду с термином «Центральная Азия» в зарубежной литературе используется также термин «Центральная Евразия», включающий в себя также Северный Кавказ и Закавказье³. Видный американский историк Фредерик Старр предложил ещё один термин – Большая Центральная Азия (Greater Central Asia)⁴. Он считает этот термин более предпочтительным, чем «Центральная Евразия», в связи с тем, что само понятие «Евразия» сохраняет налёт российско-советской имперской идеологии, оттеснявшей Центральную Азию на периферию империи. Старр акцентирует центральное, а не маргинальное положение региона, ссылаясь на геополитическую теорию Халфорда Маккиндера, точнее, на выдвинутое Маккиндером противопоставление «центра» «периферии». С этой точки зрения, Западная Европа, обе Америки, Юго-Восточная Азия являются «периферией» по отношению к евразийскому «хартленду». Увы, сетует Старр, к сожалению, должно пройти какое-то время, прежде чем государства Центральной Азии осознают своё центральное положение и станут не только по названию, но и по сути единой культурной и экономической общностью, способной в дальнейшем втягивать в орбиту своего влияния

¹ Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 11–15.

² Центральная Азия в составе Российской империи. С. 11.

³ Sahadeo J. Home and Away: Why the Asian Periphery Matters in Russian History // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2015. Vol. 16. No. 2. P. 376.

⁴ Starr S. F. In Defense of Greater Central Asia. Policy paper, September 2008. Washington, DC: Central Asia – Caucasus Institute, 2008.

соседние страны, такие, например, как Япония или Индия. Однако противостоять имперским поползновениям со стороны России и Китая без помощи США государствам Центральной Азии будет крайне сложно, поэтому США должны наращивать своё присутствие в регионе¹.

История изучения взаимоотношений России с народами Центральной Азии насчитывает уже более полутора столетий. И в отечественной, и в зарубежной историографии процесс завоевания и последующего освоения региона Российской империей был уже многократно рассмотрен более или менее подробно. Поэтому в последние несколько десятилетий историки ориентируются главным образом на исследование сложных, дискуссионных проблем. Одной из таких проблем, лейтмотивом проходящей через всю современную историографию, является вопрос о природе российской колониальной экспансии. Являлась ли Россия типичной колониальной империей, подобной британской или французской, или российская колонизация национальных окраин была уникальным историческим явлением? Каковы были цели и мотивы российского правительства, было ли продвижение России вглубь Центральной Азии осуществлением заранее продуманного плана или серийей импровизаций, осуществлявшихся под давлением внешних обстоятельств? Как повлияло присоединение Центральной Азии на судьбы её народов и на саму метрополию? На эти и другие, не менее сложные вопросы, историки стараются дать новые ответы, отчасти развивая, а отчасти и переосмысливая традиционные точки зрения.

Большинство западных историков единодушны в оценке политики Российской империи в Центральной Азии как захватнической, и в этом смысле российский колониализм ничем принципиально от британского или французского не отличается. Описывая действия России в Центральной Азии, они, независимо от своих политических взглядов, отношения к России и оценки последствий присоединения территорий региона, употребляют, как правило, «агрессивные» термины: «завоевание» (conquest), «аннексия» (annexation), «вторжение» (invasion). «Центральная Азия ... представляла собой лабораторию, в которой имперская Россия имела возможность применить опыт, приобретённый в Сибири и на прочих рубежах в течение нескольких столетий, – писал Ричард Пирс. – Чем больше мы знаем о том, что происходило здесь, тем лучше мы понимаем колониальную политику других стран в девятнадцатом и начале двадцатого веков»². Д. Гайер перечисляет типичные признаки колонии, наличествовавшие в Центральной Азии: социокультурное и экономическое неравноправие по отношению к метрополии, экономическая эксплуатация, военная администрация, этническая сегрегация³.

Вместе с тем разобраться в хитросплетениях российской политики в

¹ Ibid. P. 17.

² Pierce R. Op.cit. P. 3.

³ Geyer D. Russian Imperialism: The Interaction of Domestic and Foreign Policy, 1860–1914. New Haven, CT: Yale University Press, 1987. P. 319.

Центральной Азии и однозначно определить её характер не так просто. Известно, что всё познаётся в сравнении. Независимо от того, ставят или нет западные исследователи своей задачей сравнительный анализ российского колониального режима в Центральной Азии с британским владычеством в Индии или с политикой Франции в Алжире, имплицитно они такое сравнение проводят. Кроме того, они нередко сравнивают ситуацию в Центральной Азии с положением дел на Кавказе, на Украине или в Прибалтике. Такое сравнение приводит подчас к противоречивым выводам. Так, А. Каппелер, говоря об этнической и социальной гетерогенности Российской империи, приходит к выводу о том, что к ней не подходит штамп «колониальной державы». При этом он оговаривается, что по отношению к некоторым народам, в частности к народам Сибири или кочевникам Степи, «элементы колониальной политики имели место»¹. Тем не менее, полагает автор, «картине “колониальной империи” никак не соответствует отсутствие превосходства в развитии метрополии над периферией; частичная дискриминация русских по сравнению с “колониальными” народами; приоритет ...политико-стратегических целевых установок над экономическими»². Однако далее, говоря о завоевании Центральной Азии, Каппелер вынужден признать в отношении этого региона наличие «колониальной экспансии» со стороны России³.

Не менее сложны в этом отношении и построения известного британского историка Джеффри Хоскинга. С одной стороны, он полагает, что Центральную Азию, «можно рассматривать как настоящую колонию»⁴. «В некотором смысле, по своему статусу она отличалась от других частей империи, – поясняет автор. – Местные жители считались инородцами, что было обычным делом в других империях, но не было характерно для России: отнесение людей к этой категории подразумевало их неравноправное положение по отношению к другим группам населения»⁵. С другой стороны, Хоскинг утверждает, что Россия была по сути своей азиатской империей, с отсталыми формами социальной организации, но передовой европейской, хотя и заимствованной, культурой. Такое противоречие объяснялось огромной территорией России и её специфическим географическим положением. В этом смысле у России были исторические прецеденты: империя Александра Македонского и Римская империя. В «азиатских» империях, по мнению Хоскинга, наблюдается обычно большой разрыв между вестернизированной элитой и народными массами. «В Европе XVI–XIX веков, напротив, государства двигались в направлении интеграции масс в национальную общность, зачастую кристаллизовавшуюся вокруг

¹ Каппелер А. Указ. соч. С. 122.

² Там же.

³ Каппелер А. Указ. соч. С. 126.

⁴ Hosking G. *Russia: People and Empire, 1552–1917*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997. P. 389.

⁵ *Ibidem*.

королевского двора, их армии становились более многочисленными и лучше экипированными, их экономики развивались, а из несметного числа местных диалектов формировались общеупотребительные языки, – констатирует историк. – Россия неуклюже барахталась между этими двумя различными политическими тенденциями: ее бюрократическая система оставалась преимущественно азиатской, тогда как культура стала европейской»¹.

С парадоксальными утверждениями Хоскинга согласны не все зарубежные историки. Так, например, С. Беккер считает характеристику Хоскингом «азиатского» типа империи чересчур поверхностной и предельно обобщённой. Приводя приписываемые Меттерниху слова о том, что «Азия начинается на Ландштрассе», улице, пролегающей на восток от Вены, Беккер с долей иронии замечает, что, пользуясь типологией Хоскинга, можно и империю Габсбургов – по крайней мере, её венгерскую часть – считать «азиатской». Чёткие границы между Европой и Азией вообще провести невозможно, поскольку они весьма условны; да и вообще Азия – не более чем европейский интеллектуальный конструкт².

Неоднозначно оценивают западные историки также цели российской экспансии в Центральную Азию, а также последствия этой политики и для народов Центральной Азии, и для России. Казалось бы, зачем тратить колоссальные силы и средства на присоединение территории, большую часть которой занимают пустыни? В 1730-е годы начался процесс присоединения Казахстана к России, растянувшийся на столетие, однако, первые попытки, начиная с трагического хивинского похода Бековича-Черкасского в 1717 году, установить торговые и политические отношения с центральноазиатскими ханствами неизменно проваливались. Упорное продвижение России вглубь Центральной Азии в XIX в. не могло не вызвать в Европе представления о наличии у России тщательно разработанного плана по покорению Центральной Азии, в основе которого могло лежать так называемое «завещание Петра I», вскоре разоблачённое как фальшивка, но тем не менее регулярно упоминавшееся в европейской публицистике и исторической литературе на протяжении XIX–XX вв.³

Логично было предположить, что конечной целью российской экспансии было покорение Афганистана и Индии и выход к Индийскому океану. Такое решение вопроса выглядело заманчиво и было бы выгодно России как в военно-стратегическом, так и экономическом отношении. Прак-

¹ Ibid. P. 9.

² Becker S. Russia and the Concept of Empire // *Ab Imperio*. 2000. № 3–4. P. 330.

³ См.: Lockhart L. The “Political Testament” of Peter the Great // *The Slavonic and East European Review*. 1936. Vol. 14. No. 41. P. 438–441; Lehovitch D. V. The Testament of Peter the Great // *American Slavic and East European Review*. 1948. Vol. 7. No. 2. P. 111–124; Lewitter L. R. The Apocryphal Testament of Peter the Great // *The Polish Review*. 1961. Vol. 6. No. 3. P. 27–44; Мезин С. А. «Завещание Петра Великого»: европейские мифы и российская реальность // *Российская история*. 2000. № 5. С. 18–26.

тическое же осуществление такого плана, даже если бы он существовал, едва ли было возможно, так как это неизбежно привело бы к войне с Великобританией, а у России не было сил и средств, а также союзников, чтобы одержать победу в этой войне. Тем не менее в правительственных кругах Великобритании и в британской публицистике угроза нападения России на Индию обсуждалась всерьёз, и разрабатывались планы укрепления северо-западной границы Индии, особенно в период максимального обострения российско-британских отношений в 1885 году¹.

Кроме мифических планов российского правительства и генералитета вторгнуться в Британскую Индию, среди политических мотивов российской экспансии в Центральную Азию в западной историографии фигурирует стремление России взять реванш за поражение в Крымской войне 1853–1856, а также продемонстрировать военную мощь российского государства. Российская же сторона настаивала на том, что основной причиной вторжения России в Центральную Азию была необходимость защиты южных и юго-восточных рубежей государства от набегов воинственных кочевников и захвата российских подданных, как русских, так и казахов, а также пресечение работоговли, процветавшей среди туркмен и в центральноазиатских ханствах.

Советские историки на первое место среди причин присоединения к России Центральной Азии ставили торгово-экономические потребности государства: необходимость обеспечить новые источники сырья, в первую очередь хлопка и шёлка, для бурно развивавшегося в центральных губерниях России текстильного производства, а также получить новые рынки сбыта для российской промышленной продукции. Зарубежные историки также признают роль экономических факторов российской экспансии, но уделяют их обсуждению гораздо меньше внимания, отдавая приоритет политическим причинам. По оценке Дэвида Маккензи, даже в 1914 году не более 20 % земель Туркестана было пригодно для хозяйственного освоения, остальная территория была покрыта горами и пустынями. За полвека до этого, когда началось завоевание Туркестана, экономическая ситуация была ещё хуже; к тому же ни российское правительство, ни местная администрация не имели четкого представления ни о хозяйственном потенциале региона, ни даже о его географии. Но к началу XX века ситуация в корне изменилась. «В период завоевания [Туркестана], военные победы и первоначальные успехи в организации административной системы помогли восстановить пошатнувшийся престиж верховной власти, – отмечает автор. – Российское завоевание региона пресекло бандитские набеги, обеспечило безопасность караванных путей, позволило установить твёрдые границы и

¹ Rodenbough Th. F. *Afghanistan and the Anglo-Russian Dispute*. S.l., s.a. ; Edwards H. S. *Russian Projects Against India*. L.: Remington & Co., 1885; Dacosta J. *A Scientific Frontier: Or the Danger of a Russian Invasion of India*. L.: W.H. Allen & Co., 1891; Ewans M. *Securing the Indian Frontier in Central Asia: Confrontation and Negotiation, 1865–1895*. L.: Routledge Curzon, 2010.

создать военные базы на подступах к Индии»¹.

Но после 1885 года ситуация начала резко меняться. В период между 1885 и 1914 годами «экономические соображения существенно преобладали над военно-политическими, – заключает Маккензи. – По мере затухания российско-британского соперничества влияние стратегических факторов на развитие региона значительно снизилось, и Туркестан теперь привлекал в основном внимание предпринимателей и торговцев, нежели военных авантюристов»². Регион стал основным поставщиком хлопка-сырца и сырья для производства шёлковых тканей на российский рынок. Железные дороги, построенные некогда для военных целей, теперь перевозили людей и коммерческие грузы.

А. Моррисон, оценивая результаты полувекового господства России в Туркестане, приходит к более пессимистическим выводам. Подробно проанализировав деятельность колониальной администрации Самарканда, он констатирует, что административные и социальные реформы были проведены очень формально и почти не затронули систему судопроизводства и местного управления; не удалось также снизить влияние исламского духовенства на систему образования. Грандиозные планы ирригации, на которые и власти, и местное население возлагали большие надежды, не осуществились из-за нехватки средств, а также малочисленности и низкой квалификации сотрудников; сотрудники администрации из местного населения погрязли в коррупции и использовали данные им полномочия для укрепления персональной власти и престижа среди соплеменников.

Но самое главное – не удалось осуществить «цивилизаторскую миссию», завоевать доверие местного населения, укрепить позиции православной церкви и русского языка в регионе, решить основные социальные проблемы, создать современную систему образования. Туркестанское восстание 1916 года в значительной степени явилось результатом нежелания и неумения местных властей наладить контакт с населением. Сравнивая деятельность администрации Туркестана с деятельностью колониальной администрации в Британской Индии, автор отмечает, что при одних и тех же социальных и материальных проблемах – коррупция, нехватка средств, недостаточная компетентность управленческого персонала – в Индии было сделано намного больше в плане модернизации: была создана система образования, открыты университеты, индийская администрация не только содержала себя, но и обеспечивала содержание огромной армии, а также высокие оклады служащим³. Правда, автор упускает из виду то, что колониальный режим в Индии просуществовал намного дольше, чем российский в Туркестане, поэтому для корректного сравнения надо брать также полувековой начальный период британского господства.

¹ MacKenzie D. Turkestan's Significance to Russia (1850–1917) // The Russian Review. 1974. Vol. 33. No. 2. P. 188.

² Ibidem.

³ Morrison A. Russian Rule in Samarkand, 1868–1910. P. 286–293.

В заключение стоит заметить, что в одной статье невозможно охватить весь спектр проблем, рассматриваемых в современной зарубежной историографии российской политики в Центрально-Азиатском регионе. За несколько последних десятилетий на Западе вышло немало первоклассных исследований, выросло новое поколение историков, налажены контакты между западными и российскими учёными, а также с коллегами из стран Центральной Азии. Регулярно проводятся международные конференции и семинары, осуществляются совместные исследовательские проекты. Зарубежные учёные читают лекции в центральноазиатских университетах, и наоборот, коллеги из стран Центральной Азии преподают за рубежом. В связи с этим не совсем понятен пессимизм некоторых коллег, сетующих по поводу «маргинализации» центральноазиатских исследований в настоящем или предрекающих снижение интереса к такого рода исследованиям в будущем. Очевидно, что любая сфера гуманитарных исследований, в значительной степени подверженных влиянию интеллектуальной «моды» или текущей политики, рано или поздно обязательно оказывается в маргинальном положении. Но проходит время, и ситуация кардинально меняется, то ли вследствие изменения политической конъюнктуры, то ли в силу институциональных или социальных перемен. Можно поэтому смело утверждать, что нынешний бум в области центральноазиатских и центрально-евразийских исследований закончится нескоро, а если это и случится рано или поздно, то спустя какое-то время в этой области наступит новое возрождение и, возможно, с новой исследовательской повесткой.

Список источников и литературы

1. В Институте истории // Вестник АН СССР. 1953. №1. С. 16–39.
2. Джамгерчинов Б. Присоединение Киргизии к России. М.: Соцэргиз, 1959. 434 с.
3. Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М.: Изд-во МГУ, 1984. 328 с.
4. Мезин С. А. «Завещание Петра Великого»: европейские мифы и российская реальность // Российская история. 2000. № 5. С. 18–26.
5. Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений в четырёх томах. Т. 1. М.: Прогресс, 1995. 518 с.
6. Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии, 1857–1868. М.: Наука, 1960. 186 с.
7. Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России. М.: Наука, 1965. 467 с.
8. Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.
9. Allworth E., ed. Central Asia: A Century of Russian Rule. N. Y.: Columbia University Press, 1967. 385 p.
10. Anonymous. Russia and England in Central Asia: A Problem. N. Y.: American Church Press, 1874. 16 p.
11. Becker S. Russia and the Concept of Empire // Ab Imperio. 2000. № 3–4. P. 329–342.

12. Becker S. *Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1968. 336 p.
13. Becker S. The 'great game': The history of an evocative phrase // *Asian Affairs*. 2012. Vol. 43. No. 1. P. 61–80.
14. Boulger D. *England and Russia in Central Asia*. 2 vols. L.: W. H. Allen & Co., 1879. 348 p. + 427 p.
15. *British Subject. Russia, Central Asia and British India*. L.: Trubner and Co., 1865. 48 p.
16. Brower D. *Turkestan and the Fate of the Russian Empire*. L.: Routledge Curzon, 2003. 183 p.
17. Crews R. D. *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009. 463 p.
18. Dacosta J. *A Scientific Frontier; Or the Danger of a Russian Invasion of India*. L.: W. H. Allen & Co., 1891. 140 p.
19. Demko G. *The Russian Colonization in Kazakhstan, 1896–1916*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1969. 271 p.
20. Edwards H. S. *Russian Projects Against India*. L.: Remington & Co., 1885. 295 p.
21. Ewans M. *Securing the Indian Frontier in Central Asia: Confrontation and Negotiation, 1865–1895*. L.: Routledge Curzon, 2010. 287 p.
22. Geiss P. G. *Pre-Tsarist and Tsarist Central Asia: Communal Commitment and political Order in Change*. L.: Routledge Curzon, 2003. 324 p.
23. Geyer D. *Russian Imperialism: The Interaction of Domestic and Foreign Policy, 1860–1914*. New Haven, CT: Yale University Press, 1987. 381 p.
24. Hanna H. B. *Backwards or Forwards?* Westminster: Archibald Constable and Company, 1897. 174 p.
25. Hanna H. B. *Can Russia Invade India?* Westminster: Archibald Constable and Company, 1895. 132 p.
26. Hopkirk P. *Great Game: On Secret Service in High Asia*. L.: John Murray, 2006. 338 p.
27. Hosking G. *Russia: People and Empire, 1552–1917*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997. 548 p.
28. Kappeler A. *The Russian Empire: A Multiethnic History*. L.: Routledge Curzon, 2013 (русс. пер.: Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М.: Прогресс-Традиция, 2000). 480 p.
29. Kazemzadeh F. *Russia and Britain in Persia, 1864–1914*. New Haven, CT: Yale University Press, 1968. 711 p.
30. Khalid A. *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia*. Berkeley, CA: University of California Press, 1999. 300 p.
31. Knight N. Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? // *Slavic Review*. 2000. Vol. 59. No. 1. P. 74–100.
32. Kunitz J. *Dawn over Samarkand*. N.-Y.: International Publishers, 1935. 355 p.
33. Lehovich D. V. The Testament of Peter the Great // *American Slavic and East European Review*. 1948. Vol. 7. No. 2. P. 111–124.
34. Lewitter L. R. The Apocryphal Testament of Peter the Great // *The Polish Review*. 1961. Vol. 6. No. 3. P. 27–44.
35. Lockhart L. The "Political Testament" of Peter the Great // *The Slavonic and East European Review*. 1936. Vol. 14. No. 41. P. 438–441.
36. MacKenzie D. *Turkestan's Significance to Russia (1850–1917)* // *The Russian*

Review. 1974. Vol. 33. No. 2. P. 167–188.

37. Malleon G. Herat: The Granary and the Garden of Central Asia. L.: W. H. Allen & Co., 1880. 196 p.

38. Marvin Ch. Russians at the Gates of Herat. L.; N. Y.: Frederick Warne and Co., 1885. 185 p.

39. Morrison A. Peasant Settlers and the ‘Civilising Mission’ in Russian Turkestan, 1865–1917 // The Journal of Imperial and Commonwealth History. 2015. Vol. 43. No. 3. P. 387–417.

40. Morrison A. Russian Rule in Samarkand, 1868–1910: A Comparison with British India. Oxford: Oxford University Press, 2008. 364 p.

41. Morrison A. The ‘Turkestan Generals’ and Russian Military History // War in History. 2018. P. 1–32.

42. Pierce R. Russian Central Asia, 1867–1917. Berkeley: University of California Press, 1960. 359 p.

43. Rawlinson H. England and Russia in the East. L.: John Murray, 1875. 393 p.

44. Rodenbough Th. F. Afghanistan and the Anglo-Russian Dispute. S.l., s.a. 76 p.

45. Sahadeo J. Home and Away: Why the Asian Periphery Matters in Russian History // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2015. Vol.16. No. 2. P. 375–388.

46. Sahadeo J. Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2007. 319 p.

47. Said E. W. Orientalism. L.: Clarendon Press, 1978 (рус. пер.: Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006). 368 p.

48. Starr S. F. In Defense of Greater Central Asia. Policy paper, September 2008. Washington, DC: Central Asia – Caucasus Institute, 2008. 14 p.

49. Sunderland W. The “Colonization Question”: Visions of Colonization in Late Imperial Russia // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2000. Bd. 48. H. 2. P. 210–232.

50. Sunderland W. What is Asia to Us?: Scholarship on the Tsarist “East” since the 1990s // Kritika. 2011. Vol. 12. No. 4. P. 817–833.

51. The Russian Research Center, Harvard University. The Third Decade: 1968–69 Through 1977–78. Cambridge, MA: Harvard University Press, s.a. 94 p.

52. Yapp M. The Legend of the “Great Game” // Proceedings of the British Academy. 2001. Vol. 111. P. 179–198.

А. Д. Васильев
(ИБ РАН, РИГУ, Москва)

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И ЕЕ ИНТЕРЕСЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ С ГОСУДАРСТВАМИ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

Аннотация: Связи государств Центральной Азии и Османской империи на протяжении длительного исторического периода имели многоплановый и разнородный характер. На развитие взаимоотношений оказывали влияние сначала общие интересы политического и религиозного характера – стремление восстановить политическое единство на территориях, некогда подконтрольных Тимуридам, совместная борьба против Ирана и шиитов, хадж как социокультурный феномен, а

затем попытки создать антироссийский военно-политический альянс.

После присоединения к России контакты населения Центральной Азии с Османской империей не прервались, хотя местным элитам было запрещено вести самостоятельную внешнюю политику. Связи населения региона с Турцией существенно расширились, на смену политическим и дипломатическим связям пришли гуманитарные, культурные и образовательные связи.

Ключевые слова: Османская империя, Бухара, Хива, Коканд, хадж, политические, дипломатические, культурные связи

Связи Османской империи и государств Центральной Азии неоднократно освещались в литературе¹, однако у исследователей отсутствовала единая точка зрения на вопрос об их периодизации. Это объяснялось целым рядом причин: идеологической обусловленностью тех или иных работ, выбором темы для изучения, недостатком материала. Так, ряд исследователей (прежде всего турецких) рассматривали связи Центральной Азии с Османской империей в достаточно обширный период последней четверти XVIII – второй половины XIX вв. Указанные временные рамки обозначались как «период русской оккупации»². В то же время границы указанного периода могли меняться. Поскольку точных отправной и конечной дат для описания данного этапа не имелось, их выбор в конечном итоге зависел от предпочтений автора.

Можно сказать, что одними из немногих, кто пытался внести какую-либо периодизацию в данный вопрос, был турецкий исследователь узбекского происхождения Ахат Андиджан, в своей книге попытавшийся установить четкую периодизацию исторических и культурных связей населения Малой и Центральной Азии. По его мнению, отправной точкой связей стала тюркизация населения Малой Азии, которую он связывал с приходом на ее территорию сельджуков³.

Будучи внерегиональным актором в Центральной Азии, Османская империя, тем не менее, обладала историческими, политическими, социально-экономическими связями с Центрально-Азиатским регионом. Рассмотрение истории отношений Османской империи и государств Центральной Азии в XVIII–XIX вв. было бы неполным без предварительного анализа тех факторов, которые влияли на их многосторонние связи в XV–XVII вв.

¹ Более подробно историю вопроса см.: Васильев А. Д. Знамя и меч от падишаха. Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI – начало XIX вв.). М., 2014. С. 7–48.

² Например, см.: Saray M. Rus İşgali Devrinde Osmanlı Devleti ile Türkistan Hanlıkları Arasındaki Siyasi Münasebetler (1775–1875). Ankara, 1994. М. Сарай определяет период «русской оккупации» с 1775 по 1875 г. Другой турецкий автор, А. Ялчинкая, отсчитывает начало «оккупации» с 1864 г. См.: Yalçinkaya A. Sömürgecilik, Pan-İslamizm Işığında Türkistan. Ankara, 2006. S. 62. Наиболее адекватный турецкий историк А. Андиджан, применяет термин «оккупация» более избирательно, применяя его к последствиям русско-бухарского конфликта 1868 г. и похода на Хиву 1873 г. См.: Andican A. Osmanlı'dan Günümüze Türkiye ve Orta Asya. İstanbul, 2009. S. 215–247.

³ Andican A. Osmanlı'dan Günümüze Türkiye ve Orta Asya. İstanbul, 2009. S. 29–33.

Одним из первых наиболее ярких и острых эпизодов политического взаимодействия Османской империи и Центральной Азии стала борьба Тимура и султана Баязида Йылдырыма за военно-политическое доминирование на постмонгольском пространстве. По всей видимости, именно с этого конфликта и необходимо начинать отсчет политических отношений Османской империи и Центральной Азии.

Значение этого конфликта практически на 200 лет предопределило опасливое отношение османской элиты к попыткам восстановить в Центральной Азии могущественную державу – наследницу империи Тимура¹. Именно поэтому фоном для достаточно успешного военно-политического сотрудничества Шейбанидов и Османов в 1580-х – 1590-х гг. являлось взаимное недоверие, завуалированные упреки, угрозы и борьба за контроль над паломническими маршрутами к святым местам ислама. Право считаться наиболее могущественным государем среди мусульман-суннитов вызывало скрытое соперничество между Бухарой и Стамбулом и оказывало ощутимое влияние на геополитику мусульманских регионов мира XVI в. Захват узбеками Хорасана и разгром Ирана привели бы к появлению на восточных границах Османской империи нового опасного соперника в лице энергичных бухарских правителей. В итоге, по словам Й. Хаммера, при османском дворе политические соображения перевесили религиозную идею².

К началу XVII вв., после падения династии Шейбанидов и отказа Джанидов от идеи захвата бывших тимуридских владений, правители Центральной Азии перестают восприниматься в Османской империи как геополитические конкуренты.

В XV–XVII вв. на связи Османской империи и Центральной Азии, помимо попыток восстановить политическую, экономическую и культурную мощь державы Тимура и Тимуридов, влияли и другие факторы, важнейшим из которых было противостояние с Сефевидами. Военно-политический союз с правителями Бухары начал формироваться в XVI в. именно на основе совместных действий против Сефевидов³. Османь видели угрозу в распространении еретических шиитских взглядов в восточных вилайетах Османской империи Анатолии и не были заинтересованы в усилении Сефевидов, также претендовавших на наследие Тимура⁴. Итогом противостояния Османов и Сефевидов стала общая пограничная линия (более выгодная для Османов), которая менялась и уточнялась вплоть до начала XX в.

¹ История народов Узбекистана. От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции. Под ред. С. В. Бахрушина, В. Я. Непомнина и В. А. Шишкина. Ташкент: Изд-во АН УзССР. 1947. Т. 2. С. 40.

² Hammer J. P. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. 4. S. 201.

³ Feridun Bey, Münşeat-üs Salatin. İstanbul, 1274. C. 1, s. 349.

⁴ Sümer F. Safevi Devletinin Kuruluşu ve gelişmesinde Anadolu Türklerinin Rolü. Ankara, 1976, s. 30–38.

Пик успешной завоевательной политики Шейбанидов в Хорасане пришелся на начало 1590-х гг., причем успех был достигнут благодаря координации военных действий с османскими султанами¹. Однако в результате внутренних смут и династического кризиса Джаниды не смогли в полном объеме продолжать экспансию своих предшественников, и боевые действия против Сефевидов стали ограничиваться набегами на приграничные области. Османским султанам в XVII в. не удалось создать столь же эффективный военно-политический альянс с Джанидами, как и в XVI в. с Шейбанидами. После смерти Абдаллаха в 1598 г. бухарские правители окончательно отказываются от намеченной еще Шейбани-ханом линии на восстановление в тех или иных границах империи Тимуридов.

Интересно, что инициаторами совместных действий первоначально выступали османские правители. Бухарские владыки в обмен на готовность к совместным боевым действиям зачастую требовали военной-технической помощи – ружей и пушек. И в ряде случаев получали подобную помощь². Однако, когда инициатором союза выступали центрально-азиатские правители, османы чаще отказывали им, ссылаясь на действовавшие мирные договоры с Ираном³. Вместе с тем в периоды мира между османами и Сефевидами посольства из Центральной Азии превращались для османского двора в обузу, поскольку посланники иногда в течение месяцев проживали в Стамбуле за счет казны⁴. Взаимные попытки координации боевых действий против Ирана с правителями Центральной Азии продолжалась вплоть до 30-х гг. XVIII в. Последним примером подобной переписки можно назвать просьбы хорезмского правителя Ильбарса II к султану Махмуду I о походе против Надир-шаха⁵. Султан вынужден был отказать, ссылаясь на существовавшие мирные договоры⁶. К началу XVIII в. Османская империя от стратегического наступления переходит к обороне, и стратегия одновременного нападения на Иран с запада и востока теряет свою актуальность. Тем не менее на протяжении XVI–XVII вв. такая стратегия доказала, по крайней мере, свою частичную успешность и состоятельность. Даже если скоординировать выступления не удавалось, иранские правители вынуждены были учитывать «узбекскую» угрозу со

¹ См.: Alberti E. *Relazioni degli ambasciatori veneti al senato*. Firenze, 1840. serie III, volume II, 392–2.

² Мейер М. С. Особенности становления и развития Османской империи. С. 224–225. // В кн.: BASILEUS. Сборник статей, посвященный 60-летию Д. Д. Васильева. М.: ИВРАН, 2007; Howorth H. H. *History of Mongols from the 9th to the 19th Century*. London, 1880. P. 728. Также см.: Hammer, *ibid.*, Bd. 3. S. 424. Orhonlu, Cengiz. *Osmanlı Tarihine Ait Belgeler ve Telhisler. (1597–1607)*. İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi yayınları (Sayı 1511) Edebiyat Fakültesi Basımevi, İstanbul, 1970, S. 79–80.

³ См. Васильев А. Д. Знамя и меч от падишаха. С. 49–111.

⁴ В частности, об этом говорит Хаммер, см.: Hammer J. P. *Op. cit.* S. 288.

⁵ BOA, Name-i Hümayun Defteri, Nr.7, s. 273; BOA, Name-i Hümayun defteri, Nr. 7, 430.

⁶ BOA, Name-i Hümayun defteri, Nr. 7, 436–437.

стороны Хорасана. Однако при заключении мирных договоров с Ираном османская элита руководствовалась принципом государственного эгоизма, не учитывая интересы своих центральноазиатских союзников. Происходило это в силу указанных выше причин, которые можно связать с исторической памятью о поражении от Тимура.

Еще одним важным фактором, оказывавшим влияние на османскую политику на центральноазиатском направлении, была торговля. В XVI в. караванная торговля еще не была полностью вытеснена европейской морской торговлей и была способна приносить выгоду тем, кто контролировал караванные пути с Востока на Запад. Интересно, что на основе сохранившихся в османских архивах документов, подходы Османской империи и Шейбанидов к контролю над торговыми путями с Востока на Запад представляются различными. Порта рассматривала захват Астрахани в контексте военно-политического противостояния с Сефевидами, а торговля и паломничество представлялись второстепенной задачей. В то же время бухарский правитель Абдаллах II считал основной целью захвата Астрахани именно обеспечение безопасного маршрута для торговцев и паломников. По мнению А. Беннигсена и М. Бериндея, после провала попыток захвата Астрахани для Порты связь с Шейбанидами должна была осуществляться через южную часть Каспийского моря. Османское завоевание Южного Азербайджана должно было стать для этого отправным пунктом¹. Однако для этого требовалось создать на Каспии дееспособный флот.

Османские историки Ходжа Садеддин-эфенди и Али Гелиболулу, рассказывая о захвате турками Азова и Кафы, считали их воротами в Черноморский регион для торговцев из Центральной Азии². Прибывавшие туда паломники привозили в основном шёлк, меха, органические красители растительного происхождения (марена), редкие минералы (например, лазурит), пряности. Из Османской империи вывозились различные товары, особо ценились оружие, железные изделия. В османских «дефтерах важных дел» зафиксированы жалобы туркестанских паломников на завышенные налоговые сборы местных чиновников. Османское правительство требовало от бейлербеев Кафы и Азова отказаться от сбора торговых пошлин с хаджи, уезжавших в Центральную Азию³. Это объяснялось тем, что доходы от предназначенных к продаже на территории Османской империи товаров были предназначены для покрытия нужд паломников во время хаджа. Поэтому они не могли облагаться дополнительными налогами. Од-

¹ Беннигсен А., Бериндей М. Астрахань и политика в степях Северного Причерноморья (1587–1588 гг.) // Восточная Европа Средневековья и раннего нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009. С. 200–201.

² Носа Sadettin Efendi. Tacü't-tavarih, с. 3, s. 151. Gelibolulu Ali, Kitabü't Tarih-i Künhü'l Ahbar. С. 1, s. 676.

³ См., например, ВОА, Mühimme defterleri, 24/421 – Распоряжение губернатору Азова (Азака) о запрете взимания торговых пошлин с товаров, привозимых выходцами из Самарканда, Бухары и Мавераннахра. 1573 г.

нако полностью пресечь злоупотребления не удавалось¹. Похожие меры принимались и в отношении тех, кто прибывал в Басру и на побережье Красного моря. Прибывавшие туда паломники из Центральной Азии и из империи Моголов продавали в крупных пограничных портовых городах пряности, ткани, драгоценные камни и другие товары и затем на вырученные средства прибывшие отправлялись в хадж².

Эпоха Великих географических открытий привела к тому, что Центральная Азия из перекрестка мировой торговли Востока и Запада постепенно превратилась в географически изолированный периферийный регион. Политическая раздробленность и периоды междоусобных войн привели к экономическому, социальному и культурному упадку местной жизни. В результате там произошло изменение традиционных торговых маршрутов: вместо направления «Восток–Запад» сформировались торговые маршруты «Север–Юг», которые были призваны скомпенсировать упадок традиционной внешней торговли³.

Британская исследовательница О. Бёртон хорошо описала процесс изменения торгово-политических приоритетов правителей Бухары в XVII – начале XVIII вв. от связей с Османской империей к связям с Москвой и Индией⁴. К началу XVII в. размер караванов из Центральной Азии, прибывавших в Османскую империю, существенно сократился. Количество прибывавших вместе с караваном насчитывало не более ста человек. В основном привозился шёлк-сырец, ковры, пряжа, хлопковые полотна, самаркандская бумага, украшенные серебряными и золотыми нитями ткани, драгоценные камни, специи, растительные краски и фарфор из Китая⁵.

Нередко посланники правителей Центральной Азии в Стамбул являлись одновременно и дипломатами, и торговцами, и паломниками. Продав часть привезенных ими товаров после выполнения непосредственно дипломатической миссии, они испрашивали у османских властей разрешения на паломничество в Мекку и Медину⁶. Несмотря на упадок традиционной караванной торговли и ее переориентацию на торговлю с Россией, совмещение дипломатических торговых и ритуальных функций предста-

¹ Yücel Öztürk. Osmanlı Hakimiyetinde Kefe. 1475–1600. Kültür Bakanlığı Yayınları, Ankara, 2000. S. 289–290.

² Casale G. The Ottoman Administration of Spice Trade in the Sixteenth Century Red Sea and Persian Gulf // Journal of the Economic and Social History of the Orient, 49/2 (2006). P. 185.

³ В частности см.: Simkin F. The Traditional Trade of Asia. Oxford University Press, New York, 1968.

⁴ Burton, A. The Bukharans. A dynastic, Diplomatic and Commercial History. 1550–1702. Curzon Press, Surrey, 1997.

⁵ Burton, The Bukharans... P. 435.

⁶ Такое смешение функций посольств из Центральной Азии стало причиной определенного иронического оттенка в работах некоторых турецких историков, недоумевавших, за что этим послам оказываются такие почести и почему они живут месяцами за счет казны, приведя султану в подарок всего лишь каких-то тощих лошадей. См.: Tarih-i Cevdet, C. 5, S. 368.

вителями ханств Центральной Азии продолжалось и в XIX в.¹

В отличие от торговли, хадж как культурный феномен сохранил свое значение вплоть до начала Первой мировой войны. Османская политическая элита в последней четверти XIX – начале XX вв. использовала хадж как инструмент гуманитарного влияния на мировую мусульманскую общину. Значительная часть мусульман мира проживала на территориях, входивших в состав мировых империй – Англии, Франции, России. Симпатии, сочувствие и моральная поддержка местных мусульман были важны для выживания Османской империи, оставшейся в их глазах единственным оплотом ислама перед лицом европейской экспансии. Панисламистская политика Османской империи, направленная в том числе и на туркестанских мусульман, заключалась в поддержке веры мусульманского населения всего мира в то, что Османская империя – последняя защитница мусульман перед лицом европейской христианской экспансии. Начиная с периода правления султана Абдулазиза (1861–1876), Порты пыталась широко пропагандировать факты помощи приезжавшим по различным причинам из Туркестана улемам, шейхам и представителям ученого сословия². Абдулхамид II (1876–1909) также призывал местную администрацию оказывать всевозможную помощь паломникам во время хаджа³. В меру имеющихся возможностей османские власти оказывали им содействие, стремясь завоевать их расположение и зарождая в них чувство симпатии к Османской империи⁴.

Широко практиковалась поддержка тех улемов и шейхов, которые прибывали в Турцию из Центральной Азии, а также покровительство членам правящих династий, кланов. Наиболее выдающиеся представители получали аудиенцию у падишаха, а также награждались почетными званиями, денежными наградами, представлялись к османским орденам⁵. Подобная деятельность была направлена на формирование среди местных элит симпатий к Турции, которые можно было бы использовать в противовес европейским устремлениям к разделу Османской империи.

Активные культурные и религиозные связи привели к формированию на территории Стамбула целого ряда суфийских текке, получивших название «узбекских», «бухарских» или «кашгарских». Названия зачастую отражали этногеографическую принадлежность своих основателей. Насто-

¹ Васильев А. Д. Знамя и меч от падишаха. С. 287–297.

² Saray M. Rus İşgali Devrinde Osmanlı Devleti ile Türkistan Hanlıkları Arasında Siyasi Münasebetler (1775–1875)/ S. 103, 105.

³ См.: BOA, Y.A.HUS., дело № 212, файл 60.

⁴ BOA, İrade-i Meclis-i Vükela, 23450 (О выдече бухарскому шейху Абдулкерим-эфенди и афганскому шейху Шехабэттин-эфенди 5000 и 4000 курушей на проезд соответственно).

⁵ Например, см. BOA, А.МКТ.МНМ. Дело № 481, файл 46. О назначении именной пенсии от имени султана временно проживающему в Конье бухарцу Абдулхамиду-эфенди; BOA, Y.PRK.UM. Дело № 21, файл 72. О приеме в султанском дворце Ахунд Джана, одного из шейхов Бухары, временно проживающего в Медине и т. п.

ятели подобных текке могли играть важную роль в османской дипломатии. Шейхи целого ряда суфийских «узбекских» текке братства Накшбандийа в Стамбуле играли роль политических консультантов и переводчиков в случае прибытия посланников из Центральной Азии¹. Зачастую, в случае жалоб правителей Коканда или Хивы на эмиров Бухары, эти шейхи занимали пробухарскую позицию, оказывая влияние на выработку решения османскими чиновниками².

В последней четверти XVIII – первой половине XIX в. фактор России в отношениях Османской империи и ханств Центральной Азии (особенно Бухары) приобретает стратегическую значимость. Происходит это на фоне успешной борьбы России с Османской империей за Крым. Следует отметить, что ни в XVI, ни в первой половине XVII вв. Москва и ее политика не воспринимались в Османской империи как угроза ее жизненным интересам. Первые османские предложения правителям Центральной Азии выступить против Москвы появляются лишь в конце XVII в.³, и их можно трактовать как превентивно-оборонительные. Однако военные поражения русско-турецких кампаний последней четверти XVIII в. приводят османскую элиту к мыслям о создании более действенного антироссийского военно-политического альянса с Бухарой⁴. Интересно, что и российский власти, и правители Центральной Азии, и османские султаны в конце XVIII – начале XIX вв. по-разному видели будущее многосторонних отношений. Россия преследовала геостратегические и экономические интересы, пытаясь при помощи установившихся контактов с Бухарой и апеллируя к авторитету султана как халифа, открыть торговый путь на юг в Индию⁵. Бухарские ханы и элиты стремились наладить выгодную торговлю с Россией, одновременно заручившись ее поддержкой для организации хаджа. Хива и Коканд были объектами российской стратегии в Центральной Азии и соперниками в борьбе за влияние на кочевое население степей современного Казахстана. Османы же в моменты кризисов в российско-турецких отношениях стремились использовать прежде всего Бухарское ханство как военно-политического союзника в борьбе с Россией. Подобные попытки наблюдаются на протяжении всей первой половины XIX в., вплоть до мо-

¹ Одна из наиболее детальных работ на эту тему: Zarcone, Thierry. *Histoire et croyances des derviches turkestanais et indiens à Istanbul // Anatolia Moderna, Derviches et Cimetières Ottomans*, vol. II, Paris, 1991 P. 137–200.

² Васильев А. Д. *Знамя и меч от падишаха*. С. 175.

³ ВOA, Name-i Hümayun Defteri, Nr.5, s. 72–77. В 1688 г. хан Хорезма Мухаммед-Эренк (1687–1688) (в османском документе упомянут как Орнек Багатур) предложил султану свою помощь в борьбе с неверными «франками» и желал лично участвовать в войне. В ответ султан поблагодарил хана за рвение и сообщил, что был бы признателен хану, если тот сумеет защитить Крым в случае наступления русских войск в то время, как крымский хан помогает султану в Европе.

⁴ См.: Васильев А. Д. *Указ. соч.* С. 99–101.

⁵ Васильев А. Д. *Знамя и меч от падишаха*. С. 101–107.

мента превращения Бухарского эмирата в российский протекторат.

Интересно, что заложенная еще в XVI в. традиция обращаться именно к правителям Бухары как наиболее влиятельным и сильным в Центральной Азии продолжилась и в XIX в. Переписка с ханами Хивы и отдельными представителями династии Шейбанидов носила эпизодический характер. Ситуация, однако, менялась в XIX в., когда на территории Центральной Азии окончательно оформились три независимых владения: Хивинское и Кокандское ханства и Бухарский эмират. Распад некогда единого культурного и политического постмонгольского пространства привнес в отношения с Османской империей дополнительный фактор – фактор легитимности. Он заключался в том, что центральноазиатские правители обращались к султану с просьбами подтвердить их право владеть завоеванными территориями или районами, населенными кочевым населением. Письма от султана становились дополнительным инструментом придания легитимности собственной власти и иногда, вне зависимости от их содержания, трактовались как несомненный факт международного признания со стороны самого могущественного мусульманского правителя тогдашнего мира.

В XIX в. политика Коканда, Хивы и Бухары в отношении Османской империи в XIX в. различалась в зависимости от конкретной политической ситуации и интересов правящих ханов и эмиров. Накопленный фактический материал позволяет сделать выводы о том, какие интересы преследовали Коканд, Хива и Бухара, отправляя посольства в Стамбул.

Бухарское ханство и его правители по традиции являлись основными визави османских султанов в Центральной Азии. Эмир Хайдар (1800–1826) неоднократно отправлял своих представителей в Стамбул. Согласно турецким архивным документам, основными вопросами, которые волновали его посланников, было международное признание власти эмира, легитимация власти эмира над подвластными ему территориями¹. С 1816 г. к данному кругу тем добавились просьбы эмира о присылке ему религиозной литературы, которые удовлетворялись, как минимум, трижды: в 1818, 1820 и 1826 гг.² В 1819 г. эмир Хайдар обратился к султану с просьбой принять под защиту Бухарский эмират. Эта просьба была обусловлена сложной внутри- и внешнеполитической ситуацией вокруг эмирата³. При обсуждении просьбы эмира Хайдара османские чиновники пришли к выводу, что в случае удовлетворения его просьбы, султанское правительство будет испытывать сложности, аналогичные тем, которые возникали с

¹ Там же. С. 112–136.

² Васильев А. Д. Знамя и меч от падишаха. С. 125, 130, 135–136.

³ Ее характеризовали изнурительные войны с Кокандом, набегами хивинского хана Эльтузера и мятежными правителями отдельных регионов – Шехрисябза, Балха, Мерва, напряженная внутренняя ситуация – см.: Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии. М.: Издательство Восточной Литературы, 1958. С. 134–137.

Францией из-за Алжира¹.

Эмир Насрулла (1827–1860) стремился заручиться османской дипломатической поддержкой при планировании боевых действий против Коканда и Хивы. Его посланник, прибывший в Стамбул в 1837 г., просил разрешения султана подавить мятежи в Мавераннахре и Балхе, причем османские чиновники понимали, что данные территории являлись частями Хивинского и Кокандского ханств². В то же время, впервые в XIX в., османские султаны обратились к эмиру с просьбой помиловать арестованных в Бухаре англичан – Ч. Стоддарта и А. Конолли³. Переписка шла на протяжении 1841–1844 гг. и вызвала определенное раздражение бухарского эмира⁴. Из османской переписки о бухарских посольствах 1840-х – 1850-х гг. становится понятно, что правители Коканда и Бухары на фоне длительных военных конфликтов между собой вели активную дипломатическую борьбу за моральную поддержку султана. Кокандский хан и бухарский эмир стремились заручиться письмами, драгоценными дарами и реликвиями от падишаха, которые бы укрепили их престиж в глазах местного населения в борьбе за территориальный контроль⁵. Османское правительство в данной ситуации пыталось выступать в роли миротворца, призывая правителей прекратить вражду и сохранить единство мусульманской общины⁶.

В правление эмира Сейида Музаффар-эд-Дина (1860–1885) османское правительство снова выступило в качестве заступника итальянцев, попавших под арест в Бухаре⁷. Однако их освобождению больше способствовали жесткие и решительные меры генерал-губернатора Оренбурга А. П. Безака и русского правительства⁸. Основное содержание османско-бухарской переписки в указанный период посвящено противостоянию с Россией. Бухарский эмир после начала боевых действий с русскими войсками намеревался создать антироссийский альянс с участием Великобритании и Османской империи, однако ему это не удалось⁹. После поражения и заключения мира с Россией эмир просил султана выступить посредником между ним и российским правительством. Предполагалось, что султан

¹ Васильев А. Д. Указ. соч. С. 128.

² Там же. С. 137–138.

³ Всего было обнаружено 8 писем султана к эмиру. Часть была опубликована на русском языке – см.: Васильев А. Д. Турецкий султан и пленные англичане в Бухаре. Османский документ из переписки об освобождении арестованных в Бухаре британских агентов Чарлза Стоддарта и Артура Конолли // Исторический вестник. Россия и мусульманский мир. Том 11 (158). Март 2015 г. С. 250–255.

⁴ См. Васильев А. Д. Знамя и меч от падишаха. С. 140–142.

⁵ Там же. С. 142–145.

⁶ Там же. С. 142–143.

⁷ Там же. С. 145–147.

⁸ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М., 2003. С. 144; Васильев А. Д. Указ. соч. С. 147–148.

⁹ Васильев А. Д. Знамя и меч от падишаха. С. 149–150.

направит необходимые для модернизации ханства материалы и специалисты. А само ханство станет буфером между британской и российской сферами влияния. Однако османское правительство не сочло эти предложения выполнимыми из-за боязни осложнения дипломатических отношений с Россией¹.

После 1873 г. в османских архивах нами не было обнаружено сведений об официальной дипломатической переписке с эмиром. Однако, несмотря на официальный запрет царской администрации на ведение самостоятельных внешнеполитических акций, связи продолжались на уровне личных контактов – между различными османскими министерствами и частными лицами, проживавшими на территории ханств или выходцами из ханств, находившимися на территории Османской империи. Письма такого характера отмечены нами в 1895 и 1899 гг. Таким образом, для бухарских эмиров при установлении двусторонних отношений с Турцией в качестве приоритетных были, прежде всего, культурно-религиозные связи, легитимация власти и политико-дипломатическая поддержка.

Кокандские ханы также вели активную переписку с османскими султанами вплоть до ликвидации ханства. Омар-хан (1809–1822) был первым ханом Коканда, начавшим активную переписку с Махмудом II (1808–1839). В 1820 г. он просил у турецкого султана признать его султанским наместником и прислать ему символы власти – знамя, меч и письмо, в котором султан признавал бы его притязания². Интересно, что в подарок султану Омар-хан отправил помимо диванов Лютфи и Навои свой собственный сборник стихов «Мухаббат-нама», написанный им под псевдонимом «Амири». Таким образом он хотел показать свою принадлежность к династии Тимуридов и высокое положение среди классиков тюркской поэзии³. Он, вероятно, пытался пригласить турецких мастеров и оружейников в Коканд, но неудачно⁴. Неудачный исход посольства был обусловлен тем, что бухарские улемы в Стамбуле описали Коканд как пример сецессии от Бухары⁵.

Несмотря на первую неудачу, следующие посольства, отправленные ханом Мухаммедом Али (1822–1842) в 1829 и 1832 гг., по всей видимости, были более удачными. Полученные в результате султанские дары

¹ Там же. С. 154–165.

² Там же. С. 174–176.

³ Эркинов А. Рукопись на службе геополитики Кокандского ханства: Мухаббат-нама как дипломатический подарок Умар хана (1810–1822) османскому султану Махмуду II (1808–1839) // Локальное наследие и глобальная перспектива: «традиционализм» и «революционизм» на Востоке. XXVII Международная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 2013. С. 109–110.

⁴ Togan Z. V. Bugünkü Türkili (Türkistan) ve Yakın Tarihi. Cilt 1. Batı ve Kuzey Türkistan. İstanbul, Enderun Kitabevi, 1981. S. 213, 216.

⁵ Васильев А. Д. Знамя и меч от падишаха. С. 175–176.

свидетельствовали о признании независимости ханства и вызвали ревность эмира Насруллы¹. Дары и поздравительные письма от султана также использовались Худояр-ханом в междоусобной борьбе за кокандский престол с Малла-ханом, но тот отказался признать религиозное верховенство султана².

Достаточно типичной для кокандских ханов просьбой была отправка в ханство специалистов по металлургии и горнорудным промыслам, а также военных специалистов для обучения местных войск. Подобные темы поднимались кокандскими посольствами в 1820, 1838, 1848, 1861 и 1868 гг. Однако все они закончились безрезультатно³. Переписка 1868 г. между султаном и кокандским ханом стала фактически последним эпизодом официальных дипломатических отношений. После этого времени документов, подтверждающих официальные дипломатические связи кокандских ханов и султанов, не было обнаружено. Таким образом, на первом плане для кокандских ханов в их отношениях с султанами первоначально было получение «международного» признания со стороны крупнейшего независимого мусульманского правителя. Впоследствии, после получения подобного признания, на первый план выходят обусловленные сложной внешнеполитической (для Коканда) ситуацией требования военной и технологической модернизации.

Отношения хивинских ханов и османских султанов были не такими яркими и насыщенными, как с правителями Бухары и Коканда. Имеются данные о 4-х хивинских посольствах в Стамбул от ханов Аллакули (1825–1842), Мухаммеда Эмина (1845–1855), Сейида Мухаммеда (1856–1865) и Сейида Мухаммеда Рахима (1865–1910)⁴. Посольства совпадали по времени с эпизодами русско-хивинских конфликтов и апеллировали к помощи и заступничеству султана. Для хивинских ханов дипломатическая поддержка Османской империи в противостоянии с Россией играла первостепенную роль.

Особое место в отношениях Османской империи и государств Центральной Азии занимает история отношений Стамбула и Кашгара. Созданное выходцем из Коканда Якуб-беком государство Джетишаар в Восточном Туркестане стало единственным в своем роде, получившим существенную турецкую военную, материальную и политическую поддержку. Однако, поскольку отношениям Джетишаара и Османской империи будет посвящена отдельная статья, в данном случае лишь кратко упомянем об их активном развитии в 1860-х – 1870-х гг.

После упразднения Кокандского ханства, превращения Бухарского эмирата и Хивинского ханства в российские протектораты, контакты населения Центральной Азии с Османской империей не прервались, хотя мест-

¹ Там же. С. 180–181.

² Набиев Р. Н. Из истории Кокандского ханства, С. 56, 268, 288.

³ См.: Васильев А. Д. Знамя и меч от падишаха. С. 172–214.

⁴ Более подробно см.: Васильев А. Д. Знамя и меч от падишаха. С. 215–226.

ным элитам было запрещено вести самостоятельную внешнюю политику. Связи региона с Турцией в конце XIX – начале XX вв. осуществлялись на уровне межличностных персональных контактов представителей элит и продолжались до 20-х гг. XX в. Основной формой контактов стали культурно-гуманитарные связи. Благодаря включению Бухары в российскую транспортную сеть для местного населения существенно расширились возможности совершения хаджа. Распространение периодической печати способствовало более детальному и широкому ознакомлению местного населения с происходящим в Османской империи и мусульманском мире в целом. После младотурецкой революции Османская империя стала определенным образцом общественных и государственных реформ, введения конституции и законодательного ограничения власти местных правителей. Османская империя стала и просветительско-образовательным центром, который притягивал наиболее прогрессивных представителей центрально-азиатской интеллигенции и предоставлял возможность представителям местной молодежи получить относительно современное образование в крупнейшем мусульманском университете того времени. Однако Первая мировая война, распад Османской империи и социально-политические потрясения в Центральной Азии коренным образом изменяют характер традиционного взаимодействия.

Список источников и литературы¹

1. Беннигсен А., Бериндей М. Астрахань и политика в степях Северного Причерноморья (1587–1588 гг.) // Восточная Европа Средневековья и раннего нового времени глазами французских исследователей. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. 428 с. С. 194–213.
2. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М.: Восточная литература, 2003. 320 с.
3. Васильев А. Д. Знамя и меч от падишаха. Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI – начало XIX вв.). М.: ИВ РАН, 2014. 354 с.
4. Васильев А. Д. Турецкий султан и пленные англичане в Бухаре. Османский документ из переписки об освобождении арестованных в Бухаре британских агентов Чарлза Стоддарта и Артура Конолли // Исторический вестник. Россия и мусульманский мир. Том 11 (158). Март 2015 г. С. 250–255.
5. Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии. М.: Издательство Восточной Литературы, 1958. 247 с.
6. История народов Узбекистана. От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции. Под ред. С. В. Бахрушина, В. Я. Непомнина и В. А. Шишкина. Ташкент: Изд-во АН УзССР. 1947. Т. 2. 514 с.
7. Мейер М. С. Особенности становления и развития Османской империи // BASILEUS. Сборник статей, посвященный 60-летию Д. Д. Васильева. М.: ИВ РАН, 2007. С. 222–239.
8. Набиев Р. Н. Из истории Кокандского ханства (феодалное хозяйство

¹ BOA – Başbakanlık Osmanlı Arşivi (Османский архив Кабинета премьер-министра).

Худояр-хана). Ташкент: Фан, 1973. 388 с.

9. Эркинов А. Рукопись на службе геополитики Кокандского ханства: Мухаббат-нама как дипломатический подарок Умар хана (1810–1822) османскому султану Махмуду II (1808–1839) // Локальное наследие и глобальная перспектива: «традиционализм» и «революционизм» на Востоке. XXVII Международная конференция по историкоисследованию и историографии стран Азии и Африки. Тезисы докладов. СПб.: Восточный фак. СПбГУ, 2013. 430 с. С. 109–110.

10. Alberti E. Relazioni degli ambasciatori veneti al senato. Firenze, 1840. Serie III, volume II. 488 p.

11. Andican A. Osmanlı'dan Günümüze Türkiye ve Orta Asya. İstanbul: Doğan Kitap, 2009. 625 s.

12. BOA, Name-i Hümayun Defteri, Nr.7, 273.

13. BOA, Name-i Hümayun Defteri, Nr.7, 430.

14. BOA, Name-i Hümayun Defteri, Nr.7, 436–437.

15. BOA, Mühimme Defterleri, 24/421.

16. BOA, Y.A.HUS., d. 212, g. 60.

17. BOA, İrade-i Meclis-i Vükela, 23450.

18. BOA, A.MKT.MHM. d. 481, g. 46.

19. BOA, Y.PRK.UM. d. 21, g. 72.

20. BOA, Name-i Hümayun Defteri, Nr.5, s.72–77.

21. Burton A. The Bukharans. A dynastic, Diplomatic and Commercial History. 1550–1702. Surrey: Curzon Press, 1997. 664 p.

22. Casale G. The Ottoman Administration of Spice Trade in the Sixteenth Century Red Sea and Persian Gulf // Journal of the Economic and Social History of the Orient, 49/2 (2006). P. 170–198.

23. Feridun Bey, Münşeat-üs Salatin. İstanbul, 1274. Cilt.1. 652 s.

24. Gelibolulu Ali, Kitabü't Tarih-i Kühnü'l Ahbar. Kayseri, 1997. Cilt.1. 697 s.

25. Hammer J. P. Geschichte des osmanischen Reiches. Pest: C.A. Hartlebens Verlage, 1833. 694 s.

26. Hoca Sadettin Efendi. Tacü't-tavarih. Kültür Bakanlığı Yayınları, İstanbul, 1978. Cilt.3. 401 s.

27. Howorth H. H. History of Mongols from the 9th to the 19th Century. London: Longmans, Green and Co, 1880. 627 p.

28. Orhonlu Cengiz. Osmanlı Tarihine Ait Belgeler ve Telhisler. (1597– 1607). İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi yayımları (Sayı 1511). İstanbul: Edebiyat Fakültesi Basımevi, 1970. XXIX, 149 s.

29. Saray M. Rus İşgali Devrinde Osmanlı Devleti ile Türkistan Hanlıkları Arasındaki Siyasi Münasebetler (1775–1875). Ankara: TTK Yayınları, 1994. I-VIII, 188 p.

30. Simkin F. The Traditional Trade of Asia. London, New York, Toronto: Oxford University Press, 1968. XIV, 417 p.

31. Sümer F. Safevi Devletinin Kuruluşu ve gelişmesinde Anadolu Türklerinin Rolü. Ankara, TTK Yayınları, 1976. 270 p.

32. Tarih-i Cevdet. İstanbul, Sabah - Üçdal, 1973. Cilt.5. 512 s.

33. Togan Z. V. Bugünkü Türkili (Türkistan) ve Yakın Tarihi. Cilt 1. Batı ve Kuzey Türkistan. İstanbul: Enderun Kitabevi, 1981. C. 1. 696 s.

34. Yalçinkaya A. Sömürgecilik, Pan-İslamizm Işığında Türkistan. Ankara: Lalezar Kitabevi, 2006. 528 s.

35. Yücel Öztürk. Osmanlı Hakimiyetinde Kefe. 1475–1600. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 2000. 570 s.

36. Zarcone Thierry. Histoire et croyances des derviches turkestanais et indiens à Istanbul // *Anatolia Moderna, Derviches et Cimetières Ottomans*, vol. II, Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient, Adrien Maisonneuve, Jean Maisonneuve Successeur, 1991. P. 137–200.

О. О. Лисенков
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

ПОЛИТИКА ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XIX В.: К ИСТОРИИ ВОПРОСА¹

Аннотация: В статье рассматривается внешняя политика Германской империи в конце XIX века в Центральной Азии, основой которой был колониализм, который обосновывался в рамках двух идеологических концепций. Первая концепция предполагала, что колонии обеспечивают государство рынками сбыта и редкими ресурсами, вторая концепция предлагала воссоздание традиционного общества на захваченных иностранных территориях. Центральная Азия, богатая природными и человеческими ресурсами, осваивалась Германией в духе политики экономического колониализма, так как присутствие в этом регионе Российской империи и Великобритании делало невозможным прямой захват территорий. Германия использовала дипломатию и экономические инструменты для оказания влияния на центральноазиатские страны (Индию, Иран, Афганистан). В итоге удалённость региона от Европы, политическое и экономическое противодействие со стороны Британии и России определили низкую эффективность политики Германской империи в Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, Германская империя, колониализм, внешняя политика, XIX век.

Идеи, лежащие в основе внешней политики Германской империи, возникшей в 1871 году в результате объединения немецких земель после войны между Пруссией и Францией, как отмечает американский историк Нина Берман, «имели в своей основе исторические и культурные корни»². Второй рейх под руководством канцлера Пруссии Отто фон Бисмарка (1815–1898) первоначально был сосредоточен на решении «немецкого вопроса» в Европе, тогда как собственно политика захвата заморских территорий в качестве колоний становится важной частью внешнеполитической стратегии Германской империи, начиная с 1880-х гг. Цели и принципы этой колониальной политики обосновывались исторически, так как в немецком государстве необходимость в колониях аргументировалась, как отмечает американский историк Вудро Смит, «в рамках двух противобор-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

² Berman N. *German Colonialism Revisited: African, Asian, and Oceanic Experiences*. US: University of Michigan Press, 2014. P. 5.

ствующих идеологических концепций, появившихся в первой трети XIX века»¹.

Первая концепция эмиграционного (переселенческого) колониализма предполагала, что заграничные территории должны заселяться немецкими гражданами, которые на новом месте становились бы фермерами. Это должно было решить ряд социальных проблем, порождённых развитием либеральной рыночной экономики². В частности, проблему массовой эмиграции немецкого населения в США и другие страны. Колонии-поселения должны были поддерживать культуру немецких переселенцев (культуру традиционного аграрного общества), а также сохранять их вклад в экономику государства. Переселение политически активных групп из Германии в такие колонии должно было уменьшить вероятность революционных потрясений. Эффективность колоний необходимо было оценивать не по экономическим показателям, а по ожидаемым социальным последствиям для государства.

Эта концепция базировалась на традиции немецкого романтизма и идеях политического деятеля Ганса фон Гагерна (1766–1852) и правоведа Роберта фон Моля (1799–1875), которые считали индустриализацию неотвратимым экономическим процессом, негативные последствия которого (например, разрушение крестьянских хозяйств) можно смягчить, создав на заграничных территориях доиндустриальное общество, состоящее из не приспособившихся к новым реалиям слоёв населения.

Основоположником второй концепции – экономического колониализма, можно считать экономиста Фридриха Листа (1789–1846)³. Он рассматривал колонии в качестве придатков торгового и промышленного секторов немецкой экономики. Колонии были необходимы, чтобы поощрять и охранять торговые маршруты редких материалов, не доступных в Европе, стимулировать торговлю с местным населением. При этом вмешательство государства ограничивалось общим управлением. Однако никакого центрального регулирования колониями не предусматривалось. Колонии в такой схеме обеспечивали государство рынками сбыта и снабжали индустриальный центр ресурсами, соответственно, наличие колоний рассматривалось как залог экономической и политической силы страны. Такая аграрная колониальная периферия должна была поставлять в развитый центр еду и редкие материалы, из которых потом создавались промышленные товары. Лист полагал, что таким образом можно превратить Германию в индустриальную державу, свободную от экономического и политического влияния Великобритании.

Особенно актуальной дискуссия между сторонниками обеих кон-

¹ Smith W. D. The Ideology of German Colonialism, 1840–1906 // The Journal of Modern History. 1974. No 4. P. 641.

² Smith W. D. The Ideology of German Colonialism, 1840–1906 // The Journal of Modern History. 1974. No 4. P. 642.

³ Ibid. P. 644.

цепций стала в контексте экономической депрессии в Германии в 1873–1877 гг. Элитные группы, которые придерживались концепции Фридриха Листа, считали причиной депрессии перепроизводство товаров в экономике. Поэтому для решения этой проблемы было предложено увеличить объёмы экспорта на мировом рынке, в основном за счёт колониальных владений. Конечной целью такой политики являлось, по мнению нидерландского историка Киса ван Дейка, «повышение доходности немецкой промышленности и сокращение вероятности революционного взрыва»¹. Крупные финансовые магнаты и собственники требовали от правительства введения протекционистских тарифов по отношению к немецким товарам, государственных вложений в частные предприятия, обеспечения преимуществ для национальных компаний на мировом рынке.

Канцлер Отто фон Бисмарк согласился с частью требований экономической элиты, посчитав их обоснованными и выполнимыми². Однако это произошло только в начале 1880-х годов, так как до этого времени Бисмарк считал, что государство не окрепло в военном и экономическом планах. Кроме того, общество первоначально скептически относилось к идее создания зарубежных колоний. Только после значительного экономического спада в 1873 году, а также из-за роста безработицы и бедности активизировалась поддержка политики колониализма³. Колониальное движение в среде среднего класса имело в своей основе идеи, взятые из концепции эмиграционного колониализма, согласно которым на зарубежных территориях можно воспроизвести «старый» образ жизни: аграрное традиционное общество вместо промышленного производства. В результате этого Бисмарк, осуществляя политику захвата колоний, имел широкую поддержку элитных групп, которые стремились увеличить своё благосостояние с помощью государства и среднего класса, разочаровавшегося в индустриализации и либеральной рыночной экономике.

Начало колониальной политики относится к периоду 1883–1885 гг., когда Германия с помощью военного флота заняла и объявила своими протекторатами Новую Гвинею (Тихоокеанский регион), Того, территорию Юго-Западной Африки (Намибию), Камерун, а также часть Восточной Африки (Танзанию)⁴. В скором времени надежды немецкого истеблишмента на высокую доходность колоний без значительных вложений государства не оправдались: торговые компании не стремились управлять вверенными им территориями, а денежные потери правительства не пере-

¹ Van Dijk K. *Pacific Strife: The Great Powers and their Political and Economic Rivalries in Asia and the Western Pacific 1870–1914*. Netherlands: Amsterdam University Press, 2015. P. 99.

² *Ibid.* P. 100.

³ Smith W. D. *The Ideology of German Colonialism, 1840–1906* // *The Journal of Modern History*. 1974. No 4. P. 645.

⁴ Berman N. *German Colonialism Revisited: African, Asian, and Oceanic Experiences*. US: University of Michigan Press, 2014. P. 8.

кывались доходами от колониальных владений¹. Кроме того, захваченные Германией территории из-за непривычного для европейцев климата плохо подходили для сельскохозяйственной деятельности. Поэтому интересы Германской империи в дальнейшем распространялись преимущественно в рамках Евразийского континента.

Надо отметить, что к моменту активизации Германии как крупного игрока на международной арене колониальный передел мира в общих чертах уже был завершен. Поэтому империя Бисмарка не могла расширять свои заграничные территориальные владения, не наталкиваясь на сопротивление других государств: Великобритании, Франции, России, Нидерландов. Одним из таких регионов, в котором Германская империя встретила сопротивление других держав, стала Центральная Азия.

Интересы Германской империи простирались на Центральную Азию, которая, по мнению отечественного историка Владимира Ряполова, включает: «северо-восточную пограничную область Ирана (горный хребет Копетдаг), северные районы Афганистана (Афганский Туркестан) и Индии (Кашмир, Пенджаб), а также северо-западную провинцию Китая Синьцзян (Восточный Туркестан) с городами Кашгар и Кульджа»². И для этого было несколько причин³. Одной из самых важных является пересечение в этом регионе большого количества торговых путей, в том числе знаменитого Великого шёлкового пути». Контроль над этой территорией давал весомые преимущества для торговой деятельности, а огромная численность населения (рынки сбыта и трудовые ресурсы) вместе со значительными природными ресурсами обещали большую экономическую выгоду, чем Африканские колонии.

Германия при проникновении в данный регион была ограничена в своих методах из-за присутствия в нём крупных сил в лице Великобритании и России. Реализация стратегии постепенного проникновения немецкого капитала и культуры в страны Центральной Азии осложнялась тем, что политически эти страны были относительно независимыми, а концепция экономического колониализма предполагала захват территорий с последующим их администрированием. Поэтому основными инструментами политической борьбы Германии за центральноазиатские территории стали дипломатия и экономическое влияние⁴.

Дипломатия Второго рейха была нацелена на развитие противоре-

¹ Van Dijk K. *Pacific Strife: The Great Powers and their Political and Economic Rivalries in Asia and the Western Pacific 1870–1914*. Netherlands: Amsterdam University Press, 2015. P. 151.

² Ряполов В. В. *Средняя и Центральная Азия в колониальных планах Германской империи в 1870-е – 1918 гг.*: Автореф... дис. канд. ист. наук. Казань: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2009. С. 4.

³ Там же. С. 18.

⁴ Berman N. *German Colonialism Revisited: African, Asian, and Oceanic Experiences*. US: University of Michigan Press, 2014. P. 15.

чий между Россией и Великобританией при официальной декларации отсутствия своих интересов в Центральной Азии¹. Немецкая разведка и дипломатия вели пропаганду в пользу Германской империи в Афганистане, Иране, Индии. Конечной целью являлось обострение политической обстановки в «азиатских колониях» России и Великобритании с последующим возможным захватом этих территорий немецкой армией. При этом Германия взяла курс на сближение с Османской империей при императоре Вильгельме II (1859–1941) в 1890-х гг., рассчитывая использовать союз с последней для усиления своего влияния в этом регионе. В 1893 году между правительством Османской империи и немецким «Дойче Банком» была заключена концессия, предполагавшая строительство Багдадской железной дороги. Непосредственно договор по поводу строительства дороги был подписан в 1903 году. Эта железная дорога по линии Берлин-Кувейт подрывала позиции Великобритании в Персидском заливе, расширяя возможности экономического влияния Германии в этом регионе, а в случае военного конфликта немецкое командование могло перебросить войска к границам Британской Индии². Однако из-за противодействия Великобритании и начала Первой мировой войны в 1914 году дорога не была достроена.

Кроме того, планировалось строительство железных дорог, которые связали бы Германию с Центральной Азией, Персидским заливом и Малой Азией³. С помощью них немецкое руководство рассчитывало выйти на азиатские колонии России (Туркестан) и Великобритании (Индию), в конечном счете, эти стремления входили в планы создания «Великой Германии». Также немецкие специалисты активно участвовали в строительстве железных дорог в Азиатском регионе. Например, в строительстве линии Закаспийской железной дороги участвовал немецкий инженер Г. Юбель, руководивший постройкой железнодорожного моста в Ходженте⁴.

Что касается отношений с Персидской Империей, то в 1873 году между Германией и Ираном был подписан торговый договор, по которому немецкие коммерсанты и фирмы получили право беспопышной и свободной торговли и право открывать свои представительства в Тавризе и Тегеране. После этого в Иран стали направляться германские научные экспедиции, торговые агенты, проповедники, которые собирали информацию о составе и культуре населения, составляли карты местности. Германская империя, позиционируя себя как «друга» мусульман, старалась донести до

¹ Ряполов В. В. Средняя и Центральная Азия в колониальных планах Германской империи в 1870-е – 1918 гг.: Автореф... дис. канд. ист. наук. Казань: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2009. С. 20.

² Ряполов В. В. Центральная Азия в политике Кайзеровской Германии. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 40.

³ Там же. С. 39.

⁴ Там же. С. 50.

иранцев, что в случае военных конфликтов окажет им военную помощь¹.

В фокусе внимания немецкого руководства также находился русский Туркестан (с центром в Ташкенте), который в 1870–1880-х посещали германские подданные (фотограф Ф. Ганфштенгль, бывший немецкий посол Г. Швейниц и др.). При генерал-губернаторе К. П. фон Кауфмане (в 1870-е годы) в Туркестане селились немецкие колонисты, принимавшие русское подданство. Эти переселенцы (купцы, ремесленники, проповедники) образовывали замкнутые общины, стараясь сохранить немецкие быт и обычаи. В плане вероисповедания колонисты относились к секте меннонитов, реже – к секте адвентистов, что запрещало им нести гражданскую или военную службы. В Туркестанский край переселялись немцы Поволжья (в основном крестьяне), что было обусловлено тяжёлым материальным положением и надеждами на получение земельных участков². Но с 1885 года при новом генерал-губернаторе Н. О. Розенбахе иностранные граждане при попытке посещения Туркестана стали сталкиваться со сложностями. Иностранцам было запрещено владеть здесь собственностью, а для передвижения требовалось множество официальных разрешений.

Однако поток немецких подданных не сократился³. В 1889 году в Туркестан прибыл торговый агент бумажной мануфактуры «Луи Гейер» Г. Мильбитц. В этом же году купец Ф. Зоммер по торговым делам посетил Бухару. Германские военные офицеры Р. Пельман и Г. Гаузер в 1890 году совершили туристическую поездку по Закаспийской железной дороге.

Позже, в 1890-х годах, немецкая компания «М. Нейфельд и Ко» обратилась к туркестанскому генерал-губернатору А. Б. Вревскому с просьбой разрешить агентам компании торговать хлебом в Туркестане и Закаспийской области. Генерал-губернатор не счёл такую просьбу странной, однако против этого выступил генерал А. Н. Куропаткин (начальник Закаспийской области), который полагал, что необходимо сохранить преимущество русских купцов в этом регионе. Поэтому в конечном счёте просьба немецкой компании не была удовлетворена⁴. Но этот случай был одним из немногих, значительно чаще немецким подданным, несмотря на формальные барьеры, удавалось получить разрешение на посещение среднеазиатских территорий Российской империи.

Необходимо отметить, что немецкая разведка с помощью миссионеров распространяла среди мусульманского населения Туркестана идеи панисламизма, формируя у местного населения представление о Германии как «друге» мусульман. В 1890-х годах лютеранские пасторы (Ю. Юргенсен, Я. Крекер, Я. Реймер) проповедовали идеи католичества в Ташкенте, стараясь поднять мусульманское население на антирусское вос-

¹ Там же. С. 35.

² Ряполов В. В. Центральная Азия в политике Кайзеровской Германии. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 42.

³ Там же. С. 43.

⁴ Там же. С. 48.

стание. Аналогичные действия предпринимались в Индии и Афганистане, с той разницей, что там культивировались антианглийские настроения¹.

Дополнительно со странами Центральной Азии велось активное военное сотрудничество. Немецкие военные специалисты обучали местные армии. Немецкие оружейные компании (Маузера, Круппа, Анштутца, Зауэра) в конце XIX века активно продавали оружие Китаю, Ирану, Турции, Афганистану. Например, в 1890-х годах фирма Круппа продала афганскому эмиру Абдурахман-хану несколько десятков пушек и горных орудий, что вызвало недовольство со стороны Великобритании. Помимо этого, в Афганистане турки, выступая союзниками Германской империи, вели прогерманскую пропаганду и распространяли идеи панисламизма, что облегчало работу немецкой разведке².

Что касается экономического влияния, то немецкий капитал проник в Центрально-Азиатский регион сравнительно медленно³. Это объяснялось небольшим сроком существования многих немецких компаний, которые не могли на равных конкурировать с английскими и другими европейскими фирмами. Однако со временем (к концу XIX века) присутствие немецких торговых фирм в странах Центральной Азии увеличилось. С 1870-х годов немецкие предприниматели открывали в Центрально-Азиатском регионе заводы (маслобойный завод И. Краузе в Туркестане), мануфактуры по обработке хлопка в Хиве и Бухаре (А. Каспари). В 1899 году немецкая компания «Братья Нобель» получила от русских властей разрешение на покупку недвижимости в Туркестане, планируя хранить и продавать продукты из нефти. В Асхабаде, Коканде, Мерве немецкие подданные (П. Боркерт, М. Фабер, Г. Бюхнер) открывали пивоваренные мануфактуры⁴.

Одновременно с этим немецкие учёные в рамках своих путешествий по странам Азии изучали местную культуру и историю, обычаи, политические настроения, состав населения. Эти сведения потом использовались разведкой в антирусской и антианглийской пропаганде в этих странах⁵. Так, в 1880-х годах Туркестан посетил немецкий этнолог А. Бастиан, а в 1877 году немецкие ученые во главе с этнологом О. Финшем организовали научную экспедицию в Сибирь, проложив маршрут через Туркестан. В 1890 году началась поездка немецкого философа Курта Бека через За-

¹ Там же. С. 48.

² Ряполов В. В. Центральная Азия в политике Кайзеровской Германии. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 49.

³ Ряполов В. В. Средняя и Центральная Азия в колониальных планах Германской империи в 1870-е – 1918 гг.: Автореф... дис. канд. ист. наук. Казань: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2009. С. 21.

⁴ Ряполов В. В. Центральная Азия в политике Кайзеровской Германии. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 71.

⁵ Smith W. D. The Ideology of German Colonialism, 1840–1906 // The Journal of Modern History. 1974. No 4. P. 659.

каспийскую область, Тибет и северную Индию. Официально декларировалось, что целью поездки является этнографическое исследование Центральной Азии. При этом сам учёный вёл прогерманскую агитацию среди местного населения¹.

Также немецкие миссионеры вели просветительскую деятельность, открывая школы и церкви. Зачастую в целях разведки этих миссионеров сопровождали военные офицеры, которые собирали нужную информацию. Но успешность такой разведывательной и пропагандистской деятельности была невысокой из-за противодействия разведывательных служб Британии и Российской империи. Свою роль сыграла территориальная удалённость Центральной Азии от Европы, большая естественная протяжённость региона, дипломатический и экономический охват которого за несколько десятилетий был проблематичен.

В рамках «азиатской» политики Германская империя продвигала свои интересы и в Китае. За счет экономической и политической слабости Китая, который к концу XIX века прошёл через ряд кризисов (крестьянское восстание тайпинов в 1850-х, Восстание боксёров 1899 года, провал экономических и политических реформ), как считает американский историк Джордж Стейнметц, «страна попала под полное экономическое и политическое влияние крупных европейских держав»². Одновременно с этим влияние на китайское правительство оказывала Япония, которая стремилась присоединить территорию Кореи. Как следствие, навязывание Китаю неравноправного договора со стороны Германии было вопросом времени. В марте 1898 года в китайском городе Циндао были убиты два немецких миссионера, что послужило поводом для оккупации города немецкими военными кораблями. Китай подписал с Германией договор аренды, по которому под немецкий контроль переходили портовый город Циндао и военная база в заливе Киачоу³. Хотя немецкие чиновники провели на занятых территориях земельную и административную реформы, конфликты с местным населением и низкая доходность снизили заинтересованность немецких властей в китайских колониях. В начале Первой Мировой войны (в 1914 году) Циндао и залив Киачоу были захвачены японскими войсками, но немецкое командование посчитало нецелесообразной борьбу с Японией и вывело свои войска с территории Китая.

Таким образом, политика Германской Империи в отношении стран Центральной Азии проводилась под влиянием идей экономического колониализма. Проблемой для освоения региона было присутствие в нём крупных держав – Российской империи и Великобритании, которые активно противодействовали проникновению немецких интересов в Азию. Это

¹ Ряполов В. В. Центральная Азия в политике Кайзеровской Германии. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 78.

² Steinmetz G. Qingdao as a colony: From Apartheid to Civilizational Exchange // Science, Technology and Modernity: Colonial Cities in Asia, 1890–1940. 2009. No 1. P. 3.

³ Ibid. P. 4.

ограничивало возможности влияния Германии экономическими и культурно-пропагандистскими методами. Появление в регионе немецкого капитала было продиктовано экономическими и политическими выгодами, параллельно осуществлялась дипломатическая и разведывательная деятельность, направленная на подрыв политических позиций Британии и России. Конечной целью Германии было превращение Центральной Азии в зависимый регион, удобный для военных операций против британской Индии и Российской империи. Однако удалённость региона от Европы, большая площадь территории и противодействие со стороны других держав определили низкую эффективность политики Германской империи в Центральной Азии и, в конечном счёте, колониальная политика Второго рейха по итогам Первой Мировой войны потерпела неудачу.

Список источников и литературы

1. Ряполов В. В. Средняя и Центральная Азия в колониальных планах Германской империи в 1870-е – 1918 гг.: Автореф... дис. канд. ист. наук. Казань: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2009. 27 с.
2. Ряполов В. В. Центральная Азия в политике Кайзеровской Германии. М.: ИНФРА-М, 2018. 116 с.
3. Berman, N. German Colonialism Revisited: African, Asian, and Oceanic Experiences / N. Berman, K. Mühlhahn, P. Nganang. US: University of Michigan Press, 2014. 349 p.
4. Smith, W. D. The Ideology of German Colonialism, 1840–1906 / W. D. Smith // The Journal of Modern History. 1974. No 4. P. 641–662.
5. Steinmetz, G. Qingdao as a colony: From Apartheid to Civilizational Exchange / G. Steinmetz // Science, Technology and Modernity: Colonial Cities in Asia, 1890–1940. 2009. No 1. P. 2–58.
6. Van Dijk K. Pacific Strife: The Great Powers and their Political and Economic Rivalries in Asia and the Western Pacific 1870–1914 / K. Van Dijk. Netherlands: Amsterdam University Press, 2015. 568 p.

С. И. Ковальская

(ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, Нур-Султан)

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ В XVIII–XIX ВЕКАХ: К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА¹

Аннотация: Статья посвящена анализу казахстанской историографии изучения функционирования дипломатических институтов в Центральной Азии в XVIII–XIX веках. Будет прослежена степень изученности института династического брака, дани, заложничества, титулования, вассалитета, которые составляли важнейшую часть дипломатии таких государств, как Россия и Китай, активно присутству-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культуры имени Льва Толстого.

ющих в Центрально-Азиатском регионе в указанный период. Становление данных институтов стало результатом слияния нескольких дипломатических школ: тюркской, монгольской, китайской, российской, европейской. К анализу будут привлечены труды ведущих казахстанских историков и международных – М. Х. Абусейитовой, Х. М. Абжанова, Г. Б. Избасаровой, Д. М. Мажденовой, А. М. Кусайиновой, К. Ш. Хафизовой и многих других.

Ключевые слова: международные отношения, дипломатические институты, династический брак, дань, аманат, титулование, вассалитет, Центральная Азия, историография.

Проблемы истории международных отношений традиционно являются предметом пристального внимания интеллектуалов различных исследовательских полей: историков, специалистов по международным отношениям, юристов и др. В результате создана достаточно разнообразная литература, значительную часть которой, в той или иной мере посвященной становлению дипломатических институтов в Центральной Азии XVIII–XIX веков мы постараемся проанализировать в данной статье.

Под дипломатическими институтами, опираясь на «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, мы понимаем совокупность норм права в области международных отношений¹. Дипломатическая служба, возникшая в древности, развивалась со всеми необходимыми атрибутами поэтапно, в зависимости от интенсивности и характера международных отношений.

Так сложилось, что Центральная Азия периодически то становилась активным актором международных отношений, то уходила в тень. Регион, под которым в различных историографических традициях понимается разная территория, пережил несколько этапов в своём развитии. Опуская достаточно обширную дискуссию по поводу того, какую территорию считать Центральной Азией, под данным термином мы будем понимать пространство, под которым традиционно понималась Средняя Азия и Казахстан. В данной статье мы остановимся только на периоде XVIII–XIX веков, что объясняется, во-первых, уникальным развитием самого региона в данный период, а во-вторых, огромным интересом к нему со стороны основных стран-игроков на международной арене в указанный отрезок времени – России, Китая, Великобритании.

Для того, чтобы понять специфику внешнеполитического развития, необходимо выделить этапы в истории международных отношений Центрально-Азиатского региона. Известный советский историк-международник Б. П. Гуревич выделяет в качестве первого этапа период со II в. до н.э. до VIII в. н.э. В это время в Центрально-Азиатском регионе единственным активным внешним «игроком» была Китайская империя Западной, или Ранней, Хань, хотя и не всегда удачливым². Необходимо

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Издательство «Азъ», 1992. Режим доступа: http://www.lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_e_1.txt

² Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой

напомнить, что историко-географический китайский термин «Сиюй» соответствует термину Центральная Азия.

В результате поражения Китая от Арабского халифата в 751 году начался второй этап международного развития Центрально-Азиатского региона. На территории региона начал распространяться ислам, который уже к X веку стал доминировать, существенно повлияв на все стороны жизни народов Центральной Азии¹.

С середины XIII века наступил третий период, когда вся Центральная Азия становится частью Монгольской империи. Монгольское влияние на народы региона продолжалось более 300 лет, сохранив достаточную инерцию и сегодня. Это можно увидеть, например, в существовании среди значительной части современных центральноазиатских народов так называемых представителей белой кости (ак-суйек), которые считаются потомками Чингисхана.

В следующий период с XVII в. до первой половины XIX в. Центральная Азия попадает под влияние Российской Империи и империи Цин, с проявлением активной внешнеполитической инициативы в регионе со стороны Великобритании². В результате в первой половине XIX в. возникает так называемая Большая игра – соперничество Великобритании и России в Центральной Азии. Первоначально в этой игре лидировала Англия, однако после антибританского восстания 1840 года в Кабуле и взятия российскими войсками города Мерв в 1884 году, ситуация резко изменилась.

К середине XIX в. Российская империя практически единовластно стала распоряжаться Центрально-Азиатским регионом, а завоевание Хивинского ханства в 1873 г. подвело черту под этим геополитическим раскладом³. Вплоть до 1991 г. Центральная Азия была частью СССР, изолированной от остального мира. Распад СССР и становление центральноазиатских независимых государств вызвало к жизни достаточно большой интерес и научную литературу, посвященную анализу различных аспектов системы международных отношений. Значительная часть работ посвящена истории дипломатии и дипломатической службы Казахстана, становлению дипломатических структур, церемониала, роли отдельных дипломатов⁴.

половине XIX в. М.: Наука, 1983. С. 4.

¹ Кузьмин В. И., Галуша Н. А., Яровой А. Н. Центральная Азия: структура, история, перспективы. М.: Академия военных наук, 2001. С. 54.

² Воскресенский А. Д., Лузянин С. Г. Китайский и российский факторы в Центральной Азии: традиционные вызовы и новые возможности // Восток. 2003. № 3. С. 96–97.

³ Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 2. / Под ред. С. П. Толстова, Т. А. Жданко, С. М. Абрамзона и др. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 94.

⁴ Айдаров Н. Г. Степная дипломатия одевается во фрак (об известных и малоизвестных сведениях по казахстанской дипломатической практике). Минск: Мастацкая літаратура, 1998. 298 с.; Абжанов Х. М. Казахское ханство. Правители. Судьбы // National Business. 2011. № 8–9. С. 47–50; Абжанов Х. М. Абылай хан и Толе би // Мысль. 2012. № 10. С. 60–61; Абусейтова М. Х. Казахская дипломатия зарождалась на... мягкой белой кошме //

В данной статье мы основное внимание уделим анализу трудов казахстанских авторов, но справедливости ради нельзя не сказать, что вопросы дипломатической истории Центральной Азии интересны и мировой научной общественности. Авторы, занимающихся данной проблематикой, мы можем найти не только в странах Центральной Азии, но и во многих других, среди которых, традиционно, Россия и, неожиданно, Япония¹.

Среди дипломатических институтов, достаточно широко распространенных в Центрально-Азиатском регионе в XVIII–XIX веках, необходимо выделить следующие: династические браки, институт подарков и/или институт дани, заложничества/аманатства, институт титулования, вассалитета. Все они являются традиционными дипломатическими институтами, и мы можем увидеть их реализацию практически во всех других частях земного шара.

Казахстанская правда, 29 июня 2012; Батыршаулы С. Суверенная дипломатия // Заря, 1991. № 5; Ерофеева И. В. Хан Абулхайр: полководец, правитель и политик. Алматы: Санат, 1999. 336 с.; Есдаулетова А. М. Дипломатическая и консульская служба: Учебное пособие. Астана: ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2003. 96 с.; Жумагулов Т. Дилеммы дипломатии // Деловой мир, 2003. № 30. С. 15; Жумагулов Т. Новые страницы дипломатии // Экспресс-К, 18 июня 2002; Ирмуханов Б. Политика и дипломатия: внутри и снаружи // Казахстанская правда, 9 июня, 1993; Исиналиев М. И. Дипломатия Казахстана // Международная жизнь, 1989. № 3; Касымбаев Ж. Государственные деятели казахских ханств (XVIII в.). Алматы: Білім, 1999. 288с.; Мажиденова Д. М. История дипломатической службы с древнейших времен до Венского конгресса. Автореф. дис. ...доктора ист. наук. Алматы, 2008. 52 с.; Мажиденова Д. М. Институты дипломатической службы: становление и развитие // «Мемлекет тарихы» фгьлыми журнал/ История государства. Научный журнал 2010. № 1. С. 50–56; Сарсембаев М. А. Международно-правовые отношения государств Центральной Азии. Алматы: Фьлым, 1995. 368 с.; Сейтова Д. М., Смагулова Г. М. Центральная Азия в международных отношениях: история и современность // Вестник КарГУ, 2008. № 4. С. 54–60.

¹ Джандосова З. А. География Центральной Азии. Учебное пособие. СПб: Изд-во СПб ун-та, 2005. 88 с.; Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.; Международные отношения в Центральной Азии: События и документы: Учеб. пособие для студентов вузов / А. Д. Богатуров, А. С. Дундич, В. Г. Коргун и др.; отв. ред. А. Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2011. 549 с.; Почекаев Р. Ю. Казахские ваны и гуны: «монгольский опыт» империи Цин как альтернатива российскому управлению в Казахстане второй половины XVIII – середины XIX в. (правовые аспекты) // MONGOLICA-XIII. Сборник научных статей по монголоведению, посвященный 235-летию со дня рождения И. Я. Шмидта (1779-1847). СПб: Петербургское востоковедение, 2014. С. 13-21; Трепавлов В. В. «Белый царь». Образ монарха и представление о подданстве у народов России XV–XVIII вв. Изд-е 2-е, исправ. и дополн. СПб: «Издательство Олега Абышко», 2017. 320 с.; Noda J. Titles of Kazakh Sultans Bestowed by the Qing Empire: The Case of Sultan Ghubaydulla in 1824 // Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko, 68. 2011; Noda J., Onuma T. A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty // TIAS Central Eurasian Research Series. Special Issue 1. The University of Tokyo, 2010; Noda J. The Kazakh Khanates between the Russian and Qing Empires Central Eurasian International Relations during the Eighteenth and Nineteenth Centuries. Leiden-Boston: Brill, 2016. 349 p.

Династические браки заключались с целью объединения представителей различных династий для сохранения имущества и социального статуса, дальнейшего развития взаимоотношений, улучшения отношений между странами, создания внешнеполитических альянсов, предупреждения войны и т. д. Среди казахстанских историков, кто в той или иной мере обращался к изучению данной темы, можно назвать . М. Козыбаева¹, М. Х. Абусейтову, Д. М. Мажиденову, А. М. Кусаинову² и других.

Так, М. Х. Абусейтова подчеркивает, что отношения родства облегчали отношения между правящей элитой, официальный уровень контактов усиливался неформальными встречами, расширялся круг лояльных лиц. Казахки, ставшие женами глав других государств, прямо или опосредованно могли влиять на вопросы внешнеполитического характера. Самое главное, что они, воспитывая своих сыновей, будущих правителей, вызывали у них особое чувство уважения перед родственниками по материнской линии – «нагаши», занимающих в иерархии семейных отношений казахов особое место³. Д. М. Мажиденова также пишет о латентном влиянии жён-казашек на правителей, подчеркивая при этом сложность и ограниченность данного института, когда при смене правителя родственной компонент мог существенно ослабнуть или исчезнуть совсем⁴.

Достаточно подробно в исторической литературе Казахстана проанализированы дипломатические институты, инициируемые китайской стороной. Пальма первенства здесь, безусловно, принадлежит известному ученому, ведущему китаеведу, специалисту в области истории международных отношений и внешней политике Китая в Центральной Азии, казахско-китайским отношениям – доктору исторических наук, профессору Хафизовой Кларе Шайсултановне. Она является автором множества трудов по изучаемой проблематике. Среди них монографии «Китайская дипломатия в Центральной Азии XIV–XIX» (Алматы, 1995), «Казахская» стратегия Цинской империи» (Алматы, 2007), «Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках» (Нур-Султан, 2019) и ряде других⁵.

В монографии К. Ш. Хафизовой «Китайская дипломатия в Центральной Азии XIV–XIX» анализу дипломатических институтов специаль-

¹ Козыбаев И. М. Дипломатия Казахстана: страницы истории. Алматы: Өркениет, 2001. 208 с.

² Кусаинова А. М. Дипломатическая служба как инструмент реализации внешнеполитической стратегии Республики Казахстан. Дис. ...доктора философии (PhD). Астана, 2014. 147 с.

³ Абусейтова М. Х. Казахстан и Центральная Азия в XV–XVII веках: история, политика, дипломатия. Алматы: Гьльым, 1998. С. 129. 268 с.

⁴ Мажиденова Д. М. Дипломатическая служба в контексте эволюции мировой политики. Астана: Культегин, 2003. С. 183. 240 с.

⁵ Хафизова К. Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Монография. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. 480 с.

но посвящена 3 глава¹. В ней рассматривается 4 основных института, среди которых институт дани (подарков) «гун-лай», институт титулования, заложничества и вассалитета. Каждому институту посвящен отдельный параграф. Глава хорошо фундирована архивными и опубликованными письменными источниками.

В начале исследователь обращается к анализу института дани. К.Ш. Хафизова исходит из того, что под видом выплаты дани и его отдаривания выступал торговый обмен, который практиковался на двух уровнях – высоком (придворном) и общерыночном, а также был двухступенчатым: одна ступень предопределяла другую. Данью являлись не только подарки царям, но и высокопоставленным пограничным чиновникам, выкуп, различные виды платежей на основе договоренностей обеих сторон. Примером может стать ситуация, в которой хан Аблай оказывал поддержку джунгарскому правителю Амурсане в период с 1755–1757 годы, против чего выступало Цинское командование. После того как Амурсана смог уйти в Сибирь, Аблай пошел на переговоры с Цинами. В ответ на подарки с китайской стороны Аблай в 1757 году в качестве ответного подарка отправил четырех лошадей. «Эти лошади впоследствии, – подчёркивает К. Ш. Хафизова, – фигурировали как дань казахов от всего Среднего жуза»². Как видим, подчёркивает автор, «Цинская дипломатия все более широко толковала дань»³.

В монографии подробно расписано, какого рода подарки принимались ко двору, какие отвергались. Например, китайская сторона на определённом этапе стала отказываться от экзотических животных (гепарды, барсы и т. д.), содержание и охрана которых чуть не разорили казну⁴. Однако львов, пишет К. Ш. Хафизова, китайский двор принимал, даже несмотря на то, что они были непозволительны с точки зрения конфуцианских ортодоксов или имперских амбиций⁵.

Особое символическое значение имела дань, включавшая девять предметов подношения низшего высшему, что подчёркивало послушание, благодарность и преданность. Обычно вслед за этим шло признание права на владение. Значение имела порода и масть верблюдов и коней, вес слитков серебра, качество и размер ткани и т. д.

Клара Шайсултановна подчёркивает, что процесс последовательности действий сбора или передачи дани мог быть различным, и необязательно вслед за данью следовали во много раз превышающие дары китайского императора. Однако, как бы то ни было, автор подчёркивает, что

¹ Хафизова К. Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии XIV–XIX. Алматы: Гылым, 1995. 286 с.

² Там же. С. 135.

³ Там же. С. 135.

⁴ Там же. С. 123.

⁵ Там же. С. 122–125.

«даны, как правило, как-то откупалась»¹.

В монографии не упоминается труд М. Мосса «Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах»², но значительная часть выводов К. Ш. Хафизовой подтверждают теоретические положения французского этнографа. А именно выполнение сторонами трех обязанностей: давать, получать, возмещать.

К. Ш. Хафизова описывает ситуации, когда даннические товары могли быть отвергнуты, как на примере с диковинными животными. Достаивающая сторона могла упорно навязывать свою дань, рассчитывая на хорошее вознаграждение или решение внешнеполитического вопроса. Ограничивая подношения, цинский двор экономил собственные средства на ответные подарки и затраты на содержание чужеземцев – подчеркивает К. Ш. Хафизова³. На протяжении XVIII–XIX веков наблюдалась тенденция к уменьшению числа подарков и увеличению дани. Постепенно стиралась грань между данью и арендной платой, данью и пошлиной, данью и товаром. Цины были последовательны в своем стремлении сохранить величие и мощь Китайского государства, всячески подчёркивая собственное превосходство над всеми другими.

Вторым эффективным институтом в дипломатической практике был институт аманатства, который, в его классическом понимании, служил для обеспечения мирных отношений между враждующими сторонами, потенциально враждебными друг другу. Основой данного института было правило передавать детей знатных людей другому государству в залог обеспечения выполнения заключенных договоров. Данным институтом пользовались арабы, персы, крымские татары, казахи, азербайджанцы, народы Северного Кавказа – аварцы, ингуши, кабардинцы и т. д. Литературе, посвященную этому вопросу, мы разделим на две группы – казахские аманаты во внешнеполитической практике Китайской империи и аманаты в рамках имперской политики России. По мнению известного российского историка В. В. Трепавлова, институт аманатства был заимствован русскими из ордынской политической практики, которая, в свою очередь, восходила к мусульманской традиции отношений с кочевниками⁴.

Д. Мажиденова высказывает сомнение по поводу того, что аманатство можно толковать как заложничество⁵. По ее мнению, все признаки насильственного захвата человека и сопутствующие ему события в прак-

¹ Там же. С. 119.

² Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М.: «Восточная литература» РАН, 1996.

³ Хафизова К. Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии XIV–XIX. Алматы: Гылым, 1995. С. 130.

⁴ Трепавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха и представления подданства у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит. 2007. 253 с. С. 140.

⁵ Мажиденова Д. М., Дипломатическая служба в контексте эволюции мировой политики. Монография. Астана: Культегин, 2003. С. 184.

тике аманатства у казахов практически отсутствуют. Можно возразить по поводу различия между понятиями аманат и заложник, что в заложники попадали в результате захвата, а аманаты выдавались добровольно. Ситуации были различные, и генерализированное обобщение здесь проводить невозможно. Как бы то ни было, эти люди играли свою роль в дипломатической практике того времени.

Хотелось бы более подробно остановиться на характеристике аманатства в казахском традиционном обществе и Российской имперской политике, предложенной доктором исторических наук Г. Б. Избасаровой в ряде научных статей, докторской диссертации и монографии¹. Надо подчеркнуть, что данные статьи являются практически первыми в казахстанской исторической науке, специально посвященными изучению института аманатства во всем его разнообразии. Так, статья «Понятие аманатства в кочевом обществе казахов и влияние политики Российской империи на трансформацию данного института в XVIII веке» наполнена новыми историческими фактами, связанными с именами и судьбами самих аманатов – сыновей хана Младшего жуза Абулхаира, условиями их содержания, повседневной жизнью, трудностями по их вызволению или замене и т. д.

Автор исходит из тезиса, что понятие аманатства в казахском обществе имело широкий смысл и толковалось как имеющее правовое и морально-этическое значение. Как правило, кочевники понимали аманатство как наказ и обязанность. В институте аманатства, пишет Г. Б. Избасарова, было изначально заложено уважительное отношение к аманатам. «У казахов есть выражение «қылма аманатқа қиянат», т. е. что доверено тебе на хранение, следует с честью хранить»².

Г. Б. Избасарова подчеркивает разницу в понимании сути самого института аманатства со стороны казахов и со стороны России, что породило немало проблем в двусторонних отношениях. В российском понимании, подчеркивает автор, аманаты – заложники, гаранты соблюдения соглашений, средство удержания казахских правителей в рамках послушания. Казахское общество рассматривало же его как обычай.

¹ Избасарова Г. Б. «Почётные заложники» как отражение государственной политики Российской империи к подвластным народам в XVIII–XIX вв. (на примере казахов Младшего жуза) // Ключ. 2016. № 6 (114). С. 44–51; Избасарова Г. Б. Понятие аманатства в кочевом обществе казахов и влияние политики Российской империи на трансформацию данного института в XVIII веке // Вопросы истории Сибири. Сб. науч. ст. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2017. С. 54–60; Избасарова Г. Б. Аманат в традиционной культуре казахов и в российской политике XVIII в. // Российская история. 2017. № 1. С. 103–112; Избасарова Г. Б. Казахская степь Оренбургского ведомства как объект реформ: опыт Российской империи по управлению окраиной (1731 – сер. XIX века). Автореф. дис. ...доктора ист. наук. М., 2018. 51 с.; Избасарова Г. Б. Казахская степь Оренбургского ведомства в имперских проектах и практиках первой половины XIX века. Монография. М.: ИП Лысенко А. Д. Press-Book.RU. 2018. 484 с.

² Там же. С. 55.

Г. Б. Избасарова подчеркивает, что институт «вертикального» заложничества (с позиции власти) породил один из действенных правовых инструментов того времени – договор залога. Постепенно институт аманатства в традиционном понятии казахов трансформировался в понятие заложничества. После 1770-х гг. основной упор при выборе аманатов делается на детей старшин и «лучших» людей. «Почетное заложничество» было отменено в 1770-е гг., но данный институт сохранился в Казахской Степи до середины 1830-х гг. – резюмируется в статье¹. Г. Б. Избасарова акцентирует внимание на том, что постепенное изменение статуса Казахской степи в рамках Российской империи, превращение ее во внутреннюю провинцию государства, сделали данный институт неэффективным и привели к постепенному отказу от него.

Институт аманатства активно реализовывался также и Цинской империей. По конфуцианским традициям залог людьми был невозможен, поэтому в дипломатической практике Китая это называлось «воспитанием при дворе чужеземца»². Знатный заложник придавал блеск императорскому двору, являлся живым свидетельством мощи Китайской империи. К. Ш. Хафизова отмечает, что для Китая также было характерно держать аманатов, захваченных во время военных действий или отвоєванных от джунгар. Такие аманаты никогда не возвращались на родину³.

К. Ш. Хафизова подчеркивает влияние официальной китайской историографии на понимание института заложничества как выражение подчинения иноземного правителя китайскому императору, что на деле было не всегда так или даже совсем не так⁴. В действительности это был способ решения различных внешнеполитических задач, подчеркивает Хафизова К.Ш. – от признания прав на престол до расширения территории хозяйственной деятельности⁵.

Вариантов и сценариев аманатства как дипломатического института было множество. Сын недавнего врага содержался при дворе и зачастую, хотя и не обязательно, воспитывался вместе с детьми правителя. Отсутствие новых конфликтов между сторонами выступало гарантией жизни аманата. Детали содержания заложников в китайской столице прописаны американским исследователем Э. Шефером, который отмечает, что они находились «в качестве гарантии дружественного расположения титуло-

¹ Избасарова Г. Б. Понятие аманатства в кочевом обществе казахов и влияние политики Российской империи на трансформацию данного института в XVIII веке // Вопросы истории Сибири. Омск, 2017. С. 59.

² Хафизова К. Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии в XIV–XIX вв. Автореф. дис. ...доктора ист. наук. М., 1995. С. 31.

³ Там же. С. 30.

⁴ Хафизова К. Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии XIV–XIX. Алматы: Гылым, 1995. С. 162.

⁵ Там же. С. 173.

ванных или царственных сородичей за границей»¹. Содержание за счет казны белоюртных заложников (т. е. имеющих знатное происхождение) должно было быть приличным. Некоторые из них состояли на службе в дворцовой гвардии. Вникая в курс политической жизни, владея значительной информацией, многие из аманатов могли восприниматься китайским правительством как шпионы, что ставило под угрозу их жизнь. Институт аманатства был живуч, по мнению К. Ш. Хафизовой, из-за патриархально-родовых отношений и был максимально оптимален².

Следующим традиционным дипломатическим институтом является институт вассалитета. Анализу реализации данного института в Цинской империи по отношению к казахам посвящена уже неоднократно упомянутая монография К. Ш. Хафизовой «Китайская дипломатия в Центральной Азии XIV–XIX». Автор акцентирует внимание читателя на том, что в XVIII веке китайская империя достигла небывалого могущества, и принципы китайской дипломатии были доведены до совершенства³. Именно в этот период значительная часть Центральной Азии попала под влияние Китая, и были выработаны новые дипломатические термины для обозначения народов, попавших в сферу его влияния.

В эпоху Мин окраинные народы именовались *сы* (дальние народы четырех стран света, четыре дальних). Представления китайцев о земле сводились к тому, что она имела квадратную форму, в центре которой Китай, а по окраинам другие народы. Термин вассал – *фань* широко распространился именно в эпоху Цин. Термин *вай-фань* обозначал внешних вассалов (крепостная стена и ров), *пинь-фань* – забор, заслон (труднодоступный рельеф). Казахи и киргизы считались тем самым дальним забором китайской империи и изначально воспринимались как часть единого целого. В письме 1828 года императора Даогуна одному из казахских ханов было написано следующее: «Усердно трудись, будь вечным заслоном Небесной династии и можешь надеяться на нашу вечную поддержку»⁴.

К. Ш. Хафизова подчеркивает, что заслоном могло быть государство, которое значительно слабее самого Китая, с общей границей. Приезд вайфаней и пиньфаней ко двору только приветствовался, в отличие от послов Кокандского правителя, которым строились всевозможные препоны. Китай строго следил за этикетом взаимоотношений, которые кокандцы однажды нарушили в письме, обратившись к китайскому императору как к одному из многих правителей, в равных выражениях, как к любому друго-

¹ Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. Серия: Культура народов Востока. М.: Главная редакция восточной литературы издательства "Наука". Серия: Культура народов Востока, 1981. 608 с. С. 75–76.

² Хафизова К. Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии XIV–XIX. Алматы: Гылым, 1995. С. 183.

³ Там же, С. 183–184.

⁴ Хафизова К. Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии XIV–XIX. Алматы: Гылым, 1995. С. 189.

му. Это возмутило китайскую сторону, и на многие годы Коканд был лишен расположения Поднебесной.

К. Ш. Хафизова четко прописывает правовой статус вассалов в рамках китайской империи. Представители вассалов должны были составлять свои послания в максимально почтительных выражениях, подчеркивающие старшинство китайской стороны. Монгольские, уйгурские вайфани судились по цинским законам, а пиньфани могли избежать наказания по китайским нормам права. Торговцы пиньфани облагались более низкой пошлиной или вовсе освобождались от нее, ограничиваясь подарками администрации. Главной функцией заслона была оградительная поэтому создавалась караульная служба. Караулы делились на постоянные, передвижные и временные. Пиньфани должны были сдерживать свой народ, охранять границу империи, предотвращать конфликты. Охрана сводилась к недопущению антикитайских действий как со стороны своего народа, так и со стороны соседей.

Пиньфани играли охранительную роль внешнего и внутреннего порядка. Синьзянские пиньфани служили преградой между собственно Китаем и Уйгурией, а закордонные – между Китаем и другими странами. Китайцы также стремились приучить придерживаться вассалов лунного календаря, рассылая их своим подданным. Это был необычный табель-календарь. На нем схематически в виде пирамиды изображалась вся система соподчинения. На вершине восседал цинский император, а далее по нисходящей – его верные вассалы. Там же была расписана очередность приема в императорских дворцах, отдельно составлялся реестр среднеазиатской знати¹. В случае если подобный календарь обнаруживался представителем российской администрации у своих подданных, это могло привести к конфликту, ухудшению отношений и штрафным санкциям.

Календари были не единственным предметом, которые китайская сторона дарила своим вассалам. Среди подарков были и другие символические предметы. Например, одежда, головные уборы с шариками и перьями ворона и павлина². Кстати, головные уборы китайского производства с шариками в качестве украшения появились на рынках уже независимого Казахстана в 90-е годы XX века, сразу после распада СССР и долгое время были популярны у покупателей и активно продавались.

Отдельно К. Ш. Хафизова рассматривает обращение хана Аблая к китайской стороне по поводу его готовности стать слугой (вассалом) могущественного императора после покорения Цинами Джунгарского ханства³. Это отдельная тема в истории Казахстана XVIII века, вокруг которой создано немало трудов. Главным является выбор союзника. Двоедничество не устраивало ни российскую, ни китайскую сторону.

¹ Там же. С. 194–196.

² Там же. С. 195.

³ Там же. С. 192.

Институт титулования – еще один из традиционных дипломатических институтов, которому К. Ш. Хафизова также уделила особое внимание в своей монографии. Ритуал титулования проводился либо самим китайским правительством, либо по инициативе или просьбе лидеров других стран. Например, рассчитывая на поддержку Китая в борьбе за власть. Для китайской стороны данная церемония была весьма обременительна, так как требовала подарков, специальных документов и посольств, что было не всегда безопасным. Эпоха Мин дает немало примеров проведения данных церемоний. Титулованные особы, подчеркивает К. Ш. Хафизова, остаются при этом независимыми во всех отношениях. Титул *ван* (князь, правитель), присуждался по устному заявлению, передаваемому через послов¹. Титул *чжун ван* (ван, верный принципам) давался представителям младшей ветви правящих домов. Среди тех, кто домогался титула, было немало самозванцев, которые таким образом стремились быть принятыми китайским императором по всем правилам, с богатыми подарками и получением торговых льгот. Титул определял число людей в свите, количество подарков, получаемых от двора, количество вывозимого для торговли товара. Владевший титулом мог рассчитывать на благоприятный прием. К. Ш. Хафизова упоминает потомков «..казахских ханов Агадая и Когедая, которые пользовались привилегиями в Синьцзяне и Монголии вплоть до установления народной власти в Китае, а некоторые и позже»². Кокандским же ханам, титул которых так и не был утвержден в Китае, в этом плане не на что было рассчитывать.

К. Ш. Хафизова подчеркивает, что «цинская дипломатия намеренно не дифференцировала четко титулованных лиц внутри и вне государства. Однако «внутренние» несли действительную службу со всеми ее тяготами, а «внешние» – только символически»³.

В эпоху Цин институт титулования позволял китайской стороне рассчитывать, что получившие титул, по крайней мере, не примкнут к врагам. Титулы стали присваиваться знатным заложникам и пленникам. По мере территориального разграничения с Россией китайцы активизировали деятельность данного института среди казахов в период с 1830–1860-е годы, стремясь заручиться поддержкой правителей дома Аблая и Абулмамбета в противодействии распространения влияния России, а позже и Кокандского ханства. С титулованием русскоподданных Российской империи приходилось долгое время мириться, учитывая специфику китайского дипломатического этикета. Но по мере усиления российского присутствия в регионе власти запретили принимать титулы, награды и дары от китайского двора.

Признание титулов облегчало процесс внешнеполитического взаи-

¹ Там же. С. 142

² Там же. С. 152

³ Там же. С. 155

модействия. Для соблюдения преемственности в титуловании составлялись генеалогические таблицы, которые также содержали данные о датах награждения: «Правители уходили в небытие, а таблицы оставались как свидетельства их службы Китайскому государству», – подчеркивает К. Ш. Хафизова¹.

Клара Шайсултановна также уделяет специальное внимание анализу влияния и роли конфуцианства на развитие дипломатических институтов и в целом внешнеполитической культуры Китая. Она отмечает, что основные принципы конфуцианства легли в основу межгосударственных отношений. Главный постулат «почитания старших и послушания младших» совершенно бесконфликтно переносился в систему международных отношений и означал, что китайский император, как отец в семье, имеет нравственный долг увещевать и воспитывать других правителей. Эта политика проведения своей линии путем наставлений именовалась *шэн цзяо* – пишет К. Ш. Хафизова². Даже конфуцианское поклонение душам предков нашло отражение в системе международных отношений через проведение поминовений, пожалования ритуальных похоронных подношений и оказания помощи семье покойного правителя. Проявлялась забота в ряде случаев и в местах захоронения врагов Китайской империи (например, джунгарских правителей Галдана, Цеван-Рабдана и др.) с целью сохранения в памяти их потомков образа императора, который был лоялен к династии.

Институты династических браков, дани, заложничества, титулования, вассалитета составляли важнейшую часть дипломатии государств, активно присутствующих в Центрально-Азиатском регионе в XVIII–XIX веках – России и Китая. Внешнеполитическая культура формировалась в результате слияния нескольких дипломатических школ – тюркской, монгольской, китайской, российской, европейской. В казахстанской исторической науке каждый из упомянутых институтов изучен крайне неравномерно. Необходимо признать огромный вклад в изучение данной проблемы профессора К. Ш. Хафизовой, посвятившей свою жизнь изучению казахско-китайских отношений. Открытие доступа к китайским архивам в рамках государственных программ Республики Казахстан «Культурное наследие» и «Народ в потоке истории» существенно расширило источниковую базу, что позволяет надеяться на углубление изучения данного вопроса среди молодого поколения историков. Что касается изучения деятельности данных институтов во взаимоотношении с Российским государством, то в этом плане также еще многое предстоит сделать.

Список источников и литературы

1. Абжанов Х. М. Казахское ханство. Правители. Судьбы // National Business. 2011. № 8–9. С. 47–50
2. Абжанов Х. М. Абылай хан и Толе би // Мысль. 2012 № 10. С. 60–61.

¹ Там же. С. 270.

² Там же. С. 252.

3. Абусейтова М. Х. Казахская дипломатия зарождалась на... мягкой белой кошме // Казахстанская правда, 29 июня 2012.
4. Абусейтова М. Х. Казахстан и Центральная Азия в XV–XVII веках: история, политика, дипломатия. Алматы: Ыльым, 1998. 268с.
5. Айдаров Н. Г. Степная дипломатия одевается во фрак (об известных и малоизвестных сведениях по казахстанской дипломатической практике). Минск: Маштацкая літаратура, 1998. 298 с.
6. Батыршаулы С. Суверенная дипломатия // Заря. 1991. № 5.
7. Воскресенский А. Д., Лузянин С. Г. Китайский и российский факторы в Центральной Азии: традиционные вызовы и новые возможности // Восток. 2003. № 3. С. 96–97.
8. Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1979. 311 с.
9. Джандосова З. А. География Центральной Азии. Учебное пособие. СПб: Изд-во СПб ун-та, 2005. 88 с.
10. Ерофеева И. В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы: Санат, 1999. 336 с.
11. Есдаулетова А. М. Дипломатическая и консульская служба: Учебное пособие. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2003. 96 с.
12. Жумагулов Т. Дилеммы дипломатии // Деловой мир, 2003. № 30.
13. Жумагулов Т. Новые страницы дипломатии // Экспресс-К, 18 июня 2002.
14. Избасарова Г. Б. Аманат в традиционной культуре казахов и в российской политике XVIII в. // Российская история. 2017. № 1. С. 103–112.
15. Избасарова Г. Б. Казахская степь Оренбургского ведомства в имперских проектах и практиках первой половины XIX века. Монография. М.: ИП Лысенко А.Д. Press-Book.RU. 2018. 484 с.
16. Избасарова Г. Б. Казахская степь Оренбургского ведомства как объект реформ: опыт Российской империи по управлению окраиной (1731 – сер. XIX века). Автореф. дис. ...доктора ист. наук. М., 2018. 51с.
17. Избасарова Г. Б. Понятие аманатства в кочевом обществе казахов и влияние политики Российской империи на трансформацию данного института в XVIII веке // Вопросы истории Сибири. Сб. науч. ст. / отв. ред. М. К. Чуркин. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2017. С. 54–60.
18. Избасарова Г. Б. «Почётные заложники» как отражение государственной политики Российской империи к подвластным народам в XVIII–XIX вв. (на примере казахов Младшего жуза) // Клио. 2016. № 6 (114). С. 44–51.
19. Ирмуханов Б. Политика и дипломатия: внутри и снаружи // Казахстанская правда, 9 июня, 1993.
20. Исиналиев М. И. Дипломатия Казахстана // Международная жизнь, 1989. № 3; Касымбаев Ж. Государственные деятели казахских ханств (XVIII в.). Алматы: Білім, 1999. 288 с.
21. Козыбаев И. М. Дипломатия Казахстана: страницы истории. Алматы: Эркениет, 2001. 208 с.
22. Кузьмин В. И., Галуша Н. А., Яровой А. Н. Центральная Азия: структура, история, перспективы. М.: Академия военных наук, 2001. 132 с.
23. Кусаинова А. М. Дипломатическая служба как инструмент реализации внешнеполитической стратегии Республики Казахстан. Дис. ...доктора философии (PhD). Астана, 2014. 147 с.
24. Мажиденова Д. М. Дипломатическая служба в контексте эволюции ми-

ровой политики. Монография. Астана: Культегин, 2003. 240 с.

25. Мажиденова Д. М. Институты дипломатической службы: становление и развитие // «Мемлекет тарихы» ғылыми журнал / История государства. Научный журнал, 2010. № 1. С. 50–56.

26. Мажиденова Д. М. История дипломатической службы с древнейших времен до Венского конгресса. Автореф. дис. ...доктора ист. наук. Алматы, 2008. 52 с.

27. Международные отношения в Центральной Азии: События и документы: Учеб. пособие для студентов вузов / А. Д. Богатуров, А. С. Дундич, В. Г. Коргун и др.; отв. ред. А. Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2011. 549 с.

28. Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М.: «Восточная литература» РАН, 1996.

29. Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 2/ Под ред. С. П. Толстова, Т. А. Жданко, С. М. Абрамзона и др. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 314 с.

30. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Издательство «Азъ», 1992. Режим доступа: http://www.lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_e_1.txt

31. Почекаев Р. Ю. Казахские ваны и гуны: «монгольский опыт» империи Цин как альтернатива российскому управлению в Казахстане второй половины XVIII – середины XIX в. (правовые аспекты) // MONGOLICA-XIII. Сборник научных статей по монголоведению, посвященный 235-летию со дня рождения И. Я. Шмидта (1779–1847). СПб.: Петербургское востоковедение, 2014. С. 13–21.

32. Сарсембаев М. А. Международно-правовые отношения государств Центральной Азии. Алматы: Ғылым, 1995. 368 с.

33. Сеитова Д. М., Смагулова Г. М. Центральная Азия в международных отношениях: история и современность // Вестник КарГУ. 2008. № 4. С. 54–60.

34. Трепавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха и представления подданства у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит., 2007. 253 с.

35. Трепавлов В. В. «Белый царь». Образ монарха и представление о подданстве у народов России XV–XVIII вв. Изд-е 2-е, исправ. и дополн. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2017. 320 с.

36. Хафизова К. Ш. «Казахская» стратегия Цинской империи. Алматы: Институт экономических стратегий, 2007. 104 с.

37. Хафизова К. Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии в XIV–XIX вв. Автореф. дис. ...доктора ист. наук. М., 1995. 51 с.

38. Хафизова К. Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии XIV–XIX. Алматы: Ғылым, 1995. 286 с.

39. Хафизова К. Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Монография. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. 480 с.

40. Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.

41. Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая четверть XIX вв. Часть 2. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1989. 227 с.

42. Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. Серия: Культура народов Востока. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». Серия: Культура народов Востока, 1981. 608 с.

43. Noda J. The Kazakh Khanates between the Russian and Qing Empires Central Eurasian International Relations during the Eighteenth and Nineteenth Centuries. Leiden-

Boston: Brill, 2016. 349 p.

44. Noda J. Titles of Kazakh Sultans Bestowed by the Qing Empire: The Case of Sultan Ghubaydulla in 1824 // *Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko*, 68. 2011. P. 63–94.

45. Noda J., Onuma T. A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty // *TIAS Central Eurasian Research Series. Special Issue 1. The University of Tokyo*, 2010. 176 p.

Ш. Б. Мухамедов

(Институт истории АН РУз, Ташкент)

ОСОБЕННОСТИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ БУХАРСКОГО ЭМИРАТА И ХИВИНСКОГО ХАНСТВА С РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.

Аннотация: В статье раскрываются особенности дипломатических отношений Российской империи с протекторатами – Бухарским эмиратом и Хивинским ханством. Сложные процессы межгосударственных отношений рассматриваются на основе оригинальных источников и современной литературы, а также мемуаров представителей высшего звена руководства этих стран. Пристальное внимание таких стран, как Великобритания и США, к региону Средней Азии, ставили перед руководством Российской империи и Туркестанского генерал-губернаторства очень сложные вопросы, которые решались не всегда удачно. Неоднократно на повестке дня перед краевым руководством Туркестана вставала проблема полного присоединения к Российской империи Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Однако высшее руководство Российской империи принимает решение сохранить статус-кво этих государств и идти дипломатическим путем при возникновении вопросов. Такое положение продолжается до 1917 года и после переходит на другой уровень взаимоотношений.

Ключевые слова: Бухарский эмират, Хивинское ханство, Российская империя, дипломатические отношения, протектораты

Во второй половине XIX века политика Российской империи в Средней Азии благодаря ряду обстоятельств начинает приобретать более определенные контуры. Здесь свою роль, в том числе, сыграло англо-русское соперничество, которое не оставляло выбора действиям обретающему все большее экономическое могущество Российскому государству. Многочисленные экспедиции в Среднюю Азию (последняя из них – экспедиция Н. П. Игнатьева в 1858 году в Хивинское ханство и Бухарский эмират) дали возможность суммировать многочисленный материал, в котором было изложено современное положение в среднеазиатских ханствах и даны определенные рекомендации правительству Российской империи.

В январе 1859 года, по итогам отчета Н. П. Игнатьева и записок А. А. Катенина¹, в Санкт-Петербурге прошло особое межведомственное

¹ Оренбургский генерал-губернатор.

совещание, на котором присутствовали министр иностранных дел А. М. Горчаков и директор Азиатского департамента Е. П. Ковалевский, военный министр Н. О. Сухозанет, министр финансов А. М. Княжич, Н. П. Игнатьев, а также генерал-губернаторы – оренбургский А. А. Катенин и западносибирский Г. Х. Госфорт. «Главной темой совещания стала выработка новой политики России в Средней Азии, поскольку участники единогласно согласились с тем, что позиции империи в этом регионе в настоящее время откровенно слабы. Катенин, как и ранее в своих записках, выступил за занятие Джулека, Туркестана, Яны-Кургана и Ташкента (тем самым подрывая военное могущество Кокандского ханства), принятие в российское подданство туркмен, а потом за постепенное подчинение Бухары и Хивы влиянию России»¹. Как видно из дальнейших событий, этот план полностью осуществился.

В 1865 году был завоеван Ташкент, который через два года в 1867 году стал столицей Туркестанского генерал-губернаторства. Первому руководителю генерал-губернаторства К. П. фон Кауфману (1867–1882) были даны неограниченные полномочия со стороны Российского императора.

«Государь император почел за благо снабдить туркестанского генерал-губернатора [К. П. фон Кауфмана. – Ш. М.] политическим полномочи-ем на ведение переговоров и заключение трактатов² со всеми ханами и независимыми владетелями Средней Азии»³.

В особой инструкции пояснялось, что государь «уполномачивал туркестанского генерал-губернатора к решению всяких политических, пограничных и торговых дел, к отправлению в сопредельные владения доверенных лиц для ведения переговоров и подписанию трактатов, условий или постановлений, касающихся пользы обоюдной»⁴.

Чрезвычайные полномочия, данные К. П. фон Кауфману, естественно, активно претворялись в жизнь благодаря имперским возможностям Российского государства. Большую роль в аккумулировании многочисленной информации и налаживании деятельности государственной машины в Туркестанском генерал-губернаторстве играла краевая администрация и ее канцелярия. Первый правитель канцелярии генерал-майор А. К. Гейнс сделал доклад 9 января 1868 г. «О распределении занятий канцелярии по делам производства (утвержденный проект структуры канцелярии)»⁵. По этому документу следует, что в составе канцелярии было образовано 4 отделения. Вопросы отношений с соседними государствами

¹ Почкаев. Р. Ю. Губернаторы и Ханы. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 384 с. С. 264–265.

² Договоров.

³ Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб(б): Типография П. П. Меркульева, 1875. 361 с. С. 20.

⁴ Пален К. К. Краевое правление. СПб(б): Сенатская типография, 1910. 270 с. С. 12.

⁵ Эргашев Б. Делопроизводственная деятельность канцелярии Туркестанского генерал-губернатора. Ташкент: Фан, 2015. 224 с. С. 93.

были возложены на 3-е особое отделение, в компетенцию которого входили следующие направления: «1) Народное образование: общие вопросы; 2) пограничные дела по сбору разных политических сведений и слухов, происшествия на границах края и отношения к соседним ханствам, 3) духовное ведомство, 4) распоряжения по всем просьбам и жалобам, подаваемым генерал-губернатору, 5) переписка генерал-губернатора с частными лицами»¹. Таким образом, в этот период основные дипломатические документы и тексты договоров, подписанных со стороны Российской империи в лице Туркестанского генерал-губернатора и среднеазиатских правителей, готовились в недрах указанного отдела канцелярии Туркестанского генерал-губернатора. Естественно, что эти документы в свою очередь в обязательном порядке согласовывались с высшим руководством Российской империи, Военным ведомством и Министерством Иностранных дел Российского государства. На случай военных действий приказом Туркестанского краевого руководства создавалась походная канцелярия, которая сопровождала Туркестанского генерал-губернатора и готовила все необходимые документы, в том числе те или иные дипломатические документы и договоры.

Завоевание Средней Азии генерал фон Кауфман решил продолжить захватом Бухарского эмирата. Военные силы эмирата, изнуренные междоусобицами с Кокандским ханом, а также заметно отстававшие в техническом военном оснащении, были слабы. В 1868 году с завоеванием Самарканда Бухарский эмират фактически превратился в вассала Российской империи².

На вновь завоеванных территориях царское правительство создало Зарафшанский округ в составе Самаркандского и Каттакурганского отделов под управлением генерала Абрамова. После Зирабулакского сражения эмир Музаффар был вынужден признать свое поражение и принять условия Кауфмана о новых границах Туркестанского генерал-губернаторства. Зирабулакским сражением завершился второй этап экспансии Российской империи.

28 июня 1868 года в Самарканде был подписан договор между Кауфманом и эмиром Музаффаром, который превращал Бухарский эмират в протекторат Российской империи. В нем эмир признавал себя виновным в развязывании войны и в знак вечной дружбы обязывался выплатить контрибуцию в размере 500 тысяч рублей за военные издержки российских войск. Все завоеванные земли от Ташкента до Самарканда, куда входили

¹ Эргашев Б. Делопроизводственная деятельность канцелярии Туркестанского генерал-губернатора. Ташкент: Фан. 2015. С. 94.

² Русско-бухарский договор 1868 – прелиминарный мирный договор между Российской империей и Бухарским эмиратом. Заключён 23 июня 1868 года после поражения бухарских войск в результате Бухарских походов российских войск 1866–68 годов. Подписан Туркестанским генерал-губернатором генерал-лейтенантом К. П. фон Кауфманом и бухарским послан Муса-беком.

Ходжент, Уратнобе, Пенджикент, Джизак, Самарканд и Каттакурган, отошли Российской империи. Однако, в отношении оставшихся в его правлении земель эмиру предписывалось руководствоваться указаниями генерал-губернатора. Исходя из политического подчинения, историки называли правителя Бухары вассалом Российской империи. Также эмир обязывался создавать льготные условия для свободной торговли и защищать интересы русских купцов. Им разрешалось учреждать торговые агентства с щадящей пошлиной (не более 2,5 % от общей стоимости товаров), а также свободно перемещаться между территорией эмирата и другими государствами.

Этот кабальный договор¹ с его унижительными условиями приговаривал эмират к потере самостоятельности, бесправию и нищете. Подобная политика эмира привела к возникновению массовых недовольств. Отряды народного ополчения под предводительством Абдумалика-тюры, старшего сына эмира Музафара, Джурабека и Бабабека продолжили борьбу за освобождение Самарканда. Они объявили о смещении эмира Музафара с трона и назначении эмиром Абдумалика-тюры. Ополченцы вначале заняли Шахрисабз, затем Карши и Карману. Для предупреждения и подавления очагов сопротивления фон Кауфман направляет туда войска под командованием генерала Абрамова. Вооруженные современным оружием войска постепенно выдавливают ополченцев с занятых ими территорий. В результате Абдумалик-тюра отступает к Хивинскому ханству, затем перебирается в Афганистан. Эмир Афганистана отказал ему в помощи, так как в предстоящей борьбе с Англией он рассчитывал на помощь России. Абдумалик-тюра уезжает в Пешавар, где умирает в 1909 году. Таким образом, второй этап военного похода завершается захватом Самарканда и превращением Бухарского эмирата в протекторат Российской империи.

В 1873 году с Бухарским эмиратом был подписан новый договор (Шаарский)², согласно которому царское правительство наделялось правом назначения своего представителя в протекторате Бухары. По новым условиям³ без согласия представителя эмир был не вправе решать какие бы то

¹ Договор не ратифицирован императором Александром II, но в значимой степени определял отношения Российской империи с Бухарским эмиратом вплоть до подписания Шаарского договора 1873. Сыграл необходимую роль в становлении системы российских протекторатов в Средней Азии и в установлении мира в регионе. Для обеспечения выплаты контрибуции эмиратом правительство Российской империи объявило о временной оккупации Самарканда и Каттакургана. На оккупированных и на присоединённых к России землях в 1868 году создан Зеравшанский округ с административным центром в Самарканде.

² Шаарский договор 1873 года – соглашение о дружбе между Российской империей и Бухарским эмиратом. Подписан Эмиром Бухары Музаффаром в Шахрисабзе (Шаар или Шаар-Сабиза) 28 сентября (10 октября) и Туркестанским генерал-губернатором генерал-лейтенантом К. П. фон Кауфманом в Ташкенте 17 (29) октября 1873 года. Традиционно считается, что в результате заключения Шаарского договора Бухарский эмират фактически стал протекторатом Российской империи.

³ В договоре прописаны 18 статей. В них предусмотрены передача Бухарскому эмирату

ни было внутренние или внешнеполитические вопросы. Пункт 14 договора гласил: «Правительство Бухары не имеет права принимать кого бы то ни было, кроме как с согласия Российского правительства». Согласно договору, каждое утро кушбеги предписывалось получать у представителя необходимые указания, которые доносились до эмира. Подписание бумаг эмиром носило чисто формальный характер. Первым представителем царской России в Бухаре был назначен П. Лессар. В действительности представителя можно было с полным основанием назвать неофициальным губернатором Бухары. Своей резиденцией он избрал город Каган в 12 км от Бухары. Тем самым царское правительство предпочло не включать Бухару полностью в состав империи, а руководить ею непосредственно через эмира и его подчиненных¹.

В 1869–1870 гг. Министерство иностранных дел Российской империи начинает переговоры с Англией о проведении пограничной линии между Афганистаном и новыми владениями царского правительства в Средней Азии. В результате переговоров была достигнута договоренность о прохождении границы в районе Пянджа по реке Амударья. А граница между Бухарским эмиратом и Ираном была обозначена в секретном договоре, подписанном российским послом в Тегеране и иранским шахом 10 декабря 1881 года. В результате переговоров, состоявшихся в 1885–1887 гг., англо-русской комиссии удалось установить пограничную линию между Афганистаном и землями Бухарского эмирата Средней Азии, но уже в составе Российской империи.

части территории Хивинского ханства, занятого русской армией. Разрешались свободные проезды граждан Российской империи по территории эмирата и плавание по Амударье российских судов с возможностью устраивать склады и пристани. Купцы Российской империи получили право на беспошлинный провоз товаров в третьи страны по его территории, свободную торговлю в эмирате. Также российским купцам разрешалось иметь торговых агентов и караван-сарай в эмирате, а купцам Бухарского эмирата – на территории Туркестанского генерал-губернаторства. Граждане России и эмирата могли заниматься ремёслами и владеть недвижимостью на территории обоих государств. Эмир обязался прекратить работорговлю на территории эмирата и не принимать российских преступников. В Ташкент назначался постоянный посол эмира, российское правительство также могло назначить своего политического агента в эмирате.

¹ Со стороны Бухарского эмирата был признан захват и вхождение в состав Российской империи части территории с городами Джизак, Ура-Тюбе и Ходжент. Эмир обязывался выплатить контрибуцию в размере 125 000 золотых тиллей (500 000 рублей). Гражданам Российской империи без различия веры предоставлялось право свободной торговли на территории эмирата, власти эмирата принимали на себя защиту их имущества и личную безопасность, а также предоставлялось право свободного проезда через земли Бухарского эмирата в соседние государства. Купцам Российской империи разрешалось учреждать торговые агентства во всех пунктах эмирата. Пошлина с ввозимых в эмират российских товаров устанавливалась в размере 2,5 % от их стоимости.

Подписание двухстороннего договора между Российской империей и Бухарским эмиратом в 1873 году явились основанием для организации российского политического агентства на территории эмирата. В 1885 году 12 ноября Решением Государственного совета Российской империи было принято решение о создании «Российского политического агентства в Бухаре». Это агентство осуществило свою деятельность на территории эмирата с 1 января 1886 года по 17 марта 1917 года. Одной из главных задач, которые осуществляло это агентство, было изучение основных процессов, происходящих в этом государстве – «внутри и вокруг него».

Агентство в основном осуществляло свою деятельность через кушбеги эмира Бухары. Эти взаимоотношения осуществлялись через дипломатическую переписку. Документы этой переписки дают нам обширную информацию о политической, социальной и экономической жизни эмирата и о том, как строились дипломатические отношения между Российской империей и вассальным государством.

Российское политическое агентство напрямую подчинялось Министерству иностранных дел империи, однако в необходимых случаях адресная информация предоставлялась и Туркестанскому генерал-губернатору. Например, 18 июня 1884 года в письме, от имени Министра иностранных дел Российской империи, Туркестанский генерал-губернатор Н. О. Розенбах ставился в известность, что в Бухарском эмирате будет учреждено политическое агентство и первым его руководителем назначался Н. В. Чарыков (1886–1890гг.)¹. В письме была и просьба об информировании Бухарского эмира об этом. Туркестанский генерал-губернатор был удовлетворен этим событием, так как большая по объему дипломатическая переписка по Бухарским делам переходила из ведения канцелярии руководителя краевой организации в другое ведомство. В ответном письме Н. О. Розенбах выразил свое удовлетворение и надежду на то, что агентство будет стоять на страже русского населения и торговых интересов России в эмирате². На должности руководителя Политического Агентства в Бухаре осуществляли свою деятельность следующие дипломаты: Н. В. Чарыков (1886–1890), П. М. Лессар (1890–1895), В. И. Игнатьев (1895–1902), Я. Я. Лютш (1902–1910), А. С. Сомов (1911–1913), Л. К. Беляев (1914–1916), А. Я. Миллер (1916–1917).

Первое послание от имени Н. В. Чарыкова было отправлено кушбеги³ эмира Бухары 9 августа 1884 года. Российский дипломат ставил в известность эмирского сановника, что на него возложена столь почетная деятельность правительством империи, и что он сделает все возможное для ведения столь важных двухсторонних отношений. В свою очередь Бухарский эмир Музафар-хан 30 августа 1884 года так же пишет письмо

¹ ЦГА Руз. Ф.И-1. Оп. 34. Д. 603. Л. 1–4.

² ЦГА Руз. Ф.И-1. Оп. 34. Д. 603. Л. 9–13.

³ Титул главного визиря или премьер-министра в Бухарском эмирате.

Н. В. Чарыкову, в котором сообщает, что он знает о назначении последнего на столь ответственную должность и направляет ему специальные подарки.

С 1 января 1886 года, после завершения подготовительных и организационных мероприятий, русское политическое агентство начинает свою деятельность в эмирате.

В сфере дипломатических отношений основная деятельность политического агентства заключалась в следующем:

1. Консульская служба: выдача паспортов гражданам и оказание помощи зарубежным гражданам.

2. Дипломатическая часть службы: собирание информации по положению в Бухарском эмирате и ситуации в Афганистане.

3. В качестве представителя Российской империи проводить встречи с Бухарским эмиром, собирать информацию, оказывать помощь эмиру в написании телеграмм высокопоставленным чиновникам.

4. Содействовать эмиру в подготовке списков награждаемых и орденов, и удостоверений к ним.

5. Готовить списки российских чиновников для награждения орденами Бухарского эмира.

6. Оказывать поддержку для встречи российских и иностранных граждан с Бухарским эмиром.

7. Оказывать помощь различным гражданам, представителям обществ и организаций в контактах с Бухарским правительством.

Кроме того, политическое агентство занималось и судебно-правовой деятельностью.

В области общественно-экономического направления были обозначены следующие действия: 1. Руководство русскими поселениями на территории Бухарского эмирата. 2. Полный контроль всех сторон жизни в Новой Бухаре (Каган). 3. Руководство русско-туземными лечебницами и учебными школами в старой Бухаре. 4. Цензура газет и театральных постановок в эмирате. 5. Контроль над деятельностью 6 банков в Старой Бухаре. 6. Оказание поддержки русской торговле в эмирате 7. Содействие военному министерству в перемещении российских военных частей на территории эмирата и др.¹

Назначение политического агента в Бухаре и его отставка были только лишь в компетенции Министерства иностранных дел Российской империи.

Межведомственная разобщенность в Российской империи приводила к тому, что политический агент в Бухаре в основном информировал свое министерство о происходящих в эмирате делах. В то же время руководство Туркестанского генерал-губернаторства зачастую не владело информацией о происходящих на вассальных территориях делах.

Статус вассального государства не являлся препятствием к разви-

¹ ЦГАРУз. Ф.И-2. Оп. 2. Д. 515. Л. 11–12.

тию дипломатической службы и со стороны Бухарских эмиров в рассматриваемый нами период.

Деятельность Мирза Салимбека¹ в качестве дипломатического представителя бухарских эмиров – еще малоизвестная, на наш взгляд, страница в отношениях Российской империи и Бухарского эмирата.

В 1882 году Мирза Салимбек был направлен в качестве официального представителя Бухарского эмира при Туркестанском генерал-губернаторе Н. О. Розенбахе. Однако через год он был возвращен в Бухару и был назначен в качестве заместителя эмира в Хуфтор и Самжон².

В 1885 году эмир Абдуллахадхон занимает трон эмирата и в целях развития отношений и развития эмирата отправляет посольство в Россию. В составе посольства находились кушбеги Останакулбий, Мирза Жалил-демонбеги³, Мирза Худоятилло мирохур⁴, Ражаб Али Мирза Шараф. В состав посольства был включен и Мирза Салимбек, которому было дано задание вести запись всех происходящих событий во время поездки. Делегация по прибытии в Петербург была размещена в «Гранд Отеле». Через 2 дня посольская делегация получила возможность вручить царю письмо бухарского эмира и дорогие подарки. Русский царь и его свита в течение часа рассматривали подарки эмира и восхищались ими. Все члены посольства, по окончании приема послания и подарков, были награждены орденом Станислава⁵ и дорогими подарками. Поездка в столицу империи длилась 62 дня. В эти дни члены посольства посетили завод по производству оружия, монетный двор, текстильные фабрики, ювелирные мастерские и цеха по производству часов⁶.

Мирза Салимбек был одним из видных людей своего времени. Долгая дипломатическая и административная работа на благо эмирата дали возможность ему сформироваться в качестве одного из выдающихся людей своего времени. Он, прежде всего, был за тесное сотрудничество с соседними странами, и в первую очередь в области торговли и предпринимательства.

Несколько раз в составе посольства в Россию был отправлен один из величайших умов своего времени бухарский просветитель Ахмад До-ниш. Побывав в России и увидев своими глазами ее развитие, он в своих произведениях критиковал отсталость во всех отношениях эмирского строя

¹ Мирза Салимбек Мирза Рахим угли, родился (1848/1850–1930) в Бухаре в местечке Жуйбор, квартале Чакар. Учился в Бухарских медресе. Владел арабским, фарси и русским языками.

² В настоящее время Нарпайский район и городок Зиевуддин в составе Самаркандской области.

³ Министр финансов в Бухарском эмирате.

⁴ Титул главного конюшенного в Бухарском эмирате.

⁵ Жамолова Д. Ж. Мирза Салимбекнинг дипломатик махорати // *Ўзбекистонда элчилик хизмати тарихидан: талкин ва тахлил*. Тошкент: Adabiyot uchqunlari, 2016. 272 с.

⁶ Там же.

Бухары и в этом видел основные причины того зависимого состояния Бухары от экономически могущественной империи.

Отношения Хивинского ханства и Российской империи

Вскоре после завоевания Бухарского эмирата Туркестанский генерал-губернатор К. П. фон Кауфман начинает поход против Хивинского ханства. В результате боевых действий войска хана потерпели поражение. Между двумя странами был подписан «Гендемианский мирный договор 1873 года»¹. Для того чтобы понять смысл кабальности договора, следует привести некоторые позиции этого документа потому, что именно этот договор на многие годы определил взаимоотношения двух стран.

На основании Высочайшего повеления Генерал-Адъютант фон Кауфман 12 августа 1873 года заключил с хивинским ханом мирный договор, содержание которого следующее:

«Сеид Магомед Рахим-Богадур-хан признает себя покорным слугою Императора Всероссийского. Он отказывается от всяких непосредственных дружеских отношений с соседними владетелями и ханами и заключения с ними каких-либо торговых и других договоров и без ведома и разрешения высшей русской власти в Средней Азии не предпринимает никаких военных действий против них.

Границею между русскими землями и хивинскими служат Аму-Дарья...

Весь правый берег Аму-Дарьи и прилегающие к нему земли, донныне считавшиеся хивинскими, отходят от хана во владение России со всеми проживающими и кочующими там народами. Участки земель на правом берегу, составляющие ныне собственность хана и жалованные им для пользования сановникам ханства, отходят вместе с тем в собственность русского правительства, без всяких претензий со стороны прежних владельцев. Хану предоставляется вознаградить их убытки землями на левом берегу.

В случае если по воле Государя часть этого берега будет передана во владение бухарского эмира, то хивинский хан признает сего последнего законным владельцем этой части прежних своих владений и отказывается от всяких намерений восстановить там свою власть.

Русским пароходам и другим русским судам, как правительственным, так и частным, предоставляется свободное и исключительное плавание по Аму-Дарье. Этим правом могут пользоваться суда хивинские и бухарские не иначе как с разрешения высшей русской власти в Средней Азии.

В тех местах на левом берегу, где окажется необходимым и удобным, русские имеют право устраивать свои пристани. Ханское правитель-

¹ Мирный договор между Россией и Хивинским ханством, подписанный 12 (24) августа 1873 года туркестанским генерал-губернатором К. П. Кауфманом и хивинским ханом Сеидом Мухаммед-Рахимом II после Хивинского похода 1873 года и занятия русскими войсками Хивы в июне 1873 года. Название договор получил по месту подписания – летней резиденции хивинского хана – Саду Гендемиан.

ство отвечает за безопасность и сохранность этих пристаней. Утверждение выбранных мест для пристаней зависит от высшей русской власти в Средней Азии.

Независимо от этих пристаней предоставляется право русским иметь на левом берегу Аму-Дарьи свои фактории для склада и хранения своих товаров. Под эти фактории в тех именно местах, где указано будет высшею русскою властью в Средней Азии, ханское правительство обязуется отвести свободные от населения земли в достаточном количестве для пристаней и для постройки магазинов, помещений для служащих в фактории и имеющих дела с факторией, помещений под купеческие конторы и для устройства хозяйственных форм.

Все вообще города и селения Хивинского ханства отныне открыты для русской торговли. Русские купцы и русские караваны могут свободно разъезжать по всему ханству и пользуются особенным покровительством местных властей. За безопасность караванов и складов отвечает ханское правительство.

Русские купцы, торгующие в ханстве, освобождаются от платежа закята¹ и всякого рода торговых повинностей... Русским купцам предоставляется право безошлинного провоза своих товаров через хивинские владения (безпошлинная транзитная торговля). Русским купцам предоставляется право, если они пожелают, иметь в г. Хиве и в других городах ханства своих агентов (караван-башей) для сношения с местными властями и для наблюдения за правильным ходом торговых дел. Русским подданным предоставляется право иметь в ханстве недвижимое имущество. Оно облагается поземельной податью, по соглашению с высшей русской властью в Средней Азии.

Жалобы и претензии русских подданных на хивинцев ханское правительство обязуется безотлагательно расследовать и будет немедленно удовлетворять. В случае разбора претензии со стороны русских подданных и хивинских, преимущество при уплате долгов отдается русским пред хивинцами.

Ханское правительство ни в коем случае не принимает к себе разных выходцев из России, являющихся без дозволительного на то вида от русской власти какой бы национальности они не принадлежали...

Объявление Сеид-Магомета Рахим-Баходир-хана, обнаруженное 12 числа минувшего июня, об освобождении всех невольников в ханстве и об уничтожении на вечные времена рабства и торговыми людьми остается в полной силе и ханское правительство обязуется всеми зависящими от него мерами следить за строгим и добросовестным исполнением этого дела.

На Хивинское ханство налагается пеня в размере 2 200 000 рублей

¹ Закят (араб.) – один из пяти столпов ислама, обязательный ежегодный налог в исламском праве, выплачиваемый с различного вида доходов и имущества (движимого и недвижимого) всеми самостоятельными, свободными, дееспособными и взрослыми мусульманами в пользу нуждающихся единоверцев.

для покрытия расходов русской казны на ведение последней войны, вызванной самим ханским правительством и хивинским народом»¹.

Условия эти с обеих сторон: с одной стороны – туркестанским генерал-губернатором, Генерал-Адъютантом фон Кауфманом I-м с другой – владельцем Хивы, Сеид-Магомед-Рахим Богадур-ханом, установлены и приняты к точному исполнению и постоянному руководству, в саду Гендемян (лагерь русских войск у Хивы) августа в 12 день 1873 года (месяц раджаб в I-й день 1290 года)².

Как видно из договора, Российская империя ставила задачу полного покорения Хивинского ханства и использования экономического потенциала этого государства на благо метрополии.

15 августа 1873 года на правый берег переправился командующий войсками Князь Евгений Максимилианович Романовский, который оставался при туркестанских войсках до самого выхода их, уже с правого берега Аму, в обратный поход, после возведения укрепления на избранном месте. Наименование этого укрепления Петро-Александровским было предложено именно им. Как пишет в своих дневниках один из участников похода Ф. И. Лобысевич, «в хозяйственном отношении, позиция, выбранная для расположения Аму-Дарьинского отряда, не оставляла желать ничего лучшего. Местность здесь довольно возвышенная... и совершенно здоровая. Растительность кругом устраиваемого расположения войск – достаточно... Окрестности укрепления заселены почти сплошным населением от г. Шурухана до Аму. Большая часть предметов потребления для войск находилась у них под рукой, а в 4-х верстах от укрепления – большой шуруханский базар. Расположение близ Шуруханов представляло выгоды и в других отношениях. Все население вновь занятого нами края делится на два главные элемента: оседлое и кочевое. Первое из них и часть кочевников, в том числе туркмены рода ата, группируются в шуруханском округе, начиная от урочища Ак-камыша до кишлака Зенгияба за Рахметбийбазаром. Расположение отряда, а также и управление населением Аму-Дарьинского отдела вблизи Шуруханов отвечали условию близости на первое время административного центра к оседлому населению; оно, по необходимости, было весьма удалено от главного средоточия кочевого населения отдела – каракалпаков и киргиз, находящегося в дельте Аму-Дарьи и на Даукаре. Хотя это последнее обстоятельство составляло важное неудобство, но приходилось жертвовать либо близостью к оседлому, либо близостью к кочевому населению.

Расположение у Шуруханов было выгодно в том отношении, что на первое время нашего водворения на Аму-Дарье, очень важно было посто-

¹ Лобысевич Ф. И. «Описание Хивинского похода 1873 г.» // По материалам особой комиссии, учрежденной тотчас после похода, учрежденного под председательством Начальника Полевого Штаба. СПб(б): Типография Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная польза», 1898. 277 с. С. 268–270.

² Там же. С. 270–271.

янно следить и своевременно знать о всем совершающемся в Хиве. Позиция у Шуруханов в этом отношении наиболее удобна, так как она находится на ближайшем с правого берега пути к Хиве. Важное значение избранного места заключается еще в том, что оно удобнее и лучше другого пункта охраняет и обеспечивает – как все сообщения Аму-Дарьинского отдела с сыр-дарьинскою линией, так и главный караванный путь, идущий из Казалинска, чрез Аристан-бел-кудук, в Бухару. Наконец в экономическом отношении имеет значение близость расположения от Шуруханов таких торговых центров Хивинского ханства, как Ханка и Новый Ургенч, находящийся на левом Берегу Аму. Между обоими названными пунктами и шуруханским шабаз-валиским районами существуют постоянные торговые сношения, и многие из ургенчских и ханкинских торговых людей имеют свои лавки и склады на шуруханском базаре; в свою очередь, многие из жителей правого берега имеют свои дома и семьи на левом берегу, так что связь отсюда с левым берегом постоянная и непрерывная»¹.

Как видно из этого уникального документа, царский офицер, имевший специальное поручение фиксировать в дневниках все самое главное в походе на Хиву, довольно четко, по-военному изложил основные задачи и цели Российской империи в этом регионе. На самом деле закреплённые в договоре положения и определили суть дипломатических отношений двух стран. Никакого дипломатического представительства, как в Бухарском эмирате, в Хивинском ханстве не предусматривалось. Все вопросы дипломатических отношений с Хивинским ханством были возложены на руководителя Аму-Дарьинского отдела. Как продолжает свидетель похода Ф. И. Лобысевич: «Оба эти ханства существуют полусамостоятельно. Бухарскому эмиру еще дозволительно иметь постоянную армию, численностью до 20 тысяч человек при 20 орудиях, хотя имеющую, скорее, полицейский характер. Хивинский хан лишен и этого права»².

«Начальником вновь учрежденного Аму-Дарьинского отдела назначен был полковник Иванов. В двух участках этого отдела: чимбайском и шуруханском считалось около 109 585 душ»³.

Однако фон Кауфман «вошел во вкус» и решил не останавливаться на достигнутом. «Представление Кауфмана об окончательном занятии Хивы однако же встретило сильный отпор в министерстве иностранных дел, который, прежде всего, признал, что положение дел в ханстве «не настолько критическое», во-вторых, сослался на высочайшую волю «о непрременном сохранении самостоятельности Хивы, хотя бы при помощи нашей военной силы для обуздания туркменов». Сообщая об этом в письме от 10 ноября 1874 года за № 12, военный министр генерал-адъютант Милютин пишет Кауфману еще следующее: «с своей стороны я разделяю мнение м-

¹ Лобысевич Ф. И. Описание Хивинского похода 1873 г. ... С. 271–272.

² Там же. С. 277.

³ Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 2. СПб(б): Типо-литография В. В. Комарова, 1906. 546 с. С. 289.

ва ин.дел. [МИДа. – Ш. М.]... Я не могу не обратить, прежде всего, внимания на тот факт, что собственно в пределах нашего Аму-Дарьинского отдела беспорядков почти совершенно не происходит. Возникающие же волнения внутри Хивинского ханства не имели до сих пор характер общего возстания против хана или такого междуусобия среди хивинцев, в котором были бы затронуты наши непосредственные интересы. Таким образом, во многих случаях для нас возможно было держаться более нейтрального положения относительно Хивы». Далее Милютин приводит соображение, что даже «временные походы наши на левый берег Аму-Дарьи все-таки для нас будут менее обременительны, нежели присоединение Хивы к пределам империи, что как вашему пр-ву [превосходительству. – Ш. М.] известно, противоречило бы видам правительства»¹. Таким образом, полное завоевание Хивы не состоялось благодаря политическим соображениям, а точнее, англо-русскому соперничеству, так как мировые державы внимательно следили за действиями Российской империи в Средней Азии. Однако вмешательство во внутренние дела ханства со стороны Аму-Дарьинского отдела продолжалось до 1917 года. Одной из причин была тема взаимоотношения Хивинского хана и туркменских родоплеменных вождей. «Итак, хивинского хана отстаивали два министра: Горчаков и Милютин, предоставив Иванову только наказывать туркмен... Мы видели, что Иванов уже не преминул воспользоваться этим разрешением и положительно без всякого основательного повода произвел набег в январе 1875 года «на ту сторону»², не встретив ни малейшего сопротивления. Туркмены очевидно осознали, что бороться с русскими им не под силу. И присмирели... Военный министр на представление Кауфманом соображений Иванова о необходимости вмешательства во внутренние дела текинцев заметил, что мелкие грабежи не представляют чего-либо исключительного и что «нам нет никакой» надобности принимать на себя роль полицеймейстеров среди соседнего нам кочевого населения, что могло повести к нескончаемым столкновениям, которые в настоящее время правительство желает избежать». (Предписание Кауфмана из Петербурга 23 января 1876 г. № 47. Дело № 12 строев. отдел)³.

В награду за свои заботы о Хиве Иванов был произведен 4 апреля 1876 года в генералы, но в мае получил запрещение сноситься с текинцами даже через хивинского хана⁴. Однако Иванов не успокаивался и неоднократно обращался к фон Кауфману с предложением завоевать территорию Хивинского ханства. Это, в свою очередь, решило его участь.

На предложение Кауфмана о полном завоевании Хивы военный министр дал ему такое предписание (от 19 мая № 185): «Содержание рапорта вашего превосходительства от 23 марта за № 2, 469, о мерах, принятых в Аму-

¹ Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 2. С. 307.

² Имеется в виду на территорию Хивинского ханства. – Ш. М.

³ Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 2. СПб(б). 1906. С. 307–308.

⁴ Там же. С. 308.

дарьинском отделе к обеспечению спокойствия в крае и в пределах Хивинского ханства, доложено государю императору. При этом в виду представленного бывшим начальником отдела генерал-майором Ивановым соображения относительно занятия нами всего Хивинского ханства его величество соизволил повелеть подтвердить тому лицу, которое заместит его в звании начальника отдела, прежнее положительное высочайшее повеление, чтобы не допускать никаких действий или распоряжений, которые могли бы привести к необходимости занятия Хивы, так как подобное действие было бы совершенно противно видам государя императора в настоящее время»¹. Как видно из мнения современников, Иванов «перешел рубикон», за что и был отозван. Не без иронии, автор многотомного труда о завоевании Средней Азии генерал М. А. Терентьев дает оценку произошедшим событиям. «После такого окрика: «руки прочь», а главное, после смены Иванова, аппетиты сразу исчезли и невозможное будто бы существование Хивы тянется благополучно вот уже третий десяток лет, даже без походов по льду на ту сторону! С отзыванием Иванова и дела в ханстве поправились, так как власть хана, подавляемого высокомерием сары-сакала (желтобородого – так звали Иванова туземцы), опиравшегося на обширные полномочия и доверие Кауфмана, – тотчас выросла. Преемники Иванова, в виду непреложной воли Государя, не позволяли уже себе прежнего повелительного тона с ханом, что конечно, тотчас было замечено сановниками и перешло в народ»².

После установления протектората Российской империей над Хивой внутренняя жизнь ханства продолжается по своим внутренним законам. Междоусобная борьба и борьба за власть между различными группировками переходят на новый уровень и становятся предметом регулирования со стороны руководства Аму-Дарьинского отдела. Однако это тема отдельного исследования. Нужно указать на стремление некоторых правящих кругов Хивинского ханства, учитывая возможность сравнения с российской действительностью, произвести в Хивинском ханстве прогрессивные реформы. Для этого было отправлено несколько делегаций в Петербург и Ташкент – столицу Туркестанского генерал-губернаторства специальных посольских делегаций.

В 1900 году в Петербург прибыла делегация во главе с сыном Хивинского хана Мухаммад Рахимхана II (1864–1910 гг.) Саидом Асфандиером Тура (1910–1918 гг.). В составе делегации были следующие сановники: Хусаинбек, Мухаммад Вафо, Ислом Хужа и Омонкельды³. Саид Асфандиер был «удостоен чести» встретиться с императором Николаем II, которому и было передано личное послание Хивинского Хана. Саид Ас-

¹ Там же. С. 315.

² Там же. С. 315.

³ Гулбоев Н. Н. XIX аср охири – XX аср бошларида Хива хонлигида элчилик муносабатлари // Илмий туплам «Ўзбекистонда элчилик хизмати тарихидан: талкин ва тахлил». Тошкент: Adabiyot uchqunlari, 2016. 272 с. С. 213.

фандиер Тура¹ был награжден орденом Святой Анны первой степени. Посольская делегация получила возможность посетить различные достопримечательности, производственные и военные объекты Петербурга: мануфактуры, театры и военные учения². Все объекты произвели на членов делегации огромное впечатление.

В 1901 году посольская делегация Хивинского ханства во главе с Асфандиером Тура прибыла в Ташкент с целью поздравления назначенного на должность Туркестанского генерал-губернатора Иванова. Асфандиер Тура выразил пожелание об укреплении сотрудничества между Хивинским ханством и Российской империей³.

Интересно, что руководство Российской империи, несмотря на статус двух ханств в качестве протекторатов, соблюдала дипломатический протокол и встречало послов Хивинского ханства и Бухарского эмирата в соответствии с этими международными требованиями. Так, в 1910 году 24 июня главный визирь Хивинского ханства Ислох ходжа во главе посольской делегации прибыл в Ташкент для встречи с Туркестанским генерал-губернатором Самсоновым. Посольская делегация прибыла в Ташкент в отдельном вагоне, и так как по телеграмме было предварительно извещено о прибытии этой делегации, ее встречали на вокзале члены Туркестанского краевого руководства: представитель начальника штаба военного округа Михайлов, дипломатический чиновник Калмыков, градоначальник Ташкента, главный полицмейстер города и др. Встреча делегации происходила под звуки военного оркестра. Послы были размещены в «Гранд-отеле». 28 июня Туркестанский генерал-губернатор Самсонов пригласил членов делегации на торжественный завтрак в свою резиденцию. На завтраке присутствовали: командующий 1-туркестанского корпуса, начальник канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, представители дипломатических миссий и другие высокопоставленные чиновники⁴. Члены делегации были награждены ценными подарками.

Основная цель прибытия хивинской делегации была в информировании руководства Туркестанского генерал-губернаторства о том, что в Хиве намечены прогрессивные реформы, в числе которых построение промышленных предприятий, укрепление торговых связей. Одной из главных целей приезда делегации была и в том, чтобы решить вопрос о назначении заместника Саида Асфандияра на престол. Кандидатура заместника была одобрена высшим руководством Российской империи, о чем и было сообщено членам делегации.

¹ Буквально Принц или престолонаследник. – Ш. М.

² Гулбоев Н. Н. XIX аср охири – XX аср бошларида Хива хонлигида элчилик муносабатлари. С. 213.

³ Там же. С. 214.

⁴ Гулбоев Н. Н. XIX аср охири – XX аср бошларида Хива хонлигида элчилик муносабатлари ... С. 214-215.

В 1917 году после революционных событий в Петрограде начинается новый этап дипломатических отношений Российского государства – Бухарского эмирата и Хивинского ханства.

В заключении необходимо отметить следующее. После завоевания Средней Азии и образования Туркестанского генерал-губернаторства в составе Российской империи в 1867 году вся дипломатическая деятельность сосредоточилась в руках первого туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана (1867–1882) в силу данных ему особых полномочий, в том числе объявлять и начинать войну соседним государствами и заключать мир. Последующие туркестанские генерал-губернаторы таких полномочий не имели.

С 1875 года в Бухаре учреждается должность дипломатического чиновника, который и вел эту работу вплоть до 1917 года, информируя в основном Министерство Иностранных Дел Российской империи. Аналогичной должности в Хивинском ханстве учреждено не было. Связь с ханством в основном происходила через начальника Амударьинского отдела, который в силу своей специфической должности в основном информировал МИД. Туркестанские генерал-губернаторы, как было указано выше, информацию о положении в ханствах получали по мере необходимости. Главной проблемой после 1882 года, т. е. после смерти фон Кауфмана, становится межведомственная разобщенность и сложная бюрократическая машина Российской империи. Туркестанское генерал-губернаторство с момента своего образования в 1867 году было в подчинении Военного ведомства, а остальные территории Российского государства находились в подчинении МВД. До 1917 года на правительственном уровне шла постоянная межведомственная борьба и неразбериха между Военным ведомством, МВД и МИДом за лоббирование своих интересов в Средней Азии, что, в общем, не приносило в должной мере положительных результатов для развития региона.

Сохранение протектората над Бухарским эмиратом и Хивинским ханством и отказ от полного завоевания этих территорий со стороны Российской империи было вынужденной политикой в процессе англо-русского соперничества в регионе. Посольские делегации из этих ханств в Ташкент и Санкт-Петербург, вплоть до 1917 года, являлись индикатором «налаженных дипломатических отношений» с этими странами и давали возможность «сохранить лицо» перед мировым сообществом. Естественно, что все было гораздо сложнее. Однако, в первую очередь, имидж «цивилизованной» державы для Российской империи имел приоритетное значение.

Для того, чтобы иметь полное представление об этом периоде, необходимо продолжить комплексное изучение материалов этой проблемы. Дипломатические отношения суверенного Узбекистана в исторической ретроспективе должны стать предметом более подробных исследований с привлечением новых, еще не известных источников на многих языках мирового сообщества.

Список источников и литературы

1. Гулбоев Н. Н. XIX аср охири – XX аср бошларида Хива хонлигида элчилик муносабатлари // Узбекистонда элчилик хизмати тарихидан: талкин ва тахлил. Тошкент: Adabiyot uchqunlari, 2016. 272 б. (Гулбоев Н. Н. Дипломатические отношения Хивинского ханства в конце XIX – начале XX века // Из истории дипломатии в Узбекистане: анализ и комментарии. Сборник статей. Ташкент: Adabiyot uchqunlari, 2016. 272 с.)
2. Жамолова Д. Ж. Мирза Салимбекнинг дипломатик махорати // Узбекистонда элчилик хизмати тарихидан: талкин ва тахлил. Тошкент: Adabiyot uchqunlari, 2016. 272 б. (Жамолова Д. Ж. Дипломатическое искусство Мирза Салимбека // Из истории дипломатии в Узбекистане: анализ и комментарии. Сборник статей. Ташкент: Adabiyot uchqunlari, 2016. 272 с.)
3. Лобысевич Ф. И. Описание Хивинского похода 1873 г. // По материалам особой комиссии, учрежденной тотчас после похода, учрежденного под председательством Начальника Полевого Штаба. СП(б).: Высочайше утвержденная Типография товарищества «Общественная польза», 1898. 277 с.
4. Пален К. К. Краевое правление. СП(б).: Сенатская типография, 1910. 270 с.
5. Почекаев. Р. Ю. Губернаторы и Ханы. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 384 с.
6. Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 2. СП(б).: Типография В. В. Комарова, 1906. 546 с.
7. Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии. СП(б).: Типография П. П. Меркулева, 1875. 361 с.
8. ЦГА Руз. Ф.И-1. Оп. 34. Д. 603. Л. 1–4.
9. ЦГА Руз. Ф.И-2. Оп.2. Д. 515. Л. 11–12.
10. Эргашев Б. Делопроизводственная деятельность канцелярии Туркестанского генерал-губернатора. Ташкент: Фан, 2015. 224 с.

КИТАЙ, РОССИЯ, ИРАН: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

А. Г. Данков
(НИ ТГУ, Томск)

БОЛЬШАЯ ИГРА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XIX В. В КОНТЕКСТЕ БОЛЬШОЙ АЗИАТСКОЙ ПОЛИТИКИ: МЕСТО И РОЛЬ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация: В статье рассматривается эволюция подходов отечественных и зарубежных историков к оценке места и роли Цинской империи в военно-политическом соперничестве Российской и Британской империй в Центральной Азии в XIX веке. На основе анализа широкого спектра исторических работ, посвященной данной теме, делается вывод о том, что восприятие Цинской империи и ее политики в Центральной Азии прошло долгий путь от объекта имперского противоборства к самостоятельному, сначала периферийному, а потом к одному из главных игроков, мотивы которого играли определяющую роль в имперском военно-политическом противоборстве на просторах Евразии в XIX – начале XX веков. В то же время подчеркивается, что трактовка действий Цинской империи в большинстве случаев зависит от политической конъюнктуры.

Ключевые слова: внешняя политика Цинской империи, Большая игра, Центральная Азия, историография, англо-русское соперничество.

Распад СССР и образование новых независимых государств в Центральной Азии изменили архитектуру международных отношений в центре Евразии. Развитие современных международных отношений, политическая и экономическая нестабильность, борьба за влияние в регионе заставляют историков и публицистов обратиться к истории Большой игры в Центральной Азии. Несмотря на то, что невозможно провести прямую аналогию между событиями, которые имели место более 150 лет назад, и нынешней ситуацией в регионе, изучение исторического опыта все же позволяет сделать обоснованные выводы относительно современных международных отношений в регионе и избежать повторения многих ошибок, которые были совершены в прошлом.

Глобальные изменения на политической арене, развитие технологий, введение в научный оборот многочисленных документов той эпохи на русском, английском, китайском и маньчжурском языках – все это способствовало поистине тектоническим сдвигам в изучении исторических процессов в Центральной Азии XVIII – начала XX в. за последние 40 лет. Это был период бурного расцвета новых историографических школ, формирующих новый взгляд на исторические процессы в регионе.

Классическая трактовка Большой игры в Центральной Азии рассматривала эти события как противоборство двух европейских империй – Российской и Британской, которые, решая свои геостратегические задачи,

трансформировали политический и экономический ландшафт Центральной Азии, вмешивались во внутренние дела стран региона, проводили границы и разделяли сферы влияния. Дискуссия велась лишь о мотивах расширения имперского присутствия в регионе, методах и инструментах имперской политики, степени самостоятельности местной колониальной администрации при принятии тех или иных решений¹.

Становление и развитие британской и российской имперской историографии англо-русского соперничества в Центральной Азии проходило на фоне противоборства между сторонниками двух школ: «искусного бездействия» и «наступательной политики», которые сформировались сначала в Великобритании, потом в России в ходе широкой общественно-политической дискуссии по внешнеполитическим вопросам в 50–60-х гг. XIX в. В их создании принимали участие видные политические и военные деятели, дипломаты, сотрудники колониальной администрации, путешественники, историки и публицисты, большинство из которых зачастую выступали в одном лице. Обсуждение проблем и приоритетов британской и российской политики в Центральной Азии не было просто академической дискуссией, оно во многом отражало и борьбу за приоритеты внешней политики Российской и Британской империй. Результатом этого стало то, что зачастую действия России и Великобритании в Центральной Азии напрямую зависели от быстро меняющегося геополитического расклада сил в регионе и за его пределами. Во многом именно эта «родовая травма» преследует историографию Большой игры до сих пор. В этой ситуации Цинский Китай в классической историографии рассматривался как объект для проведения имперской политики наряду с другими странами Евразии, которым отводилась пассивная роль², и упоминался в контексте исследовательских миссий или как театр потенциальных военных действий³.

Русская революция 1917 года и последующие события трансформировали подходы и оценки событий Большой игры в первую очередь в российской историографии. В 20-х гг. XX в. резко изменилось русло развития отечественного востоковедения, в том числе и изучение англо-русских противоречий в Центральной Азии, что было связано с появлением марк-

¹ См., например, Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии, Спб., тип. П. П. Меркулева, 1875. 361 с.; Rawlinson H. England and Russia in the East. L.: J. Murray, 1875, 487 p.; Bougler D. England and Russia in Central Asia. L.: W.H. Allen, 1879, 286 p.

² Bougler D. Central Asian Question. Essays on Afghanistan, China and Central Asia. L., T. Fisher, 1885, 350 p.

³ Например, см.: Путешествия Н. М. Пржевальского в Восточной и Центральной Азии. Обработаны по подлинным его сочинениям М. А. Лялиной / Пржевальский Н. М. – СПб.: Изд-е А.Ф.Девриена, 1891. 304 с.; Пржевальский Н. М. Четвёртое путешествие в Центральной Азии: от Кяхты на истоки Жёлтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима. 1-е изд. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1888. II, III, 537 с.; Dabbs J. History of Discovery and Exploration of Chinese Turkestan. «Central Asiatic Studies», 1963. Vol. 8.

систской школы. Становление марксистской историографии происходило на фоне острого противостояния с представителями дореволюционного немарксистского направления.

Крупнейшим историком этого периода, который заложил основы марксистской исторической школы, можно назвать Михаила Николаевича Покровского, исторические работы которого явились попыткой противопоставить новую марксистскую историографию старой дореволюционной и дать развитию исторической науке новую направленность. Среди наиболее значительных работ М. Н. Покровского о внешней политике царской России в XIX – начале XX в. можно указать его книгу «Дипломатия и войны царской России в XIX в.»¹. В разделах данной книги, посвященных политике России в Центральной Азии, был сделан акцент на разоблачение «зверств» царизма в этом крае, «беспощадных кровавых расправ с туземцами», «дикой эксплуатации населения» и т. д. М. Н. Покровский рассматривал торговую конкуренцию России и Великобритании на среднеазиатских рынках и эксплуатацию владений в Центральной Азии как основные элементы англо-русского соперничества, основной причиной которого он видел экономический аспект. Внешнюю политику России автор рассматривал как агрессивную, империалистическую, направленную на захват колоний, источников сырья и рынков сбыта. Взгляды М. Н. Покровского на внешнюю политику Российской империи легли в основы так называемой школы Покровского, которая считала расширение территории России в Центральной Азии «абсолютным злом» для народов этого региона.

В середине 30-х гг. XX в. с торжеством марксистской школы характер историографических работ изменился. Концепция внешней политики царизма в XIX в., выдвинутая М. Н. Покровским, уже не отвечала интересам советского руководства и была подвергнута острой критике. Важным результатом критики концепции М. Н. Покровского стало опровержение тезиса об «абсолютном зле», которое несла Россия всем покоренным народам. Были пересмотрены и выводы историка об агрессивности России и оборонительной позиции Великобритании в центральноазиатском вопросе. В целом развитие историографии англо-русского соперничества в 40-х гг. XX в. привело к трансформации некоторых тезисов. Тезис об агрессивности Российской внешней политики был заменен тезисом о взаимной агрессивности России и Великобритании. «Положение было вовсе не таково, будто бы Россия наступала, а Англия оборонялась. В Средней Азии сталкивались два встречных потока экспансии. И Россия, и Англия вели наступательную политику, и при этом обе опасались друг друга»². Присоединение Центральной Азии к России стало рассматриваться как «меньшее зло» по сравнению с британской экспансией. Необходимо отметить, что крити-

¹ Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX в. М., Красная новь, 1924., 392 с.

² История дипломатии. Т. 2. Государственное издательство политической литературы, 1945. С. 26.

ка концепции М. Н. Покровского в конце 30-х – начале 40-х гг. XX в. получила характер шумной кампании, причем некоторые ученые отступали от исторической правды, приписывали Покровскому тезисы, которые он никогда не высказывал. О том, как велась критика трудов М. Н. Покровского, можно судить по сборнику статей, вышедшему в двух частях в 1939–1940 гг.¹

Начало 50-х гг. XX в. характеризуется пересмотром концепции «наименьшего зла». Из этой формулы, по наблюдению американского историка Л. Тиллета, постепенно вымывается понятие «зло», приоритетным становится показ исторической обусловленности присоединения². Другой отличительной чертой тех лет явилось зарождение тенденции к выделению «цивилизаторской роли революционной России», приглушения завоевательных аспектов политики царской власти Центральной Азии. Эта тенденция закрепилась и получила дальнейшее развитие в течение 50–60-х гг. XX в., сопровождаясь дискуссиями и возрастающим потоком публикаций по вопросам характера присоединения Центральной Азии к России, его «прогрессивных последствиях» и «добровольности» вхождения народов Центральной Азии в состав Российской империи³. Находясь под бдительным идеологическим контролем, историки вынуждены были зачастую искусственно обосновывать концептуальный вывод о том, что только под влиянием революционных событий в России народы Центральной Азии смогли выйти из «вековой отсталости» к «вершинам исторического прогресса». В этом историки видели «важнейшее решающее прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России»⁴.

С разворачиванием холодной войны Большая игра стала рассматриваться в рамках идеологического противоборства между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. В работах историков все чаще проявлялось противопоставление британской и русской политики в контексте «прогрессивная-захватническая» и наоборот, взаимные обвинения в агрессивных планах и методах имперской политики. Важной задачей исследователей было доказать, что английский колониализм хуже российского или наоборот, вскрыть уязвимость научной аргументации своих оппо-

¹ Против исторической концепции М. Н. Покровского. Ч. I. М.–Л., Акад. наук СССР, 1939, 501 с.; Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. Ч. II, М.–Л., Акад. наук СССР, 1940, 503 с.

² Tillet I. R. The Great Friendship: Soviet historians on the Non-Russian nationalities. Chapel Hill, 1969. P. 161.

³ Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, Издательство Академии наук Казахской ССР. 1948. 254 с.; Раджабов С. А. Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии. Ташкент, Госиздат УзССР, 1955. 211 с.; Раджабов З. Ш. К вопросу об исторических корнях дружбы народов Средней Азии с великим русским народом. Сталинабад: Таджикгосиздат, 1954. - 115 с.; Джамгерчинов Б. Д. Важный этап в истории киргизского народа. К столетию присоединения Киргизии к России. Фрунзе, Киргизгосиздат, 1957. 93 с.

⁴ Пясковский А. В. К вопросу о прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России // Вопросы истории. 1959. № 8. С. 21–46.

нентов-историков, тенденциозность освещения ими действий русских или англичан в Центральной Азии, разоблачить версию о «русской угрозе» Индии или «агрессивной политике» Великобритании в Афганистане. Об этом говорится практически в большинстве исследований ученых, советских и западных, в первую очередь британских и американских, по проблеме англо-русского соперничества в Центральной Азии¹.

В 60–80-х гг. XX века в историографии англо-русского соперничества в Центральной Азии одно из центральных мест заняла дискуссия о том, какие факторы – экономические или политические – преобладали в планах российского правительства в отношении Центральной Азии накануне и в период ее завоевания. Это было единственная дискуссия, более-менее свободная от идеологических оценок.

Историческая роль Цинской империи в Большой игре также претерпела значительные изменения. С одной стороны, оценки места и роли Цинской империи в Большой игре в Центральной Азии в этот период также серьезно зависели от политической конъюнктуры. Так, политический конфликт между СССР и КНР в 60–70-х гг. XX века нашел свое отражение в острой взаимной критике исторических концепций и подходов китайских и советских ученых². Например, занятие Илийского края русскими войсками и их пребывание там в 1871–1881 гг. советские историки трактовали как «вынужденный шаг русского правительства, связанный с обострившейся в результате антицинских выступлений в Синьцзяне военно-политической обстановки на границах Казахстана, а также с англо-русскими противоречиями»³. В то же время их китайские коллеги – авторы коллективной работы «История агрессии царской России в северо-западных районах Китая» под редакцией Го Шэнью и Хэ Чэньхуа утверждали: «...в течение 10 лет Россия осуществляла здесь [в Илийском крае.

¹ Хидоятов Г. А., Маннанов Б. С. Против фальсификации исторического значения присоединения Средней Азии к России // Против буржуазных фальсификаторов. М., Наука, 1983. С. 38–50; Маннанов Б. С. Современная буржуазная историография о некоторых аспектах истории англо-русских отношений на Среднем Востоке (из истории «Большой игры») // Там же. С. 51–75; Fraser-Tyler W. K. Afghanistan. A study of political developments, in Central Asia, Oxford University Press, 1950, 289 p. Gillard D. Struggle for Asia, 1828–1914. A Study in British and Russian Imperialism. L., Methuen, 1977, 356 p.; Morgan G. Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810–1895. Frank Cass and Co., Ltd., 1981. 264 p.

² Гуревич Б. П. Великоханьский шовинизм и некоторые вопросы истории народов Центральной Азии в XVIII–XIX веках // Вопросы истории. 1974. № 9. С. 45–63; Кузнецов В. С. Агрессия Цинской империи в Центральной Азии (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) // Новая и новейшая история. 1979. № 1. С. 48–61; Гуревич Б. П. Некоторые вопросы истории Казахстана и Средней Азии и их извращение в печати КНР // История СССР. 1979. № 2. С. 192–193.

³ Гуревич Б. П. История «Илийского вопроса» и ее китайские фальсификаторы // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. Сборник статей. М.: Мысль, 1982. С. 423.

— А. Д.] кровавый режим колониального господства»¹. С другой стороны, Империя Цинов все же стала восприниматься как самостоятельный игрок, хотя и периферийный, а ее политика в Центральной Азии рассматривалась в контексте борьбы с Джунгарским ханством и общей военно-политической ситуацией в Синьцзяне.

Однако к концу 80-х гг. XX века на фоне потепления отношений СССР с США и КНР становится очевидно, что причины, ход и последствия Большой игры между Россией и Великобританией невозможно до конца понять, не зная место и роль в этих событиях участников второго уровня: Персии, Османской и Цинской империй. Традиционное восприятие Большой игры как противоборства европейских держав на просторах Азии не позволяет в полной мере понять многогранность этого соперничества, тем более что рассматривать его вне политических процессов, происходивших в тот период на Ближнем и Среднем Востоке, в Южной и Восточной Азии просто бессмысленно.

Первой ласточкой стало появление школы «Новой истории Цин», которая приобрела известность в Соединенных Штатах в конце 1980-х — начале 1990-х годов, когда американские ученые начали изучать маньчжурский язык и смогли воспользоваться недавно открытыми архивами на китайском и маньчжурском языках, что привело к значительному пересмотру истории маньчжурской династии Цин². Произошел «евразийский» поворот, который рассматривал маньчжурскую династию Цин как принципиально отличающуюся от большинства более ранних династий и больше похожую на Османскую или Российскую империи. Странники этой школы утверждали, что Цин рассматривала себя как универсальную империю, многонациональное государство, в котором Китай является центральным и экономически важным, но не единственным компонентом.

Следующий этап связан с распадом Советского Союза и формированием новых национальных историографий и трактовок имперского соперничества в Центральной Азии. Важно подчеркнуть, что это касается не только историографий новых независимых государств Центральной Азии, но и российской историографии, которая также пыталась найти свое место в новом мире. Отличительной особенностью этого периода является острая взаимная критика историков, так называемая война историографий³.

Новый этап трансформации подходов к Большой игре в Центральной Азии связан с ростом экономического и политического влияния Китая в регионе в первой четверти XXI века. С одной стороны, это приводит к тому, что китайские авторы пытаются изучить и переосмыслить историче-

¹ Ша Э цинь люэ Чжунго сибэй бяньцзе цзянши, Пекин, 1978. С. 206.

² Perdue Peter C. China Marches West: the Qing Conquest of Central Asia. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2005, 505 p.

³ См. например, Данияров К. История Казахского государства XV–XX вв. Ч. 1. Алматы, Жибек жолы, 2000, 198 с.; Исмаилова Ж. Х. Национально-освободительное движение в Туркестане в начале XX в. Ташкент, Фан, 2002, 55 с.

ский опыт геополитического соперничества великих держав для того, чтобы извлечь уроки для Китая, который реализует широко известную инициативу «Пояс и путь» на просторах Евразии.

Так, китайский исследователь Ду Чжэюань отмечал, что в этом историческом процессе [Большой игре – А. Д.] Великобритания и Россия проводили не мудрую, а радикальную политику противоборства. Это дало им много опыта и уроков, которые можно извлечь для великих держав последующих поколений. Поэтому для Китая, который активно продвигает инициативу «Пояса и дороги» в Центральной Азии, к этому опыту и урокам нужно относиться очень внимательно¹. Также подчеркивается, что проблема сепаратизма в Синьцзяне и Тибете уходит своими корнями в период Большой игры.

С другой стороны, рост влияния Китая в Центральной Азии повышает интерес западных, в первую очередь американских, исследователей к месту и роли Цинской империи в Большой игре, тем более что произошедшее в последние годы расширение доступа в китайские архивы, введение в научный оборот многочисленных документов той эпохи на китайском языке и публикация большого количества работ китайских авторов по данной тематике позволяет совершенно по-новому взглянуть на геополитические процессы прошлого и современности.

В целом можно сказать, что изучение места и роли Цинской империи в Большой игре в Центральной Азии всегда было тесно связано с глобальными и региональными политическими процессами. Восприятие Цинской империи и ее политики в Центральной Азии прошло долгий путь от объекта имперского противоборства к самостоятельному, сначала периферийному, а потом к одному из главных игроков, мотивы которого играли определяющую роль в имперском военно-политическом противоборстве на просторах Евразии в XIX – начале XX веков. В то же время трактовка действий Цинской империи в большинстве случаев зависит от политической конъюнктуры.

Список источников и литературы

1. Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, Издательство Академии наук Казахской ССР. 1948. 254 с.
2. Гуревич Б. П. Великоханьский шовинизм и некоторые вопросы истории народов Центральной Азии в XVIII–XIX веках // Вопросы истории. 1974. № 9. С. 45–63.
3. Гуревич Б. П. История «Илийского вопроса» и ее китайские фальсификации // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. Сборник статей. М.: Мысль, 1982. 526 с.

¹ 杜哲元反思英俄中亚“大博弈”——进程、实质、特点及历史镜鉴意义 // 俄罗斯研究 2018. № 04 С. 163–197 (Ду Чжэюань Переосмысление «Большой игры» между Великобританией и Россией в Центральной Азии – процесс, сущность, характеристики и значение для современности // Русские исследования. 2018. № 04 С. 163–197).

4. Гуревич Б. П. Некоторые вопросы истории Казахстана и средней Азии и их извращение в печати КНР // История СССР. 1979. № 2, С. 192–193.
5. Данияров К. История Казахского государства XV–XX вв. Ч. 1. Алматы, Жибек жолы, 2000, 198 с.
6. Джамгерчинов Б. Д. Важный этап в истории киргизского народа. К столетию присоединения Киргизии к России. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1957. 93 с.
7. Исмаилова Ж. Х. Национально-освободительное движение в Туркестане в начале XX в. Ташкент: Фан, 2002, 55 с.
8. История дипломатии. Под редакцией академика В. П. Потёмкина, Т. 2. Государственное издательство политической литературы, 1945. 560 с.
9. Кузнецов В. С. Агрессия Цинской империи в Центральной Азии (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) // Новая и новейшая история. 01/1979. № 1. С. 48–61.
10. Маннанов Б. С. Современная буржуазная историография о некоторых аспектах истории англо-русских отношений на Среднем Востоке (из истории «Большой игры») // Фальсификаторы истории. Критика буржуазной историографии Средней Азии и стран зарубежного Востока. Ташкент : Фан, 1985. С. 51–75.
11. Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX в. М.: Красная новь, 1924. 392 с.
12. Пржевальский Н. М. Четвёртое путешествие в Центральной Азии: от Кяхты на истоки Жёлтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима. 1-е изд. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1988. II, III, 537 с.
13. Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. Ч. II, М.–Л., Акад. наук СССР, 1940, 503 с.
14. Против исторической концепции М. Н. Покровского. Ч. I. М.–Л.: Акад. наук СССР, 1939, 501 с..
15. Путешествия Н. М. Пржевальского в Восточной и Центральной Азии. Обработаны по подлинным его сочинениям М. А. Лялиной / Пржевальский Н. М. СПб.: Изд-е А.Ф.Девриена, 1891. 304 с.
16. Пясковский А. В. К вопросу о прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России // Вопросы истории. 1959. № 8. С. 21–46.
17. Раджабов З. Ш. К вопросу об исторических корнях дружбы народов Средней Азии с великим русским народом. Сталинабад: Таджикгосиздат, 1954. 115 с.
18. Раджабов С. А. Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии. Ташкент, Госиздат УзССР, 1955. 211 с.
19. Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: тип. П. П. Меркулева, 1875. 361 с.
20. Хидоятов Г. А., Маннанов Б. С. Против фальсификации исторического значения присоединения Средней Азии к России // Против буржуазных фальсификаторов. М., 1983, С. 38–50.
21. Ша Э цинь лэо Чжунго сибэй бяньцзе цзянши. Пекин, 1978. 206 с.
22. 杜哲元反思俄英中亚“大博弈” — 进程、实质、特点及历史镜鉴意义 // 俄罗斯研究. 2018. № 04 С. 163–197 (Ду Чжэюань Переосмысление «Большой игры» между Великобританией и Россией в Центральной Азии – процесс, сущность, характеристики и значение для современности // Русские исследования. 2018. № 04. С. 163–197).
23. Bougler D. Central Asian Question. Essays on Afghanistan, China and Central Asia. L.: T. Fisher, 1885, 350 p.

24. Bougler D. England and Russia in Central Asia. L.: W.H. Allen, 1879, 286 p.
25. Fraser-Tytler W. K. Afghanistan. A study of political developments, in Central Asia, L.: Oxford University Press, 1950, 289 p.
26. Gillard D. Struggle for Asia, 1828– 1914. A Study in British and Russian Imperialism. L.: Methuen, 1977, 356 p.
27. Morgan G. Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810–1895. L.: Frank Cass and Co., Ltd., 1981. 264 p.
28. Perdue Peter C. China Marches West: the Qing Conquest of Central Asia. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2005, 505 p.
29. Rawlinson H. England and Russia in the East. L.: J. Murray, 1875, 487 p.
30. Tillet I. R. The Great Friendship: Soviet historians on the Non-Russian nationalities. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1969. 468 p.

Е. У. Байдаров

(Институт востоковедения МОН РК, Алматы)

КАЗАХСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Аннотация: В работе проведен краткий исторический обзор казахско-китайских отношений второй половины XVIII – первой половины XIX в. на основе уже известных и недавно введенных в научный оборот данных.

Если на протяжении многих столетий взаимоотношения между Великой степью и Поднебесной носили спорадический характер (исключая эпоху династий Хань и Тан), то с образованием Цинского Китая эти отношения в XVIII в., стали носить уже не эпизодический, а постоянный характер. Установление дипломатических отношений с Китаем с этого времени стало одним из важных дел в политической жизни представителей кочевой аристократии, что позволяло отдельным казахским ханам и султанам, а также биям и батырам иметь тесные отношения с Китаем и активно принимать в них участие.

Казахские феодалы для сохранения своей власти и казахской государственности в целом придавали этим отношениям большое политическое значение. Поскольку их протест был направлен против Российской империи, лишившей их законных прав на трон, на управление своими сородичами и своей страной. С одной стороны, продолжая признавать потомков Абылая и других представителей казахской кочевой элиты в качестве легитимных представителей власти в Степи, Пекин, оказывая номинальную поддержку казахским ханам и султанам, выступал в то же время в роли противовеса царской администрации с берегов Невы.

Более полутора столетий спустя казахско-китайские отношения выходят на новый уровень и открывают перед двумя странами новые возможности и перспективы. При этом многовекторная внешняя политика Казахстана продолжает опираться на политические заветы Абылай хана, завещавшего потомкам «более сближаться с Китаем, но хранить согласие с Россией».

Ключевые слова: Джунгария, дипломатия, Казахское ханство, казахско-китайские отношения, Россия, Синьцзян, Цинский Китай.

Стремительное вхождение Китая в мировое сообщество усиливает его влияние на геополитическую ситуацию в мире. В этой связи изучение взаимоотношений Казахстана и Китая дает возможность проследить и глубже понять многие аспекты внутренней и внешней политики современного Китая. Успехи экономических реформ в Китае на фоне распада СССР и образование новых независимых государств Центральной Азии требуют нового осмысления истории этих взаимоотношений.

Как говорится в известной поговорке: «Соседей не выбирают». В этой связи уже своим географическим месторасположением на обширном Евразийском пространстве Республике Казахстан и Китайской Народной Республики суждено быть соседями и поддерживать тесные политические, экономические и культурно-гуманитарные связи. Здесь не может быть места различным фобиям. Поэтому следует согласиться с тезисом авторов коллективной работы «Границы Китая: история формирования», что «история взаимоотношений Китая с его соседями в «Западном крае» – это не история покорения территорий Казахстана и Туркестана, а история спорадических контактов Китайской империи с различными этносами, населявшими казахстанско-туркестанские земли в разные времена»¹.

И сегодня в эпоху глобализации не стоит удивляться тому, что эти взаимоотношения носят уже не спорадический, а постоянный характер. По-другому и не может быть, так как современный диалог культур и цивилизаций задает рамку сближения стран и народов друг к другу.

Естественно, что соседство двух крупных современных государств Евразии вызывает повышенный интерес к ним и у самих граждан, населяющих их. В связи с этим необходимость воспроизводства казахско-китайских отношений в широкой исторической ретроспективе и ее значения для Центральной Евразии вызывает огромный интерес и актуальность одновременно.

Китайские взаимоотношения с регионом, где сегодня располагаются пять независимых государств Центральной Азии, имеют глубокие исторические корни. Китайская внешнеполитическая активность в Центральной Азии приходится на период правления династий Хань и Тан. В послетанскую эпоху вплоть до первой половины XV в. взаимоотношения между насельниками Страны Великой степи и Великой Китайской равнины носили эпизодический характер. Но с образованием Казахского ханства (вторая половина XV в.), пришедшего на период образования Минской империи (XIV–XVII вв.), собственно и начинается «полноценная страница» взаимоотношений между Казахской степью и Китаем, Китаем и государственными образованиями Центральной Азии в целом. Дипломатические и торговые отношения в рассматриваемый период развивались достаточно интенсивно, о чем свидетельствуют

¹ Границы Китая: история формирования / Под общ. ред. В. С. Мясникова и Е. Д. Степанова. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 143–144.

материалы китайских и тимуридских источников¹. Но наиболее ярко казахско-китайские отношения проявились, начиная со второй половины XVIII столетия в период правления маньчжурской династии Цин (1644–1911).

С этого периода история казахско-китайских взаимоотношений выходит на новый уровень. Начиная со второй половины XVIII столетия, отношения Китая и казахских племен становятся постоянными. Завязываются отношения с представителями казахской знати, в лице которых китайские стратеги и дипломаты видели, прежде всего, союзников в борьбе с Джунгарским ханством (1635–1755).

В то же время упорная борьба между джунгарами и казахами на протяжении двух столетий оказала огромное влияние на внутреннее и внешнеполитическое положение Казахского и Джунгарского ханств, на положение других племенных и государственных образований Центральной Азии².

Казахско-китайские взаимоотношения в рассматриваемый период можно разделить на три основных этапа:

1) 1755–1760 гг., годы покорения Джунгарии и Восточного Туркестана;

2) 1760–1767 гг., период, когда Цинская империя обосновалась в Джунгарии и Восточном Туркестане;

3) с 1780 по 1830 гг., от снятия запретов для казахских кочевников занимать под пастбища земли по границе с Синьцзяном, до создания Российской империей в Казахстане внешних округов, т. е. введения новой системы управления, приближенной к общероссийской. Именно против этого и выступали представители казахской кочевой элиты, обращаясь за поддержкой в Пекин³.

Уже первая китайская делегация в 1755 г. должна была заявить казахским правителям о включении Джунгарского ханства в состав Цинской империи. В связи с этим от казахов требовалось прекратить вмешательство в ойратские (джунгарские) дела, т. е. отказаться от политических и экономических контактов с ними.

В истории казахско-китайских отношений в этот период важнейшим был территориальный вопрос. Казахам, занимавшимся кочевым скотоводством, нужны были обширные пространства для круглогодичного содержания скота на подножном корме. Дальнейший процесс феодализации казахского общества, ведущий к незаконным захватам феодалами лучших пастбищных угодий, создавал экономическую необходимость

¹ Каримова Н. Э., Тулибаева Ж. М. Китайские и тимуридские источники о взаимоотношениях Китая и Центральной Азии в конце в конце XIV – первой четверти XV в. // Вопросы истории. 2019. № 7. С. 77.

² Мойсеев В. А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата: Гьльым, 1991. С. 3.

³ Хафизова К. Казахская стратегия Цинской империи. Алматы: Издательский дом «Гаймас», 2007. С. 93–94.

расширения кочевий. Однако эта ситуация входила в противоречие с политическими интересами Китая.

Казахи стремились вернуть опустевшие в результате истребления джунгаров большие территории в самой Джунгарии, где Китай начал возводить укрепления, расширять военные поселения, куда в основном направлялись китайские солдаты – выходцы из крестьян, а на границе с казахскими владениями дислоцировались военные гарнизоны. Тем самым Китай претендовал на все земли, находившиеся под властью Джунгарского ханства, в особенности в период его могущества.

Объясняя причины завоевательных войн Цинской империи в Центральной Азии в XVII–XVIII вв., В. А. Моисеев делает вывод о том, что необходимость покорения маньчжурами Халхи и Джунгарии была обусловлена целями обеспечения безопасности северо-западных рубежей Цинской империи и сохранения собственной власти в Китае¹.

После разгрома Джунгарского ханства и заключения мира с китайцами казахские правители, предприняли ряд дипломатических усилий для возвращения своих земель. Так, в ноябре 1757 г. первые послы тогда еще султанов Абылая и Абулфаиза, направленные в Пекин, пытались добиться признания своих прав на земли в районе хребта Тарбагатай. В итоге, видя упорство возвращавшихся на привычные места проживания казахских племен, в конце 1760-х гг. китайское правительство разрешило казахам пользоваться зимними пастбищами в районе Тарбагатая, а затем и в долине р. Или (Восточный Туркестан, Синьцзян)².

Вхождение казахских земель в состав Российской империи вплоть до конца XVIII в. было больше номинальным, что позволяло отдельным казахским ханам и султанам (Абылай, Абулмамбет, Нуралы, Абулфаиз и др.), а также биям и батырам (Толе би, Кабанбай, Кожаберген и др.) иметь тесные отношения с Китаем и активно принимать в них участие. Ярким примером таких взаимоотношений может быть политическая деятельность Абылая хана (1711–1780) и его потомков.

Абылай хан был сторонником установления международных отношений со всеми соседними государствами (Россия, Китай, Афганистан). Дипломатическая деятельность и опора на внешние силы во многом и стали решающим фактором в признании его правителем. Избранию его ханом в немалой степени способствовали отношения Абылая с Цинской династией, а также усилия по сохранению Семиречья от Иртыша до междуречья Чу-Талас.

¹ Моисеев В. А. О движущих мотивах экспансии Цинской империи в Центральной Азии (конец XVII – середина XVIII в.) (к постановке проблемы) // IX научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Часть II. М.: Наука, 1978. С. 30–39.

² Хафизова К. Установление казахско-китайских отношений в новое время // Тамыр. Искусство, культура, философия. 2001. № 5 (сентябрь–декабрь).

В Коллегию иностранных дел Российской империи российские толмачи (переводчики) докладывали о возможном знании китайского языка ханом Абылаем. Абылай хан впервые от имени казахских ханств установил посольские, торговые и культурные связи с Цинской империей. Его регулярные тайные сношения с Китаем, естественно, требовали хороших переводчиков. Как отмечает К. Хафизова, Абылай хан, скорее всего, владел основами чагатайского письма, которое было одним из языков дипломатической переписки Пекина с государствами Центральной Азии¹.

Грамоты императоров Поднебесной казахским правителям писались на маньчжурском, китайском, монгольском и арабской графикой на тюрки (төте жазу). Возможно, в связи с этим в донесениях в Петербург сообщалось о том, что хан владел китайским языком. Но вполне вероятно, что кто-то из его сыновей, внуков и приближенных мог изучать и знать китайскую грамоту. Например, в письменном наследии знаменитого внука Абылая Чокана Валиханова можно найти записи с упражнениями и словарем китайского языка².

Императорский двор в Пекине был заинтересован в росте влияния Абылая в Казахской степи. Поэтому, принимая посольства хана в столице, Цинские власти призывали посольства других казахских правителей приезжать в Китай вместе с посольствами Абылая. Так, самым крупным было посольство хана во главе с его наследником Вали султаном (1741–1821) в 1769 г. Оно стало решающим в стабилизации обстановки в Семиречье, Алтае и Тарбагатае, международном признании его ханского достоинства, но «не выше того, каким он обладал у казахов». Этому посольству придавалось огромное политическое значение. В честь визита Вали султана император Цяньлун (1736–1796) написал даже стихотворение³.

Прибытие первенца Абылая и его наследника к цинскому двору должно было иметь серьезные политические и экономические последствия для хана. Вали султан должен был служить гарантом лояльного отношения к цинскому правительству в обмен на неизменную поддержку фамилии Абылая как при жизни хана, так и после его смерти.

Здесь следует отметить, что политика Цинской империи в отношениях с казахами в рассматриваемый период преследовала определенную цель, а именно помешать укреплению русско-казахских отношений, тем самым затормозив процесс присоединения Казахстана к России⁴.

¹ Хафизова К. Ш. Китай в моей жизни // Китай глазами казахстанцев. Алматы: КИСИ при Президенте Республики Казахстан, 2012. С. 62.

² Хафизова К. Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Монография. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. С. 339.

³ Хафизова К. Международные связи Вали хана // Мысль. 2015. № 7. С. 63–76; Хафизова К. Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Монография. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. С. 155.

⁴ Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А. Из истории Казахстана XVIII века (о внешней и внутренней политике Аблая). Алма-та: Наука, 1988. 144 с.

Поэтому совершенно права К. Хафизова, утверждая, что при характеристике отношений Абылая с Китаем не следует забывать специфики международных отношений в феодальном государстве, не вкладывать в дипломатические институты тех лет современного содержания. Цинская империя и Казахское ханство находились в одном временном пространстве. Покорив Джунгарию, Цинская империя стремилась быть лидером в доступной ей Азии. Казахско-китайские отношения в этот период следует рассматривать как выражение и желание к добрососедству, гарантий безопасности посольств и торговых караванов. Поэтому за «верноподданнической» фразеологией Абылая к Цинской династии следует понимать уважение к стране с пяти тысячелетней историей. Не нужно также забывать об эпистолярном стиле, принятом на Востоке, о традиционных оборотах, применяемых для обращения к правителям могущественных держав.

Примером такого взаимоотношения может быть, например, письмо знаменитого бия Старшего жуза Толе би (1663–1756) к императору Цяньлууну (1736–1796): «Слуга из Правого отдела казахов коленопреклоненно повергает к стопам великого императора свою благодарность за то, что вспомнили его. Снизойдите до послания слуги, давно желавшего подчиниться, но живущего далеко на окраине земли. Я и Аблай из Левого отдела казахов управляем каждый своей землей. Из-за препятствия со стороны джунгар не могли свободно общаться [с Китаем. – Е. Б.]. Недавно до нас дошла весть о том, что Левый отдел подчинился могущественному владыке и удостоился его щедрых благодеяний. Благоговейно думали, что и к нам милостиво будет направлен небесный посланник, который доставит наставления мудрейшего к великой и искренней радости всех подчиненных, слуг и рабов. С почтением отправляю сына и младших братьев <...> и других предстать пред небесные очи и удостоиться прекрасных нравоучений. Священная особа находится высоко наверху. Слуга желает служить ему изо всех своих дряхлых сил, не допуская двуличия. Передаем на высочайшее рассмотрение нижайшую просьбу заботиться о нас наравне с казахами Левого отдела¹»².

¹ Как отмечает японский востоковед, профессор Токийского университета зарубежных исследований Джин Нода, Правый (цзо-бу) и Левый (юу-бу) отделы, согласно китайским источникам, первоначально обозначали казахские жузы: Старший и Средний. Позднее, когда Цинская империя начала строить отношения с Младшим жузом, расположенным на западе, под термином Си-бу (западная часть) стал подразумеваться Младший жуз, ханы которой также номинально приняли подданство Китая. Со временем вышеприведенные термины были несколько трансформированы, вследствие изменений в казахских правящих кланах. См.: Нода Д. Казахские «бу» в китайских источниках и отношения с Цинской империей // Казахская цивилизация в контексте мирового исторического процесса: Материалы международной конференции. Алматы, 2003. С. 209–215; Noda J. The Kazakh Khanates Between the Russian and Qing Empires: Central Eurasian International Relations During the Eighteenth and Nineteenth Centuries. Leiden, Boston: Brill, 2016.

² Цит. по: Хафизова К. Внешнеполитическая деятельность Толе би // Мысль. 2013. № 10.

Император Цин Цяньлун предписывал свои сановникам поддерживать отношения с казахами, не обращая внимания на присягу, данную их правителями России. Таким образом, Пекин и Санкт-Петербург знали истинное значение так называемого «подданства» степных властителей, и в этом нет ничего предосудительного.

Стратегическим товаром для Китая в торговых отношениях с казахами в этот рассматриваемый период были лошади, нужные для обеспечения военных и хозяйственных нужд. Лошади, с одной стороны, использовались для создания стратегических объектов – конезаводов в Синьцзяне, так как скотоводство в Джунгарии и Монголии было разорено. С другой, рынок поощрял развитие коневодства в Сарыарке и в Семиречье, восстановлению связей по Шелковому пути. Известно стихотворение императора Цяньлуна по этому поводу: «...Их кочевое государство славится небесными конями. Кто же напишет историю наших отношений с ними?»¹. Здесь следует отметить, что император всегда тщательно готовился к встрече с казахскими послами. Так, он давал указания своим чиновникам собирать для него материалы («в китайских анналах об отношениях с государствами на их территории в прошлом, желая видеть продолжение этой истории до дней его правления»². Тем самым Цяньлун видел себя продолжателем внешней политики Хань в Центральной Азии.

Так, своеобразным открытием для казахстанского востоковедения стало выявление в знаменитом Музее восточного искусства Гимэ в Париже уникальной картины итальянского художника Джузеппе Кастильони (1757), придворного художника императора Цяньлуна, где запечатлен дипломатический церемониал подношения даров в виде трех лошадей. Этот художественный документ свидетельствует об активной внешнеполитической деятельности Казахского ханства во второй половине XVIII века и открывает новые страницы в истории казахско-китайских взаимоотношений.

Абылай хан, чья степная дипломатия сегодня ставится в пример современной многовекторной внешней политики Республики Казахстан, пользовался большим уважением и авторитетом в Пекине. Об этом говорит, например, такой эпизод, как проведение обряда поминок по Абылай хану и избрание его наследника в 1780 году. Узнав о смерти одного из исполинов «века казахского рыцарства»³, император Цяньлун распорядился о проведении обряда поминок по хану. Как отмечает К. Хафизова, согласно китайским архивным материалам из фонда Военного Совета (Сзюньцзичу) Первого исторического архива КНР, обряды были проведены по китай-

С. 63–74. Хафизова К. Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Монография. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. С. 75–76.

¹ Цит. по: Хафизова К. Установление казахско-китайских отношений в новое время // Тамыр. Искусство, культура, философия. 2001. № 5 (сентябрь–декабрь).

² Там же.

³ См.: Валиханов Ч. Ч. Абылай // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. в 8-т. Алматы: Дайк-Пресс, 2012. Т. 1. С. 390.

ским (маньчжурским) обычаем. По другим сведениям, посланники императора жгли шерсть, согласно древнему обычаю тюрко-монгольских племен. Таким образом, представители Цинского императора освятили поминки хану Абылаю и избрание его наследника смешанным ритуалом¹. Утвердив в начале января 1781 года Вали в звании хана, Пекин тем самым признал преемственность власти за семьей Абылая и его наследников, закрепив ее в исторической и духовной памяти за династией.

Правя в Среднем жузе на протяжении 40 лет в (1781–1821), Вали хан продолжил политику своего отца по отношению к Китаю. Преследуя как политические, так и экономические интересы, он старался достаточно регулярно посылать своих послов в Китай. Пекину и Петербургу было известно о политических связях казахского хана с противной стороной. Такая многовекторность, начатая еще его отцом, позволяло Вали хану проводить самостоятельную политику, поддерживая нормальные внешнеполитические связи не только с Китаем, но и с соседними державами. Так, китайские дворцовые хроники говорят о семи официальных посольствах Вали хана за 40 лет его правления в 1782, 1787, 1791, 1795, 1800, 1803 и 1809 годах².

В истории казахско-китайских взаимоотношений второй половины XVIII – начала XIX в. большой интерес представляет историко-географический труд «Синьцзян ши люе» (1821). Так, в 12-цзюане³, называемой «Казахская родословная» и состоящей из 32 страниц, приводится список из более 50 имен – послов, состоявших из сыновей и внуков казахских правителей, побывавших с дипломатическими миссиями в Цинской империи с 1757 по 1811 год. Здесь особо следует выделить миссию 1809 г. когда сразу 18 представителей степной аристократии из числа потомков Абылай хана, Абыльмамбет хана (1690–1771) и султана Турсуна побывали в Поднебесной в период правления императора Цзяцина (1796–1820)⁴.

Такое большое количество казахских султанов-чингизидов в императорской столице в один год показывает, какое значение имели для представителей степной аристократии их отношения и контакты с Китаем в тот период. Реально оценивая политическую ситуацию и большую склонность степной элиты к контактам с Цинской империей, следует отметить, что казахские феодалы для сохранения своей власти и казахской государственности в целом продолжали придавать этим отношениям большое политическое значение. «Так материализовался их протест против царской России, лишившей их законных прав на трон, на управление своими сороди-

¹ Хафизова К. Международные связи Вали хана // Мысль. 2015. № 7. С. 63–76; Хафизова К. Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Монография. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. С. 156.

² Там же. С. 16.

³ Цзюань – единица измерения объёма текста в Китае.

⁴ Циньдин Синьцзян ши люе. Б. м., 1821. / См.: Еженхан Б. Қазақ хандығының 1809 жылы Цин патшалығына жіберген дипломатиялық миссиясы (Дипломатическая миссия Казахского ханства в Цинскую империю 1809 года) // Shygy. 2005. № 1. С. 153.

чами и своей страной. Подобные настроения послужили одной из причин мощного восстания под управлением Кенесары хана»¹.

С одной стороны, продолжая признавать потомков Абылая, а также и других казахских ханов в качестве легитимных представителей власти в Степи, Пекин, оказывая номинальную поддержку казахским ханам и султанам, выступал в то же время в роли противовеса царской администрации с берегов Невы.

Поэтому становится понятным, почему Вали хан в последние годы жизни, отстаивая территориальную целостность казахских земель и оценивая агрессивность намерений царского правительства, тяготел именно к Цинской империи. И не случайно, что в российских источниках того периода, фиксируются факты попыток сына хана Вали – Губайдуллы (1770–1852)² добиться политической поддержки от Пекина и закрепления легитимности его султанского статуса и претендента на ханство по причине кончины Вали в 1821 году.

Упразднение царской Россией статуса хана и Казахского ханства в 1821 г. вызвало недовольство степняков. В связи с этим казахские правители, не изолированные от внешнего окружения, искали поддержку в лице своих союзников и покровителей за пределами Казахстана. После ликвидации ханской власти в Среднем жузе в 1824 году и избранием Губайдуллы старшим султаном (ага-султан)³ Кокчетавского округа сын Вали хана неоднократно выражал устное и письменное неодобрение действий местных властей от имени казахского населения Среднего и Старшего жузов. С принятием российской администрацией «Устава о сибирских киргизах» (1822) и последовавшим образованием внешних округов действия Губайдуллы были направлены на установление тесных связей с Цинской империей.

В связи с этим определенный интерес представляет «Высочайшая

¹ Хафизова К. Хан Алтынсары в дипломатической переписке российской и Цинской империй (1809–1874 гг.) // Мысль. 2016. № 2. С. 70–79; Хафизова К. Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Монография. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. С. 307.

² Согласно данным К. Хафизовой, Губайдулла прожил 73 года, и годы его жизни соответствуют 1778–не ранее 1851 гг. / Хафизова К. Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Монография. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. С. 165.

³ Старший султан (ага-султан) – управляющий административно-территориальным округом в казахских степях после ликвидации института ханской власти. Ага-султан, избираемый на три года для управления округом и утверждаемый областным начальством, все дела производил через окружной Приказ. Старший султан имел в суде только право председателя. Во время пребывания в должности за ним признавался чин майора по всей территории Российской империи. После избрания на должность три срока подряд имел право просить диплом на дворянское достоинство Российской империи.

грамота казаху А-би-ла-да (爱毕勒达)»¹, датируемая декабрем 1823 года:

«Мы (император)², услышав весть о смерти твоего отца, испытали глубокую скорбь. Твой дед и отец были весьма послушны и пользовались нашей благосклонностью. Теперь твой отец скончался, и хотя ты (фактически) уже управляешь казахским народом, но, не получив нашего соизволения, не осмеливаешься называть себя ханом, а потому прислал своего младшего брата Жанторе-султана с сообщением о желании народа иметь тебя своим (правителем). Просишь на это нашего указа. (Твоя) почтительность нас весьма радует. Титул хана оставлен тебе твоими предками. При жизни твоего отца ты помогал ему в деле управления кочевьями. Подвластные казахи все почитают тебя, ты умеешь держать их в узде, это нам хорошо известно.

Мы (император) дали специальный указ (пограничным) сановникам препроводить к тебе бумажные деньги и другие ритуальные вещи, дабы провести (от нашего имени) тризну по твоему отцу. Получив данный наш указ, ты должен испытать чувство благодарности за нашу милость, чутко управлять казахским народом, жить в дружбе со своим потомством и братьями, не чинить конфликтов, крепко охранять границу, строго наказывать разбойников, жить в мире с соседями»³.

Уже летом 1824 года из китайского города Кульджи к Губайдулле был направлен отряд цинских войск во главе с амбанем⁴, который должен был содействовать «возведению на ханство Губайдуллы». Однако под Баянаулом (предполагавшееся место встречи) китайский отряд был окружен русскими казаками и препровожден обратно в Синьцзян. Российским Министерством иностранных дел султану Губайдулле было указано на «несовместимость настоящего сего поступка с обязанностями российского подданного»⁵. Подняв в 1824 году восстание против российской власти, которое вскоре было подавлено (1825), Губайдулла был отправлен в пятнадцатилетнюю ссылку в Березов⁶, вернувшись в казахскую степь только в 1847 году.

Как и Губайдулла, другие многочисленные потомки Абылая, чьи кочевья располагались на территории Семиречья, а также потомки других казахских ханов, кочевавшие на границах с Синьцзяном, стремились зару-

¹ Губайдулла.

² Здесь имеется в виду, Даогуан (1782–1850), второй сын Цяньлуна и восьмой император маньчжурской династии Цин, правивший Китаем с 1820 по 1850 гг.

³ Цин Сюаньцзун шилу, цз. 61, л. 39 об. – 41 об. // Цит. по: Хафизова К. Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Монография. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. С. 177.

⁴ Амбань – титул высших китайских чиновников на маньчжурском языке.

⁵ Хафизова К. Борьба за сохранение казахской государственности в XIX веке // Мысль. 2014. № 4. С. 78–83.

⁶ Ныне одноименное село Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области РФ.

читься поддержкой официального Пекина. Быть ханом отвечало личным амбициям, в то же время объективно отвечало интересам казахской государственности в период окончательного подчинения земель Старшего казахского жуза власти Российской империи. Такие попытки предпринимались и знаменитым Кенесары ханом, чья борьба с Российской империей продолжалась многие годы, и другими представителям казахской кочевой элиты. Однако политические события в Китае и «опиумные войны» 40–60 гг. XIX века постепенно ввергли в хаос Цинский Китай. В этих условиях Пекину было уже не до отношений с казахами, хотя цинская практика присуждения ханских титулов казахским султанам продолжалась еще некоторое время. Для сохранения своей власти в Синьцзяне и в интересах безопасности границы официальный Пекин нуждался в лояльном отношении к себе степняков в лице ее элиты.

В заключение исторического обзора казахско-китайских взаимоотношений в рассматриваемый период следует подчеркнуть, что казахско-китайские отношения всегда рассматривались ее лидерами как необходимое условие политических и экономических связей в регионе Центральной Евразии. Уважительное отношение друг к другу, заложенное в те трудные для Казахстана времена, являются ориентиром в двухсторонних дружественных отношениях между современной Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой.

Сегодня казахстанско-китайское сотрудничество приобретает особую актуальность в связи с продолжающимся качественным изменением мира и новыми парадигмами развития XXI века. Значимость Казахстана для Китая и Китая для Казахстана будет возрастать по мере реализации проектов ЭПШП в рамках инициативы «Одного Пояса – одного пути», а также создания азиатско-европейского транспортного коридора.

Набирающее темпы казахстанско-китайское сотрудничество имеет целью дальнейшее укрепление политического доверия, углубление сотрудничества в области совместного обеспечения безопасности и стабильности в регионе; стимулирование экономического сотрудничества, стремление к совместному развитию и процветанию; расширение сотрудничества в гуманитарной сфере и контактов между людьми, укрепление традиционной дружбы между народами двух стран.

Далеко не случайно, что и в казахской, и в китайской культуре есть поговорка: «Близкий сосед лучше дальнего родственника» / «远亲不如近邻». Тем самым наши предки завещали нам находить способы мирного сосуществования. В этом отношении показательно, что в региональном контексте, начиная от Абылай хана, многовекторная внешняя политика Казахстана до настоящего времени не претерпела существенных изменений и осуществляется в соответствии с Концепцией внешней политики Республики Казахстан на 2014–2020 годы. Завещая своим сыновьям выстраивать хорошие отношения с Китаем и Россией, Абылай хан в то же время подчер-

кивал, что следует «более сближаться с Китаем, но хранить согласие с Россией»¹.

Таким образом, обеспечение добрососедских и многоаспектных отношений с Китаем по-прежнему остается в качестве жизненно важных вопросов в повестке дня Республики Казахстан.

Список источников и литературы

1. Валиханов Ч. Ч. Аблай // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. в 8 тт. Алматы: Дайк-Пресс, 2012. Т. 1. С. 386–390.

2. Границы Китая: история формирования: Монография / Под общ. ред. В. С. Мясникова, Е. Д. Степанова. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 469 с.

3. Дай Цин Сюаньцзун чэнь хуанди шилу (Правдивые записи периода правления Даогуан). Токио (Токуо), 1936.

4. Еженхан Б. Қазақ хандығының 1809 жылы Цин патшалығына жіберген дипломатиялық миссиясы (Дипломатическая миссия Казахского ханства в Цинскую империю 1809 года) // Shygy. 2005. № 1. С. 153–168 (на казах.яз.)

5. Каримова Н. Э., Тулибаева Ж. М. Китайские и тимуридские источники о взаимоотношениях Китая и Центральной Азии в конце в конце XIV – первой четверти XV в. // Вопросы истории. 2019. № 7. С. 64–79.

6. Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв). Алма-Ата: Гылым, 1991. 238 с.

7. Моисеев В. А. О движущих мотивах экспансии Цинской империи в Центральной Азии (конец XVII – середина XVIII в.) (к постановке проблемы) // IX научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Часть II. М.: Наука, 1978. С. 30–39.

8. Нода Д. Казахские «бу» в китайских источниках и отношения с Цинской империей // Казахская цивилизация в контексте мирового исторического процесса: Материалы международной конференции (7–8 июля 2003, Алматы). Алматы: Уни-верситет «Кайнар», 2003. С. 209–215.

9. Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А. Из истории Казахстана XVIII века (о внешней и внутренней политике Аблая). Алма-Ата: Наука, 1988. 144 с.

10. Хафизова К. Борьба за сохранение казахской государственности в XIX веке // Мысль. 2014. № 4. С. 78–83.

11. Хафизова К. Внешнеполитическая деятельность Толе би // Мысль. 2013. № 10. С. 63–74.

12. Хафизова К. Казахская стратегия Цинской империи. Алматы: Издательский дом «Таймас», 2007. 104 с.

13. Хафизова К. Международные связи Вали хана // Мысль. 2015. № 7. С. 63–76.

14. Хафизова К. Установление казахско-китайских отношений в новое время // Тамыр. Искусство, культура, философия. 2001. № 5. Режим доступа: <http://tamyr.org/?p=697> (дата обращения 05.06.2019).

15. Хафизова К. Хан Алтынсары в дипломатической переписке российской и цинской империй (1809–1874 гг.) // Мысль. 2016. № 2. С. 70–79.

16. Хафизова К. Ш. Китай в моей жизни // Китай глазами казахстанцев. Алматы: КИСИ при Президенте Республики Казахстан, 2012. С. 34–70.

¹ См. Валиханов Ч. Ч. Аблай // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. в 8 т. Алматы: Дайк-Пресс, 2012. Т. 1. С. 388.

17. Хафизова К. Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Монография. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. 476 с.

18. Циньдин Синьцзян шилкое. Б. м., 1821.

19. Noda J. The Kazakh Khanates Between the Russian and Qing Empires: Central Eurasian International Relations During the Eighteenth and Nineteenth Centuries. Leiden, Boston: Brill, 2016. 370 p. (Islamic Area Studies. Vol. 3).

Приложение

*Дипломатические миссии казахского ханства в Цинский Китай
с 1757 по 1811 гг.¹*

	Имя посла	Год миссии	Принимающий	Примечание
1	?	1757	Император Цяньлун	Посол Абылай хана
2	?	1758	Император Цяньлун	Посол Абылай хана
3	?	1758	Император Цяньлун	Посол Абулфаиз султана
4	Орыс (Урус)	1759	Император Цяньлун	Посол Абылай хана
5	Даулеткерей	1760	Император Цяньлун	Посол Абылай хана
6	Себек	1764	Император Цяньлун	Посол Абулфаиз султана
7	Жошы (Джучи)	1768	Император Цяньлун	Потомок Абилямбет хана
8	Уали (Вали)	1769	Император Цяньлун	Потомок Абылай хана
9	?	1772	Представитель Цин в Кульдже	Посол Болат хана
10	Әділ (Адил)	1773	Император Цяньлун	Потомок Абылай хана
11	Ғадай (Гадай)	1775	Император Цяньлун	Потомок Абилямбет хана
12	Досым	1776	Император Цяньлун	Потомок Турсын султана
13	Сыдық (Сыдык)	1780	Император Цяньлун	Посол Абылай хана
14	Сығай (Шигай)	1782	Император Цяньлун	Посол Абылай хана
15	?	1782	Представитель Цин в Кульдже	Посол Абулфаиз султана
16	Тоқтақушік	1782	Император	Потомок Турсын султана

¹ Таблица составлена по: Еженхан Б. Қазақ хандығының 1809 жылы Цин патшалығына жіберген дипломатиялық миссиясы (Дипломатическая миссия Казахского ханства в Цинскую империю 1809 года) // Shygys. 2005. №1. С. 164–165 (на казах.яз.).

	(Токтаку-шик)		Цяньлун	
17	Сөк (Сок)	1783	Император Цяньлун	Потомок Турсын султана
18	Ағадай (Агадай)	1786	Император Цяньлун	Потомок Абилямбет хана
19	Жабай	1786	Император Цяньлун	Потомок Турсын султана
20	Қасым (Қасым)	1786	Император Цяньлун	Потомок Абылай хана
21	Досәлі (Досали)	1790	Император Цяньлун	Потомок Абылай хана
22	Көгедай (Когедай)	1790	Император Цяньлун	Потомок Абилямбет хана
23	Сатыбалды	1790	Император Цяньлун	Потомок Турсын султана
24	Жабай	1790	Император Цяньлун	Потомок Турсын султана
25	Хамза	1791	Император Цяньлун	Потомок Абылай хана
26	Хамза	1795	Император Цяньлун	Потомок Абылай хана
27	Шахмұхамет (Шахмухамед)	1795	Император Цяньлун	Потомок Абылай хана
28	Барак (Барак)	1795	Император Цяньлун	Потомок Абылай хана
29	Айқожа (Айқожа)	1795	Император Цяньлун	Потомок Абилямбет хана. Во время возвращения на родину заболел и умер в Сучжоу
30	Тәукежан (Таукежан)	1795	Император Цяньлун	Потомок Турсын султана
31	Сәди (Сади)	1795	Император Цяньлун	Потомок Турсын султана
32	Жәнібек (Жанибек)	1795	Император Цяньлун	Потомок Турсын султана
33	Нұралі (Нурали)	1795	Император Цяньлун	Потомок Турсын султана
34	Абас	1800	Император Цзяцин	Потомок Абылай хана
35	Бегәлі (Бегали)	1803	Император Цзяцин	Потомок Абылай хана
36	Тоқта (Токта)	1803	Император Цзяцин	Потомок Абылай хана
37	Әлі (Али)	1803	Император Цзяцин	Потомок Абылай хана

38	Нұрасыл (Нурасыл)	1803	Император Цзяцин	Потомок Турсын султана
39	Нарбота	1803	Император Цзяцин	Потомок Турсын султана
40	Тұрап (Турап)	1803	Император Цзяцин	Потомок Турсын султана
41	Сұлтанкерей (Султанкере й)	1809	Император Цзяцин	Потомок Абылай хана
42	Сарыбай	1809	Император Цзяцин	Потомок Абылай хана
43	Токта (Ток- та)	1809	Император Цзяцин	Потомок Абылай хана
44	Жанке	1809	Император Цзяцин	Потомок Абылай хана
45	Досәлі (До- сали)	1809	Император Цзяцин	Потомок Абылай хана
46	Айшуақ (Айшуақ)	1809	Император Цзяцин	Потомок Абылай хана
47	Серікұл (Серикул)	1809	Император Цзяцин	Потомок Абылай хана
48	Тоғым (Тоғым)	1809	Император Цзяцин	Потомок Абилямбет хана
49	Алтынсары	1809	Император Цзяцин	Потомок Абилямбет хана
50	Рүстем (Ру- стем)	1809	Император Цзяцин	Потомок Абилямбет хана
51	Данияр	1809	Император Цзяцин	Потомок Абилямбет ха- на. Достигнув Урумчи, за- болел краснухой и с трудом вернулся на родину
52	Жанқораз (Жанқораз)	1809	Император Цзяцин	Потомок Абилямбет хана
53	Әбілназар (Абиль- назар)	1809	Император Цзяцин	Потомок Абилямбет хана
54	Нұрасыл (Нурасыл)	1809	Император Цзяцин	Потомок Турсын султана
55	Сәтбер (Сатбер)	1809	Император Цзяцин	Потомок Турсын султана. Достигнув местности Жын заболел краснухой, возвра- щен домой
56	Құдайменде (Кудаймен- де)	1809	Император Цзяцин	Потомок Турсын султана
57	Жошы (Джучи)	1809	Император Цзяцин	Потомок Турсын султана

58	Қасым (Қасым)	1809	Император Цзяцин	Потомок Турсын султана
59	Сарат	1811	Император Цзяцин	Потомок Турсын султана

И. В. Тугаев

(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург)

КАЗУС С ПРИЗНАНИЕМ ГУБАЙДУЛЛЫ УАЛИХАНОВА В ДОСТОИНСТВЕ ХАНА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ¹

Аннотация: Указом цинского императора Даогуана 1823 г. за правителем Среднего жуза Губайдуллой Уалихановым было признано ханское достоинство. Данное обстоятельство вызвало негативную реакцию со стороны российской императорской администрации, под давлением которой хан Губайдулла отказался от признания за ним со стороны Поднебесной указанного титула. Темой настоящей работы является установление правомерности и юридической действительности вышеназванных действий Губайдуллы Уалиханова с позиции трех правовых систем: Российской империи, Цинской империи и Казахстана. Актуальность и новизна настоящего исследования связаны с тем, что данный вопрос не был рассмотрен с юридической точки зрения.

Ключевые слова: история права, Центральная Азия, Российская империя, Цинская империя, Казахстан, Средний жуз, Губайдулла Уалиханов, титул хана, внешние вассалы (вай фань), Устав о сибирских киргизах 1822 г., указы цинских императоров, традиционное право, обычное право.

Губайдулла Уалиханов, последний хан Среднего жуза², известен своей попыткой получить признание за собой ханского достоинства со стороны Цинской империи. Указанному стремлению хана противостояла российская администрация, считавшая хана Губайдуллу своим подданным и потому связанным действием Устава о сибирских киргизах 1822 г. В конечном итоге попытка казахского правителя получить признание оказалась неудачной. Данный эпизод сам по себе интересен не только с точки зрения общей истории, но и с точки зрения истории права.

Вышеназванный казус неоднократно становился предметом рассмотрения в научных трудах. Так, он достаточно подробно описан в исследованиях следующих авторов – К. Ш. Хафизовой, К. К. Абуева, Г. К. Жалековой, Дзин Нода (Jin Noda). Однако в приведенных трудах рассматривается исключительно хронология событий и проводится политический анализ ситуации. В работах отсутствует именно историко-правовой взгляд на проблему, а именно оценка правомерности и юридической дей-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

² Здесь и далее автор работы использует понятия «Средний жуз», «Казахстан», «казахи» и «киргизы» в качестве равнозначных.

ствительности действий хана Губайдуллы. Представляется, что такого рода оценка необходима для представленного казуса, поскольку она позволит объективно оценить действия правителя Среднего жуза с точки зрения их законности.

Соответственно, актуальность и новизна настоящей работы выражается в рассмотрении казуса под историко-правовым углом, тем самым, представляя «свежий взгляд» на уже известную в историографии ситуацию. Кроме того, К. Ш. Хафизова в своем исследовании указывает, что возник юридический казус международного масштаба, который является спорным и с точки зрения современного международного права¹. Соответственно, в рамках настоящей работы планируется разрешить данную спорную ситуацию.

Целью настоящей работы является установление правомерности (или неправомочности) и юридической действительности (или недействительности) действий хана Губайдуллы по направлению им прошения признать за ним ханское достоинство в адрес цинского императора. Поскольку настоящее исследование является историко-правовым по своему характеру, автор, прежде всего, опирался на документы (преимущественно нормативного характера), позволяющие установить юридические факты, среди них: указы цинских императоров, Устав о сибирских киргизах 1822, документация российской администрации. Научные работы использовались постольку, поскольку это было необходимо для установления юридических фактов.

В рамках настоящей работы был применен формально-юридический метод исследования. Приведенный метод предполагает правовой анализ документов с целью установления правового статуса того или иного лица, то есть выявления его прав и обязанностей, выявление имеющих юридическое значение общественных отношений, а также установление юридических фактов, то есть жизненных обстоятельств, с которыми связано возникновение, изменение или прекращение правоотношений².

Итак, рассматриваемому казусу невозможно дать правовую оценку без описания хода произошедших событий. В этой связи необходимо обратить внимание исключительно на имеющие значение для настоящего исследования юридические факты. Следует отметить, что доскональное восстановление хронологии не является целью настоящей работы. Как уже было упомянуто выше, данная ситуация рассматривалась во всех подробностях ранее в иных научных трудах, поэтому повторение уже известных фактов, по мнению автора, не является целесообразным.

После смерти хана Среднего жуза Уали-хана сын почившего правителя Губайдулла Уалиханов был избран на курултае в качестве нового ха-

¹ Хафизова К. Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. С. 181.

² Поляков А. В. Общая теория права. Курс лекций. СПб.: Юридцентр Пресс, 2001. С. 546.

на¹. В 1822 г. был утвержден Устав о Сибирских киргизах (далее – Устав). Данный нормативно-правовой акт регулировал разнообразные правовые отношения: от организации порядка управления до формирования бюджета. Фактически этим документом в Среднем жузе был упразднен суверенитет, ликвидирован институт ханской власти, а также была установлена юрисдикция Российской империи на территории Среднего жуза. Одновременно в год принятия Устава новоизбранный хан направил своего младшего брата Жанторе-султана в Цинскую империю с прошением о признании за собой ханского достоинства².

Цинский император Даогуан (1782–1850 гг.) издал указ от 16 декабря 1823 г., в соответствии с которым за ханом Губайдуллой был признан ханский титул³. В 1824 г. Губайдулла Уалиханов выразил российской администрации свое желание на открытие Кокчетавского окружного приказа. 29 апреля 1824 г. в соответствии с положениями Устава вышеназванный окружной приказ был открыт, сам же хан был избран в качестве старшего султана, после чего им была дана присяга на верность России⁴.

Летом 1824 г. на территории Среднего жуза появляется Цинская делегация, состоящая из десяти чиновников во главе с амбанем (высшее должностное лицо Китая в Восточном Туркестане⁵), которая должна была вручить указ императора хану Губайдулле и осуществить все необходимые церемонии. Прибывшая делегация направила Губайдулле требование о явке.

В то же время российская администрация в лице генерал-губернатора Западной Сибири П. М. Капцевича и начальника Омской области С. Б. Броневского узнала о появлении цинских послов и действиях хана Губайдуллы. В соответствии с их указаниями китайская делегация была задержана⁶. Хан Губайдулла, направившийся на встречу с представителями Поднебесной, также был задержан. В сложившихся обстоятельствах хан лично заявил цинскому амбаню об отказе за признанием за ним ханского достоинства. Губайдулла Уалиханов также представил письменный отказ⁷, в котором указал, что в силу принятия российского подданства у него отсутствуют основания для принятия признания за ним титула хана. Однако, поскольку он не был скреплен печатью, китайский представитель

¹ Абуев К.К., Жапекова Г.К. Губайдулла Уалиханов: жизнь и общественно-политическая деятельность. С. 86, 89.

² Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX в. Ч. 2. / под ред. Р. Б. Сулейменова. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 128.

³ Там же. С. 128–130.

⁴ Абуев К.К., Жапекова Г.К. Губайдулла Уалиханов: жизнь и общественно-политическая деятельность. С. 87.

⁵ Там же. С. 95.

⁶ Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX в. Ч. 2. С. 133–140.

⁷ Там же. С. 140–141.

отказался принять документ, ограничившись принятием устного отказа хана. Китайская делегация была вынуждена вернуться обратно ни с чем¹. Впоследствии сам Губайдулла вместе со своим сыном Булатом были направлены в Омск, где они содержались под арестом, однако позднее были помилованы и освобождены.

Для того, чтобы дать юридическую оценку казусу и определиться с юридической действительностью действий хана Губайдуллы, необходимо определиться с той системой права, в соответствии с которой такая оценка будет производиться. Описанная ситуация позволяет обнаружить, что на территории Среднего жуза имели притязания (и вполне обоснованные) три стороны: Российская империя, Цинская империя и, собственно, сами киргизы Среднего жуза. Рассмотрение казуса исключительно с точки зрения правовой системы одного из указанных государств будет некорректным, поскольку не позволит оценить ситуацию во всей полноте. Следовательно, для достижения цели исследования необходимо дать оценку юридическим фактам с точки зрения каждой из возможных применимых правовых систем.

Прежде всего, стоит рассмотреть казус с точки зрения российского законодательства, поскольку такая оценка казуса представляется максимально простой. Более того, исторически сложилось так, что «правда» оказалась именно с точки зрения права Российской империи. Итак, для правового анализа необходимо обратиться к Уставу о сибирских киргизах 1822 г.², а также к конклюдентным действиям самого хана Губайдуллы.

Вновь необходимо отметить, что Устав фактически установил порядок управления Российской империи на территории Среднего жуза. В нормативно-правовом акте имеется глава десятая, посвященная вопросам приведения Устава в действие. В соответствии с § 285 Устав приводится в действие постепенно, начиная с тех волостей, которые особенно испрашивали себе покровительства и присягнули уже в верности подданства. В соответствии с § 291 к принятию Устава киргизы не будут принуждаемы, однако, после его принятия отступление от него не допускается.

Имеется юридический факт принятия ханом Губайдулой подданства Российской империи и его присяги на верность, а также избрания его в качестве старшего султана Кокчетавского окружного приказа. Соответственно, с точки зрения российского законодательства он признал российскую юрисдикцию. В соответствии с § 56 Устава старший султан есть земский чиновник, которому по избранию его родовичей вверяется от российского правительства местное управление. Следовательно, с точки зрения российского права хан Губайдулла является российским чиновником. Более того, в соответствии с § 51 Устава его должность старшего султана

¹ Там же. С. 142.

² Высочайше утвержденный Устав о Сибирских Киргизах от 22 июля 1822 г. / Полное собрание Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XXXVIII. 1822–1823 гг. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 417–433.

была соотнесена с аналогичной в Табеле о рангах.

В соответствии с § 57 Устава все дела старший султан производит чрез окружной Приказ. Основываясь на фактических обстоятельствах, а также положениях российского законодательства, не вызывает сомнения тот факт, что действия хана Губайдуллы по принятию признания ханского достоинства (титула, упраздненного в соответствии с положениями Устава) со стороны Цинской империи могли быть расценены в качестве государственной измены. Такая оценка действиям хана имела место в официальной документации: прежде всего, в Отношении генерал-губернатора Западной Сибири П. М. Капщевича в адрес министра иностранных дел К. В. Нессельроде от 10 августа 1824 г.¹ Поэтому в соответствии с положениями Устава хан Губайдулла должен был быть привлечен к ответственности.

Таким образом, рассматривая ситуацию с точки зрения российского законодательства, можно сделать вывод о том, что действия хана Губайдуллы являются противоправными и, следовательно, юридически недействительными.

Иную картину можно наблюдать, если рассматривать ситуацию с точки зрения цинского права. Следует отметить, что по сравнению с российским законодательством цинское право в данном вопросе характеризуется меньшей формальной определенностью в силу отсутствия каких-либо нормативно-правовых актов, регулирующих порядок взаимоотношений с Средним жузом. Указанное обстоятельство связано с особенностью правовой системы, существовавшей в Поднебесной. Следовательно, правовую оценку необходимо делать, руководствуясь указами цинских императоров, а также существовавшими правовыми обычаями.

Взаимоотношения между Поднебесной и казахскими правителями начались в 40-ых гг. XVIII в. после завоевания Джунгарского ханства Цинской империей. Первоначально казахский хан Абылай-хан вступил в конфронтацию с могучим соседом, однако впоследствии в 1757 г. выразил свою покорность цинскому правительству, поставив вопрос о своем вассалитете и получении соответствующих титулов. В ответ на указанное прошение цинский император пожаловал Абылай-хану титул *вана*², и за ним был признан статус «внешнего вассала» (*вай фань*)³. Таким образом, между Цинской империей и казахами, формально не являвшимися подданными Поднебесной, складывались отношения как сюзерена и вассалов. По крайней мере, такое положение дел существовало с точки зрения цинского правительства.

¹ Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX в. Ч. 2. С. 143.

² Noda J., Onuma T. A. Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty // PIAS Central Eurasian Research Series. Special Issue 1. The University of Tokyo, 2010. P. 17–27; 52–57; 62–66.

³ Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX в. Ч. 1. / под ред. Р. Б. Сулейменова. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 144.

В рамках рассматриваемого вопроса следует обратить внимание на статус иных внешних вассалов. Политика взаимоотношения Цинского Китая с кочевыми вассалами основывалась на давно сформировавшейся политико-правовой традиции¹. Китайские отношения с ними регулировались на основании Уложения Палаты внешних сношений, действие которого распространялось на население Тибета, Сяньцзина и Монголии. В своем исследовании Р. Ю. Почекаев полагает, что действие данного документа планировалось распространить и на территорию Казахстана². В то же время, в отличие от других вассалов, отношения с казахами складывались в соответствии с императорскими указами и правовыми обычаями. Можно обнаружить, что к казахам было иное отношение: они не несли воинских повинностей³, а также в отношении них не нашло своего распространения действие института заложничества⁴. Указанные особенности, по мнению автора работы, связаны, во-первых, с тем, что взаимоотношения с казахами, хотя бы на момент рассматриваемого казуса, не носили продолжительный и, следовательно, устоявшийся характер. Во-вторых, следует иметь в виду, что цинское правительство было осведомлено о наличии интересов Российской империи в регионе и потому, весьма вероятно, было вынуждено действовать осторожно.

Итак, начиная с Абылай-хана, представители казахской элиты направляли свои делегации в адрес цинского императора с просьбами о пожаловании им титулов. В частности, направлялись делегации с прошениями о признании ханского достоинства. Так, например, титул хана был признан за Уали-ханом на основании указа императора Цяньлуна от июля 1781 г.⁵ Следует подробнее остановиться на указанном документе для того, чтобы понять специфику отношений между империей Цин и казахами.

Прежде всего, в указе указываются основания, в соответствии с которыми за Уали-ханом признается титул: «Ты приезжал раньше в столицу, был представлен нам на аудиенции и имеешь знаки наши благоволения. К тому же ты являешься старшим сыном своего отца, о том, что ты имеешь все данные для управления своим народом». В указе также указано: «...милостиво повелеваем тебе наследовать ханский титул своего отца». Обращает на себя внимание призыв цинского императора: «...строго сдерживай подвластных тебе казахов, дружески и любовно собери вокруг себя

¹ Почекаев Р. Ю. Казахские ваны и гуны: «монгольский опыт» империи Цин как альтернатива российскому управлению в Казахстане второй половины XVIII – середины XIX в. (правовые аспекты) // *Mongolica XIII*. СПб.: Российская академия наук. Институт восточных рукописей, 2014. С. 14.

² Там же. С. 15.

³ Noda Jin. *Titles of Kazakh Sultans Bestowed by the Qing Empire: The case of Sultan Ghu-baydulla in 1824*. P. 65.

⁴ Почекаев Р. Ю. Казахские ваны и гуны. С. 17.

⁵ Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX в. Ч. 1. С. 103.

всех своих братьев, живи дружно с соседями. Не создавай конфликты, пресекай случаи тайного бегства. Получив этот указа, оставайся искренне верным нам и тогда будешь навечно благодетельствован нами». Характер самого документа (указа), а также его содержания («повелеваем тебе»), покровительствующий тон указа свидетельствуют об отношении Цинской империи к казахам как к вассалам. Примечательно, что текст указа, адресованного хану Губайдулле, придерживается аналогичной структуры.

В соответствии с вышесказанным Цинская империя воспринимала себя в качестве созерена казахов. Соответственно, признание со стороны цинского императора за конкретными лицами ханского достоинства стало сформировавшимся правовым обычаем. Учитывая указанное обстоятельство, теперь следует рассмотреть казус хана Губайдуллы.

В соответствии с цинским правом Губайдулла действовал сообразно сложившимся правовым обычаям, следовательно, его действия с указанного ракурса следует считать правомерными и юридически действительными. При этом, на взгляд автора, не является препятствием для данного вывода тот факт, что хан Губайдулла одновременно присягнул на верность Российской империи. Так, например, уже упомянутые Абылайхан и Уали-хан получали признание за собой ханского достоинства одновременно как со стороны Поднебесной, так и со стороны России. Скорее всего, цинское правительство было осведомлено о «двоеданничестве» казахов. Так, уже после скандального случая с ханом Губайдуллой, в который были вовлечены оба имперских правительства, Цинская империя все равно продолжила признавать титулы за обращавшимися к ним казахскими правителями¹. Указанное обстоятельство можно считать особенностью политики, проводимой Цинским Китаем по отношению к казахам. Подводя итог, можно заметить, что с точки зрения цинского права действия Губайдуллы следует считать правомерными и юридически действительными.

Наконец, следует рассмотреть казус с точки зрения казахского права. Указанный момент сам по себе вызывает сложности, поскольку в силу уровня развития казахского общества не приходится говорить о наличии у них какого-либо письменного законодательства. Представляется, что это естественно для общества, в котором действовало обычное право. В то же время отсутствуют какие-либо письменные источники, содержащие в себе такие обычаи. Следовательно, эти обычаи необходимо реконструировать, отталкиваясь от имеющихся документов, а также трудов исследователей.

Как уже было рассмотрено выше, казахские правители направляли свои делегации с целью признания за ними соответствующих титулов. Такие лица, как Абылай-хан и Уали-хан, просили признания одновременно у обеих империй. Указанное обстоятельство позволяет судить о «двоеданничестве» казахов. Вместе с тем необходимо также учитывать следующее. Признание титула хана соседними государствами само по себе не носило

¹ Хафизова К. Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. С. 184.

систематичный характер: оно происходило исключительно после направления таких запросов казахскими ханами. Иными словами, инициатива исходила именно от казахской стороны, и речь шла исключительно о признании титула хана, а не о его пожаловании. Так, например, Губайдулла Уалиханов изначально был избран ханом Среднего жуза на курултае и только потом обратился к правительству Цин за признанием за ним титула.

Исследователи отмечают, что обращение за признанием ханского достоинства для казахских ханов носило характер укрепления авторитета власти¹ и получения соответствующих привилегий². Выражение верности казахами воспринималось совершенно иначе, чем это имело место в России или в Поднебесной, и состояние «двоedanничества» было вполне обоснованным с точки зрения казахского правопонимания. Примечательно, что министр иностранных дел К. В. Нессельроде в предписании от 15 августа 1824 г. отмечает, что «такой порядок существовал издавна и сам по себе никогда не вносил расстройств в отношения между империей и киргизами. Ранее достоинства признавались империей и за предыдущими ханами Среднего жуза, которые получали признание от Цинской империи»³. Следовательно, принимая подданство России, Губайдулла Уалиханов совершенно иначе воспринимал указанный институт: не как устойчивую правовую связь между ним и Российской империей, а как инструмент для упрочения своей власти, и осознавал себя в качестве самостоятельного субъекта права. В свою очередь, осознав последствия принятия им подданства, он оспаривал законность действий российской власти⁴.

Таким образом, с точки зрения казахского права Губайдулла действовал правомерно, и потому направление прошения о признании за ним титула хана является юридически действительным. Состояние «двоedanничества» являлось обоснованным, поскольку правитель Среднего жуза действовал, исходя из осознания своей правовой самостоятельности.

Каким же образом можно разрешить вопрос о правомерности и юридической действительности действий хана Губайдуллы? Анализ ситуации с точки зрения трех правовых систем демонстрирует существование коллизии, препятствующей однозначному разрешению казуса. Для того, чтобы разрешить проблему, необходимо отдать предпочтение праву одного из государств, однако, это сделать затруднительно в силу того, что в пользу каждой правовой системы можно привести доводы «за» и «против». Сложность также связана с тем, что каждая из сторон рассматривала ситуацию, исходя из своего внутригосударственного правопонимания, что исключает возможность разрешения вопроса с точки зрения международного

¹ Noda Jin. Titles of Kazakh Sultans Bestowed by the Qing Empire: The case of Sultan Ghubaydulla in 1824. P. 67, 85.

² Почкаев Р. Ю. Казахские ваны и гуны. С. 15.

³ Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX в. Ч. 2. С. 145.

⁴ Хафизова К. Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. С. 169.

права. Особую сложность представляет невозможность обращения к современным правовым теориям в силу некорректности их применения. Некорректность выражается в том, что такие теории, преимущественно западные по своему происхождению, попросту не будут учитывать специфику казахского общества и публичных правоотношений, сформировавшихся в Центральной Азии XVIII – XIX вв.

Вместе с тем автор работы полагает, что формирование вывода о невозможности однозначного разрешения казуса будет свидетельствовать о том, что цели работы достигнуть невозможно. В этой связи необходимо обратиться к формальной юридической логике для того, чтобы выбраться из «замкнутого круга» возникшей коллизии, поскольку автор убежден, что априори нерешаемых правовых казусов не существует, и потому каждый юридический факт (каковым и был поступок хана Губайдуллы) подлежит однозначной оценке с точки зрения юридической действительности.

Итак, формально юридически действия Губайдуллы Уалиханова являются неправомерными, потому что подлежат применению право Российской империи. До 1822 г. ни российская, ни китайская стороны не осуществляли активного вмешательства во внутренние дела Казахстана. Однако после принятия Устава управления Россией делами в Казахстане (в Среднем жузе, в частности) кардинальным образом изменилось. Политика России в регионе предполагала административную интеграцию территорий в политико-правовое пространство империи¹. При этом хан Губайдулла добровольно выразил свое желание на открытие Кокчетавского окружного приказа. Конечно, политика «двоеданничества» была правомерной с точки зрения казахского права, однако, настоящий случай отличается от ранних выражений верности соседним империям. Фактически своими конклюдентными действиями (участие в церемонии открытия окружного приказа, добровольность действий, присяга, клятва на Коране, участие в выборах на должность старшего султана), осуществленными, между прочим, в соответствии с положениями Устава, хан Губайдулла распространил на Средний жуз действие российского законодательства. Следовательно, последующие действия Губайдуллы необходимо оценивать именно с российской стороны.

Исследователи приводят доводы о том, что хан Губайдулла не осознавал последствия осуществленных им действий и впоследствии оспаривал законность действий российской администрации². Вместе с тем такое «осознание» не имеет правового значения. Формально юридически хан Губайдулла связал себя действием российского законодательства. Следовательно, действия Губайдуллы Уалиханова должны быть рассмотрены именно с учетом российского права. На этом основании и в соответствии с

¹ Васильев Д. В. Реформы управления казахами Западносибирского ведомства в первой половине XIX в. // Вестник Омского университета № 3, 2015. С. 12.

² Абуев К. К., Жапекова Г. К. Губайдулла Уалиханов: жизнь и общественно-политическая деятельность. С. 91.

положениями Устава прошение хана Среднего жуза о признании за ним ханского достоинства является неправомерным и, следовательно, юридически недействительным, и казус можно считать разрешенным.

Следует подвести итоги произведенному историко-правовому анализу. Казус с признанием за Губайдуллой Уалихановым ханского достоинства является значимым моментом в истории Среднего жуза. Несмотря на всю его значимость и подробное рассмотрение в разнообразных научных исследованиях, отсутствуют работы, затрагивающие правовой аспект вопроса, а именно правомерность и юридическую действительность действий хана Губайдуллы. Анализ данной ситуации демонстрирует, что казус необходимо рассматривать с точки зрения трех правовых систем: Российской империи, Цинской империи и Казахстана. Такой анализ позволяет убедиться, что казус невозможно разрешить однозначно, поскольку в отношении правовых положений каждого из государств можно привести доводы «за» и «против». Однако, руководствуясь формально-юридической логикой, можно обнаружить, что подлежит применению именно российское законодательство и Устав о сибирских киргизах 1822 г. Хан Губайдулла своими конклюдентными действиями распространил на территорию Среднего жуза юрисдикцию Российской империи. Соответственно, Губайдуллу Уалиханова необходимо рассматривать как российского подданного, а его действия оценивать с позиции российского права. С учетом вышесказанного действия хана Губайдуллы следует признать неправомерными и юридически недействительными в силу того, что они образуют состав государственной измены. Таким образом, казус следует считать разрешенным.

Список источников и литературы

1. Абуев К. К., Жапекова Г. К. Губайдулла Уалиханов: жизнь и общественно-политическая деятельность: монография. Павлодар: Кереку, 2017. 169 с.
2. Васильев Д. В. Реформы управления казахами Западносибирского ведомства в первой половине XIX в. // Вестник Омского университета № 3, 2015. С. 10–15.
3. Высочайше утвержденный Устав о Сибирских Киргизах от 22 июля 1822 г. / Полное собрание Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XXXVIII. 1822-1823 гг. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 417–433.
4. Жапекова Г. К. Губайдулла в период восстаний 20–40-х годов XIX в. в Среднем жузе. // Вестник ПГУ. № 4, 2007. С. 63–77.
5. Поляков А. В. Общая теория права. Курс лекций. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 642 с.
6. Почекаев Р. Ю. Казахские ваны и гуны: «монгольский опыт» империи Цин как альтернатива российскому управлению в Казахстане второй половины XVIII – середины XIX в. (правовые аспекты) // *Mongolica XIII*. СПб.: Российская академия наук. Институт восточных рукописей, 2014. С. 13–21.
7. Хафизова К. Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Монография. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. 476 с.
8. Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX в. Ч. 1. / под ред. Р. Б. Сулейменова. Алма-Ата: Наука, 1989. 216 с.

9. Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX в. Ч. 2. / под ред. Р. Б. Сулейменова. Алма-Ата: Наука, 1989. 226 с.

10. Noda J., Onuma T. A. Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty // TIAS Central Eurasian Research Series. Special Issue 1. The University of Tokyo, 2010. 176 p.

11. Noda Jin. Titles of Kazakh Sultans Bestowed by the Qing Empire: The case of Sultan Ghubaydulla in 1824 // Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko, 68, 2010. P. 63–94.

А. Д. Васильев

(ИВ РАН, РГГУ, Москва)

ДЖЕТИШААР В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Аннотация: Одним из основных подходов к изучению международных отношений в Центральной Азии было рассмотрение борьбы Российской и Британской империй за влияние в регионе. Однако, помимо глобальных геополитических интересов соперничавших европейских держав, имели место интересы и государства региона, заинтересованных в расширении или сохранении своего влияния на территориях, присоединенных к Российской империи, или находящихся в политической зависимости от нее. Причину их заинтересованности можно объяснить тем, что столкновение глобальных геополитических интересов могло ослабить те традиционные связи, которые эти государства пытались сохранить или выстроить на новой основе с подвластными России государственными образованиями Центральной Азии. К числу одного из таких региональных государств – субъектов политических отношений можно отнести государство Йеттишаар (Джетишаар), которое образовалось в середине 60-х гг. XIX в. на территории Западного Китая.

Ключевые слова: Джетишаар, Коканд, Османская империя, Российская империя, Великобритания, Синьцзян.

Мусульманское восстание в Западном Китае в 60-х гг. XIX в. привело к возникновению на территории Синьцзяна целого ряда самостоятельных государственных образований с центрами в крупнейших городах региона: в Куче, Хотане и Кашгаре в Восточном Туркестане, в Урумчи и Кульдже – в Джунгарии¹. Впоследствии часть политически раздробленных оазисов была включена выходцем из Кокандского ханства Якуб-беком в единое централизованное государство Джетишаар. Владение Якуб-бека просуществовало около 13 лет, с 1865 по 1878 г., и пережило своего создателя примерно на год, оказавшись довольно устойчивым.

Государство Джетишаар неоднократно становилось объектом изучения советских и зарубежных исследователей. Данному вопросу посвящена обширная библиография. Российскими исследователями Джетишаар

¹ Дубровская Д. В. Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. М.: ИВРАН, 1998. С. 91–92.

рассматривался в рамках российско-китайских взаимоотношений¹, как объект российской² и китайской политики³, а также как арена российско-британского соперничества⁴. Существовала и научно-популярная литература⁵, обширные мемуары российских военных, ученых и дипломатов, побывавших в Западном Китае⁶. Западные ученые (преимущественно британские и американские) рассматривали Джетишаар и происходившее в нем события в контексте религиозного противостояния мусульман и немусульман, следуя нарративу эмигрировавших в Кашгар кокандских хронистов⁷, а также изучали столкновение российских и британских интересов в этом регионе⁸. Отдельные работы российских и зарубежных исследователей были посвящены связям государства Якуб-бека и Османской империи⁹. Интересен и идеологизированный подход некоторых исследователей, считавших государство Джетишаар (Йеттишаар) уйгурским государством¹⁰, хотя на всех административных должностях государства находились выходцы из Коканда, собирательно называемые местным населением «андижанцы».

Примечательно, что большинство исследователей пользовались доступными им источниками только из местных и национальных архивов.

¹ Моисеев В. А. Россия и Китай в Центральной Азии. Барнаул, 2003.

² Моисеев С. В. Взаимоотношения России и Уйгурского государства Йэттишаар (1864–1877 гг.) Барнаул, Азбука, 2006.

³ Дубровская Д. В. Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. М.: ИВРАН, 1998.

⁴ Басханов М. К. Политика Англии и России в отношении государства Якуб-бека в Восточном Туркестане (60–70-е гг. XIX в.). Дис. ...канд. ист. наук. М.: Институт Дальнего Востока АН СССР, 1991.

⁵ Петров В. И. Мятежное сердце Азии: Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М., 2003.

⁶ Свен Хедин. В сердце Азии. Памир–Тибет–Восточный Туркестан. Путешествие в 1893–1897 гг. М.: Изд-во «Ломоносов», 2010. 527 с.; Пржевальский Н. М. Путешествия в Центральной Азии. М.: «Эксмо», 2010. 790 с.; Куропакин А. Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879. 443 с.; Корнилов Л. Г. Кашгария или Восточный Туркестан : Опыт военно-стат. описания / Под ред. нач. штаба Туркест. воен. окр. ген.-лейт. Сахарова; Сост. Ген. штаба подполк. Корнилов. Ташкент : тип. Штаба Туркестан. воен. окр., 1903. 445 с.

⁷ Hodong Kim. Holy War in China: the Muslim Rebellion and the State in Chinese Central Asia, 1864–1877. Stanford University Press, Stanford, California, 2004. 320 p.

⁸ Hence P. B. The Great Game in Kashgaria. British and Russian Missions to Yakub Beg // Central Asian Survey. Vol. 8, № 2, 1989. P. 61–95.

⁹ Saray M. Rus İsgali Devrinde Osmanlı Devleti ile Türkistan Hanlıkların Arasındaki Siyasi Münaşebetler (1775–1875). Ankara, 1994. VIII, 188 p.; Васильев А. Д. Знамя и меч от падишаха. Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI – начало XIX вв.). М., 2014. 354 с.

¹⁰ См., например: Моисеев С. В. Взаимоотношения России и Уйгурского государства Йэттишаар (1864–1877 гг.). Барнаул: Азбука, 2006; Исиев Д. А. Уйгурское государство Йэттишаар (1864–1877). М.: Наука, 1981. 91 с.

Однако в последнее время стал доступен широкий круг документальных источников из российских, османских, британских архивов, а также рукописных материалов по истории Джетишаара, составленных непосредственными свидетелями событий 1860-х – 1870-х гг. в Западном Китае. Сопоставление как можно более широкого круга источников позволяет более рельефно высветить детали и нюансы Большой игры в Джетишааре, дать обновленную оценку всему комплексу сложных отношений Джетишаара с Россией, Великобританией, Китаем, Османской империей, Кокандом.

Китайская, Российская и Британская империи и Кокандское ханство, несомненно, принадлежали к числу государств, имевших собственные политические и экономические интересы в Синьцзяне. Геополитическое соперничество и политическая нестабильность в Китае заставили их срочно разрабатывать новую политическую линию в отношении происходящего в Синьцзяне.

В китайской политической элите существовали две партии, предлагавшие разное видение новой стратегии. Странники первой считали, что надо примириться с существующим положением, а все внимание правительства сосредоточить на внутренних преобразованиях. Мнение второй группы выражал генерал Цзо Цзун-тан, который считал, что пламя восстания из Синьцзяна может перекинуться на соседние китайские округа, поэтому мириться с его потерей не следует. В конце концов китайское правительство согласилось с мнением Цзо Цзун-тана, которому в 1876 г. и было поручено завоевание Синьцзяна¹.

Кокандское ханство проявляло интерес к происходящему в Кашгаре, что было вызвано тесными культурными, экономическими и политическими связями населения Ферганской долины и Кашгара². В канун борьбы с российскими войсками в середине 1860-х гг. кокандский регент Алимкул направил в Кашгар проживавшего в Коканде претендента на престол Бузрук ходжу под охраной кокандского военачальника Якуб-бека³. Военное поражение Кокандского ханства в войне с Россией, превращение нового хана Худояра в русского вассала привело к эмиграции значительного ко-

¹ Более подробно о дискуссиях китайской элиты см.: Дубровская Д. В. Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. М., ИВ РАН, 1998. С. 118–131.

² См., например: Newby L. J. The Empire and the Khanate: a Political History of Qing Relations with Khoqand c. 1760–1860. Leiden – Boston: Brill, 2005.

³ О биографии Якуб-бека см.: Boulger D. C. The life of Yakoob-Beg: Athalik Ghazi and Badaulet: Ameer of Kashgar. London, 1878; Веселовский Н. И. Бадаулет Якуб-бек, аталык Кашгарский. Записки Восточного отделения Русского археологического общества, (ЗВОРАО) Т. 11, 1897–1898, СПб., 1899. С. 87–90; также см. заметки А. И. Макшеева к биографии Якуб-бека, приведенные в книге А. Н. Куропаткина «Кашгария»: Куропаткин А. Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879. С. 152–156.

личества представителей кокандского военно-служилого сословия в Кашгар на службу к Якуб-беку. Именно эти люди и стали его опорой в новом государстве и именно благодаря им и их военно-административному опыту Якуб-беку удалось подчинить себе большую часть Синьцзяна. Впоследствии Якуб-бек сумел отстранить Бузрук ходжу от власти и возглавил одно из государственных образований, возникших на месте западных областей Цинской империи. Его владение получило название Джетишаар – «Семь городов», поскольку включало в себя 7 крупнейших городов и оазисов Синьцзяна. Весьма интересен и недостаточно освещен в литературе тот период, когда Якуб-бек после падения Коканда и появления нового хана Худояра начинает принимать в Кашгаре кокандских эмигрантов. Он считал Худояра марионеткой в руках русских. Найденные нумизматические материалы свидетельствуют, что владение Якуб-бека в Кашгаре воспринималось в качестве легитимного продолжения Кокандского ханства. Эмигрировавшие из Коканда в Кашгар мастера по чеканке монет в 1869–1870 гг. чеканили по заданию Якуб-бека собственную золотую монету от имени предыдущего правителя Коканда, покойного Малла-хана¹. Этот чекан был призван доказать преемственность кокандской политической линии по отношению к Кашгару, легитимность власти Якуб-бека как уполномоченного законной кокандской династии, а не узурпатора, к тому же понесшего поражение от России. По всей вероятности, и сам Якуб-бек мог иметь определенные претензии на престол Коканда. Еще до присоединения ханства к России Якуб-бек, пользуясь слабостью и неспособностью кокандского хана Худояра, захватил часть граничивших с Китаем кокандских территорий и поставил там свои гарнизоны.

На рубеже 1860-х и 1870-х гг. сношения с Якуб-беком установили англичане. В 1870 и 1873 г. в Кашгаре побывал Томас Д. Форсайт, видный деятель английской администрации в Индии, через которого Якуб-бек получил помощь, перевооружил армию новейшим стрелковым и артиллерийским оружием, а 2 февраля 1874 г. заключил торговый договор с Англией². В соответствии с одним из положений этого договора, стороны обменивались торговыми представителями³. От британской администра-

¹ Настич В. Н. Если на клетке слона написано «бегемот»...: где чеканились монеты Коканда с «посмертным» именем Малла-хана? // Эпиграфика Востока. Вып. 29. М., 2011. С. 174–186.

² Согласно сведениям А. Н. Куропаткина, именно Форсайт предложил Якуб-беку вступить в контакт с Великобританией и Османской империей. Именно через Индию шел «деятельный подвоз оружия» из Стамбула. По сведениям М. А. Терентьева, в 1873 г. Форсайт передал Якуб-беку 10 тыс. новых ружей и батарею скорострельных орудий. См.: Терентьев М. А. История Завоевания Средней Азии. СПб.: 1903–1906. Т. II. С. 330–332.

³ Hence P. B. The Great Game in Kashgaria. British and Russian Missions to Yakub Beg // Central Asian Survey. Vol. 8, № 2, 1989. P. 75; Куропаткин А. Н. Кашгария. Историко-

ции на этот пост был назначен Роберт Шоу, который ранее побывал в качестве торговца в Кашгаре в 1868–1869 гг. Вице-король Индии лорд Р. Нортбрук быстро ратифицировал договор и одобрил кандидатуру Шоу. Нортбрук предписывал ему не только блюсти торговые интересы, но также давать советы или оказывать помощь Якуб-беку, если он попросит об этом¹. Но Якуб-бек вел свою игру. В конце 1874 г. он уведомил британского представителя о том, что без разрешения османского султана не может позволить ему находиться в Кашгаре. Поэтому Шоу вынужден был возвратиться назад, как только Якуб-бек ратифицировал договор. Однако когда в Калькутте вскрыли печати на письме от Якуб-бека, оказалось, что там вместо ратифицированного договора всего лишь поздравления в адрес Вице-короля. Надежды англичан на расширение торговли с государством Якуб-бека также не оправдались. Сын и наследник Якуб-бека Бек Кулу также не смог получить помощь от англичан². Вместе с тем Англия попыталась осуществить захват южных районов Синьцзяна. Ставленник англичан раджа сикхов Гулаб-Сингх вторгся в Синьцзян, однако войска Якуб-бека задержали его и заставили отступить³. Отношения Якуб-бека с англичанами известны лишь в общих чертах даже западным исследователям⁴ и также являются одним из достаточно слабо разработанных в отечественной науке вопросов истории Джетишаара. Пожалуй, лучшей работой на эту тему остается не опубликованная в виде монографии кандидатская диссертация М. К. Басханова⁵.

Уникальность международного положения Джетишаара в том, что Якуб-беку единственному из правителей государств Центральной Азии во второй половине XIX в. удалось заручиться материальной помощью Османской империи. Значительную роль при этом сыграл его дальний родственник Сейид Якуб-хан Тюря⁶. В 1858 г. он в качестве секретаря в

географический очерк страны, ее военные силы; промышленность и торговля. СПб., 1879. С. 157–160.

¹ Hence P. V. The Great Game in Kashgaria. British and Russian Missions to Yakub Beg // Central Asian Survey. Vol. 8, № 2, 1989. P. 76.

² Hence P. V. The Great Game in Kashgaria. British and Russian Missions to Yakub Beg // Central Asian Survey. Vol. 8, № 2, 1989. P. 76–77.

³ Петров В. И. Мятёжное «сердце» Азии. Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М.: Издательство “Крафт+”, 2003. С. 188.

⁴ См.: Hence P. V. The Great Game in Kashgaria. British and Russian Missions to Yakub Beg // Central Asian Survey. Vol. 8, № 2, 1989. P. 61–95.

⁵ См.: Басханов М. К. Политика Англии и России в отношении государства Якуб-бека в Восточном Туркестане (60–70-е гг. XIX в.). Дис. ...канд. ист. наук. М.: Институт Дальнего Востока АН СССР, 1991.

⁶ Сейд Якуб-хан Тюря родился в Ташкенте около 1823 г. Сын заместителя Ташкента, Нур Мухаммед-хана и его второй жены, которая была сестрой Якуб-бека, он занимал высокие посты в Коканде, сначала был наставником ташкентского медресе, затем казием. Кроме того, в Кашгаре он обладал большим влиянием на местное население, которое почитало его за религиозность, благочестие и справедливость. См.: Boulger D. С.

составе кокандского посольства Мирзы Джан-эфенди¹, по-видимому, впервые побывал в Стамбуле. В 1865 г. он снова прибыл в Стамбул, где сначала просил помощи в борьбе с Россией², а затем после захвата в Коканде власти Худояр-ханом остался вместе с семьей в османской столице. Благодаря своему благочестию и обаянию он сумел завоевать дружеское расположение султана Абдулазиза, который оказал ему радушный прием³. Благодаря османской политической поддержке Якуб-бек сумел добиться международного признания созданного им государства и получил статус формального вассала турецкого султана. Султан пожаловал ему 500 экземпляров Корана. В Синьцзян были отправлены военные и гражданские чиновники и мастера-оружейники, ружья и пушки⁴. Султан приказал выделить Якуб-беку 20000 курушей и направил к нему наделенного особыми полномочиями посла, Мурад-эфенди, со специальным фирманом, подтверждавшим статус туркестанского правителя как независимого государя под защитой османского двора. Этим же фирманом Якуб-беку присваивался почетный титул Амир-уль-Муминин («Повелевающий верующими»), и давалось право чеканки монет с именем халифа⁵. Кроме того, была направлена миссия военных инструкторов, состоявшая из четырех человек: начальника миссии капитана Али Казым-бея, офицера пехоты Мехмеда Юсуф-бея, офицера кавалериста Черкес Юсуф-бея и офицера артиллерии Исмаила Хакы-бея и еще четырех отставных офицеров⁶. Был направлен также и гражданский чиновник Заман-бей⁷. После получения помощи из Стамбула Якуб-бек начал именовать себя Якуб-ханом, чеканить собственную монету, велел читать в мечетях на контролируемых им территориях

The life of Yakoob-Beg: Athalik Ghazi and Badaulet: Ameer of Kashgar. London, 1878. P. 169.

¹ В начале правления в Коканде Малла-хана в Стамбул было направлено посольство, целью которого было сообщить о его восшествии на кокандский престол. Во главе этого посольства стоял Мирза Джан, который в турецких источниках известен как Хаджи Мирза Джан. В конце 1859 – начале 1860 г. он привез подарки и послание султану от Малла-хана. Мирза Джан находился в Стамбуле с конца 1859 по 1862 г. По времени его пребывания почти полностью совпало с правлением Малла-хана (конец 1858 – начало 1862 г.). Набиев Р. Н. Из истории Кокандского ханства. С. 56, 288.

² Saray M. Rus İsgali Devrinde Osmanlı Devleti ile Türkistan Hanlıkları Arasındaki Siyasi Münasebetler (1775–1875). Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1994. P. 72.

³ Boulger D. C. The life of Yakoob-Beg: Athalik Ghazi and Badaulet: Ameer of Kashgar. London, 1878. P. 169.

⁴ ВOA, А. МКТ. МНМ, 463/67.

⁵ Веселовский Н. И. Бадаулет Якуб-бек, Аталык Кашгарский // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Т. X, вып. I–IV, СПб., 1897–1898; АВПРИ, Ф. 133 «Канцелярия». 1873. Д. 26. Л. 353–355 об. 12/24 июля, Н. П. Игнатьев – В. И. Вестману.

⁶ ВOA, İrade Dahiliye, 49426.

⁷ Заман-бей встретился с Куропаткиным во время его поездки в Кашгар в 1876 г. По сведениям Куропаткина, он был родом «из кавказских татар».

хутбу на имя султана Абдулазиза и поручил османским офицерам приступить к обучению кашгарских войск¹. Масштабная турецкая материальная и моральная поддержка стала возможной, поскольку Россия и Британия признали Якуб-бека независимым правителем, а китайское правительство к моменту начала дипломатических отношений Якуб-бека с Османской империей еще не определилось со своей позицией.

Благодаря Сейиду Якуб-хану Тюре, который за короткое время существования Джетишаара успел провести официальные и неофициальные переговоры в Бомбее, Стамбуле и Санкт-Петербурге, Якуб-бек был весьма хорошо осведомлен о состоянии международных отношений в первой половине 1870-х гг. Действия Якуб-бека демонстрировали, что он достаточно реалистично оценивает свои собственные силы и понимает границы своих возможностей. Можно утверждать, что Якуб-бек вел самостоятельную политическую игру, пытаясь использовать противоречия России и Великобритании для сохранения своей власти и своего государства. В качестве средства политического маневра он использовал свое формальное подчинение решениям своего чисто номинального сюзерена – османского султана, который фактически не имел реальных рычагов влияния на Кашгар.

Мусульманское восстание в Западном Китае в 60-х гг. XIX в. поставило российское военное и политическое руководство перед выбором стратегии в отношении происходящего у соседа. Первые известия о народных волнениях в Китае заставили российские военные власти обратиться к идее восстановления мусульманской государственности в Синьцзяне в качестве меры противодействия китайской экспансии. Так, в 1861 г. военный министр Н. О. Сухозанет предлагал восстановить в Кашгаре мусульманское государство под руководством потомков «Чжангира» [Джихангир-ходжи – А. В.], поставив его в вассальную зависимость от России и обеспечив, таким образом, безопасность местного населения от тирании китайских властей². Н. О. Сухозанет полагал, что таким способом Россия приобретет «совершенное господство» в Центральной Азии, сможет оказывать более активное влияние на Коканд и Бухару. Вместе с тем он предлагал на всякий случай готовиться к столкновению с Китаем. Первым шагом для российского правительства, по его мнению, должна была стать отправка посланника в Кашгар³.

Однако российские завоевания в Центральной Азии и образование независимого государства в Кашгаре в конце 60-х гг. XIX в. поставили российское военное и политическое руководство перед выбором стратегии в отношении нового соседа. Интерес и внимание к Кашгару усилились в

¹ Али Казым бей, возглавлявший турецкую военную миссию, оставил рапорт, в котором он подробно изложил все события, произошедшие с членами миссии. См.: ВOA, Y.EE, 91/28.

² Российский государственный исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА (Военно-ученый архив). Оп. 447, Д. 35695 Л. 15–24.

³ Там же.

1868 г. и преследовали восстановление в Кашгаре российского влияния, которое было подорвано восстанием. Инструментом русского влияния считалась торговля, а важным итогом укрепления связей российских властей с новыми властями Кашгара должна была стать делимитация границы на более выгодных для России условиях. С этой целью предполагалось оказать на Якуб-бека военное воздействие, чтобы, во-первых, продемонстрировать ему силу и лимиты его территориальных приобретений, а во-вторых, чтобы заставить его начать переговоры с Россией. Демонстрация силы в 1868–1869 гг. послужила причиной обострения ситуации, однако в начале 1870–1871 гг. в преддверии похода на Хиву русские военные и дипломаты активизировали свои усилия на кашгарском направлении.

Генерал-губернатор Ташкента К. П. фон Кауфман в 1870–1871 гг. пришел к мысли о том, что Якуб-бек являлся узурпатором власти в Кашгаре. Из переписки Кауфмана с А. М. Горачковым и Д. А. Милотиным следует, что русские власти считали законными претендентами на господство над мусульманскими землями Западного Китая Маньчжурское правительство и кокандского хана¹. Вероятно, Кауфман в своем анализе ситуации опирался на предшествующие события кокандско-китайских взаимоотношений². Ожидать скорого возвращения китайской власти не приходилось. Вместе с тем информация о прошлой службе Якуб-бека в Коканде и обстоятельствах его появления в Кашгаре позволили Кауфману полагать, что можно будет воздействовать на Якуб-бека с помощью кокандского Худояр-хана. Предполагалось, что Худояр-хан, ставший к тому времени вассалом России, сможет объединить под своей властью не только Фергану, но и Кашгар. А благодаря условиям мирного договора, подписанного с Кокандом в 1870 г., русские купцы и в Кашгаре смогут воспользоваться оговоренной договором свободой торговли. По замыслу Кауфмана, кокандская военная экспедиция в Кашгар должна была снять напряженность в русско-китайских отношениях из-за неопределенной политики России по отношению к статусу потерянных Китаем в ходе восстания провинций. Согласно первоначальному замыслу, кокандский хан становился промежуточным звеном в русско-китайских отношениях и принимал на себя всю ответственность перед Китаем за происходящее.

Еще в 1871 г. Кауфман предлагал Худояр-хану воспользоваться своими законными правами на власть в Кашгаре и при поддержке русских войск в тылу захватить Кашгар. Однако Худояр-хан тогда уклонился от предложения, заявив, что Якуб-бек выказал ему свои верноподданнические чувства³. Это обстоятельство было истолковано Кауфманом в том смысле, что Якуб-бек теперь стал вассалом кокандского хана, который, в свою очередь, зависим от российской власти. Поэтому Кауфман, посчитав свою

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 305. Л. 2–5 об.

² См., например: Newby L. J. The empire and the khanate: a political history of Qing relations with Khoqand c. 1760–1860. Leiden – Boston: Brill, 2005.

³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 305. Л. 2–5 об.

цель достигнутой, попытался начать с Якуб-беком дипломатическую переписку от имени Худояр-хана.

Однако доступные ныне исследователям материалы позволяют полагать, что Худояр-хан лукавил, и Якуб-бек не считал его своим покровителем. Более того, Якуб-бек считал, в свою очередь, Худояр-хана узурпатором.

К началу 1872 г. бессилие Худояр-хана стало очевидным для русских властей, а Якуб-бек лично обратился к Кауфману с намеком обращаться к нему напрямую как к самостоятельному правителю, минуя Худояр-хана¹.

Неудачное завершение идеи по передаче контроля над Кашгаром в руки кокандского хана вызвало активное обсуждение иных вариантов политики по отношению к Кашгару. Альтернативы в российской политике в начале 1872 г. по отношению к Якуб-беку и его государству были весьма детально обозначены и проанализированы ташкентским генерал-губернатором К. П. Кауфманом: аннексия Кашгара, выжидательная позиция или установление взаимовыгодных отношений в ожидании возвращения законных хозяев – китайцев².

Весьма подробно плюсы и минусы данных стратегий были проанализированы в переписке Генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана и военного министра Д. А. Милотина. По словам Кауфмана, содержание переписки Худояр-хана и Якуб-бека (которое было в деталях известно русскому правительству) указывало на практическую неизбежность российского военного похода в Кашгар. Однако в конце февраля 1872 г. Якуб-бек через кокандского хана обратился к Кауфману с предложением об обмене посольствами. Оставляя военную операцию как крайнюю меру в случае осложнения отношений с Китаем, Кауфман вместе с тем считал ее невыгодной для России³. В случае если Россия завоюет Кашгар, Кауфман видел три варианта развития дальнейших событий: 1) предложить Худояр-хану принять у России завоеванную страну; 2) пригласить китайское правительство занять свои бывшие владения; 3) основать в Джетишаре особое самостоятельное государство. В первом случае с большой вероятностью кокандские войска восстанут против своего хана, и России придется снова пойти на вооруженное вмешательство. Во втором случае России пришлось бы долго управлять чужой страной, содержать гарнизоны в 6 или 7 крупных городах и вести контрпартизанскую борьбу с враждебно настроенным местным населением. Успех в первых двух случаях был не гарантирован, а слабая изученность Кашгара не позволяла рассчитывать, в случае присоединения его к России, покрыть за счет торговли и разработки недр расходы на военную кампанию. В итоге Кауфман считал оптимальным

¹ РГВИА. Ф. 400, Оп. 1. Д. 305. Приложение 4. Л. 16–19. Цит. по: Русско-кашгарские отношения в 60–70-х гг. XIX в. Документы и извлечения. (подг. С. В. Моисеев) Барнаул: Азбука. 2008. С. 56–58.

² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 305. Л. 3–4.

³ Там же. Л. 4–4 об.

вариантом образование независимого государства, и для этого считал необходимым прибегнуть к дипломатическим мерам¹. В Кашгар планировалось направить миссию капитана А. В. Каульбарса. В инструкциях, данных ему Кауфманом перед отправкой посольства, отмечалось, что российская дипломатическая миссия, по сути, является актом признания Якуб-бека независимым правителем. Это обстоятельство было важно для внутренней политики Якуб-бека. Однако А. В. Каульбарсу запрещалось давать по этому поводу какие-либо дальнейшие пояснения. Достаточно было самого факта².

Это обстоятельство фактически привело к признанию Россией Якуб-бека как независимого правителя. Вместе с тем события в Центральной Азии (восстание в Коканде и присоединение его к России в 1876 г.) вынуждали военных, в чьем подчинении находилось управление на присоединенных к России территориях, установить более тесные дипломатические связи с Кашгаром для проведения новой пограничной линии. Однако это же обстоятельство вызвало противоречия между военными и дипломатами российской империи, которые настаивали на уважении прав Китая на данную территорию. Усугубила противоречия и позиция Кауфмана, который предлагал помочь китайскому правительству в восстановлении своей власти в Западном Китае, однако настаивал на том, что районы Кашгара, Яркенда и Аксу потеряны для китайцев навсегда, и, вероятно, государство Якуб-бека там появилось надолго³. Вместе с тем, по мнению Кауфмана, получив помощь от России, китайское правительство будет вынуждено сохранить на остальных территориях Западного Китая торговые привилегии русских купцов, которыми те пользовались при инсургентах⁴.

После смерти Якуб-бека идея создания полностью вассального по отношению к России ханства в Кашгаре снова начала обсуждаться К. П. фон Кауфманом. Надежду на воплощение этой идеи в жизнь давала переписка сына Якуб-бека, Бек Кулы-бека, с Кауфманом. Бек Кулы-бек, после нанесенного ему китайцами поражения в 1878 г., бежал в русский Туркестан, где воспользовался покровительством К. П. фон Кауфмана.

Военная напряженность на границе с Китаем на рубеже 1879–1880 гг. заставила российские военные власти обратиться к идее восстановления мусульманской государственности в Синьцзяне. В частности, в переписке с Д. А. Милютиным ташкентский генерал-губернатор Кауфман предлагал во главе «Кашгарского ханства» поставить Бек-Кулы Бека, «который имеет за собой шансы как законный преемник Якуб-бека и человек, преданный нашим интересам»⁵. Однако в результате взаимных дипломатических усилий стороны сели за стол переговоров, и данный проект не состоялся⁶.

¹ Там же. Л. 5.

² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 305. Л. 31.

³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 313. Л. 12–12об.

⁴ Там же. Л. 13–15.

⁵ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 117. Л. 134–135.

⁶ Моисеев В. А. Россия и Китай в Центральной Азии. Барнаул, 2003. С. 196–207.

План организации антикитайского восстания в Кашгаре и восстановления мусульманской государственности тем не менее никогда не терял своей актуальности для российских военных властей. Так, сын Якуб-бека, Бек Кулы-бек, поселившийся в родном городе своего отца – г. Пскент, получал назначенную царским правительством пенсию как вероятный предводитель антикитайского восстания на случай войны с Китаем, вплоть до начала XX в.¹

Таким образом, короткая история государства Джетишаар представляет собой чрезвычайно сложный, интересный эпизод международных отношений в Центральной Азии в 1860–1870-х гг. XIX в. Подводя итоги, можно сказать, что до сих пор остается неизвестно, в какой степени Якуб-бек был связан с Кокандом, и как далеко простирались его планы строительства собственного независимого государства. Перспективным представляется и анализ попыток российской администрации применить опыт косвенного управления Кашгаром, используя для этого кокандского хана Худояра и сына Якуб-бека. Отход от идеологических ограничений и открытие архивных материалов делает перспективным и более масштабную и всестороннюю оценку российской политики в Центральной Азии, а также имевшее место скрытое соперничество между военным министерством и МИДом. Перспективным представляется и дальнейшее изучение мусульманского фактора во внешней и внутренней политике Джетишаара. Можно надеяться, что последующие исследования с привлечением максимально широкого круга источников обогатят наше представление о деталях Большой игры в Синьцзяне в середине XIX в.

Список источников и литературы

1. АВПРИ, Ф. 133 «Канцелярия». 1873. 12/24 июля, Н. П. Игнатъев – В. И. Вестману. Д. 26. Л. 353–355 об.
2. Басханов М. К. Политика Англии и России в отношении государства Якуб-бека в Восточном Туркестане (60–70-е гг. XIX в.). Дис. ...канд. ист. наук. М., Институт Дальнего Востока АН СССР, 1991. 274 с.
3. Васильев А. Д. Знамя и меч от падишаха. Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI – начало XIX вв.). М., ИВ РАН, 2014. 354 с.
4. Веселовский Н. И., Бадаулет Якуб-бек, аталык Кашгарский. Записки Восточного отделения Русского археологического общества, (ЗВОРАО) Т. 11, 1897–1898, СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1899. С. 87–90.
5. Дубровская Д. В. Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. М.: ИВРАН, 1998. 202 с.
6. Исиев Д. А. Уйгурское государство Йэтишар (1864–1877). М.: Наука, 1981. 91 с.
7. Корнилов Л. Г. Кашгария или Восточный Туркестан : Опыт военно-стат. описания / Под ред. нач. Штаба Туркест. воен. окр. ген.-лейт. Сахарова; Сост. Ген.

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1556, 2168 «О назначении пенсии бывшему кашгарскому правителю Бег-Кули беку».

- штаба подполк. Корнилов. Ташкент: тип. Штаба Туркестан. воен. окр., 1903. 445 с.
8. Куропаткин А. Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб.: Изд. Имп. Рус. Геогр. об-ва. Тип. В. С. Балышева, 1879. 443 с.
9. Моисеев В. А. Россия и Китай в Центральной Азии. Барнаул, Азбука, 2003. 345 с.
10. Моисеев С. В. Взаимоотношения России и Уйгурского государства Ыттишар (1864–1877 гг.). Барнаул: Азбука, 2006. 201 с.
11. Набиев Р. Н. Из истории Кокандского ханства (феодалное хозяйство Худояр-хана). Ташкент: Фан, 1973. 388 с.
12. Настич В. Н. Если на клетке слона написано «бегемот»...: где чеканились монеты Коканда с «посмертным» именем Малла-хана? // Эпиграфика Востока. Вып. 29. М., ИВ РАН, 2011. С. 174–186.
13. Петров В. И. Мятёжное сердце Азии: Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М.: Крафт+, 2003. 525 с.
14. Пржевальский Н. М. Путешествия в Центральной Азии. М.: Эксмо, 2010. 790 с.
15. РГВИА, Ф. 400. Оп. 1. Д. 305.
16. РГВИА, Ф. 400. Оп. 1. Д. 313.
17. РГВИА, Ф. 400. Оп. 1. Д. 1556.
18. РГВИА, Ф. 400. Оп. 1. Д. 2168.
19. РГВИА, Ф. ВУА (Военно-учебный архив). Оп. 447, Д. 35695.
20. РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 117.
21. Русско-кашгарские отношения в 60–70-х гг. XIX в. Документы и извлечения (подг. С. В. Моисеев). Барнаул: Азбука. 2008. 235 с.
22. Терентьев М. А. История Завоевания Средней Азии. СПб.: Типолитография В. В. Комарова, 1906. Т. II. 547 с.
23. Хедин Свен. В сердце Азии. Памир–Тибет–Восточный Туркестан. Путешествие в 1893–1897 гг. М.: Изд-во «Ломоносов», 2010. 527 с.
24. ВОА, А. МКТ. МНМ, 463/67.
25. ВОА, İrade Dahiliye, 49426.
26. ВОА, Y.EE, 91/28.
27. Boulger D. C. The life of Yakoob-Beg: Athalik Ghazi and Badaulet: Ameer of Kashgar. London: Allen, 1878. 344 p.
28. Hence P. B. The Great Game in Kashgaria. British and Russian Missions to Yakub Beg // Central Asian Survey. Vol. 8, № 2, 1989. London. P. 61–95.
29. Hodong Kim. Holy War in China: the Muslim Rebellion and the State in Chinese Central Asia, 1864–1877. Stanford, California: Stanford University Press, 2004. 320 p.
30. Newby L. J. The Empire and the Khanate: a Political History of Qing Relations with Khoqand c. 1760–1860. Leiden – Boston: Brill, 2005. 297 p.
31. Saray M. Rus İşgali Devrinde Osmanlı Devleti ile Türkistan Hanlıkları Arasındaki Siyasi Münasebetler (1775–1875). Ankara, TTK Yayınları, 1994. I-VIII, 188 p.

ОТДАВАТЬ ИЛИ НЕ ОТДАВАТЬ КУЛЬДЖУ? ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС 70–80-х гг. XIX в.¹

Аннотация: В статье речь пойдет о Кульджинском вопросе, который к 1878 году приобрел особую актуальность в связи с тем, что всё чаще стали обсуждать дальнейшую судьбу данного региона. Если первоначально после завоевания края основным вопросом полемики являлось целевое его использование, то после 1878 года, когда китайцы захватили Кашгар и подошли к российским границам, где началась жестокая расправа над мусульманским населением, которое массово стало бежать в российские пределы, актуализировался уже вопрос о выполнении требований Поднебесной. Но при этом возврат не должен был стать безвозмездным.

В этой связи началась целая череда переговоров по условиям возврата Кульджи, и общественное мнение не оставалось в стороне от данной полемики и буквально разделилось в своем мнении по данному вопросу. В связи с этим автором была предпринята попытка систематизировать общественное мнение в его желании повлиять на ход политических переговоров.

Ключевые слова: Кульджа, XIX век, возврат Кульджи, общественное мнение, переговоры, Поднебесная, Китай.

В 1879 году в петербургской газете «Голос»² появляется статья под громким названием «Настоящий восточный вопрос»³, в которой автор задается непростым вопросом: «Отдавать или не отдавать Кульджу?».

Основные события, являющиеся предысторией к этому, казалось бы, риторическому вопросу, относятся к 1871 году, когда Кульджа была завоевана Российской империей и вошла в состав Туркестанского генерал-губернаторства.

Кульджинский вопрос, обсуждаемый не первый год, к 1878 году приобрел особую актуальность в связи с тем, что всё чаще стали обсуждать дальнейшую судьбу данного региона⁴. Если первоначально после завоева-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

² Газета «Голос» – политическая и литературная газета, издававшаяся в Петербурге с перерывами с 1863 по 1883 г. По своей распространенности и влиянию газета имела исключительное положение, к 1877 году ее тираж составлял 22632 экземпляра. Фактически газета являлась глашатаем либеральной буржуазии и капитализма. Деятельность газеты была приостановлена после вступления в силу правил 1882 года о предварительной цензуре.

³ Настоящий восточный вопрос. Голос, 1879. № 3.

⁴ Как отмечает В. И. Куликов, первое крупное столкновение между сторонниками и противниками возвращения Кульджи Китаю произошло в марте 1876 года, когда под председательством военного министра Д. А. Милютина состоялось Особое совещание по китайским делам, куда был включен вопрос о Кульдже. См.: Куликов В. И. Военное министерство и политика России в Кульджинском вопросе // Войны в России. Сравнительный анализ. Материалы 47-й всероссийской заочной конференции. СПб.: Нестор,

возможности передачи Кульджи китайскому правительству¹.

Российское общество буквально вскипало от разнообразия мнений по кульджинскому вопросу, и эта полемика перешла в информационное пространство, став одной из самых обсуждаемых тем. Причем считалось, что данная полемика в прессе была инициирована правительственными кругами².

В связи с этим нами была предпринята попытка систематизировать общественное мнение в его желании повлиять на ход политических переговоров. Итак:

Почему хорошо отдать Кульджу? В этом случае будет хорошо российскому посольству в Пекине, которое на протяжении почти двадцатилетнего пребывания там не смогло добиться решения ни одного вопроса. В случае возврата, китайское правительство оставит его в покое, и не будет тревожить требованиями. Кроме того, из положительного отмечалось, что за возврат Кульджи, китайцы какое-то время не будут чинить препятствий в торговле с Монголией. И даже допускалась мысль о возможном разрешении Китая на торговлю с Маньчжурией и вывоз оттуда сырья. И еще одно мнение, озвучиваемое в этот период – возможная материальная выгода при заключении данного соглашения, может быть, даже больше, чем та, что получила Россия от США за свои североамериканские владения. Считалось, что в это время никакими деньгами не стоит пренебрегать.

Почему отдавать Кульджу плохо? Кульджа – край хороший, плодородный, население его просит об удержании в российском подданстве. Плохо еще и потому, что именно в этот момент обострился афганский вопрос, который грозил подрывом авторитета России в среднеазиатском регионе, а отдача Кульджи также не повлияла бы на рост престижа. При этом наблюдались риторические размышления о том, что мало кому в случае возврата Кульджи будут интересны мотивы такого поступка – т. е. наличие более существенных интересов России или моральное чувство справедливости и великодушия. Со стороны это выглядело бы исключительно как проявление малодушия, словно русские не могут конкурировать не только с англичанами, но и с китайцами – так считало общество.

Мнение в защиту удержания Кульджи за Россией заключалось и в том, что если закрепить Кульджу за Россией, то там возникнет и богатое земледелие, и обширное скотоводство. Активизируется промышленность и торговля. При этом указывалось, что до разгрома Кульджи в конце 60-х годов, там производилась значительная, хотя и первобытным способом, разработка каменного угля, стоимость которого не превышала двух копеек за пуд на кульджинском рынке. Пшеница не достигала и 15 копеек за пуд, мясо стоило не дороже 60–80 копеек за пуд, фрукты и огородные овощи

¹ Следует ли уступить Китаю Кульджу? – Новое время. 1878. – № 720. // Туркестанский сборник. Статьи и заметки из русских и иностранных газет. Сборник составлен по поручению туркестанского генерал-губернатора. Т. 196. С. 54.

² Куликов В. И. Военное министерство... – С. 52.

были баснословно дешевы.

При этом активно звучали утверждения о том, что с занятием этого края китайцами вся страна превратится в пустыню, возрождающаяся торговля начнет безвозвратно падать, а граница со стороны долины реки Или будет совершенно открыта, ничем не защищена, и тогда снова начнутся бесцельные дорогостоящие походы против китайских разбойников, которые будут врываться в российские приделы, воровать скот и грабить жителей на семиреченском тракте¹. Все подобные доводы сопровождалось призывами к тому, что Россия не должна отказываться от недорогих, но драгоценных приобретений. Подобный шаг стал бы плохой услугой дипломатии России, которая, по мнению все тех же источников, и так допустила уже много промахов: в частности, добровольно отступилась от лучших гаваней варангерского побережья². Нередко звучали явные призывы к активному действию общества: «Довольно с нас этих уступок, не повторим их более в Азии и не отдадим китайцам богатого Кульджинского края, помня русскую поговорку: «Что взято – то свято»»³.

Почему не отдавать Кульджу тоже хорошо? Край хороший, народ преданный и, главное, Россия хоть на несколько верст, но ближе к Китаю, от торговли с которым можно ожидать только хорошее. При этом никто не задавался вопросом, а как обстоят торговые дела в настоящее время и действительно ли торговля настолько выгодна? Призывы звучали достаточно активно и агрессивно: не отдавая Кульджу, заставим Китай заискивать перед Россией в надежде ее когда-нибудь выручить. Кульджа нужна китайскому правительству как вопрос чести, потеряв за тридцать лет более половины своей территории, утратив весь западный край, оно сумело справиться со всеми трудностями, восстановило власть во всех отпавших провинциях, и только Кульджа оставалась за Россией, и ее непременно нужно было вернуть обратно. И без Кульджи в глазах китайского народа все значение китайской власти в западном крае будет потеряно. Ведь тут был главный центр администрации, простиравшийся на весь Туркестан и Цзунгарию⁴. Правительство не осмелится сказать народу, что оно не может справиться с русскими, это значило бы, что Китай – не первая держава в мире, как зачастую хочет выставить себя двор. Маньчжурская династия имеет право на Китай только в силу завоевания, если она покажет свое бессилие, то власть рухнет, поэтому она настойчиво добивается со-

¹ Латкин Н. По поводу Кульджинского края. Голос, 1878. № 288.

² В 1826 году Норвегии было отдано как «компенсация ущерба» от побоев, нанесенных русскоподданым лопарем норвежскому лопарю, Варангерское поморье. См.: Жданович Р. Потерянные земли. Красная звезда, 31.10.2007.

³ Там же.

⁴ Джунгария (Джунгарская впадина или Джунгарская равнина) – географическая и историческая область Центральной Азии в северном Синьзяне на северо-западе Китая. Регион с преимущественно полупустынным и степным ландшафтом.

хранить в целостности свои прежние владения¹.

Не уступить Кульджу – значит явно попасть под китайские санкции. Трудно предположить, судя по прежним примерам, что русские решились отвечать на такие контрмеры с той же энергией, которую выказывали и выказывают англичане: те не побоялись за захват опиума или за взятие в плен китайской джонки с китайскими же подданными, но только под английским флагом всякий раз объявлять войну; за убийство Маргэри² они заставили богдохана³ издать беспримерный до того указ в пользу европейцев. Если Россия не будет применять решительных мер, отвечая на санкции, то русскому правительству придется сложно. И если оно будет поручать пекинскому посланнику решения каких-либо вопросов, то свой неуспех он будет сваливать на Кульджу. Мелкие торговцы при малейших неудачах станут тоже жаловаться, что все это происходит от того, что Кульджу не отдали китайцам.

Изложив, таким образом, все главные мнения общественности «за» и «против» по кульджинскому вопросу, можно сказать, что общественное мнение не смогло разрешить эту путаницу и должно было положиться исключительно на соображения правительства.

Но при этом мы должны заметить, что решение правительства не должно ни провоцировать в обществе утопических мечтаний о небывалых выгодах, ни настраивать негативно, как будто принесены в жертву самые существенные интересы России. Прежде всего, не могут же быть предписаны такие условия, которые, хотя и были приняты на первых порах по какой-нибудь крайности, не ложились тяжестью на правительство и на его народ.

¹ Следует ли уступить Китаю Кульджу? – Новое время. 1878. – № 720 // Туркестанский сборник. Статьи и заметки из русских и иностранных газет. Сборник составлен по поручению туркестанского генерал-губернатора. Т. 196. С. 55.

² Огэстес Маргэри участвовал в экспедиции по обследованию дороги Спрая, организованной в ответ на петицию Объединения английских торговых палат. Выехав из Шанхая, он закончил свое путешествие в Бамо 17 января 1875 года. Когда он отправился в обратный путь, то 21 февраля в Маньчине был убит китайцами, которых привело в ярость сообщение о том, что целью экспедиции является постройка железной дороги через Китай. В связи с убийством Маргэри экспедиция была отменена. Это было последней попыткой в период существования бирманского королевства проникнуть в Китай по Бамской дороге. Английские агенты, посланные из Ханькоу в Юньнань для расследования убийства Магэри, докладывали, что дорога не пригодна для железнодорожного строительства. Вступление на престол Тибо, последовавший за этим отъезд английского агента из Бамо и закрытие резидентства в Мандалае, сделали на данный период невозможными поиски лучшей дороги через Верхнюю Бирму, и поэтому внимание было перенесено на дорогу через Моулмейн. См. подробнее: Д. Дж. Е. Холл. История юго-восточной Азии. Главы о Бирме. Режим доступа: <https://webshus.ru/1418>

³ Богдохан (богдыхан – святой хан), титул императоров маньчжурской династии Цин в Китае (1644–1911 гг.).

Что касается соображений правительства по поводу «за» и «против» возврата Кульджи Китаю, то и здесь этот вопрос был не проработанным и виделся в общих чертах. Ко времени его актуализации в правительстве также преобладали противоположные взгляды. Так, российский дипломат барон Ф. Р. Остен-Сакен¹ в своей записке, предназначенной для министра иностранных дел А. М. Горчакова, которому военный министр Д. А. Милютин направил 14 января 1876 г. письмо, отмечал: «Если бы правительство имело целью присоединение к России Джунгарии, Монголии, Маньчжурии, то ничего не было бы легче, как найти предлог, чтобы привести к разрыву с Китаем и затем предоставить судьбу этой Империи усмотрению военного начальства. Очевидно, что подобный исход не в видах нашего правительства. Обратимся к другой стороне вопроса. Можно ли надеяться, что угрозы, с которыми наш посланник обратится в Пекин к китайским министрам, заставят их согласиться на наши требования? Наверное, нет. Это подтверждается всею историею наших сношений с Китаем, а еще больше историею английских сношений с этою страной»².

При этом надо отметить, что в целом мнения чиновников были более аргументированы, но мало отличались от эмоционального общественного мнения. Так, капитан Шепелев, осуществлявший топографическое обследование Мазаратского ущелья, в своей «Записке о современном положении нашем на границе с Западным Китаем» писал, что, какие бы не заключены были условия возврата Кульджи китайцам, формально обязав их в интересах человеколюбия и собственной их пользы даровать амнистию всем участвовавшим в дунганском восстании, мы не можем гарантировать исполнение этого на деле: китайцы найдут предлог, чтобы предать их казням. Подобные действия могут обернуться против России, она подвергнется ненависти всех племен, которых не смогла защитить, российское влияние подвергнется страшному удару, а русское имя проклятию и позору. Возврат Кульджи Китаю однозначно приведет к новому мятежу и стремлению к новому образованию мусульманского государства³.

¹ Барон Фёдор Романович Остен-Сакен – путешественник, учёный и государственный деятель, действительный тайный советник. После окончания юридического факультета Санкт-Петербургского университета поступил на службу в азиатский департамент Министерства иностранных дел Российской империи. В 1857 году сопровождал графа Путятина в Китай и посетил русские берега Японского моря и остров Цейлон. В 1867 году совместно с полковником Полторацким совершил поездку по Средней Азии до южных отрогов Тянь-Шаня и дошёл почти до Кашгара. Неоднократно исполнял обязанности секретаря, председателя отделений и помощника председателя географического общества; в последние годы жизни состоял его почётным членом. С 1870 до 1897 годы состоял директором Министерства иностранных дел, приступившего при нём к изданию целого ряда интересных трудов, имеющих отношение к его деятельности.

² «Мы в настоящее время стоим на крайне опасном пути». Записки русского дипломата барона Ф. Р. Остен-Сакена // Источник. Документы русской истории, № 1 (55). 2002. С. 14.

³ ЦГА РУЗ Ф. И-715. Оп. 1. Д. 49. Л. 118–119. Записка о современном положении нашем

По соображениям Министерства иностранных дел, передача Кульджи Китаю являлось логическим решением, но должно быть выполнено только при соблюдении Китаем всех требуемых условий и только после того, как китайская сторона усмирит беспорядки на данной территории. При этом в Министерстве указывали, что за стол переговоров можно садиться только тогда, когда китайцы будут действовать самостоятельно¹. И только тогда, когда станет возможным без потерь вывести русские войска из края. При этом неперемненными условиями должны стать облегчения и преимущества в торговле; исправления в пограничной черте, определенной последним Чугучакским договором²; определение положения пограничных киргиз³.

Особое совещание под председательством Милютинa в 1876 году высказалось за возвращение Кульджи Китаю, но оговорило это решение рядом условий, в том числе уступками территориального характера – за Россией предполагалось оставить небольшую часть Илийской долины на западе и долину реки Текес, прилегающую к Музаратскому проходу на юге Кульджинского края. Также отмечалось, что передача Кульджи Китаю возможна только при условии взятия им Урумчи и Манаса, что позволит российским купцам проникать в центр империи, вознаградит их убытки и удовлетворит претензии российского посольства, допустит восстановления в Кульдже российского консульства, проведет амнистию жителям Илийского края⁴.

В вопросе условий передачи Кульджи Китаю главную скрипку все же играла туркестанская администрация, которая в 1877–1878 году выступала за сохранение Кульджи в составе России⁵, и связанные с ней военные круги. Но уже в 1879 году генерал Кауфман сводил свое мнение всего лишь к двум пунктам: 1) Кульджа должна быть сдана целиком всей своей территорией, в прежних ее с нами границах; и 2) за восьмилетнюю нашу оккупацию этой провинции Китай обязан уплатить контрибуцию России.

на границе с Западным Китаем, капитана Шепелева. 27 января 1872 г.

¹ Вероятно, имелось в виду без участия англичан и других европейцев, которые, разумеется, будут не в пользу России. Об этом, в частности, писал русский дипломат барон Ф.Р. Остен-Сакен. См.: «Мы в настоящее время стоим на крайне опасном пути»... С. 15.

² По Чугучакскому протоколу (25 сентября 1864 г.) русско-китайская граница подразделялась на три части: от Шабин-дабага она шла до озера Зайсан и затем до пикета Маниту-Гатулхан; от этого пикета через Тарбагатай и далее по линии китайских пикетов до гор Алтан-Тэбши; от Алтан-Тэбши по хребту Джунгарского Алатау и далее за линию китайских пикетов к Тянь-Шаню и по нему – к Памиру.

³ ЦГА РУз Ф. И-715. Оп. 1. Д. 49. Л. 197–198. Граф Гейден. К вопросу о передаче Кульджинского округа Китайскому правительству и вообще о действиях наших по отношению к Западному Китаю.

⁴ Куликов В. И. Там же. С. 51.; Бекмаханова Н. Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. историко-географическое исследование. М.; СПб: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 209.

⁵ Куликов В. И. Там же. С. 50.

По первому пункту генерал-губернатор дал такое объяснение: наша политика в Средней Азии за последние 11 лет велась прямо и откровенно и приучила соседние народы и их властителей твердо верить непоколебимости слова, раз данного русским правительством¹.

Что касается контрибуции, то во время обсуждения этого вопроса в 1879 году туркестанский генерал-губернатор считал вполне законным и справедливым потребовать с Китая вознаграждения в размере 120 миллионов рублей, что вызвало бурю протестов и было отвергнуто, а убытки по оккупации за 8 лет свелись всего на пять миллионов! Китайцы, распространяя в Кульдже слух о выкупе ее у России и назначая, конечно, наименьшую сумму, определяли ее все-таки в 10 миллионов таэлей, т. е. в 20 миллионов золотом. Таким образом, отмечал сотрудник «Исторического вестника» Кадников В. С., за чечевичную похлебку мы восстановили владычество Китая в трех провинциях. К России также отошла часть кульджинской территории с совершенно открытой границей². Хотя Г. Гинс утверждает, что за возвращение Кульджи России было уплачено 12 миллионов. Русские войска были выведены, а с ними ушли в пределы России таранчи и дунгане, которые, опасаясь мести китайцев, предпочли русское подданство³.

Когда через десять лет Кульджу всё же возвратили Китаю, чтобы уступками на западе получить реванш на востоке, говорят, в Туркестане был популярный анекдот, сложившийся, быть может, на почве непонимания причин возвращения Кульджи, – что русский посол в Китае сказал, будто император Александр II не прочь возвратить Китаю Кульджу. Когда на основании этих слов посланника китайская миссия предъявила претензию в Петербурге, император будто бы сказал: «Посол дурак, но раз он обещал, то надо отдать»⁴.

Кульджинский вопрос, после передачи ее Китаю, еще долго оставался полемическим как на страницах газет, так и в правительственных кругах. В рамках данного доклада мы попытались расставить основные акценты данного дискурса, планируя развить его в полноценном исследовании.

Список источников и литературы

1. Гинс Г. Таранчи и дунгане (Очерки из поездки по Семиречью) // Исторический вестник. № 8. 1911. С. 673–709.

2. Граф Гейден. К вопросу о передаче Кульджинского округа Китайскому правительству и вообще о действиях наших по отношению к Западному Китаю // ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 49. 15 л.

¹ Кадников В. С. Из истории Кульджинского вопроса // Исторический вестник, 1911. № 6. С. 907.

² Там же. С. 907–908.

³ Гинс Г. Таранчи и дунгане (Очерки из поездки по Семиречью) // Исторический вестник, № 8. 1911. С. 677.

⁴ Там же.

3. Записка о современном положении нашем на границе с Западным Китаем, капитана Шепелева. 27 января 1872 г. // ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 49. 23 л.
4. Кадников В. С. Из истории Кульджинского вопроса // Исторический вестник. 1911. № 6. С. 894–910.
5. Куликов В. И. Военное министерство и политика России в Кульджинском вопросе // Войны в России. Сравнительный анализ. Материалы 47-й всероссийской заочной конференции. СПб.: Нестор, 2007. С. 49–54.
6. Латкин Н. По поводу Кульджинского края. Голос. 1878. № 288.
7. «Мы в настоящее время стоим на крайне опасном пути». Записки русского дипломата барона Ф. Р. Остен-Сакена // Источник. Документы русской истории, № 1 (55). 2002. С. 13–15.
8. Настоящий восточный вопрос. Голос. 1879. № 3.
9. Семенов А. Покоритель и устроитель Туркестанского края, генерал-адъютант К. П. Фон-Кауфман I-й. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XX/1900-1920/Kaufmann_sbomik/text1_2.htm
10. Следует ли уступить Китаю Кульджу? Новое время. 1878. № 720. // Туркестанский сборник. Статьи и заметки из русских и иностранных газет. Сборник составлен по поручению туркестанского генерал-губернатора. – Т. 196. С. 52–62.

Д. В. Васильев

(Московский городской педагогический университет, Москва)

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЗАКАСПИЙСКОМ КРАЕ ПРИ СОЗДАНИИ НОВОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ¹

Аннотация: Система управления Закаспийским краем формировалась с учетом местных условий, поставленных империей конкретных целей и задач. Первоначально акцент был сделан на развитии торговли, и представителя Министерства финансов, с целью оптимального исполнения возложенных на него обязанностей, планировали наделить невиданными для чиновника его статуса правами, полномочиями. Военный начальник и его непосредственные подчиненные отвечали за безопасность в субрегионе. Однако первоначальные планы империи изменились, и Закаспийский край оказался под эгидой Военного министерства.

Ключевые слова: Закаспийский край, административная политика, Российская империя, Кавказский край, Туркестанское генерал-губернаторство, Краснодарск, В. И. Маркозов, А. Н. Тетеревников, агент Министерства финансов, Хива.

Административное освоение Туркменской степи в 70-х годах XIX века шло по пути постепенного и, насколько было возможно, безболезненного для местного населения включения территории в состав империи. Изначально сложилось своеобразное троєвластие: ответственными за местное управление были назначены военный и морской начальники и агент Министерства финансов. Перед этими лицами поставили задачу:

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

представить в течение 1871 года собственные идеи, которые могли бы стать основой для оптимальной организации административного устройства края¹. Задачу необходимо было решить с учетом подробного анализа местных условий, их приспособления к общеимперским основаниям. Военный начальник и коммерческий агент также должны были сконцентрироваться на вопросе регламентированного использования минеральных богатств побережья и острова Челекен. Для этого сначала следовало добыть достоверные сведения об имущественных правах туркменских родов. Разрабатывать месторождения, приобретать или арендовать недвижимое имущество, передавать недвижимость в собственность другим лицам планировали с полным соблюдением прав собственности, на основе добровольного соглашения. При этом совершать правовые сделки, заниматься разработкой месторождений могли бы только подданные империи.

На первоначальном этапе освоения края главное местное управление передали, в военном и морском отношениях, кавказскому наместнику. Прямое подчинение Морскому министерству начальника морской станции сохранялось. Коммерческий агент непосредственно подчинялся Министерству финансов. Ему дозволялось обращаться к военному и морскому начальству за помощью в делах, связанных с развитием промышленности и торговли. Разрешалось самостоятельно взаимодействовать с администрацией Кавказа, Туркестана, Оренбурга и Астрахани, миссией в Тегеране и консульствами. Значимые для этого региона вопросы патрулирования моря, недопущения контрабанды и незаконного рыболовства следовало согласовывать с российской миссией, консульствами в Персии, четко следуя в дальнейшем полученными оттуда указаниями.

Конечно, одной из первостепенных задач было устройство в Закаспии более прочной административной системы. В частности, в министерствах рассматривали проекты о передаче Мангышлакского уезда Оренбургского генерал-губернаторства вместе с фортом Александровским кавказской администрации. Центром нового крупного анклава планировали сделать Красноводск. Он стал бы местопребыванием всего оседлого населения Ашур-Аде и морского начальника. Непосредственно на упомянутом острове полагали оставить мелкие суда и сборный пункт для совершения рейсов в Астрабадском заливе.

Военный начальник получил от высших имперских сановников особую инструкцию. В документе однозначно утверждалось, что «цель правительства при занятии, пункта на восточном берегу Каспийского моря есть исключительно открытие нового торгового пути в Среднюю Азию и доставление на этом пункте торговцам безопасности и возможных

¹ Здесь и далее: 1870 г. января 16. Журнал Комитета по делам, касающимся Каспийского моря // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6819. Л. 90–96; *то же* // Присоединение Туркмении к России: (Сборник архивных документов) / под ред. А. Ильясова. Ашхабад: Изд-во Акад. наук Туркм. ССР, 1960. С. 38–43.

удобств...». На реализацию этой цели была направлена конкретная задача – обеспечить безопасность и поддерживать порядок на подконтрольной территории (кроме занятых прибрежных пунктов подразумевались острова Челекен и Огурчинский). Направлять военные команды сопровождать караваны, занимать новые пункты в Туркменской степи запрещалось. Однако оставался оговорка о возможности отправить небольшие партии для сбора топлива, фуража для хозяйственных потребностей, «причем должно только всеми мерами стараться сохранить мирные отношения к кочевому населению».

Одной из главных задач военной региональной администрации, связанной с задачей обеспечения безопасности, стала разъяснительная работа среди туркменского населения. Необходимо было как содействовать транзитной торговле с хивинцами и туркменами, так и подводить их к мысли о пользе поддержания мирных отношений с Россией. Заметим, вне закона объявлялись и любое движение против Хивы, и неспровоцированные действия против туркмен. Административное освоение территории основывалось на тщательном изучении положения местного населения, их бытовой культуры. Подати и сборы в отношении туркмен исключались. Всеми силами требовалось «...заинтересовать их в торговом движении и снискать их доверие и дружелюбие».

За коммерческим агентом закреплялась конкретная обязанность наблюдать за сделками российских торговцев, хивинцев, туркмен и «за устранением притеснений и обманов» на красноводских землях, островах Челекене и Огурчинском. Первым коммерческим агентом в Красноводске стал коллежский асессор А. Н. Тетеревников¹. Подготовленный для него в Министерстве финансов проект инструкции через месяц представили на обсуждение в министерствах военном и иностранных дел².

Согласно документу³, агент Министерства финансов должен находиться в Красноводске для решения конкретных, четких и однозначных задач: содействовать развитию торговли на вновь занятых землях и привлекать к этому туркменское население. При этом круг его обязанностей очерчивался довольно широко: «...1) содействие торговле, 2) разбор споров, 3) засвидетельствование разного рода актов, 4) взимание таможенных пошлин и наблюдение за пресечением контрабанды, 5) собрание сведений о местных условиях и производительных силах края»⁴. Делался особый акцент, что при исполнении обязанностей все действия «...должны отли-

¹ 1870 г. марта 16. Отношение министра финансов военному министру // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6819. Л. 160–161.

² Там же.

³ 1870 г. марта 16. Проект инструкции агенту Министерства финансов в Красноводске // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6819. Л. 162–175об.

⁴ Там же. Л. 162об.

чатся характером примирительным и клониться более к предупреждению нарушений, нежели к их каранию»¹.

В проекте инструкции имелось предписание, которое было довольно сложно выполнить. Требовалось, чтобы коммерческий агент отслеживал движение направляющихся вглубь Средней Азии через Красноводск караванов (причем как направление, так и динамику), содействовал поиску транспортных средств для их отправления, также наблюдал за результативностью караванной торговли. Оказывал помощь в подборе судов и проявлял особую заботу о прибывших из Средней Азии караванах².

В отношении процедуры судопроизводства в проекте инструкции было сказано: «Решения спорных дел должно производиться по самым простым формам, применяясь к местным обычаям и к тем, какие действуют в словесных судах»³⁴. Вообще достаточно сложный раздел «Разбор споров» отличался краткостью. От агента требовали устранять «притеснения и обманы» при совершении сделок, наблюдать за добросовестным характером их заключения. Торговцам предоставляли право обращаться к коммерческому агенту при возникновении спора. В таком случае представителю Министерства финансов следовало стремиться к мировому соглашению либо совместными с военным начальником силами «...вместе с военным начальником меры для прекращения подобных недоразумений». Все эти предписания были связаны со стоящей перед агентом задачей – обеспечивать «правильный ход торговли».

Министерство ставило цель учредить в дальнейшем в Красноводске расправу, где могли бы разбираться спорные дела. Предложение об устройстве этого органа следовало разработать коммерческому агенту⁵. В случае успеха в развитии торговли, при увеличении количества занимающихся торговлей лиц предполагали избрать из них несколько старшин и создать Коммерческое агентство, поставив во главе его представителя Министерства финансов.

На относительно небольшой территории, пустынной и практически безлюдной, агенту предполагали присвоить достаточно высокий статус. Так, в не предусмотренных инструкцией ситуациях ему предоставляли права российских консулов в Кульдже, Чугучаке и Урге (совр. Улан-Батор)⁶. Агент непосредственно подчинялся Министерству финансов: он должен был регулярно предоставлять донесения в департамент торговли и мануфактур. Одновременно, согласно инструкции, его наделяли невиданным для чиновника его статуса правом непосредственно взаимодействовать с главными начальствами соседних регионов, российскими диплома-

¹ Там же. Л. 164.

² Там же. Л. 164–164об.

³ Суды, созданные в России в 1754 году для разбора торговых дел.

⁴ 1870 г. марта 16. Проект инструкции. Л. 165об. – 166.

⁵ Там же. Л. 167.

⁶ Там же. Л. 174об.–175об.

тическими представительствами, военным и морским начальниками. Такая позиция по отношению к представителю российской администрации в крае, широкие полномочия, которыми наделялся представитель Министерства финансов, косвенно показывают, какое значение правительство отводило в перспективе восточному побережью Каспийского моря.

Министерство финансов в лице министра М. Х. Рейтерна обратилось к Д. А. Милютину и А. М. Горчакову за замечаниями¹ по проекту инструкции. Ответ был получен спустя две недели². Направленные в Министерство финансов замечания были подготовлены в Азиатской части Главного штаба³.

Д. Милютин подчеркивал, что в условиях фактического военного положения «...весьма желательно, чтобы с первого же времени было сколько можно более обеспечено единство распоряжений всех местных административных органов». И это единство, по мнению министра, могли обеспечить военные: «...относительно полицейского порядка между торговыми в Красноводске, по устройству торговых помещений и всякого рода складов и вообще по всем предметам, требующим принятия каких-либо мер по внутреннему управлению в Красноводске и его окрестностях, агент действует не иначе как по соглашению с местным военным начальником»⁴. Это предложение подкреплялось ссылкой на журнал Каспийского комитета, где главным местным начальником признавался начальник Красноводского отряда.

Коммерческому агенту, по мнению Военного министерства, необходимо было удостоверять документы, «...применительно к местному положению, в канцелярии военного начальника впредь до устройства на общих основаниях другого порядка». То есть в этой части ведомство стремилось ограничить права представителя Министерства финансов. Все замечания были высказаны в соответствии с исповедуемым военными принципом доминирования в управлении на завоеванных территориях. Примат военной администрации прослеживается и в других предложениях министерства⁵.

В итоге проект с изменениями представили на высочайшее утверждение, состоявшееся в апреле 1870 г.⁶ Окончательный вариант документа включал в себя пункты об обязательном удостоверении военным начальником товаров, которые планировали продавать непосредственно в Крас-

¹ 1870 г. марта 16. Отношение министра финансов.

² 1870 г. марта 31. Отношение военного министра министру финансов // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6819. Л. 198.

³ 1870 г. марта 31. Замечания на проект инструкции агенту Министерства финансов в Красноводске // Там же. Л. 199–201об.

⁴ Там же. Л. 199об.–200.

⁵ Там же. Л. 201–201об.

⁶ 1870 г. апреля 24. Инструкция агенту Министерства финансов в Красноводске // Там же. Л. 227–242.

новодске; о порядке передачи полномочий агента (в случае его отлучки) состоящему при нем чиновнику¹; о праве представителя Министерства финансов обращаться к военному начальнику с просьбой выделить необходимое количество людей для конкретной цели – охранять таможенные склады². Итоговый вариант документа содержал высказанное Военным министерством требование «по устройству торговых помещений, и всякого рода складов, и вообще по всем предметам, требующим принятия каких-либо общих мер по внутреннему управлению в Красноводске и его окрестностях...» действовать строго по соглашению с местным военным начальником.

Деятельность коммерческого агента по судебной части и засвидетельствованию актов рассматривалась с точки зрения общеимперского законодательства (Устава гражданского судопроизводства 1864 г. и ординарного права нотариусов)³. Хотя военный министр в свое время вносил предложение передать военному начальнику право свидетельствовать все неторговые акты, в окончательном варианте документа эта норма была зафиксирована только в отношении лиц воинского звания⁴. В этой части уступка Военному министерству была неполной.

В сокращенном виде инструкцию опубликовали в Полном собрании законов Российской империи. Из документа исчезли, возможно, по дипломатическим причинам, части о таможенных пошлинах, взаимодействии коммерческого агента с другими представителями администрации, о необходимости содействовать торговле, собирать и сообщать сведения. Сам документ получил другое название⁵.

Как бы ни старались военные, поначалу им не удалось обеспечить безусловное доминирование военной администрации в Закаспийском крае. Прибывший в 1871 г. в Красноводск новый начальник военного отряда полковник В. И. Маркозов столкнулся с коммерческим агентом и спустя какое-то время так охарактеризовал его положение.

«Одновременно с отправлением в Красноводске отряда Министерства финансов отправило туда же двух своих агентов [агента и чиновника при нем. – Д. В.], снабдив их подробной инструкцией и большим количеством шнуровых книг для ведения надлежащей отчетности по взиманию пошлин для вписывания денежных актов, имеющих совершаться между туземцами и проч. Инструкция, о которой я говорю, – уверен в том – со временем обратится в курьезную археологическую редкость, так как, веро-

¹ Там же. Л. 227об.

² Там же. Л. 228об., 236–236об., 237–237об.

³ Там же. Л. 230–230об., 233–234.

⁴ Там же. Л. 234.

⁵ 1870 г. апреля 24. Высочайше утвержденная инструкция агенту Министерства финансов в Красноводске по судопроизводству и засвидетельствованию актов // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 45. 1870. Отд. 1-е. СПб., 1872. № 48280. С. 516–518.

ятно, экземпляры ее будут тщательно уничтожены составителями. Читая этот документ, можно подумать, что в Министерстве финансов впредь, на всякий случай, подготовлена нормальная инструкция, которая затем, по мере надобности, выдается агентам со вписанием лишь собственного имени той страны, которую предположено занять, будет ли это Румыния, Трансильвания, Галиция или Закаспийский край. На основании той инструкции агенты Министерства финансов признаются в то же время и мировыми судьями, причем у них обязательно должны судиться все жители Красноводского округа; остальным же обитателям Закаспийского края предоставляется обращаться к посредству этого суда по собственному желанию.

Как чиновники Министерства финансов агенты подчиняются непосредственно министерству, а как судьи – Астраханской палате уголовного и гражданского суда, куда разрешается недовольным постановленными ими решениями приносить апелляцию, если иск выходит за пределы безапелляционного решения агентов.

Можно себе представить, насколько туркмену понятны эти формы, и в состоянии ли он обжаловать постановление судьи, когда только один из тысячи у них слышал о существовании Астрахани, и когда, конечно, ни одному из них не известно, что за учреждение палата уголовного и гражданского суда. С кавказским начальством по той же инструкции агентам этим дозволяется, если признают нужным, вступать лишь в сношение и все это тогда, когда край, в котором живут агенты, подчинен главнокомандующему Кавказской армией и охраняется войсками, ему вверенными. Из приведенного маленького очерка нетрудно усмотреть, ...что в Красноводске неминуемо должны были быть вечные неприятности между военной властью, с одной стороны, и, так сказать, гражданской – с другой, так как приказания, получаемые этими властями, исходя из разных источников, редко бывали предварительно согласованы, а это затрудняло дело и при Столетове, и при мне. Вообще, как кажется, одной этой инструкции достаточно для того, чтобы прийти к заключению, что о Закаспийском крае до позднейшего времени имелись лишь самые туманные понятия»¹.

Краткая характеристика задач, поставленных перед чиновниками и военными, осознание перспектив их деятельности на восточном берегу Каспийского моря показывают, что административное освоение края сопровождалось вполне ожидаемыми трудностями, связанными с намерением реализовать значимую цель империи на центральноазиатском направлении – развивать торговлю с местными ханствами. Учреждение должности коммерческого агента, который находился в непосредственном подчинении Министерству финансов, центральные власти рассматривали как

¹ [1873 г.] Оправдательная записка бывшего начальника Красноводского отряда полковника Маркозова о действиях его в Закаспийском крае во время Хивинского похода 1873 года // Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 307. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 5об.–7об.

один из путей для достижения этой цели. Обеспечение безопасности в крае, то есть достижение другой значимой для империи цели, ложилось на плечи военного начальника и находившегося под его командованием отряда. Военный начальник подчинялся непосредственно главнокомандующему Кавказской армией и, соответственно, Военному министерству.

Обратим внимание, как разные цели, поставленные российским государством в отношении вошедших в состав империи центральноазиатских территорий, влияли на способ административного освоения регионов. Управление Туркестаном было сконцентрировано в Военном министерстве (во второй половине XIX в. там периодически проходили военные действия). Даже торговые интересы в этом регионе обеспечивались в основном военными средствами¹. Административное регулирование вопросов в степных областях, вошедших в состав империи более столетия назад, носило гражданский характер и сосредотачивалось в Министерстве внутренних дел.

Управление Закаспийским субрегионом отличалось отсутствием детерминированности целей. С одной стороны, акцент был сделан на приоритет развития торговли, с другой – империя понимала: решить любые гражданские задачи нереально без масштабного военного обеспечения. Желаемая модель военно-коммерческого партнерства не могла, в условиях того времени, эффективно реализоваться на восточном берегу Каспийского моря. В 70-х годах XIX века здесь еще не решили ряд важных военных задач. Используя стилистику того времени, можно сказать, что еще не умиротворили пространство, где можно было с выгодой заниматься транзитной торговлей, развивать местную промышленность.

Ход дальнейших событий, в частности Хивинский поход, изменил первоначальные планы в отношении административного освоения Закаспийского края: территория естественным образом оказалась под эгидой Военного министерства. Но такое смещение акцентов не перечеркивало деятельность представителя Министерства финансов в Красноводске. Уже с первого года появления русских в субрегионе был решен ряд поставленных задач: выполнен анализ местных условий, оценены торгово-промышленные перспективы, намечены меры, способные оптимизировать землепользование и способствовать развитию предпринимательства.

Список источников и литературы

1. Васильев Д. В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 638 с.

¹ Подробнее см.: Васильев Д. В. Форпост империи. Административная политика России в Центральной Азии. Середина XIX века. М.: ИБП, 2015. С. 117–176; *он же*. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 638 с.

2. Васильев Д. В. Форпост империи. Административная политика России в Центральной Азии. Середина XIX века. М.: ИБП, 2015. 303 с.

3. Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 307. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 1–238 об.

4. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 45. 1870. Отд. 1-е. СПб., 1872. С. 516–518.

5. Присоединение Туркмении к России: (Сборник архивных документов) / под ред. А. Ильясова. Ашхабад: Изд-во Акад. наук Туркм. ССР, 1960.

6. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6819. Л. 90–336 об.

С. Д. Васильев
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

БРИТАНСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИКУ ШАХСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ ТУРКМЕНСКИХ ПЛЕМЕН. ПРЕВРАЩЕНИЕ ИРАНА В ТЕАТР ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ¹

Аннотация: В ходе настоящего исследования был проведен обзор основных событий истории англо-русского соперничества в Иране. На протяжении всего исторического процесса разные государства соперничали друг с другом из-за территорий и сфер влияния. При этом они использовали различные приёмы и методы борьбы: от дипломатии до вооружённых столкновений. Поступательное движение Российской Империи вглубь Центральной Азии побудило британский Форин Офис активизировать свои дипломатические, политические и военные ресурсы с целью предотвращения дальнейшего продвижения русских к Герату, а затем и к Индии. Английская агентурная сеть покрывала большую часть Ирана и оказывала существенное влияние на формирование как внутренней, так и внешней политики персидского правительства. Довольно четко прослеживается позиция английских дипломатов и в отношении иранских туркмен, в связи с чем настоящим исследованием предпринята попытка определить роль британского правительства в судьбе туркменских племен.

Ключевые слова: Российская империя, Центральная Азия, английское правительство, туркмены, дипломатия.

В 1836 г. в Лондоне был опубликован политический памфлет британского посла в Тегеране Джона Макнила «Продвижение и существующее положение России на Востоке», который он посвятил изображению персидской политики Российской империи как части ее экспансионистских намерений в отношении восточного региона, создающих непосредственную угрозу английским колониальным владениям в Ост-Индии. Русско-персидские и русско-турецкие войны были показаны им как начальный

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

¹ Здесь и далее автор работы использует понятия «Средний жуз», «Казахстан», «казахи» и «киргизы» в качестве равнозначных.

этап широкомасштабных действий, угрожающих британским интересам. Отсюда делался вывод о необходимости более серьезного отношения к российской политике в Персии. Его предложение не допустить сближения двух государств диктовалось не только необходимостью предотвращения российской агрессии, но и стремлением устранить Россию как своего главного конкурента с персидского рынка.

В планах среднеазиатской политики английское правительство придавало важное значение Персии. Во-первых, оно собиралось использовать ее как орудие борьбы против русского наступления в Туркмении, во-вторых, как плацдарм, который позволил бы Англии через северные районы Персии, вплотную примыкавшие к Туркмении, проникнуть на территории, населенные туркменами, установить связь с их ханами и утвердить здесь свое влияние, чтобы в последующем превратить их в орудие своей политики в Средней Азии. Английские дипломаты постарались в первую очередь не допустить утверждения русских на правом берегу р. Атрек и тем самым лишить их оперативной базы для наступления на восток Туркмении. По мнению англичан, территория между Атреком и Горганом представляет для России важный опорный стратегический пункт для развертывания агрессии на сторону Мерва.

Вопрос о Мерве, начиная с 70-х гг. и до его присоединения к территории Российской империи, был основным в дипломатических взаимоотношениях России и Великобритании на среднеазиатских территориях. Британская империя интересовалась Мервом в первую очередь из-за его близкого расположения к Герату – к Индии. Соответственно, угроза Герату приравнивалась к угрозе Индии. В действительности Мерв не обладал приписываемым ему стратегическим значением: более комфортный путь пролегал к Герату через Мешхед. То есть для наступления на Герат Мерв брать было совсем не обязательно.

Стремление подданных Британской империи к обеспечению полной безопасности текинским туркменам Мерва объясняется следующими причинами:

1) Население Мерва постоянно волновало бы русское правительство, использовало влияние на туркмен из соседних областей; продолжались бы аламанство, мятежи и восстания.

2) Через оазис к Туркестану проходили основные дороги от Каспийского моря.

3) Мерв привлекал удобным путем к Герату. Великобритания могла получить свободный доступ к мервским туркменам, использовать их силу в своем противостоянии с Российской империей в случае успеха при установлении своего политического влияния в Афганистане, также превращение эмира Шер Али Хана в своего вассала.

Текинские шейхи решили обсудить необходимые меры, которые следует принять с учетом предстоящего наступления русских войск. Они собрались у Кушид-хана – предводителя крупнейшего племени. К собра-

нию присоединились сбежавшие из Хивы туркмены. Мнения разделились на три группы: 1) принять подданство Персии, 2) отойти в Афганистан, 3) оборонять Мерв. Мнение Кушид-хана было однозначным: он приказал сосредоточиться на укреплении города. Руководитель туркмен Мерва также объявил запрет на грабительские вылазки, причем по вполне логичной причине: не давать России повода для атаки.

Близость Мерва к персидским границам, давнее желание шаха овладеть Мервом и прилегающим оазисом давали возможность Великобритании усилить свое и без того значимое положение в Тегеране. Персидское правительство, поддерживаемое англичанами, не собиралось отказываться от Мерва, но и не обладало достаточной мощью для его завоевания. Послы Британской империи в Тегеране, со своей стороны, были связаны с туркменскими правителями, в том числе и с Кушид-ханом. Представители Англии в Тегеране регулярно контактировали с туркменами Закаспия (через агентскую сеть в Астрабаде, Мешхеде) и, естественно, оказывали на них, согласно задачам своего правительства, воздействие. Для реализации собственных целей английское правительство направляет в северную Персию специальную группу, которой руководил полковник В. Бэйкер. Исследовать дороги на туркменских территориях и установить связи с предводителями туркменского населения – таковы были цели данной экспедиции. В. Бэйкер находился в Хорасане 2,5 месяца (1873 г., с сентября по ноябрь). Затем он побывал в Ашур-Аде и направился в Мешхед. В течение более чем двух месяцев участники группы продвигаются по всему Хорасану. Подробно исследуются дороги. Производятся съемки местности.

На одном из заседаний Географического общества в январе 1871 г. британский дипломат Генри Роулинсон изложил свои соображения о роли Персии в борьбе против России следующим образом: если Персия окажет помощь русским войскам, наступающим от Каспийского моря, то взятие Мерва будет для России сравнительно легкой задачей; если же она останется нейтральной и не будет снабжать русские войска продовольствием, однако не станет создавать России лишних затруднений, русское наступление усложнится, но все же останется практически осуществимо. Если же Персия выступит против русского наступления и категорически запретит нарушать свои территориальные права, марш русских на Мерв станет невозможным. Роулинсон считал необходимым указать на опасные с его точки зрения последствия утверждения Российской империи в Мерве и предостеречь тем самым от возможной со стороны Персии помощи русским, моральной либо материальной. Он учитывал серьезность и силу возможного русского влияния в Тегеране, а шах хотел избавиться от беспокойных туркменских соседей. При таком раскладе рекомендовалось «всеми силами дипломатического воздействия» повлиять на шаха и опередить русских, оккупировав Мерв раньше них. В случае неудачи предлагалось расценивать любое продвижение сил Российской империи в Туркмении как «демонстрацию против Индии». По мнению Роулинсона, наследником прави-

теля Герата должен стать Якуб-хан. В необходимости такого назначения следовало убедить Шер Али Хана. Якуб-хана Великобритания планировала использовать против России (учитывался также другой вариант: его замена офицером, который заслужил доверие англичан). При неудачной реализации этих планов Роулинсон считал, что следует, причем «с согласия эмира», направить сильную английскую бригаду в Герат.

Как действовало персидское правительство: единственный выход виделся в двойной игре. Дипломатическая политика проводилась следующим образом. При взаимодействии с подданными Великобритании Персия уверяла об ощутимом страхе перед русской опасностью; выражала готовность следовать предлагаемому Англией курсу; просило о помощи. С другой стороны, высказывала русскому правительству искреннее стремление поддержать его планы касательно туркменских территорий; подтверждала свою готовность помочь.

После хивинской кампании не проходило и года, чтобы английские офицеры не появлялись на границах между Персией и территориями, населенными туркменами, проникая и на туркменские земли, словно на свои владения. Они занимались сбором средств и подстрекали туркмен к сопротивлению русскому наступлению. В период 1874–1876 гг. Уильям Томсон провел тщательное исследование всей местности от Каспийского моря до Амударьи и составил подробную схему размещения всех туркменских племен и родов, расположенных на этой территории. Брат Уильяма Томсона – Ронуальд Томсон в начале 1870 г. составил меморандум о туркменских племенах с самым тщательным описанием вплоть до мельчайших подробностей и дал приложение, в котором были приведены сведения о дорогах, имевших важное стратегическое значение, об отдельных местностях, о структуре почвы, о снабжении водой. Томсоны организовали широко разветвленную сеть агентов, которая охватывала всю Северную Персию и значительную часть Туркмении, до Бухары и Хивы. В Мешхеде и Астрабаде находились два постоянных агента из местных жителей: в Мешхеде – Аббас-хан, а в Астрабаде – Мухаммед Таги Ата, – оба торговцы, чрезвычайно энергичные люди. Круг их обязанностей был очень широк. Они докладывали в британское посольство обо всех событиях в округе и прилегающих туркменских районах, вербовали новых агентов для британского посольства, и, наконец, очень важной сферой их обязанностей было поддержание связи с туркменскими племенами и влияние на их ханов и шейхов. Мешхедский агент, в свою очередь, имел агентов в Мерве (Тадж Сирдар), Герате, а также в Северном Иране. У астрабадского агента были свои представители почти в каждом туркменском племени, кочующим вдоль р. Атрека.

Что касается непосредственно отношений туркмен и персидского правительства, то они постоянно враждовали, не проходило месяца без кровавых инцидентов и столкновений между туркменскими племенами и населением персидских пограничных селений, причем обе стороны прояв-

ляли большую жестокость. Ведя переговоры, ни туркменские, ни персидские власти не верили друг другу; ни те, ни другие не собирались выполнять свои обещания. При этом британские представители были в курсе всех сношений между туркменами и персидскими властями, и обе стороны передавали им документы, касавшиеся этих переговоров.

2 октября 1877 г. в Мешхед прибыла новая делегация мервских туркмен в составе 35 человек, возглавляемая Насрулла-ханом. После бесплодных переговоров, длившихся почти месяц, делегация была направлена в Тегеран. Переговоры затянулись более чем на три месяца и завершились заключением соглашения, полный текст которого немедленно был отправлен в Лондон. В соглашение были включены следующие пункты.

1. Мервские туркмены признают свое подчинение Персии.
2. Они обязуются полностью прекратить рейды в эту страну.
3. В Мерве должен быть поднят персидский флаг.
4. В Мерве должен находиться персидский агент, назначаемый ша-

хом.

5. В Мешхеде будут оставлены 100 заложников, которые должны быть людьми влиятельными, от всех четырех ветвей мервских туркмен, они будут без семей.

6. В Мешхеде на службе у персидского правительства будет находиться отряд из 1000 всадников (по 250 от каждой ветви), которых будет содержать персидское правительство, они могут использоваться в любой части Персии, где потребуется их служба.

Со своей стороны, персидское правительство обязалось:

1. Признать мервских туркмен персидскими подданными и обещало им защиту и свое благоприятное отношение к ним.

2. Оно соглашалось оплачивать расходы на заложников, отправленных в Мешхед, которые оценивались в размере 6 тыс. туманов в год.

3. Принимало на себя расходы по содержанию туркменских кавалеристов, нанятых па службу Персии, на тех же условиях, что и хорасанских нерегулярных кавалеристов, которые оценивались по 3 тыс. туманов ежегодно.

4. Оно разрешало 1000 мервских туркменских семей поселить в Старом Серахсе и на землях, примыкающих к Теджену.

Шах даровал туркменским шейхам фирман, объявлявший, что текинские туркмены Мерва всегда были и остаются подданными Персии, а также объявлял им прощение всех нелояльных по отношению Персии действий. Однако, несмотря на все это, попытки британских офицеров организовать борьбу туркмен против России, равно как и попытки образовать тесный союз туркменских племен с Персией, провалились. Русский посол И. А. Зиновьев был в курсе переговоров между Персией и туркменами, о них ему регулярно докладывал министр иностранных дел Персии Мирза Хусейн-хан, но он считал ненужным до поры до времени предпринимать ответные меры, будучи убежден в том, что персидское правительство не

очень серьезно относится к этим переговорам. Кроме того, командующий русскими войсками в Туркмении генерал Ломакин сообщил Зиновьеву в начале 1877 г., что наиболее влиятельные туркменские шейхи регулярно информируют его о переговорах с персидскими властями, и отметил, что они не придают им никакого значения. Даже прибытие в Тегеран в конце 1877 г. туркменской делегации и состоявшиеся здесь переговоры не заставили Зиновьева изменить свой прежний курс, он по-прежнему продолжал смотреть сквозь пальцы на этот фарс. Правда, он тактично дал понять Мирзе Хусейн-хану о своей осведомленности относительно туркменской делегации, но совершенно удовлетворился, услышав от него, что персидское правительство не придает никакого значения новым переговорам, поскольку не имеет никаких средств принудить туркмен исполнять их обязательства.

Летом 1878 года для Уильяма Томсона создались благоприятные условия для воплощения новых планов. Тогда Российская империя организовала новое наступление, целью которого стало подчинение Ахалтекинскому оазису. Этим демонстрировался протест против агрессивных, по мнению русского правительства, действий Великобритании на Среднем Востоке. Томсон узнал о согласии персидских властей оказать помощь России (планировали предоставить продовольствие, транспорт). Он действовал, исходя из конкретных целей. Если Персия откажется помогать русским, войска Российской империи не смогут выполнить поставленные им правительством задачи и даже могут вынужденно отступить. Отступление русских войск будет выглядеть в глазах туркменского населения как поражение. Prestиж государства российского пошатнется. Соответственно, создадутся более благоприятные условия для деятельности британской разведки в Туркмении, и англичане смогут установить через Герат связи с туркменскими племенами, причем на регулярном основании, а также организовать в дальнейшем их выступление против войск России. Одновременно Томсон понимал: отказ персидских властей оказать обещанную российским войскам помощь продовольствием и транспортом способен вызвать демарши со стороны Российской империи. Томсон заставил Мирзу Хусейн-хана аннулировать приказ, данный властям Хорасана о предоставлении помощи русским войскам, и от имени шаха приказал отказывать русским войскам в предоставлении транспортных средств и продовольствия. Однако, когда персидские власти отдали распоряжение об отказе в помощи русским войскам, в этой «помощи» уже не было никакой необходимости, так как сразу же после подписания Берлинского трактата (август 1878 г.) российское правительство отдало приказ остановить дальнейшее продвижение и обосноваться в местности Чат. Томсон по существу продолжал бороться с несуществующим русским наступлением, а персидские власти поддерживали его в этом заблуждении, отдавая распоряжения, на которые он их подбивал, сознавая при этом, что они не могут принести вреда русским войскам. Благодаря такой предупредительности персидско-

го министра российское правительство и его представитель Зиновьев почти не реагировали на заявления Персии и не принимали их в расчет при определении дальнейшей политики в Туркмении.

Очевидность того, что персидские министры обманывают англичан, была ясна не только Зиновьеву, но и другим иностранным представителям в Тегеране, в том числе и английскому капитану Нэпиеру. Как бы ни старался Томсон убедить правительство в успехе осуществления своих замыслов, тем не менее оно имело веские доказательства провала попыток вбить клин в отношения между Россией и Персией и превратить Персию в орудие своей политики в Средней Азии. Это бросилось в глаза всему русскому дипломатическому корпусу в Тегеране на первом же приеме, устроенном шахом по возвращении из путешествия по Европе, предпринятого летом 1878 г. Шах был чрезвычайно любезен с Зиновьевым и во всеуслышание просил его выразить признательность императору за радушный прием, а к Томсону отнесся подчеркнуто холодно и выразил сожаление, что королева не смогла принять его. Он высказал Томсону свое недовольство политикой Англии по отношению к Персии, отметив, что Россия в этом смысле отличается «большой деликатностью», манера же поведения англичан свидетельствует о том, как мало значения Англия придает дружбе с Персией.

Британские представители и раньше допускали возможность двойной игры со стороны Персии, но вряд ли они могли предположить, что персидский монарх позволит себе разговаривать с британским послом в такой манере. Это был явный провал попыток превратить Персию в орудие своей политики. В связи с этим британская дипломатия перенесла центр тяжести своих действий на Афганистан, рассчитывая найти там ключ к Средней Азии и превратить эту страну в основной плацдарм противодействия русской политике в Средней Азии. В Персии англичане столкнулись с мощным барьером – русской дипломатией – преодолеть который оказалось довольно трудно, и им пришлось временно отступить. В Афганистане, официально находившемся вне политики России, Англия могла действовать, не принимая во внимание противодействия русской дипломатии. В этом государстве не было конкуренции с другой европейской державой, и Англия могла не скрывать истинных мотивов своей среднеазиатской политики.

Несмотря на обещания шаха предоставить помощь наступающим русским войскам, Мирза Хусейн-хан в ответ на запросы Зиновьева давал уклончивые ответы. Более того, он уведомлял Томсона о требованиях русского посла и руководствовался его рекомендациями относительно линии действия. Таким образом, вопрос о продовольственных поставках русской армии с персидской территории выходил за рамки обычной коммерческой сделки и в руках английской дипломатии превращался в важное средство ухудшения русско-персидских отношений. Правда, персидский министр был очень осторожен и не хотел окончательно рвать с Россией.

Что касается русского посла, то Зиновьев с момента получения сообщения о готовящейся экспедиции энергично убеждал свое правительство воздержаться от мер, которые могли бы вызвать недовольство или подозрение персидских министров. Прежде всего он рекомендовал тщательно избегать нарушения границ владений шаха там, где его власть не подлежала сомнению. Ему зачастую приходилось разъяснять генералу Лазареву необходимость быть сдержанным во взаимоотношениях с пограничными племенами, особенно там, где персидское правительство могло расценивать действия русского командования как посягательство на его суверенные права. Дело в том, что русские генералы мало считались с вопросами дипломатических отношений и в своих действиях выходили за рамки правил подобных отношений, ссылаясь на интересы успеха военных действий против туркмен. Привлекая йомудские племена к себе на службу, русское командование прибегало к телесным наказаниям туркмен, отказавшихся отправиться на работы¹. Это вызвало антироссийские настроения в Тегеране. Зиновьев писал генералу Лазареву: «Нельзя обвинять правительство шаха в том, что оно неблагоприятно отнеслось к распоряжениям нашим относительно йомудов»². Как бы то ни было, ни поход генерала Лазарева, а затем и поход генерала Ломакина не увенчались успехом. Русские войска потерпели поражение в Туркмении в 1879 г. не по вине персидского правительства, а главным образом из-за бездарности русского командования, допустившего грубые промахи, и несогласованности его действий. Сказалась и вовлеченность английских агентов.

Консул Черчилль, находясь в Астрабаде, руководил туркменскими племенами, располагавшимися между Гурганом и Аттреком через своего агента Мулла Килича. Он указывал ему основное направление действий, наиболее уязвимые места русских войск и, по-видимому, сам разрабатывал планы атак туркменских всадников на русских. Мулла Килич большую часть времени проводил среди туркменских шейхов, совершая вместе с ними рейды на расположения российских войск, и возвращался в Астрабад лишь для доклада о происходящих событиях и получения инструкций. В ноябре 1879 г. он вернулся от Нурберды-хана и сообщил, что текинцы вскоре будут атаковать русских.

В самом начале 1880 года, как и говорил Консул Черчилль, в Даш Берды к русскому лагерю вышли внушительные силы ахал-текинцев, которыми командовал Нурберды-хан³. Путь между Чатом и Чикишляром был перерезан. Захватили огромный караван с продуктами, который направлялся к отряду русских в Чате. Черчилль сообщает лорду Солсбери

¹ 1879 г., июня 23. Донесение управляющего консульством в Астрабаде Посланнику в Тегеран // АВПРИ. Ф. Главный архив. 1879. Д. 27. Л. 298–299.

² 1879 г., июня 23. Донесение управляющего консульством в Астрабаде Посланнику в Тегеран // АВПРИ. Ф. Главный архив. 1879. Д. 27. 1879 г. июля 7. Зиновьев – Лазареву. Л. 316.

³ Хан Ахал-Теке.

об атаке открытого лагеря в Чикишляре и предлагает эффективное с его точки зрения средство: английский консул высказывает также совет Томсону убедить персидское правительство прекратить вывоз риса и хлебных продуктов (из Мазендерана, Решта), одновременно запретить их ввоз на указанные территории из внутренних районах. Подобные меры, как думалось, поднимут цены на продовольствие в Астрабаде. Среди влиятельных правителей, которые принимали участие в вылазке против русских, Черчилль приводит следующие имена: Нурберды-хан, Худо Берды Бай, Софи-хан, Аваз Мурад Сирдар, Курбан Мурад Ишан, Ораз Мамед-хан, Кари Оу Беги, Аваз Дурды-хаи, Мулла Турх Ахунд¹.

В ноябре 1880 г. 11 текинских шейхов обратились к британскому послу в Тегеране, требуя обещанной помощи, заявляя, что «они впутались в борьбу с Россией в надежде на английскую помощь»². Сам Нурберды-хан посылал некоего Исмаила Эффенди в Индию к вице-королю с посланием к английской королеве, в котором содержалась просьба взять туркмен под свою протекцию. Этот факт свидетельствует о том, что и Нурберды-хан надеялся на помощь Англии.

Туркмены, их основная масса, на самом деле не понимали, почему они обязаны помогать англичанам, и вообще, кто такие англичане. Все представители европейской нации в их восприятии были русскими. Собственно русских они именовали как «сарык рус» (т. е. желтый русский), англичан – «кара рус» (черный русский)³. При первом появлении О'Донована в Мерве на народном собрании (меджлис) туркменские старшины попросили его объяснить, что представляет из себя его страна, где она находится⁴. Перед майором О'Донованом тогда, в 1880 году, были поставлены следующие задачи: 1) организовать антирусскую кампанию; 2) сделать из Мервского оазиса отдельное карликовое государство: ввести самостоятельное управление и побудить население обратиться к Англии с просьбой о принятии Мерва в английское подданство. Последнее позволило бы Великобритании вмешиваться в дела Закаспия. То есть Мерв для английского королевства был важным политическим фактором.

В случае возникновения самостоятельного Мервского государства (причем неважно – в качестве независимого княжества либо под протекторатом Персии или Афганистана) создавались препятствия соединению Закаспийской области с Туркестаном, и вообще политическому и административному устройству Закаспия. Это, как видела Великобритания, надол-

¹ История Туркменской ССР / М. Е. Массон (глав. ред.). Т. 1. Кн. 2. Ашхабад: Изд-во Акад. Наук Туркм. ССР, 1957. С. 235.

² Присоединение Туркмении к России (сборник архивных документов). Ашхабад: Изд-во Акад. Наук Туркм. ССР, 1960. С. 200.

³ Присоединение Туркмении к России (сборник архивных документов). Ашхабад: Изд-во Акад. Наук Туркм. ССР, 1960. С. 22.

⁴ Хидоятов Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60–70-х гг.). Ташкент: Изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1969. С. 391.

го могло ослабить положение России в Средней Азии. С помощью О'Донована был проведен своеобразный военный переворот. В результате во главе администрации Мерва оказалась наиболее воинствующая группа во главе с Баба-ханом и Аман Нияз-ханом. Не последнюю роль в перевороте сыграл местный фанатизм. Пришедшая к власти мервская верхушка собрала всех представителей знати и представила О'Донована – посланца британского правительства. В своем выступлении О'Донован заявил, что туркменам Мерва не стоит бояться русских. Ведь Российская империя обещала Великобритании не наступать дальше Ашхабада, как и Англия России – не продвигаться далее Кандагара. Осторожно был высказан совет отправить петицию на имя британского падишаха с просьбой принять туркмен в английское подданство. О'Донован уверял: в результате мервские туркмены получают значимую помощь от британского правительства (оружием, денежными средствами, отправлением в Мерв солдат). На общем меджлисе 15 мая 1881 г. Баба-хан торжественно заявил о принятии населением Мерва британского подданства и о его готовности следовать инструкциям и приказам британского правительства.

Позиция же Персии не могла повлиять на ход действий российских военных операций, хотя в какой-то мере и усложнила положение русских войск после поражения, понесенного при Геок-Тепе. Следует отметить, что наступательное движение России в Средней Азии не прекратилось, а наоборот, учитывая свои предыдущие ошибки, развернулось с еще большей силой.

Заинтересованное в укреплении любой ценой в регионе, британское правительство мало интересовало чаяния Ирана, а тем более туркмен. В то же время приходится признать, что у англичан на самом деле отсутствовали реальные возможности помочь мервским туркменам в борьбе против русских, в первую очередь из-за отсутствия непосредственного контакта с туркменами. Ведь приемлемый путь к ним шел через Гератскую долину. Герат же, вплоть до октября 1881 года, принадлежал Айюб-хану¹, который находился в состоянии войны с Великобританией. Русское правительство, со своей стороны, заявило, причем авторитетно, о неминуемом продвижении своих отрядов к Мерву в случае наступления английских войск на Герат.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы: ради использования туркмен в собственных целях правительство Великобритании привлекало к себе на службу представителей туркменской знати (родовую аристократию, состоятельную прослойку). С их помощью оно пыталось реализовать свои политические замыслы, превращая периодически туркменский народ в мишень для дальнобойных ружей русских солдат.

Важную роль в англо-русском противостоянии последней трети XIX века играл миф о «русской угрозе» Индии. В объяснениях наступательного движения русских в Центральной Азии англичане постоянно

¹ Эмир Афганистана в марте – мае 1880, правитель Герата в 1880–1881 гг.

ссылались на то, что Россия хотела завоевать Индию. Однако русскими не было организовано ни одной сложной операции в направлении Индии. В целом миф о «русской угрозе» Индии маскировал наступательную политику британского правительства в Центральной Азии и в то же время являлся мощным средством формирования негативного общественного мнения по отношению к России.

В стремлении достичь намеченных целей британская дипломатия использовала огромный арсенал всевозможных средств: внедряла своих агентов на территории англо-русского соперничества, проводила переговоры, платила эмирам различного рода денежные субсидии, подкупала правителей ханств и государств, применяла дипломатические нажимы с предъявлением ультиматумов и прямых угроз.

Таким образом, приоритеты внешней политики России в XIX веке постепенно утвердились в Азии, где она столкнулась не столько с более или менее мощными державами Среднего Востока, сколько с сильным соперником (Великобританией). Оказавшись в состоянии дипломатического соперничества, страны не раз балансировали на грани военного конфликта, продолжая расширять собственные (или зависимые) территории и делить Средний Восток на сферы влияния.

Список источников и литературы

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Главный архив. 1879. Д. 27. Л. 316.
2. АВПРИ. Ф. Главный архив. 1879. Д. 27. Л. 298–299.
3. История Туркменской ССР / М. Е. Массон (глав. ред.). Т. 1. Кн. 2. Ашхабад: Изд-во Акад. Наук Туркм. ССР, 1957. 495 с.
4. Присоединение Туркмении к России: (Сборник архивных документов) / Под ред. А. Ильясова. Ашхабад: Изд-во Акад. наук Туркм. ССР, 1960. 823 с.
5. Хидоятов Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60–70-х гг.). Ташкент: Изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1969. 456 с.

Н. Р. Гезалова

(Институт Истории НАНА, Баку)

АНГЛО-РОССИЙСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ И ПЛАНЫ НАДИР ШАХА АФШАРА ПО СОЗДАНИЮ ВОЕННО- МОРСКОГО ФЛОТА НА КАСПИЙСКОМ МОРЕ

Аннотация: К середине XVIII века на Южном Кавказе столкнулись британские и российские интересы с привлечением одного из ключевых геополитических участников региона – государства Афшаров. Эта встреча оказалась предвестником целого ряда более поздних эпизодов, происходивших по похожей схеме и вошедших в историю XIX века под названием Большой игры. Характерной особенностью британской политики в отношениях с Россией было разделение ее на два различных направления: а) преимущественно дружественные отношения Британии с российской монархией в вопросах европейской политики; б) британская экономи-

ческая экспансия в Азии, направленная в том числе против укрепления позиций российской торговли.

Вся российская имперская политика была направлена на сохранение своих господствующих позиций на Каспии, поэтому она не могла допустить создание соседним государством военно-морского флота на Каспии, прекрасно понимая, что сильный Каспийский флот государства Афшаров представляет реальную угрозу завоеваниям России в регионе. Попытки Надир шаха создать военно-морской флот на Каспийском море потерпели неудачу, столкнувшись главным образом с сильным противодействием Российской империи.

Ключевые слова: Каспийское море, Надир шах Афшар, британские торговые агенты, кораблестроение, российское правительство.

Упадок Сефевидского государства и возвышение Надир шаха Афшара

В начале 20-х гг. XVIII в. кризис Сефевидского государства завершился его крахом. Воспользовавшись ситуацией, Россия (прикаспийский поход Петра I 1722–1723 гг.) и Османская империя (в ходе военных действий 1723–1726 гг.) захватили часть Сефевидских территорий. Узкая прикаспийская полоса попала под власть России, остальная часть юго-восточного Кавказа (в том числе большая часть провинции Азербайджан), а также Западный Иран – под власть Османской империи. Полная неспособность выродившейся монархии Сефевидов к эффективному противодействию внешней угрозе привела к капитуляции шахского двора перед афганским предводителем Мир Махмудом, а сефевидский шах Султан Хусейн (1694–1722) вынужден был уступить власть афганцам¹.

Однако расчеты на безропотное подчинение ослабевшего Сефевидского государства внешней силе оказались глубоко ошибочными. Помимо того, ни договор России с Сефевидским государством, ни договор России с Турцией не были признаны шахом Тахмасибом II², местное население захваченных территорий также отказывалось подчиняться. Тяжелые последствия афганской, турецкой и русской оккупации способствовали подъему освободительной борьбы против захватчиков под руководством талантливого полководца Надира из рода Афшаров³.

Освободив в 1729 г. Исфаган от афганцев, Надир восстановил власть Сефевидов в Исфагане в лице шаха Тахмасиба. С возрождением и укреплением Сефевидского государства оно, естественно, сделало попытку вернуть владения бывшей Сефевидской державы. Сразу после вступления в Исфаган, Надир потребовал от Османской и Российской империй возвращения всех земель, ранее принадлежавших Сефевидам. Россия, дей-

¹ Avery P. Nadir Shah and Afsharid legacy. P. 15.

² Сын шаха Султана Хусейна – Тахмасиб, бежавший из Исфагана в сопровождении восьмисот каджаров еще в июне, в ноябре 1722 г. объявил себя шахом Тахмасибом II.

³ Тюркское происхождение племени афшаров подтверждает множество источников, в том числе и Кашгари «Афшары это одна из ветвей Тюркских Огузов. Огузы это Тюркоманы, состоящие из 22 ветвей». (Kashgarli Mahmud. Divanu Lugat-it-Turk, translated by Besim Altay, V. I. P. 55–56) и Али Акбар Дехода «Афшары это одна из знатных тюркских племен». (Ali Akbar Dehoda, Lugatname. P. 3112) и многие другие источники.

ствуя гибко, стала проводить политику уступок Надиру. Царское правительство решило, вернуть все новозавоеванные прикаспийские провинции. Вместе с тем России не хотелось, чтобы Османская империя путем заключения мирного договора с Сефевидским государством вышла из так называемых персидских дел, опасаясь объединения этих государств. Кроме того, нецелесообразно было ценою больших людских и материальных потерь удерживать дальше прикаспийские провинции, не имея конкретных перспектив, при надвигающейся войне с Османской империей. Кроме того, Россия не имела достаточных сил для успешной борьбы одновременно с обоими государствами. Согласно заключенным Рештским (январь 1732 г.) и Гянджинским договорам (март 1735 г.), Россия уступала шаху все завоевания Петра в этом регионе, следуя основному принципу своей восточной политики, «не допустить укрепления в этом регионе Турции»¹, поэтому вопрос о передаче земель Шаху вызывал меньше беспокойства. Так, британский резидент в Петербурге К. Рондо в своем сообщении доносил: «...Ея Величество, чего бы это ей ни стоило, никогда не даст туркам укрепиться на Каспийском море»². За проявление Россией «доброй воли» Надир обещал быть союзником России и без её ведома не вести мирные переговоры с Османской империей. Несмотря на старания России, Надир уже после начала русско-турецкой войны (1735–1739) вступил в односторонние переговоры о мире с Османской империей.

Укрепив свою власть и влияние в стране, Надир в марте 1736 года на курултае в Мугане, низложив Сефевидскую династию, провозгласил себя Шахом. После отстранения от власти малолетнего шаха Аббаса III³ (он был убит позднее сыном Надира шаха⁴), Надир (пр. 1736–1747) провозгласил себя шахом или *Вали-Неймат*.

Англо-русские взаимоотношения в регионе

В первой половине XVIII в. британский торговый капитал проникал в Сефевидское государство по двум направлениям – через Астрахань Каспийским морем и через Персидский залив. Для европейцев наиболее важной и прибыльной была эта транзитная торговля. Об этом свидетельствуют постоянные ходатайства их торгово-политических кругов перед русским государством о предоставлении им права доступа через Астрахань в прикаспийские районы Азербайджана и Ирана. Британия прилагала немалые усилия с целью заключения выгодного для себя договора. Однако, как замечает Ханвей, «После завоевания Петром Великим прибрежных районов Дагестана и Ширвана и оккупации Гиляна, он попытался стимулировать торговлю и промышленность в своих новых владениях, пригласив англи-

¹ Sykes P. A history of Persia, vol. II. P. 96; Lockhart L. The fall of the Safavi dynasty. P. 188.

² СИРИО. Т. 91. С. 427.

³ Воспользовавшись неудачными военными действиями шаха против Османской империи, Надир в августе 1732 г. сверг шаха Тахмасиба II с престола и провозгласил шахом его сына – малолетнего Аббаса III.

⁴ Lockhart, 1938. P. 104.

чан для возобновления их прежней торговли с Персией через Россию»¹.

В результате политического сближения Британии и России в конце 20-х г. XVIII в. ей удалось добиться у России больших торговых привилегий, которые были юридически оформлены англо-русским договором 1734 г. Торговый трактат 1734 г.² был подписан не сразу, следовали многочисленные обсуждения и дополнения. В условиях XVIII века, как и в отношении современной эпохи, трудно отделить международные торговые контакты от международных отношений. Россия нуждалась в крепком союзнике, а Великобритания никаких союзнических обязательств брать на себя не стремилась. Задержки в заключение договора объяснялись именно желанием России связать Великобританию союзническими условиями оборонительного характера. Важное место в договоре занимала восьмая статья, согласно которой британские купцы получили право торговать с Ираном транзитом через территорию Русского государства с уплатой 3 % пошлины с оценочной суммы товаров³. Как отмечает британский исследователь Хорн, это была «наиболее жаждаемая привилегия»⁴.

В 1737 г. англичане учредили в Гиляне свою торговую факторию: они имели свободное вхождение для себя во все порты Каспийского моря и ведение торговли в северо-восточных провинциях Ирана, а также торговлю с Центральной Азией и другими странами через Иран. Вскоре и в Хорасане была основана английская фактория⁵. Таким образом, используя приобретенные льготы, англичане установили свои торговые фактории в прикаспийских областях. Следует отметить, что в течение 6 лет после подписания договора Британия не могла реализовать данные ей привилегии⁶ и

¹ Hanway J. An historical account of the British trade... Vol. I. P. 13.

² Англичане получили по договору право наибольшего благоприятствования, значительные таможенные льготы при ввозе своего основного товара – сукна – и разрешение на транзитную торговлю с Ираном.

³ Curzon G. N. Persia and Persian question. Vol. II. P. 541.

⁴ Hom D. B. Great Britain and Europe in XVIII century. P. 209.

⁵ Сидорова В. П. Товарооборот между Ираном и Великобританией в 30–40-е гг. 18 века // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2011. № 3. С. 184.

⁶ По мнению В. Сидоровой, причиной, почему Великобритания только с 1741 г. стала регулярно вести транзитную торговлю с государством Афшаров, было то, что британские купцы долго ждали издания Парламентского акта, который бы отменял Навигационный акт 1660 г. относительно транспортировки товаров из порта в порт, т. е. товары необходимо было доставлять прямым путем из места их произрастания в Великобританию, транзит же товаров из Афшарского государства через Россию противоречил этому положению. Кроме того, конкурентами Русской компании были британские же компании Левантийская и Ост-Индская, которые распоряжались торговлей с Ближним Востоком и, в частности, транзитом шелка через турецкие владения. Для этих компаний в свое время было сделано исключение, и на них не распространялся запрет Навигационного акта. Такую же уступку от британского парламента требовала и Русская компания. Несмотря на сильное сопротивление Левантийской и Ост-Индской компаний, не желавших появления конкурента в торговле

лишь с 1741 г. стала вести транзитную торговлю¹. Л. Локкарт отмечает, что Русская компания до 1739 г. неактивно интересовалась Ираном², то есть транзитная торговля начинается уже после этого.

После подписания договора Русская компания отправила в государство Афшаров с разведывательной целью своих агентов Д. Эльтона и М. Грема. Ознакомившись с местной торговлей, англичане пришли к выводу, что торговля в бассейне Каспийского моря сулит большие выгоды³. Маркхам отмечает что, «самым значительным событием в правление Надир шаха была попытка некоторых английских купцов установить торговлю с Персией через Россию и Каспийское море»⁴.

В то же время дипломатические отношения России с европейскими странами в 40-х годах XVIII в. разворачивались в направлении дальнейшего сближения с Великобританией и укрепления союза с Австрией. 3 апреля 1741 г. в Петербурге был подписан сроком на 20 лет русско-английский союзный договор. Договаривающиеся стороны обязались оказать военную помощь друг другу в случае нападения на одну из них. Русско-британский союз не вступал в силу только в случае войны России с Османской империей, государством Афшаров или крымскими татарами. Отдельной статьей договора срок действия торгового трактата 1734 г. был продлен на 20 лет. В связи с дворцовым переворотом 25 ноября 1741 г., возведшим на престол Елизавету Петровну, русско-британский договор 1741 г. не был подтвержден новым правительством России. Между тем угроза прусских агрессивных планов возрастала. Россия и Британия считали необходимым обуздать честолюбивые замыслы Фридриха II. Поэтому британское правительство пошло на возобновление союза с Россией. В 1742 г. русско-британские переговоры о союзе возобновились и 11 декабря 1742 г. был подписан Московский союзный договор России и Великобритании. Он воспроизводил условия Петербургского договора 1741 г. с той только разницей, что союзный договор 1742 г., как и продленный им торговый трактат 1734 г., заключался сроком на 15 лет. Союзом с Британией Россия хотела еще больше укрепить свое международное положение⁵.

Взаимоотношения Великобритании с государством Афшаров

Взаимоотношения государства Великобритании с государством Афшаров, необходимо рассматривать в первую очередь в контексте актив-

шелком из этого региона, в 1741 г. Парламент издал акт, разрешавший Русской компании перевозить шелк из России на британских кораблях. Вероятно, решающую роль в данном случае сыграли следующие обстоятельства: транзит шелка через Россию, по подсчетам, был значительно дешевле, чем через турецкие владения. (Сидорова В. П. Товарооборот между Ираном и Великобританией в 30–40-е гг. 18 века. С. 185).

¹ Юхт А. И. Торговые компании в России в середине XVIII в. С. 142.

² Lockhart L. Nadir Shah. P. 282.

³ Велиева Л. И. Новые данные о поисках англичан на Каспии во второй четверти XVIII в. по сообщениям русских консулов. С. 80–81.

⁴ Markham C. R. A general sketch of the History of Persia. P. 307.

⁵ История внешней политики России. Т. 2. С. 92.

ной военно-политической деятельности НаDIR шаха, в частности его попыток создать военно-морской флот на Каспии. Как известно, Каспийское море являлось транзитной артерией, связывающей Европу не только с государством Афшаров, а также с Индией. В целом следует отметить, что причины, привлекающие Великобританию и Россию в бассейне Каспийского моря, были связаны в первую очередь с морскими гаванями, оживленной международной торговлей в городах, рынками сбыта, богатством источников сырья и выгодным стратегическим положением, которыми владел Азербайджан¹.

В 1740 г. британский торговый агент Джон Эльтон получил у старшего сына НаDIR шаха – Рза Гули Мирзы жалованную грамоту для купцов Русской компании. Согласно этой грамоте:

- правитель принимал британских купцов, приехавших в Иран из России, под свое милостивое покровительство;
- британские купцы имели право выгружать свои товары в любом порту Каспийского моря и вывозить их оттуда на все рынки его владений для продажи, платя обычные, но отнюдь не высокие пошлины;
- торговля разрешалась англичанам и вне их торговых помещений, контор и складов, причем афшарские власти не могли им препятствовать под тем предлогом, будто продаваемые товары не подверглись таможенному досмотру.

В грамоте 1740 г. отмечалось, что во избежание порчи товаров таможенные чиновники не могли вскрывать принадлежащие англичанам товарные места, а должны были довольствоваться показаниями хозяев о содержании мест. Шах мог брать у купцов товары, необходимые для его личного потребления, но при условии уплаты обычной цены и наличными деньгами. Если товары не находили спроса у шаха, тогда купцы имели право вывозить их из Ирана, нанимать, покупать и строить дома в Реште и других местах, нанимать или покупать суда для перевозки своих товаров и иметь приказчиков, хотя бы из христиан. Всем местным властям вменялось в обязанность относиться к англичанам уважительно, защищать их от притеснений, а их судебные дела решать без промедления и пристрастия².

Отметим, что после издания грамоты 1740 г. британцы стали активно пользоваться правом транзитной торговли с Ираном через территорию России: в 1742–1745 гг. они вывезли в Европу свыше 5 тыс. пудов шелка-сырца. В переписке британских дипломатических деятелей начала 40-х гг. XVIII в. читаем следующее: «Наши купцы получили очень приятное известие от своих агентов по торговле с Персией. Они теперь проживают в городе Реште, провинции Гиляни, в милях пяти от Каспийского моря, и по отчетам, ими сообщенным, эта новая торговля обещает стать чрезвычайно

¹ Велиева Л. И. К вопросу о причинах проникновения... С. 50.

² Сидорова В. П. Товарооборот между Ираном и Великобританией... С. 184–185.

выгодной для подданных его величества»¹.

Британская торговая экспансия в этом регионе преследовала далеко идущие цели, в том числе монополизировать торговлю шелком, а для осуществления своих планов Британии, в первую очередь, необходимо было иметь свой флот на Каспии. Несомненно, Британия была заинтересована в торговле в этом регионе, и, понимая политические преимущества усиления своего влияния в этом регионе, конечно, стремилась к этому. Британские агенты рассчитывали получить выгоды от строительства военно-морского флота на Каспии, правильно расценив, что, так как население не имеет опыта военного кораблестроения, обслуживание флота фактически будет находиться в руках построивших его англичан². В то же время Надир шах прекрасно осознавая значение Каспийского флота, преследовал далеко идущие цели в военно-политическом и экономическом аспектах, главным образом направленные на укрепление своей власти в регионе.

В этот период флот на Каспийском море имела только Россия: так, стремясь укрепиться в этом регионе, Петр I построил довольно сильный флот на Каспии. На момент кончины Петра I Россия имела около 100 судов на Каспийском море³. Как указывает С. Ашурбейли: «Царское правительство предпринимало все меры для запрещения развития местного судоходства»⁴. В частности, Россия запрещала ввоз в регион определенных видов продукции, к которым относились оружие, порох, свинец, сера, селитра и прочее, что принадлежало к военной амуниции, также корабельный лес и судовые припасы, драгоценные металлы⁵. Такая политика российского правительства была направлена на то, чтобы помешать государству Афшаров строить оборонительные сооружения, корабли, вооружать войска, изготавливать средства производства. Российское правительство исходило из того, что в противном случае это могло нанести ущерб экономическим, а главным образом военно-политическим интересам России.

В интересах России было не допустить, чтобы «другая держава, чья бы то ни была, на Каспийском море утвердилась»⁶. Российское правительство прекрасно понимало, что сильный Каспийский флот представляет реальную угрозу завоеваниям России в регионе. На это указывает и

¹ СИРИО. Т. 91. № 110. С. 460.

² Юхт А. И. Торговые компании в России... С. 253.

³ Главнейшим типом судов были в то время корабли 2- или 3-дечные (40–100 пушек), фрегаты (до 30 пушек), пинки, гекботы, гукары (вроде корвета), шнявы (бриги, с 18 орудиями). Галерный (весельный) флот состоял из галер (до 130 длины) и скампавей (меньшего размера галера, с 1 пушкой большого калибра на носу и несколькими мелкими) и других мелких судов. (подробнее см.: Гезалова Н. Р. Попытки Надир Шаха Афшара по созданию военно-морского флота на Каспийском море. С. 183–194).

⁴ Ашурбейли С. История города Баку (период средневековья)... С. 311.

⁵ Юхт А. И. Торговые компании в России в середине XVIII в... С. 238.

⁶ Атаев Х. А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII–XIX вв., М.: Наука, 1991. С. 53.

Д. Эльтон: «Персидский флот мог бы российскому оружию препятствие приключить в случае какого-либо будущего покушения против северных персидских провинций по берегу Каспийского моря лежащих»¹.

Д. Эльтон предложил свои услуги Надир шаху, который был заинтересован в создании каспийского флота². Цели Надира в создании собственного флота на Каспии были следующие: 1) препятствовать постоянным нападениям Туркоманских пиратов на восточные берега его империи; 2) наказать и подчинить непокорных горцев на западном берегу; 3) прибрать в свои руки монополию на торговлю с Астраханью; 4) установить афшарскую власть над как можно большей частью прибрежной зоны³.

Кроме необходимости создания флота для обеспечения войск продовольствием в ходе военных действий против горцев, следует также учитывать тот факт, что Надир шах был недоволен торговой монополией России на Каспийском море⁴ и стремился разделить торговлю и власть на Каспии⁵.

Принимая во внимание выше перечисленное, можно обобщить, что главной целью Надир шаха было добиться именно военного превосходства на Каспии. Обладая талантом великого полководца, Надир шах отлично понимал, что доминирование на Каспийском море имеет важное стратегическое значение. Создав каспийский флот, он, во-первых, обезопасил бы свои северные границы, во-вторых, обеспечил бы надежные поставки продовольствия своим войскам в случае начала военных действий в этом регионе, в частности в случае вторжения российских войск. Стремление к экономическим выгодам, на наш взгляд, занимало Надир шаха в последнюю очередь. Главным мотивом Надир шаха было ослабить военные позиции России в регионе.

Таким образом, Надир шах был одним из первых восточных правителей, осознавшим всю необходимость иметь свой военно-морской флот⁶. Как указывает Л. Локкарт, трудно определить, когда Надир впервые задумал строительство флота на Каспии, но несомненно, что он не предпринимал попыток в этом направлении до тех пор, пока он не начал строительство флота в Персидском заливе (в 1742 г.)⁷. Следует учитывать, что необходимость создания своего флота на Каспии стала перед Надиром еще во время осады Гянджи в 1734 г.⁸, то есть значительно раньше строительства судов в Персидском заливе. В это время Надир шах остро нуждался в обеспечении поставок продоволь-

¹ Юнусова Л. И. Торговая экспансия Англии в бассейне Каспия... С. 77.

² СИРИО. Т. 102. С. 407–410.

³ Curzon G. N. Persia and Persian question. Vol. II. P. 391.

⁴ Avery P. Nadir Shah and Afsharid legacy. The Cambridge history of Iran. Vol. VII. P. 60.

⁵ Sykes P. A history of Persia. Vol. II. London, 1921. P. 272.

⁶ Bausani A. The Persians from the earliest days... P. 160.

⁷ Lockhart L. Nadir Shah... P. 289.

⁸ Floor W. The Iranian Navy in the Gulf during... P. 53.

ствия для своих войск, и вынужден был обращаться за помощью к российскому командованию в Дербенте. Последующее развитие событий отвлекло внимание Надира, но из того факта, что он назначил Мухаммеда Хусейн Хана *гапотан-баши*¹, или адмиралом Каспийского моря в начале 1738 г., мы можем заключить, что Надир прекрасно осознавал необходимость и выгодность иметь свой флот на Каспии. То есть Надир имел ясные представления о своих морских нуждах на Каспии значительно раньше принятия им решения построить свой флот в Персидском Заливе в 1742 г., и, следовательно, значительно раньше прибытия Д. Эльтона.

Кроме того, Надир шах, испытывая большие трудности с доставкой продовольствия при подавлении восстаний в Дагестане (1741–1745), еще раз убеждается в необходимости иметь свой флот на Каспии. Так, обеспечение столь огромной армии в ходе его военных кампаний в этом регионе, состоящей большей частью из лесов и горных скал, представляло большую сложность. Из соседней провинции Ширвана доставлялось недостаточно продовольствия из-за частых опустошений, которым она подверглась. Единственным выходом была доставка продовольствия морем². Несколько судов, которыми Надир шах имел в своем распоряжении, были небольшими и примитивной конструкции и строения³. Как отмечалось, до приобретения своих собственных кораблей Надир шах почти полностью был зависим от российских судов в транспортировке морем продовольствия⁴, на чем российские купцы зарабатывали огромные деньги.

В 1741 г. Надир шах обратился к российскому резиденту в ставке И. П. Калушкину⁵, чтобы он договорился о найме десяти русских судов. Часть этих судов предназначалась для использования в операциях против дагестанских повстанцев, а другая часть – для транспортировки продовольствия из Астрахани. Но Калушкин, передавая эту просьбу, предупредил свое правительство о том, что, если Надир шах получит эти корабли, он никогда их не вернет, так как он мечтает иметь свой собственный флот. Вследствие предостережений Калушкина, российское правительство отказалось выполнить просьбу Надира шаха⁶.

¹ Очевидно, здесь речь идет о Мухаммеде Хусейн Хане Гырглу, которого Надир Шах впоследствии в 1743 г. назначил на должность Сардара Гармистра (Lockhart L. Nadir Shah... P. 218).

² Lockhart L. Nadir Shah... P. 204.

³ Суда, которыми владели местные власти, были построены по большей части российскими перебежчиками. Джон Белл, который посетил этот регион на четверть века раньше, замечал, что «...Судоходство на Каспии принадлежит исключительно русским, персы и другие жители не имели ничего кроме рыболовных лодок». (Bell John P. Travels From St. Petersburg In Russia To Diverse Parts Of Asia. P. 47).

⁴ Как указывает Бутков, российское правительство позволяло только купцам русской национальности посылать продовольствие к афшарским портам на Каспии. (Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. С. 212, 510).

⁵ Российский посол во дворе Надира Шаха Афшара.

⁶ Lockhart L. Nadir Shah... P. 204.

Однако Надир шах не отказался от своего плана, и вскоре ему удалось создать ядро своего каспийского флота с помощью, как уже отмечалось, британского торгового агента Д. Эльтона. Летом 1742 г. англичане предложили Надир шаху свои суда для переброски продовольствия с юга на север по Каспийскому морю, чем Надир шах и воспользовался¹. Как указывает Л. Локкарт: «Когда груз судна, состоящий из английских товаров, был разгружен в Энзели для размещения в Персии, судно перешло на службу персидского правительства и два раза использовалось для перевозки риса в Дербент в 1742 году. Используя это британское судно [арендованное у российских властей. – Н. Г.] для транспортировки риса из Персии, Надир смог, в какой-то степени прорвать монополистическое кольцо, созданное русскими торговцами для транспортировки морем продовольствия для его войск в Дагестане»².

Первоначальная судостроительная верфь была заложена в Лангеруде³. Построив верфь в Лангеруде, куда сгонялись на судостроительные работы сотни крестьян из окрестных деревень и привозили лес из Гиляна и железо из Мазендарана, англичане сделали судостроение делом вполне реальным и поставили его на широкую ногу⁴. В 1743 г. Д. Эльтон официально перешел на службу к шаху: «шах произвел его в адмиралы и назначил ему жалование в 6000 руб. Обер-адмиралом стал Бакинский градоначальник Мирза Мухаммед хан»⁵.

К этому времени завершалось строительство двух фрегатов и четырех небольших кораблей, в то время как другие суда еще строились⁶. Как отмечает С. Б. Ашурбейли, «бакинский хан, по-видимому, был заинтересован иметь свои суда для перевозки товаров морским путем вместо дорогостоящей транспортировки груза на русских судах»⁷. За неполные три года (1743–1745) англичане построили несколько маленьких судов и два больших корабля (один на 20, второй на 25 пушек); последний из которых к 1745 г. был готов к спуску превосходил любое русское судно, плавающее на Каспии. В то время также

¹ Юнусова Л. И. Торговая экспансия Англии в бассейне Каспия... С. 66.

² Lockhart L. Nadir Shah... P. 205.

³ По-видимому, одной из главных причин этого стало то, что, как указывает Л. Юнусова, «на Апшероне не было леса и, располагая всего двумя судами первоначально, англичанам, естественно, легче было перевозить судостроительные материалы в близ расположенный Лангеруд, нежели в Баку... Со временем... стало возможным заложить и новую судостроительную верфь в Баку... Возможно, назначение Бакинского хана начальником судостроения также преследовало эту цель» (Юнусова Л. И. Торговая экспансия Англии в бассейне Каспия... С. 100–101).

⁴ Юнусова Л. И. Торговая экспансия Англии в бассейне Каспия... С. 100.

⁵ Подтверждения этого мы находим также и у Кука «правитель города Баку, который был адмиралом». (Cook J. Voyages and travels through the Russian Empire, Tartary and Part of Kingdom of Persia. Edinburgh, 1770. P. 380)

⁶ Вопросы истории Азербайджана XVIII в. (на основе сведений англоязычных источников и историографии). Москва, 2010. С. 187.

⁷ Ашурбейли С. История города Баку (период средневековья)... С. 311

было заложено еще четыре больших корабля¹. По донесению консула И. Бакунина от 30 сентября 1746 г., на судостроительную верфь было прислано вновь набранных 300 человек плотников и столяров, «способных к корабельному строению, да толико еже число матросов, которые на тамошних судах к морскому хождению уже приобвыкли». Из Гянджи присылали в Лангеруд кузнецов, слесарей и «медного дела мастеров для деления якорей и для пушечного литья». В Лангеруде было приказано отлить 140 медных пушек, по образцу, отлитому Д. Эльтоном².

В российских архивах можно найти подробные описания этих судов: «Марта 8 числа прибыло к Зинзилямь одно персидское судно под флагом гюйсом и вымпелом, а вымпел оть штока синий с желтым съ угла в уголь; хвосты, один синий, другой желтый, длиною оное судно по килю 30 фунт, одна мачта, оснастка бытовая, на котором как такелаж так и канат из шкуры, якорей два четверорогие, пушек не иметься, командир на нем англичанин Якобь Бритсенъ, который де и прежде сего на большом корабле в Дербенть был, персиянь 5 человек. А прибыло оное к Зинзилямь для взятия и отвоза шаховых курьеров в Баку. А по справке которую над портомъ съ прежде присланными прошлого 1747 от него Рагозео из Дербента рапортом, показаны флаг синий, въ середине желтый лев и над ним солнечные лучи желтые же, гюйсь синий съ желтым полосатымъ съ угла на угол, чего ради во известие адмиралтейской коллегии и доноситься»³.

Важно отметить, что Д. Эльтон строил для Надир шаха военный флот, ввозя для этого вооружение и строя военные фрегаты⁴. Таким образом, сильный, хорошо вооруженный флот на Каспии представлял бы реальную угрозу русскому флоту и в целом позициям России на Каспии.

Как только стали поступать сведения о судостроительной деятельности Эльтона, российское правительство заявило протест против такой деятельности британскому и афшарскому правительствам (в 1743 г.). Для расследования сложившейся ситуации от Русской компании в каспийский регион был отправлен Дж. Ханвей (1743–1744), который поддержал начинания своего соотечественника и защищал его перед российскими властями и британской дипломатией. В то же время представители компании, несомненно, заинтересованные в поддержке британского судостроения на Каспии, убеждали правительство Елизаветы Петровны о «личной инициативе» Эльтона⁵. Со временем недовольство российского правительства, в особенности после завершения строительства Эльтоном первого крупного военного судна для Надира, в январе 1745 г. росло. Закономерным результатом стало аннулирование Россией статьи 8 договора 1734 г., в результате британские купцы лишились права транзитной торговли с государством

¹ Markham C. R. A general sketch of the History of Persia... P. 311.

² Юнусова Л. И. Торговая экспансия Англии в бассейне Каспия... С. 120.

³ РГВМА. Материалы для Истории русского Флота. Часть X. С. 1.

⁴ Юнусова Л. И. Торговая экспансия Англии в бассейне Каспия... С. 75.

⁵ СРЮ. Т. 102. С. 410–414.

Афшаров через Каспий¹.

Развитие англо-афшарской торговли оказало определенное влияние на ход русско-английских отношений. Англичане, понимая значимость навигации на Каспийском море, прилагали все усилия, чтобы иметь свои собственные суда для торговли на Каспии. Учитывая временное ослабление позиций России в этом регионе, после возвращения ею прикаспийских провинций российское и местное купечество не могло конкурировать с англичанами, имевшими «значительное преимущество в продаже товаров своей собственной страны и достаточно денег для покупки шелка-сырца даже в больших количествах, чем его собирали»². В деле заключения договора 1734 года Россия руководствовалась как внешнеполитическими интересами (укреплением своих позиций в Европе, возможностью оборонительного союза с сильной державой), так и фискальными интересами (поступлением в казну пошлинных сборов с иностранных товаров). Как уже отмечалось, российское правительство решительно выступило против планов Надир шаха по строительству флота на Каспийском море, а также действий агента Русской компании Д. Эльтона. В этой связи кажется сомнительным, что у британских купцов изначально были намерения вооружить государство Афшаров и столкнуть его с Россией, через территорию которой осуществлялся транзит. Более вероятным кажется простое положение самих британских купцов в государстве Афшаров, когда им приходилось постоянно лавировать между русско-иранскими противоречиями, но удовлетворить интересы обеих сторон не удавалось. Как точно заметил Ханвей, «...если мы не сможем перевозить наши товары через Российскую империю с позволения этого государства, то не может быть транспортировка вообще»³.

В ноябре 1746 г. императрица издала указ, полностью запрещающий британскую торговлю на Каспии⁴. В Петербурге решили немедленно воспользоваться возникшим в Иране беспорядком, чтобы избавиться от каспийского флота. Коллегия иностранных дел приняла постановление об «истреблении» начатого Эльтоном судостроения и об удалении из Гиляна «заводчика сего корабельного строения». Два крупных фрегата были сожжены в следующем году русскими моряками⁵. Весной 1751 г. во время происходивших в Гиляне беспорядков (после смерти Надир шаха в 1747 г.) Д. Эльтона убили⁶, а верфь и мелкие суда были уничтожены. Согласно Куку, когда посольство, в которое он входил, прибыло в Астрахань в 1747 г. «мне сообщили, что британской торговле положен полный конец»⁷. С

¹ Perry J. P. Karim Khan Zand (1747–1779). P. 249–250.

² Reading D. K. The Anglo-Russian Commercial Treaty of 1734... P. 250.

³ Hanway J. An historical account of the British trade over the Caspian Sea... P. 39.

⁴ Curzon G. N. Persia and Persian question. Vol. II. P. 543.

⁵ Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII века. С. 67.

⁶ Lockhart L. Nadir Shah... P. 290.

⁷ Cook J. Voyages and travels through the Russian Empire, Tartary and Part of Kingdom of Persia... P. 524.

1749–1779 гг. Британия была полностью отстранена от каспийской торговли через Россию, но занимала главенствующее положение в Персидском Заливе¹. Причиной прекращения британской торговли в бассейне Каспия следует считать недовольство русского правительства попытками Надир шаха по созданию собственного флота на Каспии и поддержкой, оказанной ему Д. Эльтоном. Таким образом, активной политики Британии в регионе препятствовала в первую очередь Россия, вся политика которой на протяжении XVIII в. была направлена на недопущение утверждения здесь влияния европейских стран. Такая политика российской империи была направлена на сохранение своих господствующих позиций на Каспии².

Безусловно, Россия решительно стремилась не допустить, чтобы какое-то другое государство имело флот на Каспии. Однако помимо нежелания России допускать участия Британии в каспийской торговле были и другие причины, прежде всего, значительная удаленность этого региона от Британии, что препятствовало ей активно влиять на события в этом регионе. Уже к концу XVIII в. Россия и Британия, став самыми могущественными государствами, начали вести борьбу за политическое и торговое превосходство в регионе.

Заключение

В результате стремление Надир шаха установить свое военно-морское господство на Каспийском море завершилось провалом. При хорошем руководстве это судостроительное начало могло быть продолжено, если бы не внутренние беспорядки и противодействие Российской империи. Подобного масштаба мероприятия, а именно строительство практически с нуля военно-морского флота на Каспии, требовали в первую очередь централизованного руководства. В связи с этим хотелось бы привести слова российского консула И. Бакунина: «Познав все преимущества флота, персы продолжают его строительство и после смерти Надир шаха. И когда персияне из этого флота себе и государственной безопасности пользу извлекут и тогда пусть и Надир шах не будет, а охота флот содержать у них останется, ибо и сейчас у них уже только якорей не хватает и то, их у себя скоро делать начнут»³.

Подводя итоги, отметим, что основным мотивом Надир шаха в создании Каспийского флота было стремление превратить свое государство в морскую державу, чего требовали военно-политические реалии XVIII в. Вся российская имперская политика была направлена на сохранение своих господствующих позиций на Каспии, поэтому она не могла допустить создание соседним государством военно-морского флота на Каспии, прекрасно понимая, что сильный Каспийский флот государства Афшаров представляет реальную угрозу завоеваниям России в регионе. Попытки Надир шаха создать военно-морской флот на Каспийском море потерпели

¹ Perry J. P. Karim Khan Zand... P. 246.

² Curzon G. N. Persia and Persian question... Vol. II. P. 544.

³ Юнусова Л. И. Торговая экспансия Англии в бассейне Каспия... С. 111.

неудачу, столкнувшись главным образом с сильным противодействием Российской империи.

Список источников и литературы

1. Атаев Х. А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII–XIX вв. М.: Наука, 1991, 391 с.
2. Ашурбейли С. Б. История города Баку (период средневековья). Баку: Элм, 1992. 402 с.
3. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг., В 3-х ч. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1869. ч. 1. 548 с.
4. Велиева Л. И. К вопросу о причинах проникновения английского торгового капитала в Азербайджане в первой половине XVIII в. // Известия АН АзССР, Серия: история, философия и право, 1991, № 1. С. 43–52.
5. Велиева Л. И. Новые данные о поисках англичан на Каспии во второй четверти XVIII в. по сообщениям русских консулов // Доклады, АН АзССР, 1981. Т. 37. № 6. С. 80–84.
6. Гезалова Н. Р. Вопросы истории Азербайджана XVIII в. (на основе сведений англоязычных источников и историографии). М.: Ирис Групп, 2010. 244 с.
7. Гезалова Н. Р. Попытки Надир Шаха Афшара по созданию военноморского флота на Каспийском море // Известия Азербайджанского Государственного Педагогического Университета. № 3. 2006. С. 1837–194.
8. История внешней политики России. Том второй. XVIII век. (От Северной войны до войн России против Наполеона). М.: Международные отношения, 1998. 304 с.
9. Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII века. М.: Наука. 1966. 325 с.
10. Российском Государственном Архив Военно-Морского Флота [РГАВМФ]. Материалы для Истории русского Флота, часть X, СПб.: Типография Морского министерства в Главном Адмиралтействе, 1883. 758 с.
11. Сборник Императорского Русского Исторического Общества, [СРИО]. Т. 91: Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе, за 1741 год: Сообщения из английского государственного архива Министерства Иностранных Дел: Ч. 10. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1894. 531 с.
12. Сборник Императорского Русского Исторического Общества, [СРИО]. Т. 102: Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе: Сообщ. из англ. гос. архива М-ва иностр. дел: Ч. 12. 1744– 1745 г. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1898. 532 с.
13. Сидорова В. П. Товарооборот между Ираном и Великобританией в 30–40-е гг. 18 века // Вестник МГОУ, Серия «История и политические науки», № 3, 2011. С. 183–188.
14. Сотавов Н. А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М.: Наука, 1991. 224 с.
15. Юнусова Л. И. Торговая экспансия Англии в бассейне Каспия. Баку: Элм, 1988. 158 с.
16. Юхт А. И. Торговые компании в России в середине XVIII в. // Исторические Записки. М.: Издательство Академии Наук ССР, 1984. Том 111. С. 238–295.
17. Ali Akbar Dehoda, Lugatname, Tehran: [no ed.], 1947. 3112 p. (علی اکبر دحدودا. لغو غتنامه. تهران، 1947.

18. Avery P. Nadir Shah and Afsharid legacy. The Cambridge history of Iran: From Nadir Shah to the Islamic Republic. Vol. VII. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 3–62.
19. Bausani A. The Persians from the earliest days to the twentieth century. London: Elek Books, 1971. 204 p.
20. Bell John P. Travels From St. Petersburg In Russia To Diverse Parts Of Asia: Containing A Journey to Spahan in Persia, in the years 1715, 1716, 1717, and 1718. London: Printer for The Author By Foulis, 1763. 357 p.
21. Cook J. Voyages and travels through the Russian Empire, Tartary and Part of Kingdom of Persia. Vol. II. Edinburgh: Printed for the author, 1770. 646 p.
22. Curson G. N. Persia and the Persian question, London, New York, Longmans, Green & co. V. I-II, 1892. 707 p.
23. Floor W. The Iranian Navy in the Gulf during the eighteenth century // Iranian Studies, Published in the USA. Vol. XX, № 1, 1987. P. 31–53.
24. Floor W. The rise and fall of Nader Shah, Dutch east India company reports, 1730–1747. Washington: Mage Publishers, 2009. 292 p.
25. Fraser J. B. The history of Nadir Shah, formerly called Thamas Kuli Khan, the present Emperor of Persia. London: Published by A. Millar. 1742. 234 p.
26. Hanway J. An historical account of the British trade over the Caspian Sea: with the author's journal of Travels from England through Russia into Persia and back through Russia, Germany and Holland. London: Printed for T. Osborne, D. Brown, C. Hitch and L. Hawes, A. Millar, J. Whiston and B. White, H. Woodfall, J. Rivington, W. Johnston: T. Longman, and R. and J. Dodsley, Vol. I, 1762. MDCCLXII.
27. Horn D. B. Great Britain and Europe in XVIII century. Oxford: Clarendon Press, 1967. 411 p.
28. Kashgarli Mahmud. Divanu Luġat-it-Turk, translated by Besim Altay, c. I. Ankara: Türk Dil Kurumu, 1939. 530 s.
29. Krusinski J. T. The chronicles of Travellers: or a history of Afghan wars with Persia, in the beginning of last century, being translation “Tarekh-i Seeah” from the Latin of J. C. Clodius. London: J. Ridgway. 1840. 208 p.
30. Lockhart L. Nadir Shah. A critical study based mainly upon contemporary sources. London: Luzac & Co, 1938. 344 p.
31. Lockhart L. The fall of the Safavi dynasty and the afghan occupation of Persia. Cambridge: Cambridge University Press, 1958. 583 p.
32. Markham C. R. A general sketch of the History of Persia. London: Longman's Green and Co., 1874. 633 p.
33. Perry J. P. Karim Khan Zand (1747–1779). Chicago and London: University of Chicago Press, 1979. 340 p.
34. Reading D. K. The Anglo-Russian Commercial Treaty of 1734. London: H. Milford, Oxford University Press, 1938. 337 p.
35. Sykes P. A history of Persia. Vol. II (in two volumes). London: Macmillan & co. ltd. 1921. 595 p.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ИРАНО-СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (XVIII–XIX ВВ.)

Аннотация: Одним из особенностей взаимоотношения Ирана и Средней Азии в XVIII–XIX вв. является конфессиональное противостояние между последователями суннизма и шиизма. Политические разногласия, выразившиеся в конфессиональной нетерпимости и религиозном радикализме, разделили некогда единый регион на два государства, каждое из которых в дальнейшем развивалось. Правители и духовенство в обоих государствах подвергались жестокому гонениям последователей суннизма и шиизма. Кроме религиозно-конфессиональных противоречий между сторонами имели место территориальные и пограничные проблемы. Набеги бухарских и хивинских ханств на территории Ирана под предлогом священной войны, или джихада, сопровождалась разрушением и разграблением мирного населения и массовым пленением хорасанцев и последующей их продажей в Бухаре и других городах Средней Азии. Несмотря на существование религиозной нетерпимости, между народами Ирана и Средней Азии никогда не прекращались дипломатические и торгово-экономические отношения.

Ключевые слова: Иран, Средняя Азия, Бухара, Хива, сунниты, шииты, Россия, Англия.

Влияние религии и духовных традиций на общественно-политическую мысль народов Центральной Азии – одна из наиболее характерных особенностей позднего средневековья. Без учета религиозного фактора политическая деятельность была невозможна, и в той или иной степени религия влияла на различные общественные течения. Одним из важных моментов в истории Центральной Азии являются религиозные диспуты и конфликты, изучение которых имеет огромное значение. Суннито-шиитское противостояние имеет тысячелетнюю историю. В последние годы отношение Ирана с некоторыми среднеазиатскими странами бывшего Советского Союза ухудшалось из-за проблем, связанных с конфессиональными вопросами исламских группировок, в том числе запрещенной в Таджикистане Исламской партии возрождения. С целью поиска путей урегулирования таких конфликтов и во избежание повторения трагических событий прошлых столетий необходимо глубоко изучить истоки, сущность и особенности развития суннито-шиитских взаимоотношений, что также обуславливает несомненную актуальность темы данного исследования.

Изучение суннито-шиитских взаимоотношений в истории мусульманских стран представляется актуальным и на современном этапе, поскольку события, происходившие на Ближнем и Среднем Востоке в последние десятилетия, имеют исторические корни и предпосылки. Активизация шиитов в последнее десятилетие стала причиной изменения в геополитике региона Ближнего Востока.

При написании данной статьи нами были использованы письменные первоисточники. Мы рассматриваем основные персидские письмен-

ные источники, как известные, так и ранее не привлекавшиеся для изучения религиозно-политической истории Ирана и Мавераннахра XVIII–XIX вв. Из них 4 источника – «Тарих-и Мукимхани» («Муким-ханская история») Мухаммадусуфа Мунши, «Тарих-и Аламарайи Надири» («Мирукрашающая Надирова история») Мухаммад Казима Марви, «Мунтахабу-т-таварих» («Избранное из истории») Мухаммадхаким Маъсумхана, «Таърихи амирони мангития» (История мангитской династии) Ахмада Даниша – избранны нами как наиболее ценные. Ценные сведения по изучаемой нами теме содержится в мемуарах английских и русских путешественников.

Как известно, религиозный конфликт – один из разновидностей социального конфликта, где все его структурные составляющие (объект, стороны, мотивы, интересы, цели и ценности) имеют религиозную основу. В основе ирано-среднеазиатского конфликта, который происходил внутри одной религии, стояла нетерпимость к инакомыслию. Столетиями между сторонниками двух течений происходили диспуты, которые впоследствии приобрели форму идеологической и политической конкуренции. В X–XI веках сунниты-Аббасиды и шииты-Фатимиды боролись за гегемонию в мусульманском мире. Распад Фатимидского халифата на долгое время оставил шиитов без опеки и поддержки. Монгольское завоевание, которое положило конец существованию суннитского халифата, стало для шиитов спасением. После столетних притеснений на основе конфессиональной принадлежности шииты получили от монголов свободу вероисповедания. Не случайно, что именно на развалинах монгольской империи возникают первые шиитские государственные образования в Иране: государство Сербедаров (1336–1381) в Хорасане и государство Сеййидов (1360–1392) в Мазендеране.

Одной из особенностей взаимоотношения Ирана и Средней Азии после утверждения шиизма в Иране (XVI в.) становится конфессиональное противостояние между последователями суннизма и шиизма. Все последующие века регион являлся полем боя для межконфессиональных войн. Политические разногласия, выразившиеся в конфессиональной нетерпимости и религиозном радикализме, разделили некогда единый регион на несколько государств, каждое из которых в дальнейшем развивалось.

Исследователь М. С. Иванов считал, что шиизм еще до утверждения в Иране был широко распространен, и в условиях общественно-политического развития Ирана это течение служило весьма серьезным средством объединения страны¹. Однако, став государственной религией в Иране, шиизм утратил свой прежний статус идеологии народных масс и превратился в опору феодализма. Основатель Сефевидского государства Шах Исмаил в 1502 году, объявив шиизм имамитского толка государственной религией, обособлял тем самым Иран от других мусульманских

¹ Иванов М. С. Очерки истории Ирана. М.: Госполитиздат, 1952. С. 62.

стран, где господствовали сунниты. Сунниты, не желавшие принять шиизма и введенную шахом Исмаилом I формулу проклятия первых трех халифов – Абубекра, Омара и Османа, ненавистных шиитам, подвергались кровавым гонениям¹.

Параллельно в Средней Азии утвердилась династия Шейбанидов. Между соседями не было мира. Политическим замыслом была придана религиозная окраска: Шейбаниды в своих владениях боролись с шиизмом, а Сефевиды были воинствующими шиитами.

В исторических источниках сообщается о переписке между основателями двух противоборствующих династий Сефевидов и Шайбанидов. Так, историк Кази Ахмад ибн Мунши (XVI в.) отмечает, что Исмаил Сафави написал письмо Мухаммаду Шайбанихану. Главы государства наряду с политическими вопросами затрагивали и религиозные темы. Мухаммад Шайбанихан, в частности, упрекает Исмаила Сафави за возвеличивание шиизма и порицание суннизма и призывает его отказаться от «мерзкой шиитской ереси»². Известен также в истории тот факт, что после гибели правителя Мавераннахра Мухаммада Шайбанихана в 1510 году от руки Исмаила Сафави, последний помог тимуриду Бабуру отвоевать Самарканд в 1511 году. По приказу Бабура в Самарканде была прочитана хутба пятничной молитвы с упоминанием шиитских имамов. Именно шиитские настроения Бабура привели к тому, что в течение небольшого времени население Мавераннахра отвернулось от него³. Следует сказать, что сведения Мухаммада Юсуфа Мунши о причастности Бабура к шиизму подтверждают и другие авторы.

В некоторых сочинениях, в частности в Манакиб (Жизнеописание), составленном на персидском языке на территории Индии в XVI веке, содержится письмо, написанное учеными Мавераннахра жителям священного Мешхеде. Судя по тексту, причиной составления этого письма послужило насильственное насаждение шиизма среди жителей деревень и городов Хорасана⁴. Письмо духовенства Мавераннахра не было оставлено без внимания. В ответном письме также содержатся резкие слова. Обе стороны оскорбляют религиозные чувства и обвиняют друг друга в следовании ложной религии. Переписка между улемами продолжалась на протяжении несколько десятилетий. Однако это стало причиной еще большего ухудшения взаимоотношений между двумя государствами.

¹ Browne Ed. G. A Literary History of Persia (4 volumes). Bethesda, MD: Ilex Publishers, 1997. P. 53–54.

² Кази Ахмад ибн Шарафаддин Хусайни Куми. Хуласату-т-таварих. Подг. к печати и пред. И. Ишраки. Тегеран: Изд. Тегеранского университета, 1980. С. 102.

³ Мухаммад Юсуф Мунши. Муким-ханская история. Перев. с тадж., предисловие примеч. и указ. А. А. Семенова. Ташкент: Изд-во Акад. наук УзССР, 1956. 303 с. С. 54.

⁴ Мухтаров А. Отношение духовенства Мавераннахра к утверждению шиизма официальной религией Ирана // Proceedings of the second European conference of Iranian studies. Roma: RLES, 1995. С. 485–495.

Некоторые последователи суннизма бежали в Турцию из Мавераннахра, так как их сопротивление было жестоко подавлено. По словам И. П. Петрушевского, большая часть горожан и многие суннитские факихи спасли свою жизнь принятием шиизма¹. На всем протяжении XVI века противоборство Ирана и среднеазиатских правителей не прекращалось. По сведению Мунши, в 1589 году Абдулмумин-хан совершил поход в Хорасан и после долгой осады захватил священный для шиитов город Мешхед и извлек из могилы, находившейся в гробнице имама Ризы, кости сефевидского шаха Тахмаспа, сжег и развеял их по ветру. В Муким-ханской истории содержится письмо Абдулмумин-хана к Мураду (1574–1595) османскому султану, который в борьбе между Шайбанидами и Сефевидами был на стороне одноверцев-суннитов. 1529 году шейбанид Убайдуллахан во время завоевания Герата убил известного персидского поэта Хилали за то, что тот исповедовал шиизм.

Следует подчеркнуть, что в течение более столетия (1514–1639) также борьба между Османской империей и Сефевидами протекала под знаком религиозной борьбы между суннитами и шиитами. В обоих враждовавших феодальных государствах – Османском и Кизылбашском – правящая верхушка была чужда национальной идеологии².

Приход к власти новой династии Аштарханидов в Мавераннахре не стал поводом для улучшения ирано-среднеазиатских отношений. По сведениям источников, Сефевиды, узнав о смене власти Средней Азии, совершили поход и завоевали Хорасан. Однако скоро в государстве Аштарханидов образовалось два политических центра: Бухара, где сидел хан, и Балх, где правили наследники бухарского правителя. В период правления Надирмухаммада аштарханида в целях поддержания мира и дружеских отношений такой важный город, как Балх был отдан Сефевидам. Историк Мухаммадусуф Мунши отмечает, что для выдворения иранцев аштарханиды заключили мир с индийским правителем Аврангзебом (1658–1707). «Те опытные воины, свирепые, как львы, направились против той неверующей банды, взяли крепость Балха и Мургаб, которая считалась одной из сильных крепостей Хорасана, и сделали еретиков мишенью своих стрел и кормом своих шашек, имущество их разграбили, а детей пленили»³.

Начало XVIII века для Ирана считается эпохой раздробленности. Именно политика жестокого угнетения и ограбления народов и притеснения населения на конфессиональной основе вызвала ряд восстаний. Насажение ислама шиитского толка на государственном уровне привело к росту нетерпимости в отношении мусульман-суннитов, евреев и христиан. Шах также при-

¹ Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII–XV веках. (Курс лекций). Л.: издательство Ленинградского университета, 1966.. С. 373.

² Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX вв. Л.: издательство Ленинградского университета, 1949. С. 72.

³ Мухаммад Юсуф Мунши. Муким-ханская история. С. 148.

нял постановление о принудительном обращении в ислам последователей зороастризма. Подняли восстание суннитские племена курдов и белуджей. Самым крупным было восстание афганских суннитов во главе Мир Махмуда. Последний представитель Сефевидов Шах Султан Хусейн (1694–1722) – правитель бездарный и слабавольный, полностью находился под влиянием шиитских богословов. Именно по их внушению шах начал гонение на суннитов, которых было еще много на территории Ирана. Русский посол Артемий Волынский о последнем сефевидском шахе писал, что такого дурачка даже среди простоародья редко «можно сыскать, не токмо из коронованных». Вместо того, чтобы укреплять оборону столицы, Султан Хусейн выступил навстречу повстанцам¹.

В 1722 году предводитель афганцев правитель Кандагара Мир Махмуд захватил столицы Сефевидов и провозгласил себя шахом Ирана. Падение власти Сефевидов привело к активизации внешней политики двух ярых соперников Ирана – Османской империи и Аштарханиды. В это же время начинается активизация российских войск на южном направлении. Царский отпрыск Сефевидов Тахмасп заключил с Россией договор, согласно которому Петр I обещал ему помощь в борьбе с афганцами. Тахмасп признал Дербент и Баку русскими владениями и уступил России Гилян, Мазандеран и Астерабад. Но русские войска заняли лишь Гилян. Это привело к резкому обострению русско-турецких отношений. В результате в июне 1724 года между Россией и Османской империей был заключен договор, согласно которому османский правитель признал за Россией земли, переданные ей по договору 1723 г., а Россия за Османской империи – часть Закавказья и северо-западный Иран. К концу Русско-турецкой войны 1735–1739 область была возвращена Персии с целью организации альянса против Турции.

Политические и экономические противоречия в XVIII–XIX вв. отступают на второй план и уступают место противоречиям религиозным. Кроме религиозно-конфессиональных противоречий между сторонами имели место и территориальные и пограничные проблемы. Истинная причина постоянной борьбы между Ираном и среднеазиатским ханам заключалась в территориальных претензиях друг к другу. Яблоком раздора был Хорасан, который со своими городам Герат, Нишапур, Балх и другими лежал на международных торговых перекрестках.

Насильственные методы внедрения шиизма в Иране обостряли ранее существовавшие противоречия. Паломники-сунниты вынуждены были, минуя территорию Ирана, отправиться в Аравию через Индию или же Северный Кавказ, Крым, восточные или западные берега Черного моря. Такая дальняя дорога была опасна, не только таила много неожиданностей,

¹ Зевакин Е. С. Азербайджан в начале XVIII в. // Труды Общества по обследованию и изучению Азербайджана. № 8. Вып. 4. Баку: О-во обслед. и изуч. Азербайджана., 1929. С. 16.

но и требовала крупных расходов и в несколько раз большего времени, чем путь через Иран.

К середине XIX в. Иран и Средняя Азия находились в сложном социально-экономическом положении. Несмотря на существование религиозной нетерпимости между народами Ирана и Средней Азии, дипломатические и торгово-экономические отношения никогда не прекращались. Однако межгосударственные отношения изучаемого периода характеризуются сложившимися политическими изменениями в структуре династийного правления в Иране и Средней Азии. Османская империя в ирано-среднеазиатских конфликтах была на стороне суннитов. В ирано-турецких противоборствах в XVIII веке перевес был на стороне османов. Однако в сложных и судьбоносных моментах в истории Ирана появился талантливый полководец Надир-шах Афшар, который с успехом воевал против афганцев, туркменов и узбекских ханств Средней Азии. К 1737 г. политическое объединение Иранского государства Надир-шахом было закончено.

Надир-шах, став властелином Ирана, по мнению автора «Аламарае Надири», перед делегатами большого курултая поставил ряд условий. Одним из ключевых было то, что шиизм имамитского толка должен быть заменен государственным исповеданием компромиссного характера — джафаридом, которое бы объединило бы и шиитов и суннитов¹. План соединения суннитов и шиитов для Надир-шаха имел политическое значение. Он хотел привлечь на свою сторону суннитскую знать, а также нанести удар влиянию шиитского духовенства.

Провозглашенная Надир-шахом уния шиитов и суннитов существовала только на бумаге. Предложение о соединении шиизма и суннизма в одну государственную религию вызвало недовольство главы племен и шиитского духовенства. Оно не было признано и Османской империей и в ханствах Мавераннахра. В 1740 году Надир-шах завоевал Среднюю Азию и включил в состав своей империи. Правителем Мавераннахра он назначил Абулфайз-хана, хотя реальным правителем являлся ставленник Надир-шаха Хаким-бий аталики, основатель Мангытской династии. Бухара обрела статус вассального государства. Причиной отстранения Абулфайзхана аштарханида историки считают донесение одного из послов Надир-шаха о том, что якобы Абулфайз-хан назвал Надир-шаха рафидитом². (У суннитов название «рафидиты» несёт негативный смысл).

Важным моментом в ирано-среднеазиатских взаимоотношениях было карательная экспедиция Надир-шаха в сторону Хорезма, чтобы освободить иранцев, попавших в плен в ходе грабительских походов Хивинского хана. Под предлогом джихада хивинские ханы неоднократно совершали набеги на иранскую территорию. Как писал иранский дипломат и

¹ Мухаммад Казим Марви. Аламара-и Надири. Подг. к печати Мухаммад Амин Рияхи. Т. III. Тегеран: Амири Кабир, 1985. С. 978–988.

² Шабани Риза. Краткая история Ирана в период Афшаридов и Зандия. Тегеран: Сухан, 1998. С. 531.

историк Риза Кули-хан, он «иногда водил войска против Серахса и Мерва, а иной раз он приказывал туркменам произвести набег на районы Хорасана». В свою очередь, иранские войска порой вторгались на территорию Средней Азии, преимущественно на туркменские земли, грабили и уводили людей с туркменских кочевий в плен¹.

После гибели Надир-шаха (в 1747 г.) в Иране развернулась кровавая борьба за верховную власть. Исторические источники не дают нам сведения об ирано-среднеазиатских взаимоотношениях в середине и второй половине XVIII века. Известно, что после гибели Надир-шаха до утверждения династии Каджаров (1799 г.) правители Бухары и Хивы нападали на восточные районы Ирана. Ахмад Даниш – основатель просветительского движения – отмечает, что эмир Шах-Мурад (1785–1800) под знаменем благословенного джихада против шиитов несколько раз совершил поход на Хорасан, вследствие чего многие города были разрушены и разграблены². Мангытские эмиры во время своих походов взяли в плен многих работоспособных людей из населения Хорасана и привезли в Бухару. Оживился рынок работоторговли Бухары. Нападения бухарского эмира внешне казались основанными на религии. Однако внутренне они были направлены для совершения грабежа и для того, чтобы занять свое войско войной.

XIX век для Ирана и Средней Азии считается эпохой распада. В этот период Иран стал объектом колониальной экспансии европейских держав. В результате русско-персидских войн XIX в. обширные области Закавказья отошли к Российской империи. Иран подписал невыгодные мирные договоры с Россией, Турцией, Англией и Францией. Тем временем бухарские правители совершали нападения на восточные районы Ирана. Когда будущему бухарскому эмиру Хайдару (1800–1826) было всего 16 лет, он по приказу отца направил 15-тысячную армию на Хорасан. Русский ученый Пошнев, который в начале XIX века жил в Бухаре, отмечает, что, окружив два города Хорасана, Хайдар предложил жителям принять суннитский мазхаб. Население, не имеющее достаточной силы для сопротивления, было вынуждено принять суннитский мазхаб и тем самым спасти свою жизнь.

Сер Джон Малкольм, английский дипломат и историк, отмечает, что религиозный вопрос в ирано-бухарских взаимоотношениях XIX века сыграл значимую роль. Между 1801–1830 гг. Иран был затянут в продолжительные войны с Россией и Османской Турцией. Бухарский эмир Шах-мурад воспользовался создавшейся ситуацией и объявил священный джихад³. Одним из результатов похода было захват пленников, за счет этого

¹ Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука, 1964. С. 25.

² Трактат Ахмада Дониша «История мангытской династии». Перевод, предисловие и примечание И. А. Наджафовой. Душанбе: Маориф, 1967. С. 25.

³ Малкольм Сэр. История Ирана. Джон. История Ирана. Пер. М. Хайрати. Тегеран:

чрезвычайно развилась торговля рабами в Бухаре. Духовенство Бухарского эмирата присвоило Шах-Мураду прозвище *Мавсум* – безгрешный.

В 1813 году эмир Хайдар отправил посольство к иранскому шаху, чтобы наладить отношения двух стран. Причиной ухудшения отношений Ирана и Бухары стало то обстоятельство, что бухарский двор отправил посланника, чтобы спросить у османских улемов фетву, дозволено ли взятие в плен шиитов и их перепродажа. Известно, что хивинские ханы постоянно напали на пограничные районы Ирана и брали у иранцев пленников, чтобы перепродать в Бухару. В конце правления Фатхалишаха (1797–1834) иранцам удалось разбить туркменом и освободить 30 тысяч пленников.

Эмир Насрулла (1826–1860), известный в истории как «мир мясник», для упрочения своих позиций против Коканда и Хивы, с которыми он постоянно находился в состоянии войны, в 1843–1844 гг. на встрече с иранским послом заявляет, что он навсегда останется хорошим другом Ирана¹. Иранскому послу удалось убедить эмира Насруллы освободить более тысячи иранских пленников.

Эмиры Бухары и хивинские ханы, именовавшие себя халифами своих народов, воображали себя великими, мудрыми правителями, рабами божьими, усердными исполнителями религиозных законов, на самом деле были бездарными и неспособными обеспечить благосостояние своего государства и народа. Им покровительствовали реакционные круги из среды духовенства. Бухарские и хивинские правители, которые убивали шиитов-иранцев, поступали также и с суннитами. Александр Борнс пишет, что в 1842 году при завоевании Коканда, жители которых были мусульмане-сунниты, Эмир Насрулла «отдал город войску на грабеж до самого вечера. Воины усердно воспользовались позволением эмира. Они обобрали жителей, обшарили все дома... У мулл и духовенства отобраны были их книги и имущества ...²».

В 1841 году хивинский хан напал на Хорасан и пленил всех служителей мечети Имама Резы. Иранский шах был вынужден обратиться к хивинскому хану с просьбой об освобождении пленных.

К середине XIX в. в межгосударственных отношениях Ирана и среднеазиатских ханств вмешиваются Англия и Россия. Один из ключевых вопросов в истории Ирана названного периода является Гератский вопрос, в котором активно участвовали англичане. С приходом к власти Насиридин-шаха (1848–1896) многие проблемы, касающиеся отношения Ирана с Бухарой и Хивой нашли свое решение. Важным моментом в отношении Ирана и Хивинского ханства было посольство во главе известного иранского дипломата и ученого Ризакули-хана Хидаята в 1851 году. Инициато-

Амир Кабир, 1985. С. 230–242.

¹ Ираншинахт. Фаслнома. Материалы симпозиума ирановедов стран СНГ и Кавказа. Т. 9. Тегеран: Килк, 1989. С. 208.

² Борнс А. Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора в 1831, 1832 и 1833 годах. М.: Университетская типография, 1848–1850. С. 468.

ром данного посольства был знаменитый везир Насириддин-шаха Эмири Кабир. Иран к этому моменту стал более-менее сильным государством. Поэтому иранский посол на встрече с хивинским ханом (Мухаммадаминхан) старался всячески преувеличивать военные и политические преимущества Ирана. Кроме налаживания добрососедских отношений одним из ключевых вопросов встречи была проблема пленников. Стороны не обошлись и без религиозных диспутов и споров. Иранский шах хотел также узнать о российском присутствии в регионе, и во время переговоров речь шла о вытеснении русских из Центральной Азии¹.

Хивинский хан в 1855 году совершил нападение на иранскую землю, но был разбит около Сарахса. В сентябре 1860 года около Мерва между Ираном и Хивой произошла решающая битва. Конница туркмен нанесла поражение иранской армии. По мнению некоторых исследователей, в падении Мерва и поражении иранцев была видна тайная рука колониальных сил, которая вмешивалась во внутренние политические дела региона². В 1882 году на основе соглашения Ахалья с русскими Иран лишился Мерва и его провинций.

Россия и Британия также в своих экспансионистских планах умело использовали религиозную рознь иранцев и среднеазиатских ханств. Англичане были намерены сделать Афганистан страной своей экономической и экспансионистской базы и плацдармом своих агрессивных операций против Бухары, Хивы и Коканда. Чтобы защитить Индию от угрозы и политических проблем, исходящих от туркмен, английское правительство спроектировало союз Мерва с Гератом. План был разработан послом Британии в Иране Рональдом Тампсоном с применением фактора суннитского мазхаба мервских туркмен и гератцев. Другим направлением политики англичан по защите Индии от угрозы своих соперников являлось налаживание отношений с Ираном. Англичане призывали иранцев усилить свое влияние на Мерв, чтобы создать препятствие и барьер между Гератом и Центральной Азией против России. Англичане, замысливая против русских, хотели Герат отдать Ирану и отправить в Иран инструкторов для обучения иранской армии. Однако несогласованность в английском правительстве помешало реализации этого плана.

Междоусобные войны ослабили среднеазиатские ханства и подрывали устои экономики. Во взаимоотношениях Ирана с ханствами Средней Азии ощутимое влияние оказали Англия и Россия. Во второй половине XIX века Иран стал полуколонией Англии, а Средняя Азия была завоевана Россией.

О социально-экономическом и торговом взаимоотношении Ирана и среднеазиатских ханств источники дают очень скудную информацию, не

¹ Маки Хусайн. Биография Мирза Такихана Эмира Кабира. Тегеран: Амири Кабир, 1958. С. 39.

² Хашеми Ракаванди Сейид Эсмаил. Отношение Ирана с ханствами Мавераннахра в XVIII – начале XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2011. С. 103.

позволяющую исследователям осветить этот вопрос. Лейтенант Остиндийской кампании Александр Борнс во время своих путешествий по Инду собрал сведения о торговле и торговых путях Средней Азии. Он, в частности, отмечал, что на развитии экономики и торговли региона пагубно отражались внутренние конфликты ханств. Надо сказать, что религиозная вражда была одним из основных препятствий в социально-экономическом отношении между Ираном и ханствами Средней Азии. Активное участие духовенства в политической и экономической жизни Ирана и укрепление их позиций, которое было враждебно настроено по отношению к суннитам, стало одним из препятствий в торгово-экономическом отношении двух регионов.

Адекватная позиция была и у суннитского духовенства Средней Азии. В начале XX века, точнее в январе 1910 года, не без участия суннитского духовенства Бухары, произошла суннито-шиитская стычка, в результате которой погибли более тысячи суннитов и шиитов. Поводом для столкновения послужили траурные шествия иранцев в месяц мухаррам. Разрешение на проведение такого мероприятия давал кушбеги (везир), который был иранцем. Столкновения произошли и в других городах Средней Азии. Шииты, которые стали жертвами религиозных фанатиков Бухары, пожаловались верховному духовному сану шиитов в Неджефе (в Ираке)¹.

Отсутствие безопасных дорог, что было вызвано религиозной нетерпимостью и фанатизмом, а также существование таких проблем на уровне государств стали причиной того, что в XIX в. из Ирана в Бухару проходили три или четыре каравана в год. Однако англичане и русские могли беспрепятственно совершать торговые сделки и продавать свои товары на территории Ирана и Средней Азии. Александр Борнс писал, что «если голландцы не успеют распродать своего товара в Бушехр, то везут его в Бухару²».

Российские путешественники также заметили, что в Бухаре иранских торговцев было очень мало, так как их путь сюда был полон опасности. И. В. Виткевич отмечает, что «персы, торгующие с Бухарой, предпочитают иметь в Бухаре своих доверенных, по большей части выходцев и Андхоя или из Мерва. Пять или шесть богатых персидских купцов поселились в Бухаре и живут в караван-сараях Кушбеги, обеспечивая себе его покровительство дорогими подарками, которые они делают довольно сто³».

Таким образом, анализ событий XVIII–XIX вв., происходивших между Ираном и среднеазиатскими ханствами показывает, что:

¹ Муллоджонов С. Последние столкновения между суннитами и шиитами в Бухаре // Место и роли ислама в Республике Таджикистан. Отв. ред. Ф. Баротзода. Душанбе: Эргаф, 2018. С. 227–244.

² Борнс А. Путешествию в Бухару. С. 471.

³ Виткевич И. В. Записки о Бухарском ханстве. С. 59.

1. Во взаимоотношениях Ирана с Бухарой и Хивой, начиная с XVI в., после установления шиитской династии Сефевидов, и в последующих веках до начала XX века установилось политическое разногласие, выразившееся в конфессиональной нетерпимости и религиозном радикализме.

2. Набеги бухарских и хивинских ханств на территории Ирана под предлогом священной войны, или джихад, сопровождались разрушением и разграблением мирного населения и массовым пленением хорасанцев и последующей их продажей в Бухаре и других городах Средней Азии.

3. Междоусобицы в государствах Средней Азии, бедность населения, дискриминация, проводимая правителями по отношению к иранским купцам, религиозная рознь, плохое состояние торговых путей мешали развитию внешней торговли между среднеазиатскими ханствами и Ираном.

4. Религиозные войны между Ираном и Средней Азией, продолжавшиеся более 300 лет, в конечном итоге стали причиной господства иноземцев и иноверцев над обоими регионами.

Список источников и литературы

1. Борнс А. Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора в 1831, 1832 и 1833 годах. М.: Университетская типография, 1848–1850. 502 с.

2. Виткевич И. В. Записки о Бухарском ханстве. М.: Наука, 1983. 149 с.

3. Зевакин Е. С. Азербайджан в начале XVIII в. // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. № 8. Вып. 4. Баку: О-во обслед. и изуч. Азербайджана, 1929. 32 с.

4. Иванов М. С. Очерки истории Ирана. М.: Госполитиздат, 1952. 467 с.

5. Иранщинахт. Фаслнома. Материалы симпозиума ирановедов стран СНГ и Кавказа. Т. 9. Тегеран: Килк, 1989. 680 с.

6. Куми, Кази Ахмад ибн Шарафаддин Хусайни. Хуласату-т-таварих. Подг. к печати и предисл. И. Ишраки. Тегеран: Изд. Тегеранского университета, 1980. 234 с.

7. Макки Хусайн. Биография Мирза Такихана Эмира Кабира. Тегеран: Амири Кабир, 1958. 272 с.

8. Малкольм Сэр Джон. История Ирана. Пер. М. Хайрати. Тегеран: Амир Кабир, 1985. 288 с.

9. Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука, 1964. 156 с.

10. Муллоджонов С. Последние столкновения между суннитами и шиитами в Бухаре // Место и роли ислама в Республике Таджикистан. Отв. ред. Ф. Бартозода. Душанбе: Эр-граф, 2018. С. 227–244.

11. Мунши Мухаммад Юсуф. Муким-ханская история. Перев. с тадж., предисловие примеч. и указ. А.А. Семенова. Ташкент: Изд-во Акад. наук УзССР, 1956. 303 с.

12. Мухаммад Казим Марви. Аламара-и Надири. Подг. к печати Мухаммад Амин Рияхи. Т. III. Тегеран: Амири Кабир, 1985. 348 с.

13. Мухтаров А. Отношение духовенства Мавераннахра к утверждению шиизма официальной религией Ирана // Proceedings of the second European conference of Iranian studies. Roma: RLES, 1995. С. 485–495.

14. Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII–XV веках. (Курс лекций). Л.: издательство Ленинградского университета, 1966. 400 с.

15. Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербай-

джане и Армении в XVI – начале XIX вв. Л.: издательство Ленинградского университета, 1949. 182 с.

16. Трактат Ахмада Дониша «История мангытской династии». Перевод, предисловие и примечание И. А. Наджафовой. Душанбе: Маориф, 1967. 142 с.

17. Хашеми Ракаванди Сейид Эсмаил. Отношение Ирана с ханствами Мавераннахра в XVIII – начале XIX века. Дис. ...канд. ист. наук. Душанбе, 2011. 163 с. (на правах рукописи).

18. Шаббани Риза. Краткая история Ирана в период Афшаридов и Зандия. Тегеран: Сухан, 1998. 362 с.

19. Browne Edward Granville. A Literary History of Persia (4 volumes). Bethesda, MD: IbeX Publishers, 1997. 464 с.

Научное издание

**Центральная Азия
на перекрестке
европейских и азиатских
политических интересов:
XVIII–XIX вв.**

Сборник научных трудов
международного семинара

Алма-Ата, 19–23 августа 2019 г.

Научный редактор Д. В. Васильев
Технический редактор Н. В. Кузнецова
Корректор Н. В. Кузнецова
Оформление обложки ПОЧУ ХГК

Подписано в печать 11.11.19. Формат 60x90^{1/16}.

Усл. печ. л. 20,5. Тираж 100 экз.

Заказ № В10.1019.001

Издательство «ОнтоПринт»
105187, Москва, Окружной проезд, д.15
Тел.: (495) 665-28-54
сайт: <https://ontoprint.ru>

Отпечатано на полиграфической базе
ИП Мархотина П. Ю.
СПб., Лермонтовский пр., д.27